

НЕРАЗРЕШИМОЕ ВРЕМЯ

Маргарита
Дорогожицкая

Глава 1. Хризосола. 948 год от Великого Акта

Проснуться от пленительного аромата свежей сдобы — что может быть лучшим началом дня? Только настроение у меня было сквернее некуда, я теперь хронически не высыпалась из-за этого запаха. Мартен с отцом замешивали тесто и пекли свежий хлеб, начиная с четырех часов утра, пекарня процветала, от клиентов отбоя не было, а я тихо зверела и сходила с ума от недосыпа. Хотя можно ли сойти с ума, если уже безумна?..

Сидя перед зеркалом и глядя на свое бледное лицо и круги под глазами, я в который раз пыталась придумать, что делать. Похоже, я откусила слишком большой кусок, чтобы его проглотить. Состояние помчицы Малко, что была признана колдуньей и осуждена на лишение титула и имени, в момент оглашения приговора перешло к ее единственной дочери, Анне Малко. А та составила завещание в мою пользу и приняла яд сразу же после оглашения приговора. Так что я теперь должна вступить в права наследования, вот только состояние оказалось воистину огромным. Не дадут мне так просто его получить.

Я покачала головой своему отражению и принялась яростно расчесывать волосы. Гребень запутался, я дернула что есть силы и взвыла от боли. Со злости смахнув с трюмо все склянки и косметику, я схватила тяжелую вазу с лилиями, чей запах должен был отбить аромат выпечки, и грохнула ее об стену. На шум в комнату вбежал заспанный Антон.

— Хриз, что опять случилось? — вопрос повис в воздухе вместе с тяжелым цветочным запахом.

Я сорвала тяжелые портьеры и широко распахнула окно. Свежий морской воздух ворвался в комнату, дав наконец возможность вздохнуть полной грудью.

Антон потоптался немного, потом сказал:

— Спускайся к завтраку через полчаса. В девять придет поверенный, на десять у тебя назначена встреча с воягом.

Я резко обернулась.

— Какая еще встреча? Что ты несешь?

Антон укоризненно покачал головой и кивнул на пол, где вместе с косметикой валялась несколько писем и записок.

— Ты не прочла вчерашнюю почту? Вояг Хмельницкий вчера послал за тобой посыльного, но ты... Была не в себе, и я отправил ему послание, что ты встретишься с ним завтра. То есть уже сегодня.

Я схватилась за голову.

— Что ему еще нужно?

Я подобрала почту и стала бегло ее просматривать. Пару приглашений на светские приемы, несколько визиток, ничего особенного. А вот письмо от соглядатая в северном краю. Руки задрожали от недоброго предчувствия, его последний ежемесячный отчет был всего неделю назад. Значит, что-то случилось.

Торопливо вскрыв письмо, я пробежала всего три строчки и закусила губу от злости. Соглядатая сообщал, что жена вояга Густава с десятилетним сыном отправились навестить родственником на востоке, их корабль попал в бурю и пошел ко дну. Никто не выжил. Я скомкала письмо и уставилась в пустоту. Сидела так до тех пор, пока Антон, отчаявшись меня дозваться, не пришел и за руку не отвел к завтраку.

Теперь он беспокойно поглядывал на меня, ерзал на стуле, но спрашивать не решался. Я методично нарезала пышный омлет тоненькими полосками и выкладывала из них причудливый узор, добавляя завитки из кружевных ломтиков помидора и раскрашивая картину листиками базилика. Мартен еще не успел узнать, насколько скверный у меня характер, поэтому жизнерадостно поинтересовался:

— Госпожа, в-в-вам не нравится омлет? Или н-н-нет аппетита?

Я оторвала взгляд от тарелки, рука с ножом была крепко сжата.

— Вояг Густав недавно потерял семью, — выговорила я сквозь зубы. — В кораблекрушении. Вот думаю, стоит ему выразить свои соблезнования, как думаешь, Антон?

— Ох, п-п-простите, у вас горе, я не знал, — Мартен стушевался, а Антон сидел и смотрел на меня глазами, полными страха.

— Лидия, ты ведь не собиралась? Это же не ты?...

Тарелка с омлетом пролетела над головой мальчика, попав в стену, он лишь слегка вздрогнул, но глаз от меня не отвел. Я же смотрела на Мартена.

— У меня действительно горе, Мартен. Потому что они должны были погибнуть от моей руки, а не по прихоти Единого.

Антон шумно выдохнул воздух и сказал:

— Я принесу тебе новую тарелку. Поешь наконец.

На встречу с воягом я опоздала. Поверенный, самый лучший в городе законник, оказался дотошным и ушлым старикашкой, я подумала немного и посулила ему ровно треть наследства, если он успешно доведет дело. Пришлось заново составлять договор и обсуждать детали, но оно того стоило. Даже две трети состояния помчицы Малко мне с лихвой хватит на задуманное, вот только теперь Густава нелегко будет достать.

Аудиенция была назначена в муниципальной больнице, каменной уродливой громадине на окраине города. Интересно, почему вояг выбрал такое странное место для встречи? Голова плохо соображала, и я больше всего боялась, что приступ, когда смешиваются все чувства, накатит на меня прямо там, а отвратительных эмоций в больнице хватало с лихвой. Оконфузиться перед воягом мне не хотелось, поэтому, уже шагнув по парадной лестнице и взявшись за тяжелую ручку двери, я заколебалась. Может, пусть его, скажусь нездоровой, пришло воягу свои извинения? Но с другой стороны, пренебрегать покровительством вояга Хмельницкого еще не время и не место.

Вояг ждал меня в кабинете управителя больницы, вместе с хозяином комнаты, а напротив них сидел инквизитор. Именно он, собственной персоной. Едва войдя в кабинет, я тут же узнала красавчика, сердце выбилось из ритма, затылок занял тупой болью. Мысли лихорадочно заметались: если вояг позвал на встречу инквизитора, значит, что-то случилось.

— Простите мое опоздание, ваша светлость, — я изо всех сил быть любезной, хотя больше всего мне хотелось поколотить кого-нибудь. — Дела наследования, знаете ли, такие скучные и отнимают столько времени... — Я развела руки в притворном огорчении.

Красавчик обернулся ко мне и тут же подхватился с места, заливаясь румянцем в полщеки.

— Что она здесь делает? — его голос дрожал от негодования.

— Господин инквизитор, я тоже рада вас видеть, — я улыбнулась ему со всем

возможным очарованием и подмигнула. — Так давно вас не видела... Отчего не заглядываете к нам на обед? Вам не понравилось угощение в последний раз?..

Красавчик стиснул зубы и шумно отставил в сторону кресло.

— Простите, ваша светлость, я и так долго прождал. Объяснитесь, наконец, зачем меня позвали, у меня много дел!

Вояг Хмельницкий, статный и видный мужчина, с необычными прозрачно-зелеными глазами на изрезанном морщинами лице, успокаивающе кивнул инквизитору и произнес:

— Присаживайтесь. Я просил вас обоих о встрече потому, что мне нужна ваша помощь в одном щекотливом деле. Вчера вечером арестовали моего верного соратника и преданного вельможу, помчика Прошицкого. Его застали окровавленным рядом с трупом молодой девушки, зверски убитой. Он был не в себе...

Вояг замолчал на несколько секунд, потом продолжил с тяжелым вздохом:

— К сожалению, капитан Лунтико напрямую обратился в городской совет и получил разрешение на арест помчика. Я прошу вас оказать мне услугу и взяться за это дело.

Инквизитор очень резко ответил:

— Святая Церковь, а тем более Инквизиция, не вмешивается в светские дела, даже если это криминальное расследование. Поэтому...

— А я с удовольствием вмешаюсь в дела светские. Но вы, господин инквизитор, безусловно можете идти, — прервала я красавчика, вольготно откинувшись в неудобном низком кресле. — Только хотелось бы уточнить, ваша светлость...

Инквизитор не заставил себя долго упрашивать, сверкнул глазами и отправился к выходу.

— Ваша светлость желает, чтобы я расследовала дело и нашла убийцу, или чтобы освободила помчика?

Инквизитор замер, вцепившись в дверную ручку. Я довольно улыбнулась — этот праведник так предсказуем...

— Прошу вас, господин инквизитор, останьтесь! — вояг поднялся и покосился в сторону управителя, словно ища у него поддержки. — Я ведь не просто так вас позвал. Вы хорошо себя показали на процессе с колдуньей, и если есть хоть малейшая возможность того, что в деле замешано колдовство, то только вы сможете... Сможете узнать это.

Красавчик медленно отступил от двери, обернулся и сел обратно. Его лицо теперь было бледным, кулаки сжаты.

— Что заставило вас заговорить о колдовстве?

Вояг неуверенно покачал головой. Вместо него ответил управитель больницы, господин Скоридж, лысый и худой, с маленькими умными глазами за роговой оправой.

— Помчик Прошицкий был явно не в себе, когда его арестовали, так что меня позвали освидетельствовать и его, и труп девушки. Так вот... Он все кричал, что мертвая девушка танцевала. С ним танцевала, понимаете? Глаза у него были совершенно безумные, но я уверен, что он говорил правду. Или то, что считал правдой...

— Вот как, — протянула я, опустив взгляд и разглаживая складку платья у себя на колене. — Я все равно думаю, что не стоит занимать господина инквизитора, у него наверняка есть более важные дела. Я и сама могу справиться. Но все-таки, ваша светлость, проясните, что вы хотите в результате: найти виновного или освободить вашего человека? От этого будет зависеть...

— Довольно! — красавчик прервал меня, брезгливо покосившись в мою сторону. —

Если в деле будет обнаружено колдовство, то им займется Святая Инквизиция. И кем бы ни оказался виновный, он будет покаран. Невзирая на титулы и связи.

Вояг медленно кивнул, переводя испытующий взгляд с меня на инквизитора.

— Да, пожалуй что так. Если помчик действительно окажется колдуном, то его надо остановить. Хоть и не жалею я Святую Церковь в своих землях, но с колдунами иметь дело точно не хочу.

Я кивнула:

— А вот это разумно, ваша светлость. Вы же не просто так назначили встречу в больнице? Тело убитой ведь здесь? Давайте взглянем на него, а после и решим.

— Вы не будете заниматься этим делом, госпожа Хризштайн, — процедил красавчик сквозь зубы.

— Не буду, — согласно кивнула я. — Если это колдовство, то уверена, вы сами прекрасно справитесь. Но ведь еще неизвестно, колдовство это или нет?

Мы спускались мрачными коридорами в подвал больницы, в ледник, где держат мертвых до захоронения. И хотя каменное здание хорошо хранило прохладу, но август в этом году выдался очень жарким, так что пованивало здесь прилично. Я с усмешкой смотрела на ровную как палка спину красавчика и напряженные плечи, до него похоже дошло, что ждет впереди. Я опередила его на полшага и участливо заглянула в лицо:

— Господин инквизитор, вам нехорошо? Что-то совсем бледны...

Он ничего не ответил, только закусил губу и яростно замотал головой.

— Ох, смотрите, в обморок еще грохнетесь, словно девица трепетная...

Управитель остановился напротив кованой двери, толкнул ее и пропустил нас вперед. Я теперь уже с тревогой наблюдала за красавчиком, ему явно было нехорошо. Запахи бальзамирующей жидкости, разложившейся плоти, дерьма, запекшейся крови и гниения проникали в нос и горло, хотя мне не привыкать и к гораздо худшим амбре. Я торопливо полезла в сумку, достала надушенный лавандовым маслом платок и протянула инквизитору:

— Да возьмите уже! Хватит строить из себя! — и насильно прижала платок к его носу. Он сначала пытался отвести мою руку, но я просто вложила платок ему в ладонь и оставила его.

— Где тело убитой? — я обратилась к управителю, который с ухмылкой наблюдал за сценой.

Он подвел нас к одной из выемок в каменной стене, вытащил деревянный настил с накрытым сукном телом и кивнул:

— Вот. Убита вчера вечером, обнаружили тело в полдесятого вечера, вместе с помчиком, еще теплую. Будете смотреть? Зрелище не из приятных, звериная жестокость...

Я склонилась над трупом и отдернула ткань с лица:

— У зверей нет понятия жестокости, господин управитель. Это исключительная привилегия божьего создания, человека... Мне нужно больше света.

Девушка была темноволосой красавицей, черты ее прекрасного воскового лица заострились, но все равно она казалась мирно спящей. Управитель принес еще светильников и закрепил их в выемке на стене. Я откинула ткань дальше. На теле не было ран, кроме одной, на животе. Рваная рана с неровными краями шла сверху вниз наискось, не оставляя ни единого шанса на выживание. Но при таких ранениях умирают не сразу, кроме того, была большая кровопотеря...

— Много крови было на месте преступления?

— Много, — кивнул управитель и подошел чуть ближе. Его явно удивляло мое спокойствие.

Я бегло осмотрела тело, заглянула под сомкнутые вечным сном веки, проверила слизистую рта, провела пальцами под шейей, проверила позвонки, тщательно принюхалась, не пахнет ли знакомыми ядами. Инквизитор стоял за пределами света, в темноте, так и не решаясь подойти.

— Вы так и будете стоять столбом? Или все-таки подойдете взглянуть? — это было жестоко с моей стороны, но ему все равно придется привыкать к подобным зрелищам.

Кысей покорно сделал несколько шагов, судорожно комкая платок и не решаясь убрать его от лица. Я продолжила осмотр, теперь уже вслух комментируя увиденное:

— Кроме раны на животе, других повреждений на теле не вижу. Слизистая и белки глаз чистые... Пойдите-ка, господин Скоридж, а вы разве не сделали еще вскрытия?

Управитель смущенно кашлянул:

— Капитан Лунтико сказал, что ему все ясно, и вскрытие не нужно.

— Ах, ему все ясно, — протянула я задумчиво, осматривая руки и ногти погибшей. На них не было видимых следов, кроме, пожалуй, пары синяков на запястьях. Руки ухоженные, не похоже, чтобы жертва занималась тяжелой работой. Сложена хорошо, удивительная хрупкость фигуры, словно у ребенка, но грудь полная и хорошо развитая. Нежная кожа того удивительно мраморного оттенка, который сводит мужчин с ума.

— Как ее звали?

— Ивонна.

— А дальше?

Управитель замялся.

— Просто Ивонна.

Я добралась до раны на животе, развела края и обомлела. Внутренностей не было, словно жертву кто-то тщательно выскоблил.

— Господин инквизитор, вы будете проводить осмотр или нет? — я сурово взглянула на несчастного. — Да подойдите уже сюда, наконец!

Дернув его за рукав, практически заставила склониться над телом погибшей.

— Вы же изучали анатомию, ничего странным не кажется?

На лбу красавчика проступило несколько капелек пота, он явно пытался усмирить бушующий желудок.

— Мне... нехорошо, — наконец выдавил он.

— Господин Скоридж, где ее внутренние органы?

Управитель развел руками:

— Не знаю, их так и не нашли...

Инквизитора отпрянул, скрутился в три погибели, его вырвало, и теперь он пытался отдышаться. Я покачала головой. Похоже, можно попрощаться с моим платком из дорогого себярского шелка...

— Ну хоть оружие было найдено?

— Нет, — управитель отрицательно замотал головой. — На клинке помчика не было крови, но капитан Лунтико заявил, что он мог его вытереть....

— Ваш капитан — полный идиот! — в сердцах сказала я, поднимаясь с колен. — Кем была жертва?

Управитель замялся, явно не зная, что ответить.

— Вы не знаете? — удивленно приподняла бровь. — Или же стесняетесь поведать нам, что погибшая была шлюхой?

Управитель изумленно посмотрел на меня, но не нашелся, что ответить, только покорно кивнул.

Инквизитор нашел в себе силы вернуться к нам и выдавить:

— Если вы закончили осмотр, давайте вернемся к воягу. Это ведь не колдовство, поэтому сможете заняться этим делом позднее, без меня.

— Я не закончила, — процедила я сквозь зубы и закрыла глаза.

Мой разум разбился на миллионы осколков, которые я теперь тасовала в причудливом узоре, пытаюсь сложить из них марау. Марау погибшей, которая сможет подсказать мне, что же произошло. Это болезненно и опасно, особенно в преддверии приступа, но выбора у меня немного.

Я открыла глаза и вздрогнула от неожиданности того, что мара появилась так быстро. Из темноты ледника на меня смотрела погибшая. Ее глаза были пусты и безжизненны, она медленно двигалась к свету, странной дерганой походкой. Во рту пересохло, я пыталась спросить ее, но слова застряли в горле и душили меня. Мара выступила на свет, ее живот зиял страшной кровавой раной, а в руках она несла спутанный мерзкий кокон своих внутренностей, качая и баюкая его. Боже Единый, да она же танцует! Страшный завораживающий танец, напевая про себя что-то. Тут мара наконец заметила меня и замерла, уставившись в упор. Я отступила пару шагов, опрокинула стойку с инструментами, а мара продолжала двигаться ко мне, протягивая кровоточащий ворох, словно предлагая подержать его. Колени подогнулись, я упала на пол и теперь пыталась отползти как можно дальше. Даже в подвалах колдуна я не видела подобной мерзости, мертвое должно оставаться мертвым, а не продолжать играть в жизнь... Лицо мара поплыло, меняясь, растекаясь бессмысленным рисунком, превращаясь в другое обличье, словно в кривом зеркале, потом черты разгладились и исчезли, лица не стало вовсе... Я стала различать слова ее странной шепчущей песни:

— Расти, расти, деточка,

Зелёная веточка,

Весенняя почечка -

Сынок или дочечка...

* «Колыбельная еще не рожденному ребенку» Матушка Л.Кононова.

Сердце остановилось, я схватилась за голову, зажимая уши руками и понимая, что это бесполезно, слова просачивались напрямую в разум. Песнь оборвалась, а в мое измученное сознание ворвался отчаянный крик:

— Скажи мне, сынок или дочечка? Ска-а-а-а-жи!

Живот скрутило от невыносимой тянущей боли, ощущение холодной пустоты нерожденной дочери, сердце которой уже билось, и вдруг перестало. Перестало быть.

Калейдоскоп лиц, кривых ухмылок и осуждающих взглядов подхватил мою память. Я точно знала тогда, что у меня под сердцем дочь. Даже знала, какого у нее цвета глаза. Я кричала. Когда меня тащили к лекарке, я кричала, вырывалась, царапалась, кусалась и выла. Дитя вытравливали по-живому, не особо церемонясь. Я кричала от боли. Но в какой-то момент жестокая решимость Единого дала трещину, и мое сознание померкло, забрав с собой страдания и надежду. Ровно для того, чтобы через несколько часов низвергнуть меня обратно, в тщетность бытия. Немыслимое ощущение пустоты под сердцем, каменное лицо бабушки, что поджав губы, смотрела на меня, ее слова:

— Мы избавили тебя от греха, слава Единому! Надеюсь, твой брат продолжит род великих воягов....

Лицемерная ухмылка мачехи, такой самодовольной суки, с грудью, полной молока, что оставило пятна даже на платье из плотной ткани...

Я расхохоталась. Бабушка отпрянула, а с лица мачехи сползла усмешка.

— Не беспокойтесь, воягиня! Этот выродок уж точно продолжит, ведь в нем нет ни капли вашей дурной крови! Впрочем, как и вашего сына, что овощем лежит, сколько себя помню!

Звонкая пощечина, перекошенные злобой лица. Я плюнула в мачеху и взвилась на кровати, норовя вцепиться ей в лицо:

— Проклинаю тебя! Сдохнешь! Ты и твой ублюдок!

Я кричала. Кричала и билась в руках церковников, пока сознание вновь не померкло.

Я кричала...

Глава 2. Инквизитор Тиффано

Что опять за спектакль она устраивает? Лидия осматривала труп без малейшей капли безразличности, даже не поморщилась. А теперь разыгрывает испуг? Она застыла, уставившись в темноту, потом отпрянула, оступилась, наконец упала на колени. Я даже не подумал сдвинуться с места, не собираясь потакать ее выходкам. Но когда она схватилась за голову, сообразил, что творится неладное.

— Принесите ей воды, господин Скоридж, — кивнул я управителю, намеренно отсылая его, чтобы избежать лишних вопросов.

Склонившись над ней, я резко сказал:

— Прекратите паясничать, госпожа Хризштайн! Немедленно встаньте!

Ее лицо было перекошено, в глазах плясало безумие, и вдруг она страшно закричала, подхватила с колен и бросилась к выходу. Я опешил и после секундного замешательства кинулся за ней, перехватив ее уже возле двери. Схватил за плечо и развернул к себе, заглянув в глаза в тщетной попытке понять, что она задумала. Взгляд был безумным, полным ужаса и отвращения, лицо искажено в болезненной гримасе, она вырывалась и пыталась зажать уши руками, отгородиться от чего-то, слышимого только ей. Я затряс ее и тут же отпрянул. Ведь клялся себе, что не прикаснусь к ней больше никогда, до сих пор еще греховные желания терзали меня иногда по ночам, невзирая на епитимью, покаянные молитвы и строгий пост. Лидия зло прошипела:

— Здесь воняет колдовством! Так что вам теперь с этим разбираться!

Она развернулась и дернула за ручку, но я прижал дверь рукой:

— Объяснитесь, или вы думаете, что я поверю на слово? Или вам опять мертвые девочки повсюду мерещатся? — сказал и тут же пожалел, потому что ее лицо опять исказилось, Лидия дернулась, словно намереваясь ударить меня, но потом передумала, глубоко вздохнула и сделала угрожающий шаг в мою сторону:

— А вы поинтересуйтесь у вояга, где тела остальных жертв.

Я попятился, ошеломленно провожая ее взглядом. На лестнице нас уже ждал управитель со стаканом воды, протягивая его Лидии, но та в ярости ударила по нему, стекло полетело на пол и противно затрещало под ее каблуками. Я поклонился управителю:

— Простите ее выходку. Наверное, запоздалая реакция на потрясение, нервы сдали...

— Что скажете, господин инквизитор? — Вояг с надеждой взглянул на меня, а я смотрел на Лидию. Она сидела с каменным белым лицом, и мне вдруг вспомнилась наша первая встреча. Тощая и бледная, помнится, тогда она вызвала у меня жалость, но сейчас ее бледность граничила с прозрачностью кожи ровно настолько, что казалось, еще чуть-чуть, и можно будет изучать по ней кровотоки и вены. Что же она увидела в темноте ледника, что так испугало ее?

— Господин инквизитор? — мое молчание уже становилось неприличным, поэтому я соизволил перевести взгляд на вояга и спросить:

— Ваша светлость, где тела остальных жертв?

Вояг вздрогнул всем телом и сурово посмотрел на меня. Я затаил дыхание, молясь заступникам, чтобы он опроверг сказанное. Вояг поднялся и подошел ко мне, угрожающе

нависая надо мной:

— Откуда у вас информация? Кто вам доносит? Вы копаете под меня?

Я опешил от неожиданности, но встал, чтобы быть вровень с воягом.

— Ваша светлость, вы говорите в моем лице со Святой Инквизицией, на полтона ниже, пожалуйста. Почему вы скрыли, что были другие жертвы?

Вояг отступил на полшага, но видно было, что он все еще в гневе.

— Я расскажу, но прежде я хочу быть уверенным в вас, господин инквизитор. Что заставило вас предположить наличие других жертв?

Я сел обратно и кивком указал воягу на кресло напротив:

— Присядьте, ваша светлость. Вы можете быть уверенным только в одном. В том, что я сделаю все, чтобы найти и наказать виновного. Кто бы это ни был.

Вояг медленно опустился на кресло и кивнул:

— Да, конечно. И все-таки, откуда вам это стало известно?

Я секунду помедлил, потом кивнул в сторону Лидии, которая задумчиво ковырялась в сумочке.

— Мне об этом сообщила госпожа Хризштайн.

Вояг вопросительно уставился на Лидию:

— Госпожа Хризштайн, объяснитесь, откуда вы узнали?..

Лидия подняла голову и скривилась:

— А я просто предположила. И как видите, не ошиблась...

Вот зараза! Я стиснул зубы и процедил:

— Про колдовство вы тоже предположили? Чтобы втянуть меня в это дело?

— Господин инквизитор, если бы вы дали себе труд тщательно провести осмотр, не сомневаюсь, что пришли бы к подобным выводам.

— Так поделитесь своими соображениями, не тяните время.

Лидия деланно вздохнула, встала с кресла, высыпала содержимое сумочки на стол, стала его перебирать:

— На теле имеется всего одна обширная резаная рана, в живот. От такой не умирают немедленно. Кроме того, уверяю вас, ранение в живот крайне болезненно. Но вы же помните лицо жертвы, господин инквизитор? — Лидия наконец обернулась ко мне, в ее руке был зажат кинжал. — Оно не искажено посмертной мукой, на руках и плечах нет синяков или ушибов, кроме незначительных ссадин на запястьях. Жертва не сопротивлялась? Не чувствовала боли?

Я открыл рот, пытаюсь возразить, но Лидия обошла кресло и склонилась ко мне, приставив кинжал к животу.

— А еще, господин инквизитор, представьте, что я ударила вас в живот, фонтаном хлещет кровь... Что же вы сделаете? Инстинктивная реакция любого человека будет пытаться зажать рану, остановить кровь, позвать на помощь. Нет? Только руки жертвы — без малейших следов крови, свидетельств борьбы нет, ногти не сломаны.

Ее волосы щекотали мне шею, я стиснул кулаки и изо всех сил пытался быть невозмутимым.

— Жертву могли опоить, она могла не понимать, что происходит.

— Возможно, — неожиданно легко согласилась Лидия, оставляя меня в покое. — Вот только... Если бы в момент нанесения раны ее мышцы были расслаблены, как бывает при обмороке или забытии, то рана бы выглядела несколько иначе. Так что, уверяю вас, господин

инквизитор, она все чувствовала...

Желудок опять попытался взбрыкнуть, я глубоко вздохнул.

— А теперь подумайте еще над тем, куда делись ее внутренности? И сколько по вашему надо было времени убийце, чтобы выпотрошить ее? Я уже не говорю про...

Я резко встал:

— Довольно! Вы утверждаете, что эти странности можно объяснить только колдовством? Хорошо, пусть будет так. Я поверю вам и начну дознание.

Лидия отступила и церемонно поклонилась воягу:

— Тогда позвольте мне покинуть вас, ваша светлость. — Лидия ровным шагом отправилась к двери, а я судорожно пытался понять, блефует она или нет. Так просто отказаться от участия в дознании? Тем более, в деле, в котором заинтересован такой влиятельный вельможа.

Положение спас сам вояг:

— Пойдите, госпожа Хризшайн! Я прошу вас помочь господину инквизитору. Ему наверняка придется столкнуться с препятствиями, хотя бы в лице капитана Лунтико. Ваша помощь будет неофициальной, конечно.

Лидия остановилась и обернулась с довольной улыбкой. Я мысленно застонал: а чего я, собственно, ждал?

— Вы понимаете, ваша светлость, я сейчас довольно занята, дела наследования отнимают почти все свободное время... — протянула она выжидающе.

Вояг понимающе кивнул и сказал:

— Безусловно. Я не останусь в долгу. Со своей стороны обещаю полную поддержку в городском совете в случае судебного разбирательства. Думаю, что господин инквизитор также не останется в стороне...

— Увольте меня от ваших политических игр, — прервал я их. — Мне нужно побеседовать с помчиком Прошицким, также я хочу услышать про остальных жертв: сколько их было, обстоятельства гибели, результаты вскрытия, если есть, а также кто вел дознание по факту их смерти.

Вояг пожал плечами:

— Боюсь, я ничем не смогу вам помочь. Встретиться с помчиком Прошицким будет проблематично, он сейчас в городской тюрьме, даже меня к нему не пустили. Капитан Лунтико закусил удила и упрямо гнет свою линию, подозреваю, что он заинтересован в том, чтобы ослабить мои позиции в совете. Что же касается остальных жертв, — вояг сделал паузу и кивнул на управителя. — Думаю, господин Скоридж вам сможет больше помочь.

Управитель снял очки, опустил глаза и очень тихо сказал:

— Мне известно про еще две гибели девушек от подобных ран. Вскрытия не было, как и дознания, смерти тут же замяли. Обе девушки были... мм... из борделя госпожи Розмари. Тело первой девушки я даже не видел, ее освидетельствовали без меня, и, насколько я знаю, быстро кремировали. Три месяца назад это было, а вторую же... Я видел рану, понимал, что смерть насильственная, но... — управитель развел руками. — Вы же понимаете... Никто не заявил в громаду для проведения дознания, а сама госпожа Розмари была сильно напугана и обмолвилась, что теряет уже вторую рабыню подобным образом... Я пытался выяснить подробности, но она отказалась говорить... Тело предали земле, снова без вскрытия, хотя я пытался настоять...

Лидия прервала управителя:

— Последняя девушка, Ивонна, из того же борделя?

Управитель кивнул.

— Как удобно, — протянула Лидия, подмигнув мне. — Ну что, господин инквизитор, придется наведать одно богопротивное заведение?

Я отмахнулся от нее, потрясенный их равнодушием:

— Господин Скоридж, я не понимаю, вы видели, что смерть насильственная, но не предприняли ни единой попытки?.. Вы же могли сами заявить просьбу о проведении дознания! Могли предотвратить последнюю смерть!

Управитель покаянно вздохнул:

— Господин инквизитор, наверное, вы не знаете, что из себя представляет заведение госпожи Розмари. Это очень дорогой бордель, самый лучший в городе. Клиенты там непростые, вельможи да богатые купцы, словом власть имущие. Разное может произойти с девочками, бывает, погорячился клиент, руки распустил, кто ж на него пойдет заявлять? Откупаются обычно, миром все улаживают. Не знаю, как там все было, думаю, вам действительно стоит поговорить с госпожой Розмари. Если только она согласится говорить...

— Вы просто решили не наживать себе неприятностей, господин управитель. Только вам, вам и госпоже Розмари, отвечать потом перед Единым за свои поступки. Не в моей власти изменить сложившийся порядок, но я сделаю все, чтобы не допустить подобного в будущем.

Я поднялся, показывая, что разговор закончен. На душе было мерзко.

Я догнал Лидию только на выходе из больницы, окликнув ее на крыльце:

— Пойдите!

Она остановилась и нехотя развернулась ко мне, прищурившись от яркого слепящего солнца, бьющего ей прямо в глаза. После отвратительного холода ледника была невероятно приятно окунуться в полуденную жару.

— Что вы увидели там, в темноте ледника?

Она проигнорировала мой вопрос, продолжая молча разглядывать меня. Когда молчать стало совсем неприлично, а некоторые посетители больницы стали коситься на нас, застывших друг против друга на лестнице, я сказал:

— Я намерен отправиться к епископу Талериону, чтобы получить у него разрешение на дознание. Прошу вас до этого момента ничего не предпринимать.

Лидия поднялась на пару ступенек, протянула ко мне руку и задумчиво пропустила между пальцев воротник моей мантии. Я довольно резко оттолкнул ее ладонь, но она проигнорировала предупреждение.

— Вы, господин инквизитор, можете отправляться куда угодно. Я же... поеду напрямиком в тюрьму, чтобы побеседовать с помчиком Прошицким.

— Вы не слышали, что сказал вояг? Вас к нему не пустят! — меня злило ее самоуверенное упрямство.

— Меня, — подчеркнула она. — Меня пустят.

— Вы не можете допрашивать его!

— Отчего же? — она склонила голову набок, ее светло-серые глаза в солнечном свете стали пугающе прозрачными. — Господин инквизитор, если хотите отправиться со мной, то так и скажите...

Я закрипел зубами от негодования, прекрасно понимая, что она опять играет со мной, намеренно ставя в зависимое положение и направляя дознание по выгодному ей пути. Я мог плюнуть, развернуться и уйти. Наверное, так и стоило поступить...

Дежурный стражник с непроницаемым лицом взирал на нас:

— Пускать никого не велено.

— Вы сейчас препятствуете дознанию Святой Инквизиции, — я угрожающе навис над стражником, что был на полголовы ниже, но тот даже глазом не повел.

— Никого не пускать. Личное распоряжение капитана Лунтико.

Я попытался отодвинуть упрянца с дороги, но он набычился и положил ладонь на эфес клинка.

— Вам приказывает капитан, верно? — голос Лидии был непривычно ласковым и нежным, с легкой хрипотцой. Я недоуменно оглянулся на нее, она улыбалась стражнику.

— Да, — и снова пустой взгляд сквозь нас.

Лидия подошла ближе, так что мне пришлось посторониться.

— Капитан приказал вам сторожить, верно? — Лидия теперь заглядывала стражнику в лицо.

— Да, — кивнул стражник, упрямо поджав губы.

Она сейчас пытается его очаровать, что ли? Ведь и так понятно, что этот осел нас не пустит!

— Капитан вам доверяет, верно? — теперь Лидия смахивала невидимую пылинку с его плеча.

— Да, — на лице стражника промелькнуло самодовольство.

— Вы же хотите помочь своему капитану, верно? — Лидия провела рукой по его волосам, поправляя прическу. У меня возникло странное ощущение нереальности происходящего.

— Да, — глаза стражника странно затуманились.

— Капитан разрешил сделать для нас исключение нас, верно? — ее тон был вкрадчивый, она говорила уже почти шепотом.

— Да, — стражник расплылся в глупой улыбке.

— Вы позвольте нам пройти, верно? — Лидия кивнула мне, практически затащив в камеру к помчику. Стражник стоял с глупым недоуменным видом,

— Да идите же быстрее, — поторопила Лидия, закрывая за мной дверь.

Помчик Прошицкий поднял голову от подушки и тут же подхватился на кровати.

— Кто вы такие? — вид у него был нездоровый и потрепанный, в глазах плескалась тревога.

— Инквизитор Кысей Тиффано, — представился я, шурясь в темноте на бледный овал его лица. — Я буду вести дознание по делу смерти девицы Ивонны. Расскажите, пожалуйста, что произошло.

Помчик задрожал всем телом, закрыл уши руками и стал монотонно раскачиваться, причитая:

— Я не виноват, не виноват, не виноват!... Не виноват я, это не я, не я, не я!

— Прекратите! — я брезгливо созерцал это жалкое зрелище. — Мне нужно узнать...

Лидия шумно выдохнула позади меня, подошла к помчику, рывком поставила его на ноги и вlepила ему звонкую пощечину. Голова помчика дернулась, глаза на мгновение

приобрели осмысленное выражение, он тихонько заскулил.

— Вытрите сопли, господин Прошицкий. Если кто и может вам помочь, то это мы. Нас прислал ваш сюзерен, вояг Хмельницкий. — Лидия преспокойно уселась на его лежанку, сложив руки на коленях, словно примерная школярка. — Или вы хотите тут сгнить? Кстати, а правда, что здесь находят некоторых арестантов мертвыми, обглоданными голодными крысами? Вы видели здесь крыс, а, господин Прошицкий? Они правда такие громадные?

Помчик перестал скулить, только сглотнул судорожно, закрыв рот руками.

— Вот и отлично, — Лидия чуть склонила набок голову, разглядывая помчика, потом резко спросила. — Это вы убили шлюху?

— Нет, — помчик яростно замотал головой. — Не я, Единым клянусь!

Лидия встала, подошла к нему ближе, испытующе заглянула в глаза помчику, потом кивнула:

— Я вам верю.

Я опешил:

— Верите? Вот так просто? Господин Прошицкий, я требую, чтобы вы рассказали все по порядку.

Помчик перевел на меня затравленный взгляд и шмыгнул носом:

— Когда я пришел, она уже была... Сидела в кресле перед зеркалом, я ее окликнул, а она...

Похоже, у него сейчас опять начнется истерика.

— Она была уже мертва, понимаете! Когда она встала, я увидел, что она вся в крови, эта жуткая дыра в ее животе. Я хотел убежать, а эта в меня вцепилась, понимаете? Вцепилась и стала танцевать, я ей руки отцеплять, а она не отпускает! Висит на мне! Я такого ужаса натерпелся, а меня еще и арестовывают!..

Я подошел к нему ближе, присел на корточки, разглядывая кровавые потеки у него на рубашке и штанах, даже на дорогих замшевых сапогах были порыжевшие пятна. Я бесцеремонно стукнул его по колену, заставив поднять ногу и рассматривая подошву. Похоже, он стоял в луже крови, подошва была ею полностью пропитана. Я перехватил его запястье, разглядывая руки: под ногтями не было следов крови, не было царапин и ссадин.

— Что вы делали в комнате погибшей? — мой вопрос привел помчика в недоумение.

— Как что? Пришел, как обычно, ночь провести... Ивонна новенькой была, милая девочка, ласковая. Такие фокусы выдывала, шгучный товар, хоть и дорого. Вы сможете добиться, чтобы меня выпустили?

Интересно, я смогу когда-нибудь привыкнуть к человеческой мерзости, относиться к ней так же обыденно и не удивляться, как это получается у Лидии? Она сидела со скучающим видом, покачивая носком сапога в такт неслышной мелодии. Хотя нет, почему же неслышной? Она напевала про себя что-то, я прислушался и с удивлением узнал колыбельный мотив. Я и забыл, с того злосчастливого приема у бургомистра, где она влезла подпевать барду, какой у нее удивительно чарующий, грудной голос. Уже открыл рот, чтобы осадить блудливого помчика, без стеснения признающего в своем грехе, только он вдруг опять задрожал всем телом, прикрыл уши руками и закричал:

— Прошу вас, перестаньте! Не надо!

Лидия послушно прекратила пение и спросила:

— Вам понравилось, как пела мертвая Ивонна? У нее был такой же хороший голос, что и при жизни?

Помчик с ужасом смотрел на Лидию:

— Откуда в-в-вы узнали?

— Или такие фокусы вам уже не нравятся, помчик Прошицкий? — Лидия вскочила на ноги и прижала несчастного к стене. — Она сделала еще что-то, про что вы нам не говорите? Например, просила вас подержать ее вывороченное нутро?

Помчик попытался вырвать из ее тисков, но не преуспел. Я не хотел вмешиваться, но все же не удержался и вставил:

— На его руках нет следов крови.

Лидия пропустила мои слова мимо ушей, продолжая сверлить помчика взглядом.

— Как давно вы навещаетесь в бордель госпожи Розмари? — я решил прервать их игру в гляделки.

— Давно, — придушенно выдавил из себя помчик. — Лет пять уже.

— Вы знаете про остальных девушек, что погибли от схожих ран?

Глаза помчика виновато забегали, он судорожно сглотнул.

— Нет.

Лидия вдруг его отпустила, насмешливо протянув:

— А вот сейчас вы лжете, господин Прошицкий. И это меня почти радует... Потому что я все равно узнаю правду. — Она улыбнулась такой хищной улыбкой, что даже у меня на мгновение мелькнула малодушная мысль бежать отсюда без оглядки.

— Что здесь происходит? — взбешенный капитан Лунтико влетел в камеру и уставился на нас. — Кто вас посмел сюда пустить?! По какому праву? Немедленно убирайтесь!

Лидия насмешливо смотрела на брызжущего слюной капитана, не делая ни единой попытки объясниться. Когда он схватил ее за руку, намереваясь вытолкнуть взапой, я горько вздохнул и нехотя перехватил его руку:

— Довольно, капитан, мы уже уходим. Не надо грубостей.

— Да я вас за решетку упеку, — похоже, капитан не собирался успокаиваться. — Да я!

...

— Довольно! — осадил я грубияна. — Завтра вернусь. Провести дознание по делу смерти девицы Ивонны и подозрению в колдовстве. Даже не вздумайте чинить помехи. Если будете продолжать в подобном роде, сами сядете. За препятствие дознанию.

Лицо капитана стремительно наливалось кровью. Он выплюнул сквозь зубы:

— Убирайтесь отсюда.

Я подхватил Лидию под локоть и потащил к выходу, не обращая внимания на ее истерическое хихиканье.

— Да что с вами такое? Прекратите истерику, — я выволок Лидию на улицу. — Откуда вы узнали про пение? Мертвая девочка нашептала?

Ее смех резко оборвался, глаза потемнели.

— Отправляйтесь за разрешением, господин инквизитор. Надеюсь, вы...

— Я видел, как вы зажимали уши в леднике. Также, как это сейчас делал помчик. — Это было жестоко с моей стороны, но мне просто необходимо узнать, что именно она там увидела или услышала. Я пристально вглядывался в Лидию. — Почему именно мотив колыбельной?

Лишь смутная тень мелькнула на ее лице, оставив след в виде хмурой складки между бровями. Лидия подбоченилась.

— Значит так, господин инквизитор. Повторять не буду, так что слушайте внимательно. Вы отправляетесь за разрешением. Надеюсь, у вас хватит ума не упоминать о просьбе вояга. Добейтесь проведения вскрытия, пока тело окончательно не разложилось. Лучше, чтобы его провели в Академии. После этого заглянете в городской архив и поищите случаи подобных смертей, особенно в борделях. Смотрите за последние пять лет. Надеюсь, управитесь до завтра. Потому что завтра вечером, — Лидия подошла вплотную, толкнув меня в грудь указательным пальцем. — Скажем к пяти, я заеду за вами, будьте готовы. Отправимся повидаться с госпожой Розмари.

Она повернулась уходить, я не удержался и горько поинтересовался:

— Вам так нравится командовать? Это я веду дознание, не вы. Но вас же не смущают подобные мелочи? Зачем с кем-то считаться!..

Лидия развернулась и насмешливо сказала:

— О, простите великодушно! Конечно! Это же вы должны были сказать: "Госпожа Хризшгайн, у вас такой усталый вид, идите отдыхайте. Я обо всем позабочусь, не волнуйтесь. Получу разрешение, организую вскрытие, проверю архивную информацию. А завтра заеду за вами, чтобы мы вместе отправились в этот рассадник блуда и порока, чтобы узнать правду!"

Это просто невозможно! Вот как? Как она ухитряется перевернуть все с ног на голову и заставить еще при этом чувствовать себя виноватым? Я прикрыл глаза, мысленно прошептал молитву заступнику Тимофею, потом ответил ей:

— Знаете, госпожа Хризшгайн, от общения с вами у меня появляется странное ощущение. — Я замолчал. Лидия заинтересованно смотрела на меня, вопросительно выгнув бровь. Я продолжал молчать. Наконец она не выдержала:

— И какое же ощущение, господин инквизитор?

— Что вы, словно смрадное болото, отравляете своей циничностью все вокруг себя. Ощущение, что я оступился. И увяз в этой трясине. И продолжаю погружаться все больше.

Ничуть не уязвленная, Лидия улыбнулась и потрепала меня по щеке:

— А вы расслабьтесь и получайте удовольствие.

Я решил не затягивать с визитом к епископу Талериону, поэтому потратился на экипаж. И теперь, под мерное покачивание кабины, пытался привести мысли в порядок. Меня сильно беспокоил тот факт, что Лидия не поехала со мной. На нее это совсем не похоже, она бы вцепилась в меня, чтобы докучать и направлять каждый шаг. Создавалось такое впечатление, что ей нравится доставать меня и забавляться реакцией. Кроме того, на кону было расположение вояга, которым она никак не могла бы пренебречь. Так почему же? И отчего она упорно молчит о том, что увидела в больнице? Помнится, ранее она с удовольствием вываливала на меня подробности того, как выглядят ее видения, в прошлый раз это была мертвая девочка, пропавшая дочь помчика Картуа. Я до сих пор не решил для себя, верить ли ее откровениям или нет, но факт того, что она сама в них верит, не вызывал у меня сомнений. Так почему же? Что могло напугать Лидию до такой степени, что она даже отказалась от возможности проконтролировать ход дознания, оставив все на милость Единого? Действительно устала? Вид у нее в самом деле был бледный и болезненный, не поверить в то, что она отправится домой и будет отдыхать, я отказывался. Что она там говорила про наследство? И что имел в виду вояг, заявляя про поддержку в совете? Я не слишком вникал в дела городского совета, в котором оказался по ее милости. Собственно

говоря, я и был-то на заседании всего один раз, когда меня представили его членам. После этого, я намеренно устранился, не обращая внимание на раздраженные увещания епископа, погрузившись с головой в церковные заботы. Обвинение кардинала Ветре, принятие временно его обязанностей, подготовка к возложению сана на нового кардинала, организация охраны Завета — это занимало все свободное время, что меня более чем устраивало, поскольку отвлекало от дурных мыслей. Только сейчас я почти сожалел об этом. Как бы там ни было, учитывая, насколько Лидия корыстна и расчетлива, в занятость ее вопросами наследования я поверить готов. И все же... Это не объясняет ее молчания про видения. Я силился вспомнить мотив, что она напевала, но мелодия ускользала, словно песок сквозь пальцы...

К счастью, я застал дома епископа Талериона, временно остановившегося в резиденции кардинала, до прибытия нового хозяина. Служка проводил меня в кабинет и попросил подождать. Разглядывая обстановку, в основном корешки книг в шкафу, я раздумывал над тем, что сказать. Епископ меня невзлюбил с нашей первой печальной встречи, кроме того был сильно раздосадован моим, как он изволил выразиться в последнем послании, "безответственным поведением и уклонением от обязанности защищать интересы Святого Престола в совете". Тем не менее, позволить втянуть себя в политическую возню я не мог.

— Вы решили почтить меня своим присутствием, господин Тиффано? — в голосе епископа явно звучала язвительная насмешка. — Чем же я заслужил подобную щедрость?

Я смиренно поклонился и очертил в воздухе святой символ. Епископ Талерион нехотя ответил на мое приветствие, повторив символ.

— Ваша святость, — я покаянно опустил голову еще ниже, не поднимая на него глаз. — Я смиренно прошу прощения за свое поведение. Как только смогу разобраться с делами Святого Престола, немедля приступлю к обязанностям в городском совете.

— Ты даже ни разу там не появился! — епископ раздраженно уселся за стол и кивнул мне на кресло напротив. Меня коробила его манера тыкать — непозволительно опускаться до фамильярностей даже с младшими братьями по вере.

— Прошу прощения, — еще раз повторил я. — Я исправлю ситуацию. Однако я пришел по другому вопросу.

Церковник удивленно воззрился на меня, подслеповато моргая от солнца, бьющего из окна прямо в глаза. Он встал и рывком задернул портьеры, погружая комнату в приятную прохладу. Его слишком светлая кожа на южном солнце успела обгореть, обезобразив лицо красными пятнами и шелушащейся кожей.

— По другому вопросу? Что за дела могут быть у инквизитора, что важнее обязательств перед Святым Престолом? Которыми ты не просто пренебрегаешь! Ты злостно наплевал на них!

— Дела, которые не терпят отлагательства, потому что именно это моя первейшая обязанность перед Святым Престолом и Инквизицией, — подчеркнул я. — Мой долг — защитить веру от тех, кто переступил запретную черту и творит богопротивное колдовство. Я прошу вас разрешить дознание по делу об убийстве девицы Ивонны, что произошло вчера вечером, и смертям еще двух девиц, что погибли при схожих обстоятельствах. Есть обоснованные подозрения, что в деле присутствует колдовство. Поэтому я хотел бы...

Епископ резко хлопнул ладонью по столу, обрывая меня.

— Да неужели? Подозрения в колдовстве, говоришь? А кто тебе про эти подозрения

нашептал? Уж не вояг ли Хмельницкий? Ты хоть знаешь, что именно его вельможу арестовали за эту смерть?

— Знаю, — спокойно ответил я, вставая. — И если помчик Прошицкий окажется причастным к делу, будьте уверены, я сделаю все возможное, чтобы он понес заслуженное наказание. Однако...

Церковник тоже встал:

— Помчик Прошицкий — верный пес Хмельницкого. Без его голоса в совете есть шанс отменить вето на участие Святого Престола в делах города! Ты хоть понимаешь, что это значит?

— Понимаю, — кивнул я. — А еще я понимаю, что если подозрения подтвердятся, то будет еще одно убийство. И тогда репутация Святого Престола, который не в состоянии справиться с колдовством, будет подпорчена еще более.

— Еще одной шлюхи? Да и пёс с ней!

Я прикрыл глаза, закипая от злости.

— Даже у шлюх есть глаза и уши. А еще голова на плечах. Даже они способны сложить два и два. Вы можете замять дело, но не заткнуть рты. Пойдут скверные слухи. Собственно, они уже поползли. Вопрос времени, как скоро город загудит, перешептываясь и замирая от страха. Если вы откажете в дознании, мне придется написать кардиналу Язвинскому. Если откажет и он, я буду писать Папе. Если за это время случится еще одна смерть, то...

— Довольно! — церковник подошел ко мне вплотную и похлопал по плечу. Его тон теперь был вкрадчивым и отеческим. — Мальчик мой, — меня передернуло от того, что он смеет называть меня также, как отец Георг. — Скажи-ка, а не приложила ли к этому свои очаровательные ручки госпожа Хризшгайн? Не по ее ли указке ты сейчас так стараешься?

Я отстранился от его руки у себя на плече.

— Не стану скрывать, госпожа Хризшгайн действительно занимается этим делом, по личной просьбе вояга. Запретить я ей не могу.

— Еще бы она не занималась! — епископ скривился будто лимон проглотил. — Ей ведь определенно нужна будет его поддержка. Целиком состояние помчицы Малко отхватить пытается, включая часть церковных земель, тут уже не до шуток.

Епископ перевел взгляд на мое лицо и моментально все понял:

— Ты не знал, что ли? Ну ты и балбес! Ты хотя бы иногда заглядывал в материалы собраний! Да она же тобой крутит, как хочет. Теперь понятно, зачем она тебя в совет протащила?

Я сжал кулаки так сильно, что ногти до крови впились в кожу.

— Я не понимаю... Как она может претендовать на наследство помчицы? Она разве была ей родственницей?

— Та девка, что в зале суда с собой покончила, Анна Малко, завещала своей благодетельнице, как она ее назвала, госпоже Хризшгайн, все свое состояние. Будешь дома, загляни в материалы, там все есть. Ступай. И не позволяй впредь себя использовать.

Я не шелохнулся.

— Я настаиваю на дознании, ваша святость. Мне подать вам официальный запрос?

Церковник тяжело вздохнул, удивляясь моему упрямству. Или глупости.

— На каком основании ты утверждаешь, что в деле присутствует колдовство? Кроме слов твоей подружки, конечно.

— Госпожа Хризшгайн мне не подружка. У меня есть заявление помчика

Прошицкого...

Епископ фыркнул, но я не дал себя сбить с толку и продолжил:

— В котором он утверждает, что мертвое тело двигалось, танцевало и пело. Есть странности, обнаруженные при беглом осмотре тела жертвы. Не найдено орудие убийства, также как не были обнаружены вырезанные внутренние органы. Есть свидетельства других подобных смертей. А еще есть моя уверенность. Достаточно?

Епископ оперся об стол, его лицо страдальчески искривилось, он растирал свободной рукой поясницу. На какую-то секунду во мне проснулось чувство вины перед церковником, что старше меня и по званию, и по годам, но тот час улетучилось, стоило ему заговорить:

— Ты пляшешь под ее дудку вместо того, чтобы самому использовать ее. Я подпишу запрос, готовь бумаги. Только не вздумай допускать ее к дознанию. Если узнаю, ты лишишься сана.

Я равнодушно пожал плечами:

— Я не могу запретить ей вести собственное расследование. У нее имеется разрешение на частный сыск, так что...

— Так может мне попросить бургомистра отозвать его? И выставить эту дрянь из города, пока она окончательно тебя не приручила?

Церковник внимательно следил за моей реакцией, но мне уже надоело демонстрировать чудеса дипломатии.

— Уже поздно, — тихо сказал я. — Надо было делать это раньше. А сейчас вы ее только разозлите понапрасну. Она ведь может получить разрешение у любого из воягов, у того же Хмельницкого, например. Лидия расчетлива, безжалостна, злопамятна и очень хитра. А еще... — "А еще безумна", подумал я, но вслух сказал иное. — Еще не стоит ее недооценивать в качестве противника. Поэтому лучше попытаться договориться. Ведь если она все-таки получит наследство, вам так или иначе придется с ней считаться.

Епископ Талерион расхохотался.

— Как мило, что ты зовешь ее по имени!..

Епископ невольно подсказал мне частичное решение проблемы. Получив разрешение, я не мешкая отправился в церковь, к отцу Георгу. Невольница Лидии, Тень, каждый вечер приходила в церковь молиться и заодно приносила оставшуюся выпечку детям из церковного приюта. Я был уверен, что застаю ее. До сих пор помню слова Лидии про эту женщину: "Уникальный дар, вы просто не понимаете! Она рисует чужие фантазии так, словно видит их своими глазами" Не знаю, насколько это действительно так, но рисовала она просто потрясающе. Госпожа Хризшгайн, вы еще увидите, каким хорошим учеником я могу стать.

— Отец Георг, — окликнул я своего бывшего наставника, что склонив голову, молился рядом с двумя бедно одетыми женщинами, держа их за руки. — Простите, если помешал.

Священник встал, тяжело опираясь на палку, и у меня вдруг сжалось сердце от осознания того, насколько же он постарел. Я помнил его с того времени, как ребенком оказался в приюте, затравленным и практически не разговаривающим. Уже тогда его волосы тронула седина, а сейчас он был полностью седым, сколько же ему лет? Никогда не задавался этим вопросом, мне казалось, что он будет жить вечно, словно святой заступник. Я встряхнул головой, прогоняя комок в горле, и улыбнулся старику. Тот попрощался с прихожанками, благословив их на дорогу, потом обернулся ко мне.

— Мальчик мой, Кысей, — он обнял меня, крепко, почти как прежде, потом отстранился и обеспокоенно заглянул в глаза. — У тебя что-то случилось? Ты давно не показывался.

Я поспешил успокоить старика.

— Все нормально, я ищу Тень. Вы упоминали, что она приходит каждый вечер. Скажите, она ведь еще не появлялась? Я боялся опоздать.

— Она должна придти, обязательно придет, — отец Георг похлопал меня по плечу, предлагая сесть на скамью. — Давай посидим, устал я что-то сегодня. А зачем она тебе понадобилась?

Я присел рядом с ним, раздумывая, стоит ли обременять старика своими заботами.

— Хочу попросить ее о небольшой услуге. Надеюсь, не откажет.

Отец Георг покачал головой:

— Бедная женщина ведь не вольна распоряжаться своим временем, у нее есть хозяйка.

— Думаю, что хозяйке сейчас не до того, чтобы следить, чем занимается ее рабыня, — я лукаво улыбнулся, но старик лишь встревожено нахмурился.

— Откуда ты знаешь? Ты виделся с Лидией?

— Мне пришлось, — я старался, чтобы мой голос звучал беззаботно, но мне ли обмануть отца Георга, который знает меня лучше прочих. — Не волнуйтесь, отец Георг, просто мне придется некоторое время общаться с ней.

Глаза старика потемнели.

— Мне это не нравится. Тебе пришлось нелегко в прошлый раз, но ты справился и не поддался искушению. Помни — я верю в тебя. Будь сильным.

Я не удержался и покачал головой, последние слова старика разбередили душу и пробудили старые сомнения.

— Я слаб, отец Георг. Вы сами это знаете, ведь я молюсь и каюсь с тех пор, как... — Я безнадежно махнул рукой. — Только все без толку, греховные мысли все равно не уходят. Но дело еще и в том, что я опять веду дознание. И меня терзает страх. Страшно не справиться, страшно, что из-за моей слабости произойдет еще одна смерть. Что...

Отец Георг сжал мою ладонь своей рукой и замотал головой:

— Это не так, Кысей. У тебя все получится.

— Да нет же! Отец Георг, я мог сегодня отказаться от ее помощи в дознании. Мне достаточно было сказать воягу, что я сам справлюсь. Но я знаю, что это не так. Что Лидия... Это в ней достаточно силы, чтобы уничтожить колдовство недрогнувшей рукой, а я же буду сомневаться, медлить, обманываться, оступаться...

Старик встал и кивнул мне на святой символ, изображенный перед алтарем.

— Посмотри туда, Кысей. Святой символ бесконечной веры. Знаешь, в чем заключается его сила? В том, что вера абсолютна и бесконечна, потому что ее разделяют с тобой другие божьи создания. И у тебя вся их сила, пока ты веришь. Это ты силен, а не Лидия. Она слаба потому что в ее сердце нет веры, понимаешь? Она безбожница, и как бы она ни старалась, ей никогда не стать сильнее тебя, потому что ты — Веришь. Запомни это. Ты думаешь, что раз тебя одолевают греховные мысли, то ты слаб? Истинная сила ведь не в том, чтобы укрыться от всех ошибок или искушений, а в том, чтобы иметь силу им не поддаться, даже если они тебя окружают. Много ли воли надо, чтобы держать пост, если в твоём доме нет еды? А если ты сидишь за щедрым столом с друзьями, которые тебе угождают? Помнишь, что я тебе говорил про Лидию? Будь к ней снисходителен, прими ее как испытание своей веры, тогда

ты...

Я горько покачал головой:

— Отец Георг, ее слишком много, понимаете? Она влияет на меня, заставляя иногда действовать или мыслить, как она... Я боюсь, что когда-нибудь стану таким же бесчувственным, как Лидия...

Старик уверенно ответил:

— Но ты тоже на нее влияешь, Кысей. Не сомневайся. И больше, чем ты думаешь. Возможно, сила твоей веры даже сможет изменить ее, вернуть на путь Единого, кто знает...

Глава 3. Хризостола

Я дала пару мелких поручений Антону и Тени, на ватных ногах поднялась к себе в комнату, упала на кровать, мысленно обещая себе лишь чуть-чуть перевести дух, и провалилась в липкий кошмар душного послеобеденного сна. Измученный разум метался в жестоких тисках памяти, порождая чудовищ, что терзали мое тело и душу, заставляя вновь и вновь переживать прошлое. Тянущая боль в пустом чреве, ощущение расплывающегося под тобой пятна крови из оскверненного бесплодного лона, отвратительно липнущая к телу простыня, беспомощная слабость, когда нет сил даже пошевелить губами, чтобы позвать сестру, но самое страшное — это звук. На грани слышимости, детский плач, такой жалобный скулеж, что сердце кровью обливается, ты хочешь встать к своей нерожденной девочке, успокоить ее, а ноги не слушают, словно и нету их вовсе...

Я вынырнула из кошмара, разом подхватившись на кровати. Отбросила легкое одеяло, которым меня укрыл заботливый Антон, лихорадочно ощупала простыню под собой и выдохнула с облегчением. Ткань была лишь слегка влажной от пота, но жалобное поскуливание продолжало терзать слух. Я застонала, до боли прокусив губу и сдерживая рвущийся вопль боли. Тело ныло так, словно все случилось вчера...

— Ты уже проснулась? — заглянул в комнату Антон, в образовавшуюся щель влетел рыжий щенок и взобрался ко мне на кровать, продолжая поскуливать. Я стиснула зубы, чтобы не стукнуть глупое животное. Его, последнего из помета, с деформированной задней лапой, мы не смогли никому пристроить, и Антон упросил меня оставить его у нас. Имя ему так и не дали.

— Избавься от него, — сказала я, скидывая щенка с кровати. — Иначе сама удавлю. Ты меня знаешь.

Антон умоляюще посмотрел на меня, в его глазах мелькнуло недоумение.

— Хриз, ты чего?

— Ты слышал, что я сказала.

Он покорно кивнул головой:

— Дай мне хотя бы несколько дней, ладно? Спускайся к ужину, тебе надо обязательно поесть, хоть что-нибудь. Еще к нам на ужин заглянул портной Изхази с семьей, заодно занес тебе заказ. Померяешь? Это поднимет тебе настроение. Ты хоть выспалась?.. Я решил тебя не будить...

Антон все говорил и говорил...

Я спустилась в гостиную, чувствуя, что все равно не смогу проглотить ни кусочка. Артем Изхази вскочил со стула и поклонился мне. В его жене, сидящей рядом цветущей дородной матроне, теперь уже никто бы не узнал ту раздавленную горем мать, чей разум блуждал в вымышленном мире, где ее дочь все еще жива. Впрочем, Адели до сих пор считает приемную дочь настоящей, не желая замечать разницу.

— Госпожа Хризштайн, я решил лично принести ваш заказ, тем более что Евочке так хотелось повидаться с вами.

Его взгляд увлажнился, а на меня с радостным воплем бросилась девчонка, обнимая меня за талию, ласкаясь и радостно заглядывая в глаза, совсем как глупый щенок.

— Госпожа Лидия! Мне подарили новое платье! Смотрите, правда красивое? А Мартен мне игрушку подарил, все подружки обзавидуются!

Она вертела в воздухе изящной механической стрекозой, сделанной настолько искусно, что казалось, еще чуть-чуть — и та взлетит, расправив гордо свои тонкие проволочные крылья. Я стояла каменным столбом, чувствуя, как рвется наружу дикая ярость.

— Евочка, не приставай к госпоже, ты ведешь себя невежливо, — мягко одернула девочку госпожа Изхази. На ее лице было столько тихой гордости за свою дочь, столько спокойной безмятежности и безграничной любви, какие возможны только на лице мамы. Словно ей ведома сокровенная тайна мироздания, которую она бережет от глупых непосвященных. Наверное, это свойственно всем матерям... Хотя нет, точно не всем. Та, что отшатнулась от новорожденного младенца, словно у меня было три глаза или уши на спине, та, что ни разу не приложила к груди, та, что избегала как огня, та единственная звалась моей матерью. Только для нее я не была ее ребенком, я была дочерью своего отца.

Я отодвинула девочку с дороги. Та побежала играть с щенком, весело болтая и дразнясь, за столом слышался смех и разговоры, уютно горели светильники, разгоняя темноту, звенели столовые приборы, ароматно пахло жареным мясом и пряным хмельным хлебом. Я смотрела на эту идиллию пустым взглядом и мечтала стереть их улыбки. Все до единой. Навсегда.

Антон подошел и протянул мне принесенное платье.

— Ты явно не собираешься есть, так пойди и померяй обновку. Не надо стоять здесь и накручивать себя еще больше, Хриз, — похоже, за столько времени со мной он научился чувствовать неладное.

Я негнуцимся пальцами взяла платье и пошла наверх, впечатывая каждый шаг со злостью.

В спальне я разделась до нижнего белья, но потом передумала и скинула липкие от пота рубашку и панталоны. Ночная прохлада приятно остужала измученное тело, отраженное в большом настенном зеркале. Я склонила голову набок, отстраненно разглядывая свое отражение, проведя пальцами по уродливым шрамам на животе и бедрах, ощущая, как горят такие же отметины на спине. Я могла бы избавиться от них навсегда. Мне достаточно спуститься в подвал, где хранится большая бутылка с надписью "рыбий жир", в которой на самом деле вонючая полезность перемешана с колдовским грибным эликсиром, зачерпнуть совсем каплю и нанести на кожу. Как-то Антон деликатно поинтересовался, почему я до сих пор этого не сделала. Я не нашлась, что ему ответить. Теперь глядя на свое отражение, вдруг поняла — не хочу забывать. Мне удалось выжить из чистого упрямства и ненависти. В моменты слабости я молила Единого позволить мне забыть, но теперь нет. Я не хочу забывать, не хочу прощать обиды, поэтому найду в себе силы, черпая их в собственной боли и злости. Пусть приходит мара. Я не буду больше тебя прогонять, возьму твою страшную ношу, покачаю ее словно собственное дитя, даже колыбельную спою. Я замурлыкала себе под нос мелодию, надевая платье на свежую рубашку.

— Тень! — заорала я, запутавшись в шнуровке корсета. — Поди сюда!

Через десять минут совместного пыхтения и утягивания я наконец удовлетворенно осмотрела в зеркале свою потерявшую несколько пальцев талию и высоко поднятую грудь. Все-таки корсет — удивительная вещь. Мода на него еще не пришла в этот провинциальный городок, но на западе знатные дамы давно уже затягивали свои пышные телеса в это чудо,

даже не подозревая, что он давно используется Безумными бардами и прочими бандами. Правда, несколько с другой целью. Тонкие гибкие пластинки из китового уса, при необходимости укрепленные металлическими, надежно защищали своего владельца в драке от подлого удара кинжалом или кулаком. А еще одну из таких пластинок, хитро закрепленную, можно было быстро вытащить и использовать как оружие или отмычку. Однако стоила эта прелесть прилично. Когда я решила вложить деньги, без спроса заимствованные у бургомистра, в прибыльное дело, то остановилась именно на производстве корсетов. При должной организации можно получить двойную или тройную выгоду. Ну что ж, будем нести модные новинки в высший свет. Правда, начать придется с борделя, но ведь самого лучшего в городе, верно?

— Госпожа, вы спуститесь к столу, или вас не ждать? — Тень осторожно заглянула мне через плечо. — Жаркое стынет...

Я хищно улыбнулась.

— Жаркое, говоришь? Так чего же мы стоим, пошли скорей, умираю с голода...

Я мило беседовала за столом, смеялась и шутила, может иногда мрачновато, даже погладила щенка и скормила ему кусочек оленины. Чужая радость более не трогала меня, не задевая и не рая. Я спокойно смотрела, как девчонка льнула к своей матери, как та ласково гладила ей волосы и обнимала, стараясь хранить авторитетную строгость на лице. С каким обожанием смотрел на них обоим гордый отец семейства, расплываясь в глупой улыбке. Тень, сидящая рядом, наклонилась ко мне и шепнула, кивая на них:

— Посмотрите, какое чудо вы сотворили. Вы были так добры к ним, госпожа.

Антон поглядывал на меня с тревогой, уловив изменившийся настрой в моем поведении, но я успокаивающе ему подмигнула и обратилась к портному:

— Господин Изхазы, думаю, что очень скоро модная новинка — корсет прочно займет умы светских дам этого города. Так что у вас есть замечательная возможность открыть мастерскую по их изготовлению.

Изхазы наконец спустился с небес на грешную землю и удивленно спросил:

— Но, госпожа Хризштайн, ведь его производство требует... Требует хотя бы запасов китового уса, а еще нужны лекала на разные типы фигур, ведь я же шил его для вас, по эскизу вашей служанки. — Он робко кивнул на Тень, которая скромно потупилась.

— Я вложу деньги, скажем за семьдесят процентов будущей прибыли. закажете необходимое. Что же касается лекал, то боюсь вам придется отправиться в столицу западного княжества. Купите несколько корсетов, разберете и снимете самостоятельно лекала, поскольку вряд ли кто-нибудь из гарлегских мастериц захочет выдавать их готовыми.

Изхазы обеспокоенно взглянул на жену.

— Я не могу оставить семью, вы же понимаете, мне надо присматривать за...

Я кивнула на свою невольницу.

— Я думаю, что на время вашего отсутствия обо всем сможет позаботиться Тень, правда?

Женщина радостно кивнула головой, с обожанием смотря на девчонку, к которой успела привязаться, пока та жила с нами.

— Не беспокойтесь, господин Изхазы. Я присмотрю за вашими девочками.

Госпожу Адели Изхазы, похоже, нисколько не смутило, что ее назвали девочкой, она благосклонно кивнула Тени:

— Буду признательна за помощь по хозяйству.

Мартен, который внимательно прислушивался к нашему обсуждению, вдруг сказал:

— Г-г-госпожа Хризшгайн, а если з-з-заменить китовый ус? Можно п-п-попробовать металлические п-п-пластинки, если...

Я покачала головой:

— Гибкость не та, такой корсет будет много весить, плохо ложиться по фигуре, а кроме того, — я задумалась. — Хотя ты знаешь, Мартен, можно будет и попробовать. Делать утяжеленные версии для стражников, тогда пластины будут защищать от удара. Но нет, все-таки нет, не по карману это простому стражнику, даже вояги не расщедрятся на такое укрепление для своей стражи. Разве что капитаны да воеводы, вот только...

Я представила некоторых пузатых воевод княжества, зажавшихся до неприличия в виду отсутствия военных конфликтов, утянутыми в строгий корсет, который зачастую не дает лишний раз вздохнуть глубоко или свободно пошевелиться, и расхохоталась. Мартен смотрел на меня с недоумением.

— Г-г-госпожа, а если я д-д-добьюсь, чтобы корсет стоил недорого? Я уже п-п-придумал, как сделать такие п-п-пластины из...

— А ну замолкни, паршивец! — старик Иволги стукнул кулаком по столу. — Ты и так все свободное время проводишь, мастера свои железки! Лучше б пекарней занимался, я ведь не вечен!

Мартен смущенно потупился, покаянно повесив голову. Я откинулась на стуле, мечтая ослабить шнуровку корсета хоть чуть-чуть, уже жалея о своем неумеренном обжорстве за ужином и задумчиво разглядывая старика Иволги и его такого удивительного сына.

— Госпожа Хризшгайн, — старичок прищурился и лукаво улыбнулся. — Я вот что думаю, надобно Мартена женить. На крепкой такой бабенке, чтоб всю его дурь к железкам повыбивала, да чтоб за пекарней присматривала, обо мне заботилась. А то ведь от этого паршивца стакана воды не дождешься, будет сидеть в своем подвале, молотком стучать!

Мартен действительно все свободное время и деньги тратил на свои поделки, которые уже занимали почти полподвала, отцу он помогал неохотно, исключительно из сыновнего долга. Да и глупо пытаться сломать человека с таким уникальным пристрастием к механике, заставляя заниматься не своим делом. Ведь случись что со стариком, Мартен тут же забросит пекарню и подастся в Академию. Туда он не поступит, денег не хватит, но вот работу при ней найдет и будет совершенно счастлив, отдавая за гроши свои изобретения бездарным студиозам или профессорам.

— Женим, бабушка Иволги, — мягко сказала я наконец, прекращая их перебранку. — Обязательно женим, сама об этом позабочусь.

Я перевела взгляд на портного.

— Господин Изхази, не считите за труд, зайдите завтра в лавку готового платья, купите мужскую сорочку, брюки, жилет, все хорошего кроя да подороже, и... — я замялась, подбирая формулировку. — И самое вычурное и безвкусное, чтоб в глаза бросалось.

— Зачем? И на какой размер подобрать?

— Господина Тиффано помните? На его фигуру и подберите.

Портной пожал плечами.

— Помню я господина инквизитора, как не помнить. Только зачем ему такое?

Я только загадочно улыбнулась.

Завтра мне надо выглядеть не просто хорошо, а отлично, поэтому я плюнула на свои принципы и все-таки спустилась в подвал. Капля отвратительно воняющего жира с грибным эликсиром, смешанная с лавандовым маслом, сотворила настоящее чудо с лицом. Исчезли круги под глазами, кожа засияла здоровым румянцем, вот только взгляд все равно остался мертвым и пустым. Тень приготовила для меня ванну, в которой я теперь отмокала, чувствуя как смывается усталость и уходят последние сомнения. Неслышно на край ванны скользнула тонкая фигура в шелковом платье. Матушка Гён, собственной персоной, слегка сдвинув свои изящные брови, проверила тепло воды и усмехнулась мне. Ее круглое лицо, несмотря на возраст, оставалось чистым и молодым, а глаза сияли не в пример моим.

— Совсем глупой стала, дочка, — прошептала мара, склонив голову на бок и глядя на меня с улыбкой.

— Уйди, — я брызнула в нее водой, и на шелке появились мелкие пятнышки. — Чего пришла?

— Ты главное попробуй, — мара как обычно говорила загадками. — Вдруг получится.

— Что получится? — спросила я и тут же пожалела, не стоило потакать собственному безумному бреду.

— Вдруг в этот раз тебе не будет больно, — взгляд ее прекрасных раскосых глаз был мечтательным.

Вместо ответа я набрала побольше воздуха и с головой ушла под воду, задерживая дыхание до тех пор, пока легкие не стало разрывать от боли.

Все утро я провела за расчетами, прикидывая будущие вложения. Этому меня научил атаман Безумных бардов. Планируя очередную крупную авантюру, Шушье всегда усаживал меня рядом и поучал: «Запиши все риски и траты, сколько дать на лапу стражникам, сколько заплатить мелкой шушере, чтобы информацию найти, какой процент отстегнуть скупщику, кто может донести, кто просто подвести в нужный момент. А потом сядь и посчитай, может не стоит игра свеч?» И всегда хитро улыбался. Он всегда улыбался, скаля зубы даже в самые опасные моменты. Как оказалось, к торговым и прочим делам такой подход тоже годился. Деньги, заплаченные мелким воришкам и попрошайкам, позволяли мне быть в курсе происходящего в городе, тем более сейчас, когда на кону такая ставка, как состояние помчицы. Еще пришлось щедро прикармливать стражников из громады и церковных служек. В том, что Святой Престол так просто не отдаст мне свои земли, я не сомневалась. Так что вложения были оправданы, проблема заключалась только в том, что похоже в ближайшее время от идеи производства корсетов придется отказаться. Денег, увы, не хватало, если только не найти дополнительные источники. Задумчиво вывела недостаток на бумаге, подводя итог, и вздохнула — значит, будем искать.

Я придирчиво осматривала обновки для господина инквизитора, что к обеду принес портной Изхази. Узкие брюки сочно-зеленого цвета, кричащая шелковая рубашка канареечного оттенка и жилетка из светлой кожи — не слишком пестро получается, я с сомнением покачала головой. Господин Изхази обеспокоенно поерзал на стуле:

— Госпожа Хризштайн, вам не нравится? Вы сами просили то, что поярче.

— Не нравится, — кивнула я. — Потому что недостаточно ярко. Недостаточно вульгарно. Недостаточно бросается в глаза. Демон!

Я с досадой швырнула тряпки на стол.

— Неужели не было красного, например?

Портной развел руками.

— Это самые яркие тона, все остальное было темных оттенков, простите.

Я задумалась, выстукивая костяшками пальцев по столу неслышную мелодию. Мысли сбились и теперь крутились вокруг вопроса — как инквизитор узнал, что это был именно колыбельный мотив? Я напевала без слов, а мелодия была тягучей и больше похожей на церковные песнопения, чем на колыбельную. Я ведь слышала слова, а инквизитор нет. Так откуда он узнал? Всего лишь несколько строчек, хорошо бы узнать текст полностью. Вот только откуда? Я вскинулась, идея пришла неожиданно.

Через два часа прибежал запыхавшийся Антон, принес именно то, чего так не хватало в костюме для господина инквизитора.

— Хриз, зачем тебе все это? — Антон махнул рукой на увесистый саквояж, который извозчик с трудом грузил в экипаж. — Скажи, что не будешь опять воровать, пожалуйста.

— Антон, милый, ну что я могу воровать в борделе, сам подумай, — я потрепала его по волосам.

— Тогда зачем тебе кожаные мешки и столько оружия? — мальчик не собирался так просто отступить.

— Надо. Не волнуйся, ничего противозаконного я не совершу.

В экипаже я представила, какую истерику мне закатит инквизитор, когда услышит, во что ему придется одеться, и у меня сразу же заныла голова. Откинувшись на мягком сидении, я прикрыла глаза — мелодия все не отпускала меня. Казалось, еще чуть-чуть, и вспомню или услышу слова, но вместо этого я провалилась в дрему.

Господина инквизитора не оказалось дома, хотя я предупреждала, что буду к пяти. С досады поскандалила с привратником, который наотрез отказался пускать меня обождать господина Тиффано в его комнаты, и теперь раздраженно металась по холлу. Красавчик соизволил появиться только к шести, к тому времени я была уже в таком состоянии, который Антон обычно называл гадючным, потому что любое неосторожное движение окружающих могло вызвать у меня молниеносную вспышку ярости.

— Где вас носило? — я говорила отдельно, медленно и зло. — Вы намеренно заставили меня столько ждать?

Красавчик непонимающе уставился на меня, потом бросил взгляд на настенные часы и сообразил:

— Простите, я совсем забыл про время. Неотложные церковные дела. Но я готов ехать, только возьму записи.

И, как ни в чем не бывало, прошел мимо меня, направляясь к лестнице. Я остервенело вцепилась в ручку дорожного кофра и бросилась за ним следом. Привратник осуждающе покачал головой мне вслед.

— И вы собираетесь ехать в бордель вот в этом? — я влетела в его комнату следом за ним, захлопнув за собой дверь и швырнув на стул опостылевший кофр.

Красавчик удивленно посмотрел на меня:

— Конечно, я веду официальное дознание и обязан быть в мантии. Что вас не устраивает? И почему вы врываетесь ко мне в комнату? Подождите внизу...

— Заткнитесь! — я затрясла головой, отчаянно прогоняя видения того, как

расквашиваю ему нос. Лишь бы не сорваться! — Вы немедленно переодеваетесь в светскую одежду.

Я распахнула кофр и вытащила вещи, швырнув их в лицо красавчику.

— Вот, держите. И не вздумайте!...

Я пресекла его попытки возмутиться, практически перейдя на злобное шипение.

— Даже не вздумайте отказаться. Я прождала вас целый час! Если бы вы пришли вовремя, я бы возможно потратила время на уговоры и увещевания, но не теперь. Поэтому, или вы переодеваетесь, или я отправляюсь одна. И учтите, что мне всего лишь надо доказать невиновность помчика, а не найти колдуна. А сделать это я могу очень легко, мне просто надо дождаться еще одного убийства. У вас пять минут.

Кивком головы указав на лежащие на полу вещи, я уселась в потертое кресло, скрестив руки на груди. Красавчик спокойно смотрел на мою вспышку ярости, словно решая что-то про себя. Потом вздохнул и сказал, поднимая одежду с пола:

— Госпожа Хризшгайн, не надо так нервничать. Я переодеюсь, не волнуйтесь. Мне бы не хотелось стать причиной усугубления вашего состояния...

Жалость с едва уловимым насмешливым превосходством взрослого над неразумным ребенком в его взгляде, брошенном на меня, когда он закрыл за собой дверь спальни, заставили меня вскочить и в бешенстве заметаться по комнате. Мерзавец! Я пнула ногой продавленный диванчик, боль в ноге тут же отрезвила меня. Не время и не место. Глубоко вздохнула, успокаивая ярость, осмотрелась. Убогость обстановки кабинета, мягко говоря, удручала. Обношенная меблировка, очевидно, досталась инквизитору от старых владельцев, пожелтевшие обои, выцветшие скромные занавеси на окнах, сломанный стул в углу, на котором сиротливо громоздилась стопка книг в призрачном равновесии, и наконец, единственный предмет роскоши — добротный вишневый шкаф, по завязку набитый дорогими изданиями.

— И чего вы добиваетесь? Сделать из меня посмешище?

Красавчик недоуменно смотрел на меня, стоя посреди кабинета. Даже в таком нелепом сочетании цветов он все равно был чудо как хорош. Рубашка с жилеткой обозначили широкий разворот плеч, а брюки подчеркнули прекрасное сложение узких бедер, что раньше скрывались под свободной инквизиторской мантией. Я подошла ближе, придирчиво разглядывая созданный образ.

— Вы знаете, вам определенно идет это фасон, — я закатала ему рукав рубашки до локтя, обнажив красивые запястья. — Не понимаю, почему вы постоянно ходите в этой дурацкой мантии?

Кысей не сделал ни единой попытки вырвать руку или хотя бы возмутиться, что меня, признаться, несколько обеспокоило. Валерьянки он налакался, что ли? Или просто выпил для храбрости? Я приблизилась ближе и принялась у него лица, и он наконец то отшатнулся. Слава Единому!

— Прекратите, госпожа Хризшгайн. Я не знаю, что вы задумали, заставив меня одеть все это, только вы все равно должны понимать...

— Как вы думаете, господин инквизитор, если вы отправитесь в бордель в вашей нелепой мантии и заявите о проведении дознания, много ли вам скажут? Ровным счетом ничего! Ничего не видела, ничего не слышала, ничего никому не скажу! — отчеканила я, расстегивая пару пуговиц на его рубашке и поправляя ворот.

Красавчик ничуть не смутился, отвел мою руку и сказал слегка надменно:

— Вы должны понимать, госпожа Хришпайн, что переодень вы меня хоть в матроса, это все равно не скроет того, кто я есть. — И он распустил тугой хвост своих волос, что блестящей черной волной лег ему на плечи.

Только служителям Святого Престола разрешалось носить длинные волосы, причем их длина и прическа были строго регламентирована для разных санов и епархий, что позволяла церковникам узнавать друг друга и избегать неловкостей при общении вне официального представления. Теперь господин инквизитор, очевидно, вообразил, что победил в споре, потому что он развернулся, на ходу ослабляя галстук и расстегивая жилетку, и отправился в спальню. Я же стояла, едва сдерживая истерический хохот. Потом подошла к кофру и вытащила то, из-за чего Антон оббегал весь город, но все-таки достал.

— Не торопитесь, господин инквизитор, — я стояла в проеме двери, пряча за спиной свое сокровище. — Неужели вы всерьез решили, что все так будет так просто?

Я подошла к нему, вглядываясь в отражение его глаз в зеркале, перехватила копну волос в хвост:

— Неудобство ведь легко устранимо, верно? Решается парой взмахов ножницами-, не так ли?

Невозмутимость красавчика наконец дала трещину, он яростно сверкнул глазами и в бешенстве обернулся ко мне:

— Уймись наконец! Единый видит, я долго терпел ваши капризы, но всему есть предел! Убирайтесь!

Он развернулся обратно, сорвал с себя галстук и продолжил расстегивать жилет. Я все-таки не выдержала и зашлась в хохоте, уткнувшись лбом ему в плечо. Красавчик досадливо передернул плечами, освобождаясь от моего прикосновения и скидывая с себя жилет.

— Полноте вам, успокойтесь, — я примиряющее похлопала его свободной рукой по плечу и добавила вкрадчиво. — Я придумала другое решение.

Скрутила его волосы в тугой пучок, достала из-за спины парик ярко-рыжего цвета и надела на оторопевшего господина инквизитора, аккуратно расправив пряди на макушке.

— А знаете, рыжий цвет вам даже к лицу...

Он прикрыл глаза на пару секунд, потом сорвал с себя парик и швырнул его на пол:

— Священнослужителя запрещено носить подобные вещи, и вам это должно быть прекрасно известно. Я не собираюсь позориться, как бы вам этого не хотелось!

Вот упрямец. Я подняла парик и брошенные вещи, развернула его к зеркалу и кивнула на его отражение:

— Господин инквизитор, — он попытался сбросить мои руки, но я крепко сжала его плечи, встала на цыпочки, чтобы быть вровень с его лицом и сказала, аккуратно подбирая каждое слово. — Я ведь о вас забочусь. Нам необходимо попасть в заведение госпожи Розмари под видом клиентов, чтобы узнать то, чего она в жизни не скажет на официальном дознании. Вы можете идти в своей мантии, пожалуйста. Только я ведь все равно оберну ситуацию так, что вас примут за клиента, что пришел позабавиться с девочками. И вы будете краснеть уже не как целомудренный праведник, а как представитель Инквизиции, что позорит ее своим недостойным поведением.

— Так вы мне одолжение делаете? Вы думаете, в вашем дурацком наряде меня никто не узнает?

Я накинула на него жилет, потом развернула красавчика и объяснила, завязывая ему галстук:

— Люди в основной своей массе довольно поверхностны, глупы и невнимательны. В глаза бросаются яркость и нелепость костюма, ярко-рыжий цвет волос отвлекает внимание от лица, что делает вас практически не узнаваемым. Даже если кто-нибудь из девиц заведения госпожи Розмари и видел вас на процессе, то едва ли они узнают ваше лицо. Поверьте, все будут смотреть на ваш...

Я замялась, подыскивая слова помягче.

— Скажем так, на вашу мужественную фигуру... Поехали, мы и так по вашей милости запаздываем.

В экипаже Кысей продолжал хранить возмущенное молчание, уставившись в окно. Я разглядывала его гордый профиль и раздумывала, стоит ли спрашивать про колыбельную. Наверняка он должен знать слова, если вспомнил мотив. Я уже открыла рот, чтобы задать вопрос, как он опередил меня, нарушив хрупкую тишину:

— Это ведь вы дали яд Анне Малко? — и посмотрел на меня с нескрываемым отвращением.

Я слегка прикрыла глаза и вытянула ноги на сиденье напротив, прямо рядом с ним. Корсет ужасно жал, совсем отвыкла от его мучительного изящества.

— Я жду ответа! — красавчик раздраженно хлопнул меня по сапогу, избавляясь от неприятного соседства.

Я лениво приоткрыла глаза и насмешливо сказала:

— Понятия не имею, о чем вы говорите, — и зевнула.

Глаза инквизитора потемнели.

— Вы лжете, и даже не пытаетесь делать это хорошо. Вы толкнули бедную девушку на смерть, чтобы заполнить состояние ее матери. У вас есть хоть что-то святое?

— А-а, то есть в церковной больничке ее ждала бы счастливая и беззаботная жизнь? Особенно учитывая размеры состояния ее матери и лакомые церковные земли... Вообще-то, господин инквизитор, если бы я не согласилась помочь ей, она бы не пошла в суд. Сказать, где бы сейчас была ваша колдунья?

— Довольно! Это не оправдание. Самоубийство — тягчайший грех, проистекающий от малодушия и безверия. Своим бегством от страданий, что выпали на ее долю, она лишила себя возможности покаяния, вместо того, чтобы найти в себе силы и обратиться за помощью к Единому. А вы ей потакали! Потому что вам это было выгодно...

Я пересела на его сторону и взяла красавчика под локоть.

— Знаете, господин инквизитор, все эти глупости про грехи и веру меня мало трогают, но я честно пыталась ее отговорить. Потому что считаю, что убивая себя, человек расписывается в собственной слабости, словно говоря окружающему миру: "Ты победил!". Пока живешь, пока дышишь, надо бороться. Жить назло врагам. Вся наша жизнь — это непрекращающаяся борьба. И знаете, кто выигрывает в этой борьбе?

Инквизитор отстранился, с жалостью посмотрел на меня и покачал головой.

— Тот, кто не сомневается в победе. Но Анна расписалась в собственном поражении, понимаете? Вы всерьез думаете, что она бы не нашла возможность покончить с собой в больнице? Например, просто отказавшись принимать пищу?

— Как же вам живется без веры в душе, с одной лишь ненавистью и болью? — Кысей испытующе взгляделся мне в глаза, словно действительно силился проникнуть в мои мысли.

По крыше экипажа забарабанили тяжелые капли дождя. Я вздохнула и обеспокоенно

выглянула в окно, мы уже почти приехали.

Бордель с гордым названием "Бухта любви" располагался на набережной, недалеко от приличных пансионов и роскошных домов знати, занимая двухэтажное каменное здание с вычурной вывеской. Вывеска была театральная, свидетельствующая о том, что заведение претендует не только на удовлетворение низменных плотских желаний требовательной публики, но еще и является сосредоточием интеллектуальных удовольствий. Экипаж заехал в арку, где расторопный прислужник тут же открыл над нами широкий зонт.

— Господин инквизитор, пожалуйста, просто молчите все время, ладно? — прошептала я своему спутнику, беря его под руку. — Нам надо разузнать все, что возможно, притворившись клиентами. Не заставляйте ждать.

Оглушающий рокот ливня мгновенно смолк, стоило привратнику захлопнуть за нами двери, словно отрезав нас от внешнего мира. Навстречу нам вышла respectable вида пожилая дама, которая приветливо улыбнулась, окинув нас оценивающим взглядом. От ее внимательного взгляда не укрылись ни мои фамильные серьги и подвеска из розового жемчуга, ни вычурный перстень с крупным рубином, ни роскошное шифоновое платье с открытыми плечами. И конечно, модная новинка — корсет, что по карману лишь знати, была тут же отмечена и взята на карандаш. А вот мой спутник удостоился лишь мимолетного взгляда. Опытная экономка тут же поняла, кто будет платить и соответственно заказывать музыку.

— Пройдите, пожалуйста, за мной в приемную залу, — она кивнула мне, признавая мою платежеспособность, и повела нас анфиладой коридоров.

Я разглядывала убранство заведения, пряча улыбку. Провинциальная попытка имитировать дорогой столичный бордель была настолько очевидной, что умиляла до крайности. На стенах были вывешены безвкусные пикантные картины, запечатлевшие сцены соращения юных красавиц, в нишах взгляд наткнулся на бездарные статуи полуобнаженных девиц, что навечно застыли в сладострастных позах, а в воздухе витал густой чувственный аромат иланг-иланга, тонкая нотка розового масла, тяжелый привкус мускуса и самую малость корицы. Пожалуй, запах был единственным достойным элементом сего заведения. Господин инквизитор остановился, на его щеках расцвел густой румянец, покрасневшие глаза были опущены вниз. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке и вдруг громко чихнул. На его лице было откровенное страдание. На запах он так реагирует, что ли?

Я взяла его за ладонь, сжала ее и потащила за экономкой.

Приемная зала представляла собой просторную комнату, оформленную в морской тематике. Центральное место занимал роскошный фонтан в виде громадной ракушки, на дне которой искрились золотые монеты и драгоценные камни. Безусловно, фальшивые, как впрочем, и все в этом месте. В воде резвились юные грации в тонких одеждах, что создавала пикантную иллюзию прозрачности от намокшей ткани, плотно облегающей тело. Неплохая задумка, но вот разнообразие оставляло желать лучшего, не в пример столичным изыскам. Были блондинки, брюнетки, русые, но я не увидела ни одной рыжей, а еще требовательный клиент наверняка бы потребовал аппетитную толстушку, а здесь все девицы были как на подбор стройными. Я недовольно покачала головой: и куда смотрит хозяйка заведения? Я могла бы назвать еще с десятков промахов, но сейчас мне было не до этого.

При нашем приходе девушки оживились, кидая томные взгляды на красавчика и недоуменные на меня. Пальцы инквизитора все больше впивались мне в ладонь, глаза в пол, зубы стиснуты — да он похоже даже не замечал, насколько напряжен в своем нелепом

желании отгородиться от блудливого очарования этого места.

— Присаживайтесь, — экономка кивнула нам на изящную оттоманку рядом со столиком, ломящимся от экзотических угощений, с сомнением покосилась в сторону красавчика. — Осматривайтесь, выбирайте. Стоимость будет зависеть...

Я прервала женщину, демонстративно вытащив и потрусив мешочек с золотом:

— Такие мелочи меня не волнуют, уважаемая. У нас с господином ин..., - я прикусила язык. — С моим спутником особые запросы, знаете ли. Даже и не знаю... В провинции все так убого, хотя мне и порекомендовали ваше заведение как лучшее в своем роде, но...

Экономка оказалась отменно вышколенной, поэтому понимающе кивнула и сказала:

— Обождите здесь, к вам спустится хозяйка. Думаю, она сможет вам помочь.

Я благосклонно кивнула и уселась на неудобный диванчик, потянув за собой красавчика и тщетно пытаясь высвободить ладонь из его рук.

— Отпустите мою ладонь, пожалуйста, — мягко сказала я. — Вы хотите ее раздавить?

Он с изумлением посмотрел на свою руку, словно видел ее впервые, и разжал пальцы, вцепившись теперь уже в край диванчика. Я потрясла в воздухе рукой, пытаясь восстановить чувствительность, потом прильнула к плечу красавчика, провела пальцами по его щеке. Он дернулся, но я придвинулась еще ближе и прошептала:

— Да не дергайтесь вы. И так уже экономка подозрительно косится на вашу кислую физиономию. Поднимите глаза, улыбнитесь, посмотрите на девушек. Они вас не съедят.

Кысей страдальчески нахмурился и опять чихнул.

— Это у вас такая реакция на возбуждение? — обеспокоенно спросила я. — Хотя нет, помнится, когда мы целовались, вы совсем не чихали. Простудились?

Я приложила ладонь в его лбу, он скрипнул зубами и пробормотал:

— Вы верно забавляетесь, да? Признайтесь, вам ведь нравится меня донимать, испытывать мое терпение. Наверняка думаете: «А что будет, если тыкнуть его носом в грязь человеческую и посмотреть, как он будет возмущаться!»

Я вздохнула.

— Не без этого, признаю, господин инквизитор. Только знаете, вы сейчас все свои страдания пустите насмарку, если будете продолжать в подобном роде. Возьмите себя уже в руки...

Мимо нас прошла самая смелая девица, призывно качая бедрами и распространяя после себя густой шлейф пряно-сладких ароматов. Кысей опять чихнул и шмыгнул носом. Девица разочарованно надула губки и ушла.

— Да что с вами такое? — я видела, что красавчика стремительно развозит. — У вас повышенная чувствительность к одному из ароматов? Раньше было такое?

— Не знаю, — зло сказал инквизитор. — Прекратите меня лапать!

— Ладно, сделайте тогда сердитый и недовольный вид, презрительно осмотрите товар и надуйтесь. У вас это должно хорошо выйти.

Я больно толкнула его локтем в бок и добавила, кивая на идущую к нам высокую тощую даму:

— Я сейчас буду говорить с хозяйкой. Предупреждаю сразу — чтобы не слышали, не подавайте вида, ладно? И подыграйте, если будет необходимость.

Госпожа Розмари довольно сухо нам улыбнулась и присела напротив, сложив руку на коленях.

— Я рада приветствовать дорогих гостей в «Бухте любви», — у нее оказался на редкость

приятный мелодичный голос, абсолютно не сочетающийся с вытянутым лошадиным лицом. — Наше заведение готово предложить вам самые изощренные удовольствия и все мыслимые наслаждения...

Я несколько резко прервала ее:

— Так уж и все? Пока я не вижу желаемого.

— Так скажите, что именно вы хотите, и я уверена, что смогу вам помочь, — хозяйка обвела рукой пространство зала.

— Видите ли, госпожа Розмари, — я доверительно наклонилась к ней. — У меня довольно необычные запросы, я люблю... смотреть. Люблю смотреть на безумное неистовство настоящей дикой страсти. — Я кивнула в сторону красавчика, который, к счастью, сидел с непроницаемым видом. — Меня это возбуждает, особенно если девица сопротивляется, понимаете?

Хозяйка кивнула с непроницаемым лицом.

— Выбирайте любую. Могу предложить Анику, чудная белокурая девочка, настоящий ангелочек. Есть темноволосая Эмили, гордая неприступная красавица. Вон та, что задумчиво сидит на бортике, зовется Флорой, немного хромает, но некоторым напротив такой изъяс только по душе. Еще есть...

— Довольно! Вы не понимаете? — я сердито смотрела на сводню. — Мне нужна истинная страсть, а не притворство, я хочу видеть настоящее, не наигранное сопротивление, застенчивость первого касания, испуг запретного удовольствия... Умоляю вас, скажите, что у вас есть девственница! Что мы не зря приехали сюда!

Хозяйка сокрушенно покачала головой:

— Увы, госпожа, девственницы по нынешним временам — товар дорогой и редкий.

— Я так и знала! — я досадливо хлопнула себя по колену и встала. — Милый, ну не хмурься, да-да, знаю, ты был прав, глупо было рассчитывать на то, что в провинции будет такой же выбор, как в столичном «Храме наслаждений».

Госпожа Розмари удивленно вскинула брови, название закрытого и очень дорогого столичного борделя было ей явно знакомо. Я внимательно наблюдала за ее реакцией, готовя следующую ловушку.

— Но может быть у вас есть совсем юный товар? Уверяю вас, возраст не станет помехой!

Едва уловимая нотка брезгливости, проскользнувшая в ее голосе, подсказала мне, что в ее заведении нравы не настолько вольны, как в столице:

— Мы не торгуем детьми, госпожа, если вы это имеете в виду. Уверяю, наши девочки смогут сыграть любой ваш каприз, попробуйте, прошу вас. — При этом ей явно не хотелось терять дорогого клиента.

Я в притворном изнеможении опустила на оттоманку рядом с инквизитором, который сидел каменным изваянием.

— Но беда в том, что я не вижу среди ваших девочек рыженьких, госпожа Розмари! Мне нужна рыжеволосая, юная, с россыпью веснушек на очаровательном носике, мраморно-прозрачной кожей, светлыми испуганными глазками, хрупкая, словно травинка, и самое главное — невинная! — я мечтательно прикрыла глаза, рассматривая сводню из-под опущенных ресниц. На лице хозяйки отразилась целая гамма чувств: досада, замешательство, злость, неуверенность, потом прозрение, как раз в тот миг, когда я уже была готова согласиться и на блондиночку.

— Обождите! У нас есть рыженькая. Правда, глазки у нее темные, но это ведь такая малость, верно? И веснушечки есть, и молоденькая. Только вот...

— Только что? — я достаточно вывела хозяйку из равновесия своими капризами, можно и к вопросам приступать, так что мне было все равно, что не так с рыженькой. — Да говорите, не томите!

— Недавно она у нас совсем, не обтесалась еще, может взбрыкнуть. Хотя вы же обмолвились, что нравится, когда девица непокорная... — хозяйка сейчас разрывалась между желанием угодить клиенту и беспокойством за возможные неприятности с новенькой.

— О, уверяю вас, если она будет с норовом, я приплачу! Но постойте, я не вижу ее среди ваших граций, — теперь была моя очередь обвести рукой просторы зала. — Или она настолько буйная, что вы не рискуете выпускать ее к гостям?

Хозяйка прикусила губу, ее темные глаза уверенно сверкнули, она заглотнула наживку и теперь не собиралась отпускать добычу в лице похотливой клиентки с причудами. Инквизитор оглушительно чихнул, я слегка отодвинулась.

— Детка Пиона, так ее зовут, сейчас занята с другим клиентом, и если вы готовы обождать, скажем, около часа, то...

— С клиентом... — разочарованно протянула я, опять доводя хозяйку до иступления своими прихотями. — А говорили, что непокорная... Не бойтесь, что доставит вам неприятности, отвадит дорогого гостя?

Хозяйка уверенно улыбнулась.

— Гость предупрежден, сам выбрал. Уж больно ему понравилась рыженькая...

— Хорошо, — горько вздохнула я. — Мы подождем. Только проводите нас в комнаты, мой спутник крайне чувствителен к некоторым ароматам...

— Конечно, конечно, — хозяйка встала и вздохнула с таким видимым облегчением, что мне ее почти стало жаль.

— Да, кстати, — я и не думала так просто отпускать беднягу из своей сетей. — Насколько далеко может зайти мой возлюбленный? Я щедро заплачу, если вдруг случится неприятность...

Я достала второй мешочек золота и помахала у нее перед носом. Секундное замешательство в глазах сводни боролось с жадностью, и последняя победила:

— Мне бы не хотелось, чтобы вы портили товарный вид девочке, ей еще работать, но если вы настаиваете...

— Вы меня опять не поняли, — я покачала головой. — Просто руки моего спутника могут слишком долго задержаться на прекрасной шейке вашей Пионы. О, в большинстве случаев я успеваю вмешаться, но сами понимаете, не всегда возможным представляется контролировать себя в такие интимные моменты...

Хозяйка нервно сглотнула, как будто представив себя на месте несчастной задыхающейся девицы, потом отрицательно помотала головой:

— Нет, это никак недопустимо! Я не хочу иметь неприятностей с громадскими властями...

Лицо инквизитора стало бледнее мела.

— Да полноте вам! — уговаривала я. — Неужто вы не договоритесь с капитаном за щедрое вознаграждение закрыть глаза на неприятность с какой-то девкой?

— Прощу вас, — хозяйка решительно скрестила руки на груди. — У меня и так уже... —

Она досадливо прикусила язык.

— Да, я слышала про прискорбный случай, случившийся с одной из ваших подопечных, — я насмешливо смотрела на бледную госпожу Розмари. — Собственно, поэтому и решила, что в вашем заведении допустимы...мм... подобные вольности. Мне жаль, что я ошиблась...

— Неужели слухи уже поползли по городу? — в отчаянии прошептала сводня.

Я проигнорировала ее. Оставалось последнее, что надо было сделать.

— Ладно, я обещаю, что мой спутник не пойдет слишком далеко, — решительно сказала я. — Хотя бы разместите нас в той самой комнате, где все случилось. Мрачное очарование смерти необычайно возбуждает, как вам известно, небольшое возмещение, но все же...

— Но там еще... не все успели отдраить, следы... — хозяйка опять прикусила язычок. Что ж ты, голубушка, такая мягкосердечная? В твоём-то деле это уже непростительная слабость, хотя в провинциальном городке вряд ли есть серьезная конкуренция.

— Вот и отлично, — я встала, подхватила господина инквизитора под локоть и добавила. — Пусть нас проводят туда немедленно. И еще, мой спутник любит переодеваться, его вещи пусть заберут из экипажа и доставят в комнату.

Однако, к моему удивлению, госпожа Розмари непреклонно преградила нам путь.

— Обождите, мне надо удостовериться, что ваш спутник здоров, вы же понимаете, — и она красноречиво кивнула на красавчика, устремив взгляд на его штаны.

Демон, я и забыла о подобной практике: в приличных борделях, если такое слово в принципе применимо к подобным заведениям, тщательно следили за тем, чтобы клиент не занес звездную сыпь, поэтому экономка или сама сводня прощупывала мужское достоинство гостя на предмет предательских узелков. Господин инквизитор непонимающе возрился на госпожу Розмари, а я лихорадочно соображала, что делать. Красавчик вряд ли благосклонно отнесется к подобной процедуре, устроит скандал, придется на ходу менять планы... Я встала перед хозяйкой, заслоняя собой Кысея.

— Госпожа Розмари, уверяю вас, мой спутник обладает отменным здоровьем, — словно в отместку, господин инквизитор опять чихнул. — Кроме того, в столичных заведениях давно уже отменили подобную практику как крайне неэффективную. — Я лихорадочно соображала, что бы такое придумать. — Вместо этого...

— Да? — хозяйка заинтересованно выгнула бровь.

— Вместо этого... — демон, чтобы такое безобидное придумать?

Мой взгляд зацепился за серебряный кулон с бирюзой на шее у хозяйки. Как наяву, услышала насмешливое напутствие Шушье, когда он отправлял меня в очередную авантюру: "Чем чудовищней ложь, тем охотнее в нее верят, солнышко". Ну спасибо тебе, атаман, за науку.

— Достаточно всего лишь проверить реакцию слюны клиента на серебре. Если оно потемнеет, значит, гнать такого надо взащей.

Хозяйка казалось ошеломленной, но ведь так хочется поверить в удобные нелепости!

— Что за глупость? — инквизитор наконец понял, о чем идет речь, и решил возмутиться подобному невежеству. — Невозможно...

Мне опять пришлось больно садануть его локтем в бок, чтобы он заткнулся:

— Дорогой, вот и я говорю, глупость, форменная глупость! Это в десятом то веке опускаться до таких варварских методов, когда благородные ученые мужи давно уже изобрели значительно более комфортный метод. Кстати, госпожа Розмари, в столичных

заведениях для этих целей держат серебряные плевательницы, чтобы тактично провести проверку и не оскорбить недоверием уважаемых гостей. Впрочем, сойдет любой серебряный предмет...

Повинуясь повелительному жесту хозяйки, одна из девок принесла серебряную чашу, куда господин инквизитор неохотно сплюнул, под нашим строгим надзором. Госпожа Розмари, вытянув длинную шею, с замиранием ждала реакции на серебре, а я старалась сдерживать неуместный смешок, представляя, как переворачиваются в гробу те самые ученые мужи, посвятившие изучению звездной сыпи десятки томов.

— Сколько нужно подождать? — неуверенно спросила хозяйка, разглядывая содержимое чаши.

— О, минуты две-три достаточно, — я небрежно махнула рукой и взяла под локоть Кысея. Бесшумной тенью из ниоткуда возникла экономка, приняла у меня золото и вежливо попросила следовать за ней. На втором этаже комнаты перемежались с закрытыми ложами, что выходили балкончиками на пространство зала с фонтаном. Сейчас они были плотно закрытыми, но определенно использовались, очевидно, когда заведение временно превращалось в театр человеческих пороков. Коридор освещался газовыми лампами, я, признаться, не ожидала такой прогрессивности от провинциального борделя.

Экономка остановилась перед комнатой с изысканной табличкой "Прекрасная Лорелей" и слегка замешкалась, потом распахнула перед нами дверь.

В комнате стоял одуряющий запах лимона, что очевидно использовался для удаления пятен крови, плохо замытые разводы которой сразу бросались в глаза: они были на полу, неровной лужицей у окна, щедрым взмахом на стене и совсем немного на спинке кресла. Зеркальное трюмо перед креслом было завешено черной тканью, окна тщательно закрыты, громадная кровать под шелковым балдахином была удручающе пустой, а засохшие розы в вазе еще больше добавляли гнетущей атмосфере увядания в этой роскошной золотой клетке. Я вздохнула и отпустила экономку, заверив, что нас все устраивает. Едва за ней закрылась дверь, как Кысей тут же сорвал с себя парик и швырнул на пол.

— Что вы задумали дальше? До какой степени гнусности намерены дойти?

— Да успокойтесь уже, — я двинулась было к окну, чтобы распахнуть его и дать выветриться спертому воздуху комнаты, но запнулась. В кресле была она. Это могла быть только она. Я думала, что готова, но сейчас, заставить себя пройти мимо сидящей ко мне спиной мары, было выше моих сил.

— Откройте окно, пожалуйста, — сказала я инквизитору. — Здесь надо проветрить.

— Зачем же? — зло сказал красавчик, но послушно отворил окно. — Я думал, вам нравится, как же вы сказали?... ах да, мрачное очарование с привкусом смерти, так кажется?

Он двинулся к зеркалу с намерением сорвать с него ткань, но я представила в нем отражение мары и успела его остановить, крикнув:

— Не надо! — красавчик недоуменно оглянулся на меня. — Дурная примета же!

Он подошел ближе, всматриваясь в меня ровно в диковинку на ярмарке.

— Да что же вы за человек? Зачем все это кривлянье перед хозяйкой, эти мерзости, что вы навывдумывали про меня, про себя? — и опять чихнул.

— Будьте здоровы. Потому что благодаря этому спектаклю я выяснила то, чего вы бы не добились и за неделю допросов. — Я старалась не смотреть в сторону кресла, поэтому отвернулась и стала обрывать засохшие скелетики роз на прикроватном столике. — Во-первых, госпожа Розмари довольно мягкосердечна, тому свидетельствует ее отказ торговать

детьми и нежелание дать волю зарвавшемуся клиенту задушить одну из своих девок. Заметьте, я посулила более чем хорошее вознаграждение!

— Вы так говорите, будто могло быть иначе!

— О, уверяю вас, в столичном дорогом борделе типа «Храма наслаждений» возможно все, за что клиент готов платить. Как только за вами закрываются двери такого заведения, вы попадаете в совершенно иной мир, где не существует норм морали, совести или страха божьего. Хотите юную девочку семи лет — пустяки, желаете мальчика — милости просим, хотите на пару с приятелем отыметь одну шлюху — да бога ради, мечтаете придушить девку во время соития — пожалуйста, и приходите еще, милостивый господин!..

Инквизитор возмущенно прервал меня:

— Довольно, это невозможно! Как вы можете утверждать подобное? Можно подумать, вы там были лично и видели все своими глазами!

— Где я только не была, господин инквизитор, что я только не видела, — мрачно протянула я, словно заново ныряя в странно-порочную и притягательную клоаку столичного дома, куда меня отправил атаман.

Как же я тогда его ненавидела, дело было гнуснейшим, даже по моим меркам. К Безумным бардам обратился убитый горем отец, чьего единственного сыночка, надежду всего благородного рода, заразила звездной сыпью шлюха из такого заведения. Это он так думал и поручил нам найти стерву и расправиться с ней. И атаман не придумал ничего лучше, чем отправить туда меня. Хотя он и не знал всего, но... Очень сложно сохранить человеческий облик в подобном аду, поэтому я искренне радовалась, что здесь все не так пакостно. Но пожалуй, не стоит обременять господина инквизитора такими подробностями.

— Я к тому веду, господин Тиффано, что убийства шлюх были без ведома хозяйки. Она определенно расстроена и опасается того, как это отразится на репутации ее заведения. И если ее припугнуть как следует, вполне пойдет на сотрудничество.

— Именно это я и предлагал с самого начала, а не устраивать шпионские игры с дурацким переодеванием.

В дверь постучали.

— Минуточку! — крикнула я и сказала Кысею. — Прошу вас, наденьте парик обратно и не снимайте пока. Еще не время.

Привратник принес саквояж из экипажа, я поблагодарила его и дала золотой. Мара в кресле слегка повернула голову, и тихая, на грани слышимости мелодия стала медленно разъедать мой разум. Пожалуй, нет смысла далее тянуть. Я глубоко вздохнула и попросила:

— Разложите, пожалуйста, содержимое. И можете поделиться тем, что вам удалось раскопать в архивах, — и решительно сделала шаг к маре.

— Надо же, а я уж думал, что вам это неинтересно. Так... Первая девушка, Лиана, погибла в мае месяце, в архиве лишь скупой отчет по ее гибели с указанием причины смерти как несчастного случая. — Инквизитор читал из своих записей. — Никаких существенных подробностей...

Я подошла к маре и прошептала:

— Ивонна, поговори со мной, прошу тебя.

Вместо ответа мара опять запела. Это была все та же тягучая мелодия колыбельной, от которой сжималось сердце. Я стала ей тихонько подпевать.

— ... Вторую девушку звали Изабеллой, погибла в середине июля, причиной опять указан несчастный случай, но есть подробности. Так, указана рана на животе,

предположительно нанесенная при жизни, упомянуто отсутствие внутренних органов. Освидетельствование проводил знакомый вам доктор Скоридж. Тело было похоронено на Охмырском кладбище, я выписал разрешение на эксгумацию... Вы меня вообще слушаете?

Кысей смотрел на меня и вдруг сделал шаг ближе, вопросительно поведя головой.

— На что вы уставились?

Я оборвала мелодию и отступила назад, потому что мара просительно протягивала мне свою жуткую ношу, в ее пустых глазах застыли слезы, она умоляла:

— Скажи мне, прошу, я не вижу, сынок или дочечка?

Дыхания не хватало, корсет вдруг превратился в удушающие оковы, поэтому я аккуратно выдохнула:

— Дочечка, конечно дочечка!

— А она красивая? Здоровенькая? — призрачный голос мара рвал на части сердце.

— Она прекрасна, давай поддержи... — я вытянула руки и малодушно зажмурила глаза, готовая принять отвратительный комок. Горячая тяжесть обожгла ладони.

— У вас опять видения? — насмешливо спросил инквизитор и схватил меня за плечи, затряс. — Да очнитесь вы! Откройте глаза! Нет там никого, понимаете? Боже Единый, да безумие должно быть заразно!

Когда я открыла глаза, красавчик уже сорвал могильную темноту покрывала с зеркала и чехол с кресла:

— Вместо того, чтобы вести дознание по всем правилам, я как сумасшедший пошел у вас на поводу, поверил, что...

Мары не было, она исчезла, словно растворившись в зеркале.

— Что вы натворили? — я подошла к трюмо, схватилась за голову. — Она ушла!

Инквизитор смотрел на меня с ужасом.

— Что с вашими руками? — он резким движением перехватил мои запястья и вывернул ладони тыльной стороной. На них была кровь. Я горько и зло усмехнулась.

— Если бы вы не вмешались, господин инквизитор, я бы возможно уже сейчас знала, где потроха убитой девки!

— Прекратите! — он вытащил платок и стал судорожно оттирать кровь с моих ладоней. Глупец... Едва впитавшись в ткань, кровь вновь проступала на коже.

— Хватит! — я выдернула руки. — Помните, что я вам говорила? Может вы и думаете, что мои видения — это всего лишь плод больного разума, но для меня они реальны! Более чем!

Но Кысей явно не собирался сдаваться, он отрицательно мотнул головой, перехватил меня за плечо и потащил в ванную комнату. Я упрямо дернулась обратно, но красавчик слишком крепко держал:

— Вам надо лечиться, госпожа Хризштайн. Ваше состояние прогрессирует, если вы уже доводите себя до такой степени внушения...

— Пустите же! — я рванулась обратно, но в этот момент инквизитор справился с замком и распахнул дверь ванной комнаты. Ему под ноги вдруг с приглушенным криком метнулось рыжее облако волос, а за ним нашему взору предстал разъяренный толстяк с приспущенными штанами, в котором я, к своему удивлению, узнала кардинала Блейка, недавно назначенного в город. Со свежими царапинами на волосатой груди, он казалось был сплошь квадратным. Квадратное лицо с маленькими глазами под широкими бровями, с таким же квадратным туловищем без шеи, руки словно колоды и такие же коротенькие

ножки. Зрелище смешное, если бы не распаленный похотью взгляд. Он ничуть не смутился и попытался схватить свою жертву за волосы, но был перехвачен красавчиком, который наконец отпустил мое плечо. На вспыхнувшем алым румянцем лице инквизитора смешалось брезгливое изумление и растерянность, он узнал кардинала. Я тут же отступила, пряча руки и размышляя над иронией ситуации. Рыжая девка, что как щенок бросилась под ноги Кысею, теперь вцепилась в него и скулила:

— Милостивый господин, помогите, пожалуйста, пожалуйста, помогите...

Девушка была просто мечтой поэта или художника. Медно-рыжие густые волосы должно быть прекрасно смотрелись в огненных лучах заката вместе с фарфоровой белизной пышного тела, вдохновляя на создание очередного шедевра. Ее спелые карие глаза были наполнены мольбой и страхом, что вместе с кровью из разбитой губы на ангельском личике словно намеренно будили в мужчине всего два инстинкта: желание немедленно защитить это небесное создание, что явно сейчас двигало инквизитором, и инстинкт хищника — поймать и вонзить свои клыки в эту нежную плоть, что распалило обезумевшего кардинала. Я отвернулась от них, спокойно раскрыв саквояж и раскладывая на столике в углу все подходящее холодное оружие, что собрал для меня Антон в лавке оружейника: кинжалы с разной длиной лезвия, морской кортик, воровской стилет, несколько ножей, даже пару коротких сабель. Сняв тряпку, которой было бережно обернуто одно из лезвий, я стала наматывать ее себе на ладонь, чтобы скрыть кровавые следы. Между тем в отражении настенного зеркала мне было прекрасно видно всех участников разворачивающейся комедии абсурда.

— Немедленно прекратите! Ваше поведение недостойно! — инквизитор отпустил руку похотливого толстяка и кивнул ему на дверь. — Убирайтесь!

Толстяк выпучил пороссячи глазки и рявкнул:

— Да как ты смеешь, недоносок! Я заплатил достаточно! Прочь с дороги, — и двинулся вперед.

Инквизитор опешил, и я поняла, что он совсем забыл про свой дурацкий парик и не понимает, почему кардинал его игнорирует. Я довольно прочно замотала правую руку, и теперь повторяла действие с левой. Ощущение присутствия атамана стало настолько сильным, что я как наяву услышала его насмешку над своим хитроумным планом: "Чтобы ты не придумала, боже Единый тебя все равно оставит в дураках". И правда, не было ни единого раза, чтобы все случилось так, как я хотела. Но то, что происходило сейчас, это уже несмешно, право Единый, у тебя дурное чувство юмора!

— Я непременно, сегодня же, извещу Святой Престол о вашем недостойном поведении, кардинал Блейк, — инквизитор стоял перед толстяком каменным изваянием.

Мне вдруг дико захотелось, чтобы этот жирный боров врезал красавчику как следует да выбил из него всю дурь. Но едва толстяк занес руку для удара, как инквизитор заломил ее в локте и отшвырнул от себя, да так, что кардинал не удержал равновесия и упал на колени. Жалкое зрелище. Пора вмешаться.

— Да ты хоть знаешь, на кого руку поднял, тварь? Да я тебя сгною в застенках, — толстяк плевался от злости.

— Простите моего спутника, ваша святость, — вкрадчиво вмешалась я, подходя к инквизитору и носком сапога отталкивая докучливую девку. — Он забыл представиться, инквизитор Кысей Тиффано. Хотя я была уверена, что вы знакомы.

Я сняла с красавчика парик и распустила ему хвост, в глазах толстяка появилось

замешательство. Отлично, жертва ошарашена, значит можно продолжать. Я обеспокоенно продолжила:

— Ваша святость, умоляю скажите, вы же не успели с этой девкой?... — я помогла ему встать. — Простите господина инквизитора, он просто очень обеспокоен...

Толстяк попытался меня оттолкнуть, но я прижалась к нему сильнее и теперь шептала на ухо:

— Мы здесь по просьбе самого вояга. Он просил нас найти источник заразы, понимаете?...

Наконец-то! Азарт и похоть хищника в глазах мгновенно исчезли, уступив место животному страху.

— К-к-какой заразы?

— Тише, прошу вас! — я встревожено оглянулась на красавчика. — Не вспугните! Мы ее наконец нашли! — я поволокла толстяка в ванную комнату. — Эту ведь девку Пионией зовут? Хозяйка вам ведь не рекомендовала ее? Отговаривала небось? Мол, трепетная, юная да неопытная? Сопротивляться будет? Это чтоб вы не увидели звездной сыпи на ее коже!

Толстяк теперь дрожал всем телом. Я захлопнула за собой дверь, наконец отпустила его руку и вперилась в него тяжелым взглядом.

— Господин инквизитор за вас очень испугался, ведь уже так много заразившихся, это просто ужасно. Она вас поцарапала? Вот дрянь! Вам нужно срочно, слышите, срочно к аптекарю. Только умоляю, не говорите ничего хозяйке, не выдавайте господина инквизитора! Нам нужно вывести ее на чистую воду, хорошо?

— Да, да, конечно, — у толстяка трусились поджилки, он судорожно пытался натянуть штаны. — Я пойду, да?

— Идите, идите, ваша святость.

Я с улыбкой наблюдала, как этот боров, на ходу подбирая брюки и натываясь на предметы, улепetyвает через второй выход из ванной комнаты. Ванна была смежной с обеими комнатами, а хозяйка даже не подумала предупредить об этом! Дрянь, я тебе устрою веселую жизнь.

Я отворила дверь ванной и застала премилую сцену утешения юной девы благородным инквизитором. Она сидела на полу, всхлипывая и размазывая кулачком слезы по лицу, а Кысей протягивал ей свой платок.

— Не беспокойтесь, никто вас не обидит. Но вы должны покинуть это заведение как можно быстрее.

— Но я не могу, ведь... — девчонка отшатнулась от его движения, когда он протянул руку помочь ей встать. — Не надо, прошу вас! Я пойду, простите меня.

Пиона самостоятельно поднялась на ноги и побрела к двери, а инквизитор стоял с сжатыми кулаками и невидящим взглядом, глядя ей вслед. Еще одна проблема на мою голову! Но ведь если у тебя вдруг появляется слишком много проблем, то всегда можно попробовать решить их за счет друг друга, верно?

— А ну стоять! — крикнула я, принимая решение и чувствуя какой-то бешеный кураж. — Куда пошла? За тебя заплачено!

Инквизитор оглянулся на меня с полным негодования видом, но мне было плевать. Я быстро пересекла пространство комнаты, на ходу разматывая тряпки с ладони, и схватила девчонку за волосы.

— Ты не поняла? Или глухая?

— Госпожа, пустите, прошу вас! — захныкала она снова, пытаясь отцепить мою руку. Я ткнула ее носом в прикроватный столик, где уже успела разложить оружие. — Смотри, что мы для тебя приготовили! Славно повеселимся, хозяйка разрешила нам сделать с тобой все, что угодно.

— Немедленно прекратите! — гневный окрик инквизитора и его попытка отцепить меня от девчонки закончились тем, что я швырнула последнюю на кровать, а сама ловко вытолкала красавчика за дверь и захлопнула за ним дверь.

Он забарабанил в дверь, требуя немедленно открыть и грозясь ее выломать, но я прекрасно понимала, что на шум непременно явится привратник и угомонит его. Образ прекрасной маман Жермен из «Храма наслаждений» всплыл из глубин сознания и прилип к шкуре, словно досадно мелкая рыба чешуя. Я повернулась к съежившейся от страха Пионе и начала разматывать вторую руку.

— Поиграем, милочка?...

Глава 4. Инквизитор Тиффано

Она совсем обезумела?!? Что задумала, зачем издевается над бедной девочкой? Я что есть силы заколотил в дверь, тем не менее прекрасно понимая, что это бесполезно, Лидия не откроет. На шум из комнаты напротив выглянула любопытная полуголая девица, окинула меня оценивающим взглядом и поманила к себе. Я отрицательно помотал головой, понимая, что на шум непременно явится либо сама хозяйка, либо экономка, увидят меня без парика, и тогда... Демон, что же делать? И куда делся кардинал? Не могла же Лидия запереть его в ванне? Если только... Я подошел к соседней комнате и аккуратно нажал на ручку. Дверь поддалась, и я с облегчением проскользнул внутрь. Так и есть, ванная комната была смежной и к счастью не запертой. В комнате царил беспорядок и сильно пахло вином, разбитая бутылка которого валялась на ковре. Лужица алкоголя расплывалась неровными очертаниями, а его аромат пробивался даже сквозь заложенный нос. Застать в подобном месте высокопоставленного церковника казалось совершенно невозможным, но вот же, случилось! Отвращение и жгучий стыд за своего собрата по вере переполняли меня. Как Лидии удалось его утихомирить? Я толкнул дверь ванной комнаты, брезгливо переступил через брошенную рубашку и двинулся ко второму выходу. Приоткрыв дверь, на секунду замешкался: до меня доносился голос Лидии, спокойный и жесткий, тихие всхлипывания девицы, а их отражения были видны в зеркальном трюмо. Передо мной разворачивалась странная завораживающая пьеса, смысл которой мне был непонятен, и любопытство оказалось сильнее.

— ... А потом ты сгниешь в каком-нибудь третьесортном портовом борделе, готовая отдаться за бутылку рома или кусок хлеба. А может раньше тебя прирежет в пьяном угаре клиент, или до смерти изобьет сутенер.

Девица тихонько всхлипывала, сидя на кровати, а Лидия стояла напротив нее с совершенно отчужденным видом.

— Ты знаешь, как умирают от звездной сыпи? Нет? Я тебе сейчас расскажу. Сначала у тебя появляются всего лишь несколько красных звездочек на груди или в паху. Потом они начинают зудеть и болеть, набухать. Потом гноиться. Их становится все больше и больше. Следом идет лицо, оно начинает менять очертания. Знаешь, как смешно видеть таких неудачников, у которых нет носа, он сгнил, понимаешь?

Лидия расхохоталась так, что даже у меня мороз пошел по коже.

— Ты начинаешь заживо гнить, от тебя воняет мертвой падалью. Интересно, каково это — проснуться однажды и обнаружить, что от тебя отвалился очередной кусок плоти?

Девица взвизгнула и закрыла уши руками:

— Прошу вас, прекратите!

Я взялся за ручку двери...

— Что вы от меня хотите? Зачем рассказываете все эти ужасы?

— Зачем? — Лидия неуловимо поменялась, она вдруг стала странно-жеманной. — Милочка, у меня появились на тебя виды, знаешь ли. Ты мне понравилась, красивая, молодая, здоровая, пока еще здоровая... Вот думаю купить тебя.

Что за очередной бред? Лидия определенно что-то задумала, но вряд ли добровольно скажет, что именно. Я отпустил дверную ручку.

Деввица недоуменно вскинула глаза на свою мучительницу:

— Зачем я вам нужна?

— Милочка, а зачем покупают шлях? Чтобы пользоваться, не знала разве? Покупают их молодость и красоту. Но мне не нужна норовливая, мне нужна покорная, чтобы делала, что велено, понимаешь?

Лидия вдруг вздернула девчонку с кровати, поставила ее на ноги и провела рукой по ее щеке настолько недвусмысленным жестом, что я затаил дыхание. Девчонка дернулась как от пощечины, не замечая, что теперь у нее на щеках появился кровавый румянец с ладони Лидии.

— В-вам нравятся женщины? — запинаясь, пробормотала она.

Лидия захихикала тоненьким голоском. Да что с ней творится? Мне вспомнились слова отца Георга от том, что она носит маски, прячась за ними. На ней и в самом деле сейчас была словно чужая личина.

— Ох и насмешила ты меня, проказница! Да мне и мужчины то не особо, что уж тут... — и Лидия вновь зашлась в приступе истерического хохота, сгибаясь в три погибели.

И опять смена — ее смех оборвался неожиданно, она повернулась спиной к девчонке и скомандовала резко:

— Ослабь мне корсет, уж больно тугой, дышать тяжело.

Девчонка несмело подошла к ней, попыталась дрожащей рукой ослабить шнуровку, но у нее не получилось, она досадливо закусил палец со сломанным ногтем.

— Не можешь? Никчема! На что ты вообще способна, кукла с куриными мозгами? Только ноги раздвигать и можешь! — и Лидия вlepила девчонке оглушительную пощечину. — Теперь знаешь свое место, а?

И опять резкий переход к образу заботливой мамочки.

— Прости меня, милочка, — Лидия притянула к себе дрожащую девочку, обняла. — Дурочка, я же хочу как лучше, понимаешь? Ну зачем ты упрямисься? Будешь ласковой, послушной — славно заживешь, обещаю! Ты же верующая, да?

Несмотря на слабое сопротивление, Лидия выудила у нее из-под разодранной на плече рубашки святой символ на тоненькой цепочке, поиграла им у девчонки перед лицом.

— Так разве не должна ты смиряться перед волей Единого? Умерь свою гордыню и...

— Это грех! — девчонка вырвала у нее из рук свой оберег. — Грех то, что здесь творится. Я не дам себя больше...! Я лучше умру!

Она вырвалась из объятий, подбежала к столику и схватила первый попавшийся кинжал, приставив к своей вздымающейся груди. Демон, надо вмешаться, пока все не зашло слишком далеко! Но Лидия неожиданно захлопала в ладоши:

— Bravo! Как патетично! Вперед! Давай же, чего медлишь? Кстати, заколоть самой себя у тебя вряд ли получится, по крайней мере, с первого раза. Надо знать, куда метить, чтоб наверняка. Милочка, а ведь самоубийство тоже грех. Самый страшный грех. Тебя даже не похоронят на кладбище, закопают как собаку. Но какая в сущности разница, верно?

Девчонка всхлипнула и уронила кинжал, он тихо упал, поглощенный ворсом дорогого ковра.

— Тебя ведь Пионией зовут, верно? Красивое имя...

— Нет, это не мое имя. Меня звали...

— Тебя отныне зовут Пионией, — с нажимом произнесла Лидия, вновь подходя к девочке. — Будешь покорной и послушной, как я сказала. Я куплю тебя, милочка, и даже

более, сделаешь, как скажу — получишь свободу.

Пиона вскинула загоревшиеся надеждой глаза:

— Правда? Но...

Лидия взяла ее под руку и повела к зеркалу, усадила в кресло и нагнулась над ней, продолжая убеждать. Девчонка попыталась стереть кровавые разводы со щеки.

— Именно так. Посмотри на себя. Ты красивая, но глупая. Знаешь, как то одна очень мудрая женщина, старшая жена восточного хана сказала мне: "Сила женщины заключена не в ее красоте, красота проходит. Хочешь получить силу, научись любить и верить".

— Красиво... — прошептала девочка, почти готовая поддаться очарованию этой безумицы. Но с чего бы Лидии вдруг произносить что-то настолько правильное?

— Дурой она была, — усмехнулась Лидия. — Форменной дурой. Знаешь, что с ней случилось? Она отдала свою любовь и верность хану, родила ему детей, а он, когда она постарела, вышвырнул ее. И знаешь, эта идиотка еще и была ему благодарна, что изгнал, а не казнил, как до этого поступал со своими неугодными родственниками. Отправил ее в гарем, наставлять ему новых наложниц, вроде меня, представляешь? А она все равно ему прощала, продолжала любить, старалась угодить, ну не дура ли?

— Вы были в гареме? — в голосе Пионы слышался какой-то детский восторг, смешанный с затаенным страхом. — Я читала, что... Там правда все из золота? А павлинов вы видели, они в самом деле такие красивые? А правда, что наложницы умеют...

— Да заткнись ты, — раздраженно рявкнула Лидия, и я понял, что она опять сменила маску, хотя скорее всего, ей просто надоело уговаривать. — Красота завянет, любовь пройдет, и что же будешь делать? Запомни...

Она с силой вцепилась Пионе в плечо и страдальчески выгнула спину.

— Запомни, твоя единственная сила — вот здесь. — И Лидия с силой ткнула девочку указательным пальцем в висок. — В голове. Твое единственное оружие, что всегда с тобой, — это твой ум! Научись уже наконец пользоваться головой не только для того, чтобы носить волосы и мужиков ублажать!

Но глаза девчонки были затуманены, она едва ли слушала Лидию, витая в туманных далях выдуманной жаркой стран, роскошных дворцов и экзотических приключениях с непременно страстной любовью, пылкими признаниями, трагическими расставаниями и благородными поступками. Ох и зря же вы, госпожа Хризшгайн, упомянули про восточный гарем, вам лишь бы приврать для красного словца! Я усмехнулся, но в следующий миг улыбка сползла с моих губ.

Лицо Лидии побледнело от злости, а глаза стали совершенно безумные.

— Гредишь о неземной любви? Мечтаешь, да? А ты знаешь, что извращенцы тоже мечтают? Например, о том, чтобы придушить шлюху, что извивается под ними. Только на мечтах они не останавливаются, они идут дальше. Знаешь, сколько девок вроде тебя пошли с таким в комнаты и никогда не вышли оттуда? А я вот теперь думаю, а почему бы мне тоже не попробовать... — она вдруг сомкнула руки на горле Пионы.

Глаза девчонки округлились, она отчаянно забила руками в воздухе, потом вцепилась в Лидию, отчаянно пытаясь сделать глоток воздуха. Я влетел в комнату, крикнул:

— Довольно! — попытался оторвать ее от девчонки, прекрасно понимая, что безумца в состоянии острого обострения, как сейчас, бесполезно увещевать, но Лидия держала ее мертвой хваткой, словно окаменела. Девчонка сучила ногами по ковру, как внезапно Лидия ее отпустила, уставившись вниз. Я подхватил Пиону за плечи и отвел подальше от

сумасшедшей истерички. Девушка задыхалась и все никак не могла отдышаться.

— Как интересно, — вдруг сказал Лидия совершенно нормальным голосом и так буднично, что я не поверил своим ушам. Она повернулась к нам и скомандовала:

— Отодвиньте кресло, господин инквизитор. И отверните палас.

— Что? — я смотрел на нее, она теперь казалась совершенно вменяемой, как будто и не пыталась минуту назад задушить человека.

— Мне самой это сделать?

Я кивнул Пионе:

— Уходите скорей. — Девушка не заставила себя долго ждать, бегом кинулась к двери, но застыла возле выхода, растерянно обернулась.

Я послушно отодвинул кресло — в таком состоянии с невменяемой глупо спорить, однако недоумеваю, уловка ли это очередная или Лидии действительно что-то почудилось... И наконец увидел ту странность, что, очевидно, привлекла ее внимание. Кровавые потеки имелись на кресле, а на полу под ним не было ничего. Я отвернул край ковра: так и есть, ковер положили на плохо замытый от крови паркет, очертания лужи легко угадывались. И крови было много, она намертво въелась в дерево.

— Г-госпожа, простите, — голос Пионы дрожал, но она упрямо продолжила. — Верните мне мой оберег, прошу вас.

Лидия обернулась к ней с насмешливым видом и покачала в руках святой символ на оборванной цепочке:

— Твой?

Пиона смогла только кивнуть, затравленно глядя на нее.

— У тебя нет ничего твоего. Ты — вещь.

Я попытался перехватить руку Лидии, но она проворно отдернула ее и спрятала за спину:

— Немедленно верните ей оберег, не позорьтесь подобной мелочностью! — мне было нестерпимо стыдно за ее поведение и жестокость. Я двинулся к ней, но Лидия, к моему негодованию, демонстративно опустила цепочку себе в декольте:

— Попробуйте забрать, господин инквизитор. А ты запомни. Получишь свой оберег назад, когда станешь моей собственностью. Пошла вон.

Пиона всхлипнула и скрылась за дверью.

— Займемся делом, господин инквизитор, — пресекла Лидия мое возмущение. — У нас не так много времени.

Я схватил ее за плечи, но ударить большую женщину было выше моих сил:

— Если бы вы были мужчиной, видит Единый, я бы...

— Что? Ударили? — ее глаза были непроницаемыми. — У вас представится такая возможность, уверяю вас.

Она вывернулась и присела на корточки рядом с вьевшимися следами крови, поковыряла их пальцем задумчиво, растерла на ладони и понюхала.

— Вот значит как. Подойдите же, хватит там стоять. Что думаете?

— Можно подумать, вас действительно интересует мое мнение, — зло ответил я, но присел рядом. — Думаю, что кровь засохшая, и явно давешняя.

— Вот именно, — Лидия выпрямилась, скривилась болезненно и продолжила. — Поскольку крови было много, то вероятно, что предыдущая жертва была убита здесь, а значит...

Она вдруг перескочила на другую тему:

— Вы помните рану? Хотя откуда? Вас же мутило словно... — Лидия осеклась и досадливо махнула рукой. — Рана странная, края неровные, хотя видно, что нанесена одним или максимум двумя резкими ударами...

Я прервал ее, доставая из кармана бумаги:

— Не трудитесь, госпожа Хризшгайн, я прекрасно знаю, как выглядит рана.

— Интересно откуда? Вы набрались смелости и посетили ледник позже, без меня?

Я не чувствовал ни капли удовлетворения, только горечь пустоты:

— Нет, просто решил следовать вашим советам.

И протянул ей рисунки, что по моей просьбе Тень сделала в леднике и не только. Лидия недоверчиво глянула в бумаги, но ухмылка мгновенно сползла с ее лица, она, безусловно, узнала стиль и все поняла.

— Как вы посмели? Без моего ведома! Мою невольницу! — она скомкала в руке крупную зарисовку раны на животе убитой и разжала ладонь, отчего рисунок упал на пол крохотным неровным шариком.

Я поднял его, бережно расправил и ответил ей, невольно подражая ее же язвительной манере:

— Неужто вы думали, что только вам позволено не считаться с чувствами окружающих? Кроме того, госпожа Хризшгайн, вы так устали, что я не счел себя возможным вас беспокоить по таким, право, пустякам!

Я выдержал ее бешеный взгляд, тем не менее, опасаясь очередного приступа ярости, но когда она приблизилась на уж совсем неподобающее расстояние, сделал шаг навстречу.

— А вы быстро учитесь, господин инквизитор. Даже смогли меня удивить. Глядишь, скоро от вас даже польза будет, а?

Она прошла мимо, толкнув меня плечом, и вытащила из саквояжа кожаный мешок.

— Давайте приступим. Берите кинжал.

Лидия встала напротив меня, держа натянутый в руках мешок:

— Вперед, вы же так хотели ударить! Попробуйте нанести одним из этих оружий подобную рану.

Так вот зачем весь этот устрашающий арсенал, разложенный на столе. Я подошел к столу, выбрал один из ножей, и всадил что есть силы в мешок, но Лидия даже не пошатнулась под ударом. Полученный разрез не был похож на рисунок, что сиротливо лежал на кровати.

— Следующий, господин инквизитор. Там еще много, не волнуйтесь.

Ни одно из лезвий не подошло. Я сначала кромсал кожу мешков с яростью, но с каждым ударом, с каждой неудачей мне становилось ясно, что ни один из предметов не подойдет. Злость на Лидию испарялась.

— Вы же понимаете, госпожа Хризшгайн, что я... — лезвие кинжала легко вошло в кожу и пропоролло ее, оставив ровный след. — Я не могу игнорировать вашу попытку убить человека. И буду вынужден сообщить в церковную больницу. Вам необходимо лечиться!

Я взял следующий предмет — длинный воровской стилет. Где она его вообще раздобыла?

— Но вы же понимаете, господин инквизитор, что если я там окажусь, вы будете вести дело самостоятельно? — передразнила она меня. — Кроме того, меня едва ли признают

нездоровой, если даже один из ордена Пяти не заметил этого... Хотя неудобства вы мне, безусловно, доставите.

— Это была вспышка гнева или же... Зачем вы полезли ее душить? — следующий удар и треск распарываемой кожи.

— Потому что вы, господин Тиффано, выше жертвы, да и сильнее бы сопротивлялись. А если бы я действительно хотела убить эту дурочку, то поверьте, вы едва ли бы успели меня остановить, — Лидия улыбнулась, но глаза оставались холодными.

— Но ведь жертва не была задушена! — еще один удар, и снова неудача.

— При чем тут это? Вы же видели, как она отчаянно сопротивлялась? Хотя я всего лишь перекрыла ей воздух на пару минут. Она не испытывала адской боли, но доведи я свою угрозу до конца, Пиона умерла бы не с самым умиротворенным выражением на лице.

Что за жестокость — заставить несчастную девочку играть роль жертвы! Я промолчал, но Лидия похоже разговорилась от скуки.

— Я до сих пор не знаю, каким оружием была нанесена рана, она словно бы сделана изнутри, разные следы с внешней и внутренней сторон, не понимаю, как колдун заставил жертву терпеть боль, и почему она даже не сопротивлялась. Тем более, что... — она резко умолкла, раздосадованная.

— Тем более что?... — это была последняя, короткая кривая сабля. Я примерился и резким рубящим ударом распорол кожу мешка. Получилось не очень хорошо, мешок оказался рассеченным пополам, и Лидия слегка пошатнулась, не удержав равновесия.

— Сядьте в кресло, господин инквизитор, я покажу.

Я отрицательно покачал головой — садиться в окровавленное кресло да еще и с ненормальной у себя за спиной, в руке которой кинжал, мне совсем не хотелось.

— Бойтесь? Ладно, держите! — она сунула мне кинжал и уселась подле зеркала, даже не поморщившись от пятен крови на обшивке. — Попробуйте нанести удар так, чтобы я не смогла вам помешать.

Я обмотал лезвие тряпкой, на всякий случай, подошел к Лидии, примерился.

— Господин инквизитор, ну вы хотя бы спрятали кинжал за спиной! Или вы думаете, что жертва будет вот так спокойно сидеть и смотреть, как к ней идет убийца с оружием?

Я спрятал кинжал за спину. Что за глупость? Почему я должен играть в этом дурацком спектакле? Я занес руку для удара, но Лидия перехватила ее.

— Я же сказала! Борьбы не было, вы должны постараться...

Мне надоели ее придирки, и я перехватил ей руку, завел за спину, но получил локтем свободной вниз живота и согнулся пополам от боли.

— Демон!

— Это я еще не начала царапаться или кусаться, господин инквизитор!

Я глубоко вздохнул, успокаивая дыхание, холодная ярость затопила меня.

— Ладно.

Я свободной рукой выхватил шпильку из ее пышной прически, схватил за распущенную копну волос и резко отвел назад, заставив Лидию выгнуться от боли. Она попробовала схватить меня за руки, но я предусмотрительно намотал на руку ее хвост волос повыше, чтобы она не смогла меня оцарапать, одновременно нанеся фальшивый удар в живот. Зашипев словно разъяренная кошка, она вывернулась, готовая нападать, но я разжал пальцы и отступил. Бешенство в ее глазах понемногу улеглось, Лидия встряхнула золотым водопадом струящихся волос, отобрала у меня шпильку, обернулась к зеркалу и небрежным

жестом начала забирать волосы наверх на простой манер. Слава Единому, а то я уже боялся, что устроит истерику из-за испорченной прически.

— Неплохая попытка, тем не менее, я бы все равно кинулась зажимать рану руками!

Она опять страдальчески выгнулась, поведя открытыми плечами, и я не выдержал, терзаемый чувством вины:

— Давайте помогу?

— В чем?

— Шнуровку ослаблю, вам же явно жмет...

Она обернулась и посмотрела на меня уничижительным взглядом:

— Вы хоть понимаете, насколько недвусмысленно сейчас прозвучало ваше предложение?

Я смешался.

— Но...

— Замолчите! Вы сейчас оскорбили женщину, ясно дав ей понять, что считаете ее недостаточно изящной для корсета!

— Но я вовсе не это имел в виду! Я не считаю, что вы изящна... тьфу, то есть не изящная!... - я в отчаянии замолчал, запутавшись в словах.

— И теперь делаете только хуже, добавив прямых оскорблений!

— Я просто хотел помочь...

— Вы могли сказать, что мечтаете взглянуть на изящный изгиб моей спины, когда будете ослаблять шнуровку, или что мечтаете прикоснуться к моей прекрасной коже, или...

— Но это не так! — возмущенно ответил я, покраснев.

— Лучше заткнитесь, право Единый!

Я молча покачал головой, недоумевая странным вывертам ее логики. Лидия раздраженно продолжила свое занятие прической возле зеркала, я видел, что она злится, поэтому не выдержал и спросил:

— Если вы закончили со своими дурацкими экспериментами, то может?...

— Не закончила! — отсекла она, яростно втыкая шпильку в волосы. — Мне еще надо узнать, куда делись потроха жертвы! Даже если мне придется все здесь перевернуть.

Я опять горько покачал головой:

— Вы не удосужились посмотреть все рисунки?

— А что мне там смотреть? Я прекрасно помню тело жертвы, в отличии от вас, мне не нужна презренная бумага, чтобы...

Я вздохнул глубоко, нос дышал почти свободно.

— Я просил Тень зарисовать не только тело жертвы, но еще и отправил ее к помчику, чтобы...

— Что? — она метнулась к кровати, судорожно разгребая кипу рисунков. — Вот значит как... Однако! От вас определенно есть польза, господин инквизитор!

Я попытался съязвить:

— Всегда пожалуйста, к вашим услугам, госпожа Хризшгайн, обращайтесь еще!

— Да-да, — рассеянно пробормотала Лидия, перебирая рисунки, некоторые она тут же выбрасывала, но на одном остановилась, на том, где была нарисованный страшный танец помчика с мертвой девушкой, и, держа его на вытянутой руке, вернулась обратно к зеркалу. — Значит, помчик действительно видел ее уже мертвой, внутренностей не было...

— Очевидно, что убийца забрал их собой, разве нет?

— Вполне возможно... Но как колдун смог заставить тело двигаться после смерти? Он должен был быть где-то поблизости, чтобы воздействовать на нее, наблюдать. Или прятаться в ванной, например, или же...

Она оглянулась, осматриваясь в комнате.

— В комнате негде спрятаться, увы.

Я невольно содрогнулся.

— Как же должно быть это страшно, быть убитой в собственной комнате, не ожидая нападения!

Лидия кинула на меня удивленный взгляд, потом покачала головой:

— Это не ее комната, господин инквизитор!

— Почему вы так решили? Из-за таблички? Ее могли перевесить, как перестелили ковер...

— Господин Тиффано! Лорелей — это имя персонажа из колдовской легенды, а не имя бордельной шлюхи! У шлюх нет комнат, у них нет ничего своего, вы еще не поняли? Они спят в общей зале, зачастую по двое-трое на одной кровати, а здесь они принимают клиентов. Так что, в каком-то смысле это комната Ивонны, поскольку тут она обслуживала дорогих гостей...

Я недоверчиво покосился на Лидию, и откуда она выдумывает такие подробности?

— Зачем вешать тогда табличку с чужим именем?

— Потому что они здесь еще и представления дают. Вы не заметили театральную вывеску на фасаде? Это довольно распространенная практика дорогих борделей, которые таким образом пытаются привлечь требовательную публику. Согласитесь, сидя в зале и наблюдая за томной красавицей актрисой на сцене, приятно знать, что достаточно щелчка пальцев — и она окажется у твоих ног, готовая выполнить любой каприз...

— Довольно! — я поморщился, почему Лидии обязательно надо все опопшлить? — Если Ивонна была в этой комнате, значит, она тоже принимала участие в пьесе?

— Возможно, хотя в оригинале легенды Лорелей — светловолосая красавица...

— Я не помню этой легенды...

Лидия искоса взглянула на меня и коварно улыбнулась:

— Правда? Значит, надо будет сводить вас на их постановку. Интересно, как они...

— Увольте! Я лучше поищу текст в читальне!

Неожиданно Лидия стала напевать, ее нежный голос цеплял за живое, тоскующая ласка матери по нерожденному ребенку, божественная кротость и смирение, трепет маленького сердца, все это было настолько ощутимо! У Лидии определенно талант, но насколько же не вяжется этот светлый образ с ее поведением!

— Скажите мне, господин Тиффано, откуда вы узнали, что это колыбельная? Слов не было, а мелодия скорей похожа на церковные песнопения.

Я уставился на нее в замешательстве, она, что, издевается надо мной?

— Впрочем, меня не интересует, откуда вы знаете, мне нужен остальной текст колыбельной! Вы же должны его помнить?

Ей-богу, она издевается! Как можно не знать колыбельной Мертвых земель?

— Госпожа Хризшгайн, ваши шутки неуместны, по крайней мере!

— Какие еще шутки? — недоумение в ее прозрачных глазах выглядело очень искренним, но я также помнил про ее актерские таланты.

— Вы сейчас станете убеждать меня, что не знаете колыбельной Мертвых земель? —

фыркнул я зло. — Которую знает каждый ребенок? Которая исполняется на каждое изморозье? В церквях, в домах, на улице? Неужто ваша матушка вам ее никогда не пела? Вы же утверждали, помнится, что у вас абсолютная память!

Глаза Лидии помертвели и стали почти темными. Она вцепилась в мой галстук, дернула меня к себе и прошипела:

— Мне нужны слова песни, немедленно!

Как можно их не знать? Хотя если предположить у нее душевное забытье с острыми провалами памяти, то... Но нет, все равно не получается, такой больной начисто забывает целые куски жизни и слабо держит в памяти последние события... Я отцепил ее руку:

— Успокойтесь, госпожа Хризштайн. Не надо так злиться по пустякам. — Я продекламировал текст на память. — Кажется так, хотя возможно, мог ошибиться в некоторых словах. Но я все равно не понимаю, как можно не знать эту колыбельную? И с чего вы вдруг заинтересовались? Колыбельную пела мертвая девушка?

Лидия села на кровать, опять страдальчески скривилась — вот что за упрямство, зачем надо мучить себя корсетом? или она специально себя доводит?

— Когда будут результаты вскрытия, я уверена, обнаружится, что Ивонна была беременной. — произнесла она отстраненно.

— Почему вы так решили? Из-за колыбельной?

Лидия опять вскочила на ноги.

— Не только. В моем видении она баюкала свои внутренности, стянутые в один тугой комок...

Я невольно сглотнул, в горле пересохло.

— ... Который протягивала мне и все спрашивала, сынок или дочечка! — Лидия смотрела в пустоту. — Вот именно поэтому я и не понимаю! Почему она не сопротивлялась? Ведь наверняка знала о своей беременности, а в таком состоянии женщина будет сопротивляться вдвойне яростней, за себя и за дитя...

— Но ведь вы сами сказали, что странности дела можно объяснить только колдовством. Так что же вас удивляет? — я искренне недоумевал, почему она так дотошно копается в деталях.

— Господин инквизитор! Колдун ведь не всемогущ. Как правило, его сила ограничена его же собственным демоном и обычно проистекает от тех желаний или страхов, что толкнули колдуна в свое время за грань. Вспомните грибную колдунью, вы же видели тогда в подвале ее демона?

Я содрогнулся от неприятных воспоминаний. Образ мерзкой старухи, тянущей руки к Лидии, навсегда запечатлелся в моей памяти и долго еще потом терзал меня в кошмарах.

— Ее демон обладал силой старить других и вытягивать из них жизненные соки, прорастая зловонными спорами. Милые грибочки были, ничего не скажешь! — Лидия покачала головой. — Но больше ничего колдунья делать не умела, понимаете?

— Но возможно, что этот колдун или колдунья умеет подчинить волю человека как при жизни, так и после смерти? — мне казалось такое предположение вполне разумным.

— Подчинить волю, говорите? Настолько, чтобы подавить желание жить? — Лидия вскинула на меня прищуренные глаза. — Господин инквизитор, — ее голос стал мягким и вкрадчивым, она подошла ближе. — Вы же верите в Единого?

— Конечно, что за глупый вопрос?

— Верите в его бесконечную милость к своим созданиям?

— Да, госпожа Хришпайн... — она оборвала меня на полуслове:

— Верите в то, что праведники получают по заслугам?

— Да, верю! — с вызовом ответил я, недоумевая, к чему она ведет.

— Верите в то, что зло непременно будет наказано?

— Конечно.

— Верите в то, что вам непременно надо меня поцеловать?

— Да, верю, — кивнул я. Мне вдруг показалось весьма разумным и естественным подойти к ней ближе, коснуться нежной прозрачной кожи, взглядеться в серебристую радужку глаз, заметить светлую трогательную ресничку на правой щеке, провести по ней большим пальцем, смахивая в пустоту, окунуть руки в золото волос, притянуть к себе ее голову, совсем близко, так чтобы наши дыхания смешались... И только, когда до ее губ оставалось полвздоха, когда замерло сердце, у меня вдруг защипало в носу, и наваждение рассеялось. Я оттолкнул Лидию от себя, развернулся с колотящимся сердцем, сдерживая чихание и недоумевая, как такое могло случиться, ведь был уверен, что...

— Никогда так больше не делайте! — выдавил я зло.

Лидия подошла и прижалась к моей спине, я резко отстранился.

— Теперь вы видите, господин инквизитор, что волю человека не так просто подчинить. Тем более, волю к жизни. И заметьте, несмотря на ваше желание меня поцеловать...

Я возмущенно вскинулся, но Лидия обошла меня кругом и заглянула испытующе в глаза:

— Не надо обманывать, себя, по крайней мере. Так вот, несмотря на это, вы нашли в себе силы противостоять наваждению. И пусть это был простенький прием, которым владеет любая гадалка или мошенница, но заставь я вас пырнуть себя ножом, уверяю вас...

— Это так вы зачаровали стражника? — вспомнил я его пустые глаза и содрогнулся.

— Конечно, — кивнула она. — В этом нет ничего особенного и тем более колдовского. Просто знание особенностей человеческого восприятия, хотя Антон мне и не верит.

Лидия печально улыбнулась, а я все никак не мог отделаться от так называемого простенького наваждения. Я смотрел на нее и горько жалел, что опомнился в последнюю секунду. Если бы только... Я посмотрел на свою руку, на палец, к которому прилипла ресничка, смахнул ее и встряхнул головой, словно навязанное желание было досадной мошкаррой, которая кружилась возле моего лица.

— Достаточно всего лишь подцепить жертву на крючок согласия, то есть, на те понятия, которые она принимает как безусловные. У стражника это была собачья преданность капитану, у вас же непоколебимая вера в Единого...

— Хватит! То, что вы не можете подчинить чужую волю, еще не означает, что это не мог бы сделать колдун!

— Я знала колдуна, который был очень стар и силен, его демон рос вместе с ним, обрастая новыми страхами и пороками, но даже он, слышите! даже он не мог подчинить волю, вместо этого он ломал ее, опустошая человека, причиняя ему страшные муки, внушая страхи и забирая у него желание жить. Человек превращался в безвольную куклу, но даже тогда... Слышите? — она ткнула меня пальцем в висок. — Здесь все равно сохранялся крохотный островок с диким желанием жить! Жить вопреки всему, даже собственному разуму. Именно он заставлял биться сердце, перегонять кровь, а легкие дышать. Не мог колдун, кем бы он ни был, заставить жертву добровольно принять муки и смерть с улыбкой на лице!

Последние слова обожгли сердце и разворошили память. Я сцепил кулаки.

— Скажите, а что именно вы можете внушить человеку?

Лидия опешила.

— Да много чего, но не волнуйтесь, я не стану...

— Вы можете внушить, что я, например... — я помедлил. — Болен?

Она раздраженно протянула:

— Господин инквизитор, уверяю, к вашим соплям и чиханьям я никакого отношения не имею!

— Я не об этом. Но к примеру, вы могли бы внушить подобное?

Лидия задумалась.

— Да, наверное. Я даже могу внушить вам, что у вас звездная сыпь. У вас бы появились симптомы, но едва ли бы вы в самом деле ею заболели. Разве что, если продолжить внушения каждый день, добавляя новых подробностей, то возможно... Хотя не знаю, не пробовала, но вы знаете, интересная мысль!..

— Сядьте в кресло! — прервал я ее разглагольствования.

— Что? — Лидия недоуменно смотрела на меня, а я смотрел в пол, но видел последнюю тихую улыбку. — Зачем?

— Сядьте, пожалуйста, — произнес я устало.

— Вам понравилось играть в убийцу? Смотрите...

— Да сядьте уже наконец и замолчите! — сорвался я и силком подтащил ее к креслу.

— Ну и что дальше? — она насмешливо смотрела на мое отражение в зеркале, а я склонился к ней совсем близко, недопустимо близко, но сейчас мне было плевать. Мне просто необходимо ощущать тепло и близость живого человека, вспоминая мертвых...

— Мое первое назначение было в Асад, как раз накануне мятежа... — начал я.

— Вы решили поделиться со мной воспоминаниями? Как трогат...

Я с силой зажал ей рот, понимая, что иначе у меня не достанет смелости все рассказать. Она сначала удивилась, потом принялась возмущенно вырываться, но я крепко сжал ей запястье свободной рукой.

— Во время самого бунта я остался единственным церковником в единственной уцелевшей церкви, — слова давались тяжело, крепкие острые ногти Лидии больно впивались мне в руку, раздирая до крови, но боли я не замечал. — Город горел, здания обрушались под осадными снарядами мятежников. К нам принесли женщину, она умирала. Ее грудная клетка была разворочена, видны ребра, каждый вздох давался ей с невероятными страданиями...

Лидия предприняла очередную попытку вырваться, и мне пришлось еще крепче стиснуть ее в объятиях.

— Меня попросила присутствовать повитуха из церковного приюта, чтобы причастить несчастную... и ее ребенка, поскольку женщина была на сносях...

Лидия медленно расцепила впившиеся в мою кожу пальцы, ее глаза застыли.

— Женщина умирала, а ребенок был жив. У нее успели отойти воды... — Я помолчал, все сильнее сжимая ее запястье, хотя Лидия уже не сопротивлялась. — Я помню, как она рожала, как мы уговаривали ее не кричать, отступники уже вошли в город, и она могла нас выдать. Она терпела страшные муки, легкие уже не работали, но с ее губ не сорвалось ни единого крика, она с такой силой вцепилась в мою руку, что у меня еще долго оставались следы... Я ни чем не мог ей помочь, она истекала кровью... Но... искаженное болью лицо мгновенно посветлело, едва она услышала крик своего новорожденного ребенка... Она

улыбнулась очень тихой улыбкой и умерла...

Я медленно разжал руку и отпустил Лидию. Запах смерти до сих пор страшит меня, и я ничего не могу с этим поделать. Я слаб, хотя должен давать силу другим. Боль в руке от царапин обжигала, я отвернулся и сказал:

— На лице Ивонны было похожее выражение. Если колдун внушил жертве, что она на сносях, что он помогает ей разрешиться от бремени, то... — я замолчал.

— А ребенок то выжил? — поинтересовалась Лидия, растирая запястье.

— Не знаю. Асад был полностью сожжен, вы знаете. И первыми горели церковные здания, в том числе и приют...

— Ну по крайней мере, вы попытались и дали ему шанс, верно? — Лидия улыбнулась, довольно цинично, в своей обычной манере, к которой я уже почти привык. — Вы знаете, а ваше предположение не лишено смысла и вполне может оказаться правдой! — она ободряюще хлопала меня по плечу. — Вопрос только в том, зачем ему это делать?

Она принялась собирать саквояж, бросив мне одну из тряпок с лезвия.

— Перевяжите руку, не стоит пугать своим видом госпожу Розмари. Хотя постойте, я видела в ванной комнате йодированную настойку, хозяйка удивительно прогрессивная и заботится о комфорте и безопасности клиентов, не находите?

Лидия отправилась в ванну и через несколько минут вернулась с пузырьком.

— Я закрою это заведение, — мрачно сказал я и добавил. — Как вообще городской совет может выдавать разрешение на подобную деятельность?

— Господин инквизитор, не глумитесь, — Лидия подошла ко мне и помогла затянуть повязку. — Вы можете пригрозить закрыть, но едва ли вы сможете довести угрозу до конца. Да и смысл? На месте сего заведения тут же появится другое такое же. И еще неизвестно, будет ли хозяйка настолько приличной! Эта по крайней мере заботится и проверяет клиентов на звездную сыпь.

Я поморщился.

— Что за глупость вы ей сказали на счет серебра? Ведь полный же бред, как она вообще могла вам поверить?

— Люди тем охотнее верят в глупость, чем более хотят в нее поверить, — Лидия усмехнулась. — Или не хотят, а боятся. Например, вы знаете, что я сказала кардиналу?

Я посмотрел на нее тяжелым взглядом, она настолько самоуверенна и самодовольна, что непременно скажет и так, даже если я промолчу. Так и есть.

— Я сообщила ему, что вы только что спасли его от страшной опасности — заразиться от поганой девки не менее поганой заразой. Так что теперь, кардинал — ваш должник. Пользуйтесь на здоровье. И не надо благодарностей.

Она закончила собирать вещи и повернулась ко мне.

— Пойдемте, побеседуем наконец откровенно с хозяйкой и остальными служащими.

— Нет, госпожа Хризштайн. Беседовать буду я, а вы отправитесь домой.

— Никак невозможно! — Лидия покачала головой, но я схватил ее выше локтя за руку и вытащил в коридор.

— Если вы не хотите оказаться в церковной больничке и разыгрывать там спектакль с собственной вменяемостью, то немедленно отправитесь домой! — я смертельно устал от нее, устал от постоянного ожидания от нее какой-нибудь циничной пакости.

— Господин Тиффано, — она спокойно освободила руку, ее тон опять стал вкрадчивым. — Вы ведь...

— Даже не вздумайте! — быстро прервал я ее. — Второй раз у вас этот фокус не пройдет!

— Я буду молчать, честно, — Лидия улыбалась. — Просто, на всякий случай, вдруг у вас что-нибудь не заладится... Позвольте присутствовать?

— Если пророните хотя бы слово! — процедил я. — Единый видит, я сдержу свое слово, и вы отправитесь на принудительное лечение!

— Договорились, — она опять улыбнулась, и если бы я не знал ее, то поверил бы в искренность этой улыбки. — Но с вами то мне можно разговаривать? Или тоже нет? — она надула губки как обиженный ребенок, боже, ну до чего нелепо!

— Не стои-т злоупотреблять моим терпением, оно безгранично.

Госпожу Розмари мы нашли в кабинете, занятую счетами. Она смертельно побледнела, едва увидела мои не скрытые париком волосы и поняла, кто перед ней.

— Г-господин инквизитор? — она поднялась, комкая в руках бумаги, ее взгляд упал на Лидию, что послушной неслышной тенью следовала за мной. — Госпожа?... Как же так...

Я сел за кресло и представился:

— Инквизитор Кысей Тиффано. Я закрываю ваше заведение, госпожа Розмари, на время проведения дознания по факту смерти вашей невольницы Ивонны и подозрению в колдовской природе этой смерти. Я рекомендую вам сотрудничать, в противном случае арестую за препятствие дознанию.

— Я ничего не знаю, — хозяйка поджала губы. — Поэтому едва ли могу вам что-нибудь сказать. И не надо мне угрожать, у меня найдутся заступники повыше, даже в городском совете!

Лидия выразительно хмыкнула, сидя на стуле и покорно сложив руки на коленях. Мне вдруг представилась восхитительная картина ее смирения и послушания в монашеском облачении, которая распаляла желание больше, чем все соблазнительные позы и открытые платья. Я встряхнул головой и зло усмехнулся, определенно, скоро стану таким же циником, как она!

— А вам не меня надо бояться, — я откинулся на кресле и кивнул в сторону Лидии, которая подняла на меня удивленные глаза. — А госпожи Хризшгайн. Знаете, что она сказала кардиналу Блейку, которого мы так неловко застали в самый интимный момент?

Видимо, хозяйка испугалась, потому что бросила быстрый взгляд на Лидию и переспросила:

— Госпожи Хризшгайн?...

— Да-да, та самая, что засадила помчицу Малко. — Я горько улыбнулся, это действительно было правдой, поэтому меня даже не в чем упрекнуть. — Так вот, она заявила кардиналу, что вы, госпожа Розмари, намеренно подсунули ему порченую девку. Со звездной сыпью. А госпожа Хризшгайн может быть очень убедительной, когда того хочет. Так что думаю, неприятности у вас в самом скором времени будут большие. Слухи быстро распространяются...

— Но Пиона здорова! — возмущенно воскликнула сводня.

Я нервно постукал костяшкaм пальцев по столу и придвинулся ближе к хозяйке, доверительно, но достаточно громко прошептав ей, кивая на Лидию, сидящую с каменным лицом.

— Вы знаете, она страшный человек, я признаться, сам ее побаиваюсь, — и снова

откинулся на кресле.

— Но это ведь неправда, — упрямо сказала хозяйка. Лидия молчала, молчал и я. Было слышно, как отсчитывает минуты часовой механизм настенных часов. Тяжелый пряный запах проникал даже в кабинет, раздражая обоняние, и я чихнул.

— Если будете сотрудничать, то я улажу вопрос с кардиналом, — вздохнул я и добавил. — В противном случае, госпожа Хризштайн позаботится о том, чтобы ваше заведение десятой стороной...

— Госпожа Хризштайн! — в отчаянии воскликнула хозяйка. — Вы же занимаетесь частным сыском?

Лидия кивнула, продолжая послушно молчать.

— А если я вас найму? — Лидия ничуть не удивилась, и снова кивнула. Да что за демон? — Тогда я могу рассчитывать на вашу лояльность и молчание?

Лидия кивнула в третий раз, а потом полезла в декольте, выудила цепочку Пионы и покачала ее перед лицом сводни. Та узнала безделушку и мгновенно побелела, а я с удивлением увидел, что серебряная цепочка, бывшая ранее абсолютно нормальной, теперь потемнела. Что же такое творится? Я уверен, что видел именно ее. Я ни разу не поверю в ту глупость, что Лидия наплела про реакцию серебра на слюну больного, но проблема была в том, что в нее верила хозяйка.

— Пиона больна? — Лидия выразительно показала на потемневшее серебро.

Хозяйка в отчаянии вскочила, похоже, что больная девица ее волновала больше, чем убитая.

— Не может быть, боже Единый, ее ж осматривали совсем недавно! Что же теперь делать, — она без сил опустилась в кресло и умоляюще взглянула на Лидию, потом перевела взгляд на меня. — Почему вы молчите?

— Я уверен, что госпожа Хризштайн сможет уладить вашу проблему, — я требовательно взглянул на Лидию, но она решила следовать дотошно своему обещанию и упорно хранила молчание. Вместо этого, Лидия встала, взяла перо и бумагу со стола, быстрым росчерком что-то написала и протянула хозяйке с улыбкой. Когда госпожа Розмари прочитала записку, у нее округлились глаза, она воскликнула:

— И все? Это все?

Лидия пожалала плечами и кивнула в мою сторону.

— Я буду с вами сотрудничать, но не понимаю... — хозяйка встала и позвонила в серебряный колокольчик.

Я закипал от злости. Что она написала хозяйке? Записка была в руке у госпожи Розмари, я мог конечно потребовать показать ее, но тогда получалось, что Лидия действует сама по себе, что могло заставить хозяйку передумать и отказаться сотрудничать. Появилась экономка, и госпожа Розмари приказала привести Пиону.

— Госпожа Розмари, — мне надоело изображать из себя молчаливого наблюдателя. — Расскажите про обстоятельства гибели Ивонны. Как так получилось, что остальные девушки, Лиена и Изабелла, погибли при схожих обстоятельствах, но их смерти были записаны как несчастный случай?

Хозяйка плотно сцепила пальцы и заговорила, тщательно подбирая каждое слово.

— Я не хотела поднимать ненужную шумиху. Тем более, что это могло навредить моим клиентам. Когда погибла Лиена, решили, что это действительно несчастный случай, она была вздорной и любила провоцировать клиентов... И у нее не было таких ран! Ее пырнули в

живот, и она истекла кровью. Ее нашла наша модистка Агнесс. Бедняжка потом целую неделю не могла работать и не разговаривала ни с кем. Мы решили, что кто-то из клиентов повздорил с Лиеной и... Но потом умерла Изабелла, а девочки стали свидетелями этого ужасного представления...

— Какого представления? — Я насторожился.

— Она умерла в комнате, той самой, где вы были и где... — Хозяйка махнула рукой, лицо было перекошено. — Девочки ее увидели, когда она мертвая, с зияющей раной в животе, вышла из комнаты и пошла на сцену, представляете? Стала петь колыбельную Мертвых земель, до сих пор дрожь пробирает...

— Какого демона? — я смотрел на сводню с презрением. — Какого демона вы не сообщили об этом Святому Престолу? Ведь понятно же было, что это уже не простое убийство, а колдовство!

Хозяйка опустила глаза и закусила губу, но ответила упрямо:

— Мне надо заботиться о доходности моего дела. А сообщи я о таком, слухи бы мигом разлетелись, клиенты бы стали обходить стороной... Да и откуда мне знать, колдовство это или нет! Мы решили, что это просто дурная шутка...

Дверь открылась, и появилась бледная Пиона в сопровождении экономки. Хозяйка подошла к Пионе, всмотрелась в нее и неожиданно плюнула той в лицо:

— Мерзкая поганая дрянь! — и занесла руку для удара.

— Прекратите, госпожа Розмари! — я перехватил сводню и усадил на место. Пиона тихо всхлипывала, а Лидия спокойно взирала на происходящее, но когда хозяйка оказалась за столом, то подошла и с усмешкой постучала пальцем по бумаге. Хозяйка тяжело вздохнула и поставила на указанное место свою подпись со словами:

— Теперь эта порченная девка ваша, госпожа Хризштайн. Только ума не приложу, зачем она вам.

Экономка протянула Лидии тонкую железную цепь, и я наконец заметил, что на Пионе одет самый настоящий ошейник для буйных рабов, а на руках — прочные браслеты. Я выхватил бумагу из рук Лидии и прочитал стандартную форму договора о найме госпожи Хризштайн представлять интересы госпожи Розмари в дознании в счет оплаты невольницей Пионой и трех приглашенных на представлении в "Бухте любви". Госпожа Розмари также обязуется оказывать содействие в дознании Святой Инквизиции. Договор был подписан обеими сторонами и уже вступил в действие. Я скомкал бумагу в руке, думая о том, что если бы взглядом можно было убивать, от Лидии бы уже осталась крохотная паскудная кучка пепла!

— Госпожа Хризштайн, — процедил я сквозь зубы, в который раз поклявшись себе, что это последний раз, когда я пошел на поводу у сумасшедшей и поверил в ее добрые намерения. — Объясните, сделайте одолжение, зачем вам невольница?

Лидия забрала из моих рук бумагу, аккуратно расправила ее, потом взглянула на меня, вопросительно проведя пальцем по своим губам.

— Да говорите уже!

— Господин инквизитор, — она говорила нарочито тихо, даже глаза опустила. — Мне же надо позаботиться о бедной больной девочке, позаботиться о том, чтобы у госпожи Розмари не возникло из-за нее неприятностей, позаботиться о том, чтобы как можно скорей найти убийцу, позаботиться о том, чтобы это прекрасное заведение вновь могло без опаски принимать клиентов и дарить наслаждение...

Я прикрыл глаза, яростно повторяя про себя молитву заступнику Тимофею. Не помогало.

— Отведите ее, пусть ждет меня в экипаже. — Лидия швырнула цепочку в девушку, та не успела среагировать и поймать, поэтому ей пришлось подбирать ее с пола. — Ну что за никчема! Ничего делать не умеет...

Лидия развернулась к хозяйке, мгновенно позабыв о несчастной невольнице:

— Госпожа Розмари, я взялась представлять ваши интересы, но у меня есть всего лишь одно условие, которое я ставлю всем своим клиентам — никогда мне не лгать! Почему вы не сказали о беременности?

Хозяйка в замешательстве посмотрела на нее и пожала плечами:

— Я не понимаю, о чем вы.

Лидия прищурила глаза и очень долго смотрела на сводню, пока та не стала ерзать под ее пристальным взглядом.

— Вы хотите сказать, — многозначительная пауза. — Что ничего не знали о беременности Ивонны?

Хозяйка отрицательно покачала головой и сказала убежденно:

— Этого не может быть. Моих девушек очень тщательно осматривает лекарка, мы специально платим профессору Гиршем. Уверяю вас, не могла быть Ивонна при надежде!

— Вот как, — задумчиво протянула Лидия, рисуя, ну надо же, святой символ на полировке стола. — А кто был?

— Что? — растерянно пробормотала сводня, досадливо поджимая губы. — О чем вы?

— Не стоит со мной играть, госпожа Розмари. Я не господин инквизитор, который связан церковными изложениями и порядками, я всегда играю только по своим собственным правилам...

Хозяйка понурилась и вздохнула.

— Ивонна точно не была беременной, а вот Лиена... Ну не усмотрела я, эта хитрая бестия ухитрилась всех провести! Обнаружился конфуз только на пятом месяце, когда живот уже было не спрятать. Скандал был страшный...

— Отчего же? — Лидия недоуменно выгнула бровь. — Можно подумать, это такая большая проблема...

— Она грозилась отцу ребенка...

— А она знала, кто отец? — Лидия расхохоталась. — Не смешите меня! Голубушка, вы всерьез купились на ее угрозы?

— Я — нет, — отрезала хозяйка. — Но клиенты чувствовали себя неудобно, возможно, поэтому кто-то... Да не знаю я! — она всплеснула руками и продолжила. — Говорю вам, что ее смерть была случайной, она никак не связана с этими двумя страшными...

— Это позвольте нам решать. Среди ее клиентов был помчик Прошицкий?

Хозяйка нахмурилась и полезла в ящик стола за приходной книгой:

— Да, он частенько к ней заживал.

— Вот как, — опять протянула Лидия. — К Изабелле тоже?

Хозяйка еще раз просмотрела книгу и кивнула утвердительно, пояснив:

— Они все играли в постановке "Прекрасной Лорелей", а помчик уж больно охоч до молоденьких актрис, ни одного спектакля не пропускал. Такой клиент был щедрый... — и сводня горестно покачала головой, а я не выдержал и спросил зло:

— Как же так получилось, что вы не уберегли щедрого клиента и не смогли в очередной

раз замять смерть своей подопечной?

И снова горький вздох. Что они за люди?

— Так ведь случилось все перед спектаклем, помчик к ней поднялся, а потом дикий крик... А среди зрителей тогда бургомистр был и капитан городской стражи, все сбежались на шум, замять ну никак не получилось, его на месте и повязали. Помчик как безумный был, на всех бросался, в крови весь, орет, плачет...

Хозяйка понурилась, а я сидел и размышлял: получается, что у душегуба, если это конечно не помчик, было совсем немного времени, чтобы убить да еще и выпотрошить жертву.

— Вспомните пожалуйста, сколько времени прошло с момента, когда вы видели Ивонну в последний раз, и до того, как ее обнаружили убитой.

Хозяйка задумалась, потом стала прикидывать.

— Значит так, спектакль должен был начаться в девять. Ивонна играла главную роль...

Лидия ее перебила:

— Лорелей, собственно говоря, была светловолосой в оригинале легенды.

Госпожа Розмари махнула рукой:

— Да знаю, только где ж я возьму блондинку, да с голосом и чтоб не дура. — Взгляд хозяйки остановился на льняных локонах Лидии и как-то нехорошо и оценивающе задержался. Лидия ей мило улыбнулась крокодильей ухмылкой, и у меня возникло стойкое ощущение, что я здесь лишний. — Ивонна заноситься стала в последнее время, от клиентов отбоя не было, особенно после выступлений. Вот она и капризничала, позволяла себе задержаться. Я вообще ее в тот день и не видела, спросить надо у экономки да модистки, Агнесс девушек гримировала перед выступлением.

— Значит, пойдете, побеседуем с ней, а заодно и с остальными служащими вашего прелестного заведения, — Лидия решительно встала и кивнула в мою сторону. — Возможно, что господин инквизитор сможет узнать колдуна с одного взгляда... — и она выразительно показала на свое запястье, на котором багровели следы моих пальцев.

Чувство вины, мгновенно вспыхнувшее, тут же сменилось недоумением — неужто Лидия всерьез думает, что на убийце могли остаться синяки?

Хозяйка на пару с экономкой повела нас вглубь здания, мы спустились на первый этаж, прошли через большую залу, где я, к своему удивлению, увидел широкие кровати и более чем скромную обстановку, которая напомнила мне сиротский приют. Я окликнул хозяйку и недоуменно спросил:

— Здесь у вас что?

Она задержалась всего на секунду, что ответить:

— Спальная зала для моих подопечных. А что?

Я растеряно кивнул ей, недоумевая, как Лидия угадала с бытом невольниц, или же?... Думать про такое не хотелось, но я все-таки спросил госпожу Розмари:

— Клиенты ведь сюда не заходят обычно?

— Нет конечно! — поджав губы, ответила хозяйка. — Девушки их принимают на верхних этажах, где роскошь и комфорт, зачем же здесь.

Откуда Лидия об этом узнала? Моя спутница задержалась, подхватила меня под руку, притянула к себе и зашептала на ухо так, что я чувствовал ее обжигающее дыхание у себя на шее.

— Убийца — мужчина, господин инквизитор. Он либо кто-нибудь из гостей, либо кто-то из служащих при заведении.

— Да с чего вы взяли, что не женщина? — досадливо отстранился я. — Или вам видения успели шепнуть?

— Можно и так сказать, — она послушно отодвинулась, но потом опять зашептала. — Обращайте внимание на синяки на руках до локтя, может и выше. А еще нам возможно придется посетить сие чудное заведение еще раз, чтобы увидеть прекрасную Лорелей...

— Увольте, — резко оборвал я Лидию и стряхнул ее руку со своей. — С меня довольно сегодняшнего балагана, так что не думайте... — продолжить не получилось, я расчихался до слез.

Модисткой оказалась очень жилистая, мужеподобная дама с крупными, но невыразительными чертами на заплаканном лице. Мы застали ее за вышиванием, которое она тут же поспешно отложила и встала в приветствии.

— Агнесс, дорогуша! — голос хозяйки стал необычайно мягким. — Не волнуйся. Это господин Тиффано, он инквизитор и занимается делом бедняжки Ивонны. Госпожа Хризшгайн, — и сводня кивнула на Лидию, которая довольно рассеяно осматривала скромную, но тем не менее отдельную комнату портнихи.

Агнесс всхлипнула, голос у нее оказался на удивление тонким для владелицы:

— До сих пор в себя придти не могу, все из рук валится... — и она кивнула на свое рукоделие. Обстановка поражала удивительным порядком: каждая вещь была на своем месте, манекен для примерки был наряжен в затейливое платье с рюшами, все пуговицы, кружева, катушки были аккуратно рассортированы, подушка для иголок оцетинилась геометрически правильным узором, три пары ножницы висели уютных кожаных карманчиках.

— Когда вы видели в последний раз Ивонну? — Лидия как обычно не слишком церемонилась с чувствами окружающих, сейчас она ковырялась в сложенном рукоделии, разглядывая вышивку на ткани.

— Накануне спектакля, я зашла наложить на нее грим, но она...

— Что она? — Лидия подняла глаза и испытующе взглянула на заплаканную модистку.

— Она сказала, что занята и чтобы я пришла позже, вот я... — Агнесс всхлипнула и разрыдалась. — Ушла! А если бы настояла, то может... быть...

Лидия отложила рукоделие и подошла к портнихе, резко схватив ее за руку и обнажив запястья от рукава скромного серого платья.

— Так чем же она была занята? Что делала? — Лидия хмуро рассматривала неожиданно крупные руки модистки, на которых не было ни следа синяков или царапин.

Агнесс испуганно вырвала руку и схватилась за платок, промокнув глаза:

— Не знаю, она не сказала. Просто сказала, что занята, а чем не сказала. Ничего не сказала мне, понимаете!...

— Сколько вы уже здесь работаете?

Вместо модистки ответила госпожа Розмари:

— Агнесс у меня с момента открытия этого заведения. Я считаю ее самым лучшим своим приобретением. Подумать только, как мне с ней повезло, она ведь просто искусница, такие наряды шьет, на зависть иным знатым дамам...

Лидия хмыкнула.

— Даже корсет сшить сможет? — и провела рукой по своей фигуре, подчеркивая, должно быть, изящество и роскошь своего наряда.

Хозяйка помрачнела.

— Зачем спрашиваете, госпожа? Знаете ведь, сколько такая прелесть стоит, не каждый богатей своей даме такой из-за моря заказать может, что уж тут про моих девочек говорить!

— А я не заказывала свой из-за моря, — Лидия самодовольно улыбнулась. — Его изготовил мой портной.

Госпожа Розмари недоверчиво оглядела Лидию, обошла ее кругом, придирчиво осматривая утянутый в корсет стан. Модистка вытянула шею и тоже в оба глаза пожирала мою спутницу, забыв про слезы.

— Неужто такое возможно? У вас есть лекала? И во сколько вам обошлись услуги? А материалы?

— Дамы, я вам не мешаю? — Мне надоело, я утомился от этого балагана и дипломатических расшаркиваний.

Лидия обернулась ко мне и послушно кивнула:

— Простите, господин инквизитор, — потом кивок в сторону хозяйки. — Если вас интересуют детали, госпожа Розмари, то загляните ко мне завтра с утра, обсудим, заодно угощу изумительной выпечкой, — она протянула свою карточку сводне и опять кивнула в мою сторону. — Не будем обременять господина инквизитора скучными подробностями, а то он потом ворчать будет всю дорогу...

— Вы же знали других девушек, что погибли? — резко прервал я ее, обращаясь к портнихе. — Изабеллу и Лиену?

Агнесс вскинулась, губы у нее опять задрожали.

— Да, это я ведь нашла бедняжку Лиену, когда она... только она уже холодной была...

— Кто, по-вашему, мог это сделать? — Лидия опять начала ковыряться в рукоделье, создавая бардак в аккуратно сложенной стопке.

— Не знаю... — портниха опять была готова разрыдаться, но похоже, что Лидии нравилось доводить людей до исступления своим поведением. Она вытащила из-под низа стопки понравившуюся ей ткань и развернула ее.

— Вы же знали, что Лиена была при надежде, верно?

— Конечно, бедняжка, она так радовалась...

Лидия теперь держала полотнище из тонкой ткани на вытянутых руках, склонив голову:

— Красивое, но не законченное, похоже... — она кивнула модистке, потом поймала мой недоуменный взгляд и пояснила. — Похоже на одеяльце для младенца... Ничего не хотите пояснить, Агнесс?

Модистка вырвала ткань и рук Лидии, по ее лицу катились крупные слезы:

— Я вышивала его для ребеночка Лиены, но так и...

— Вы даже инициалы успели вышить? — Лидия кивнула на вычурную букву "А", вышитую розовыми шелковыми нитями на одеяльце, катушка которых сиротливо валялась рядом.

— Да, — выдавила модистка. — Лиена сказала... сказала...ох... что... назовет девочку в мою честь... — и несчастная женщина окончательно разрыдалась.

Я подхватил Лидию и потащил к выходу, бросив напоследок:

— Спасибо, вы нам очень помогли!

— Но... — Лидия попыталась вырваться, она нерешительно оглядывалась, словно

силлилась вспомнить что-то. — Я еще не все...

— Довольно, госпожа Хризшгайн, — в коридоре я прижал ее к стене и процедил. — Довольно издеваться над бедной женщиной! Вам так нравится мучить других? Вы же видите, что она...

— Простите, — нас прервала хозяйка, разглядывая меня, угрожающе нависшего над Лидией, которая моментально приняла покорный и несчастный вид. Я отступил. — Если вы закончили, то...

— Нет, мы не закончили, — Лидия отодвинула меня с дороги и решительно заявила. — Нам необходимо пообщаться со всеми служащими — мужчинами. Сколько их у вас?

Хозяйка замялась.

— Немного, привратник Шарль, он же и за порядком следит, если вдруг клиент буйный. Наш повар Гризье, я его из столицы, между прочим, выписала, и все, собственно говоря.

— А ваш муженек? — С чего Лидия взяла, что сводня замужем? Хозяйка потупилась.

— Он в отъезде.

— Вот как? — протянула задумчиво Лидия, пристально разглядывая госпожу Розмари. — И давно?

— Давно, — твердо ответила хозяйка. — Он неделю назад поехал в западное княжество, там после войны живой товар идет совсем задешево.

— Надеюсь, что он разнообразит ваш скудный ассортимент. — Лидия с укором начала вычитывать хозяйке. — Это ж никуда не годится, голубушка. Рыжих нет, ту порченную дуреху я не считаю, блондинок раз-два и обчелся. Девственниц нет, это ж полное неуважение к клиентам! Нету полненьких, вы же знаете, что...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Цинизм обоих зашкаливал.

— Да полноте, госпожа Хризшгайн. Мужчинам нравятся худые, по себе знаю, — и сводня самодовольно провела рукой по своим бедрам.

— Что за глупость! — Лидия завелась и не собиралась отступать в споре. — Чтоб вы знали, многие просто с ума сходят по пышнотелым красоткам, только признаться стесняются. Кроме того, толстушка только подчеркнет прелестную хрупкость своей товарки, контраст и разнообразие — вот два основных залога успеха в...

— Госпожа Хризшгайн, — пожалуй, я довольно резко оборвал Лидию, но это всяко лучше, чем силой затыкать ей рот. — Я уверен, что вы сможете обсудить тонкости ведения бордельного дела при личной встрече!

Лидия упрямо встряхнула головой, отчего ее наспех подобранные волосы угрожающе всколыхнулись, а тонкая прядь легла на открытую шею, однако она послушно замолчала.

— Пойдемте побеседуем с поваром, а потом и с привратником, — я торопился побыстрее закончить с опросами и покинуть эту смрадную клоаку пороков, что смущала и разум, и мое обоняние.

Поваром оказался маленький тщедушный старикашка, что самозабвенно колдовал на уютной кухне, он ничего не видел и не слышал. Лидия придирчиво осмотрела его тонкие как паутинка руки и сокрушенно покачала головой.

— Скажите, вы не заметили изменения во вкусовых предпочтениях Ивонны или Изабеллы?

Старикашка изумленно взглянул на Лидию и ответил:

— Понятия не имею, о чем вы говорите. Я ведь для клиентов готовлю, а девкам то если и перепадает что, то только со стола гостей. Так то они питаются просто, что вон Агнесс или экономка состряпают.

— Ну да, ну да, — рассеянно пробормотала Лидия, оглянувшись на экономку, что неслышной тенью повсюду следовала за нами. — Так изменились ли у них пристрастия, тошноты не замечали там или отказа от пищи?

Экономка отрицательно покачала головой, не проронив ни слова.

Ливень прошел, оставив после себя ночную прохладу, что напоминала о приближении осени. Я вздохнул полной грудью, стоя на пороге заведения и упиваясь свежим морским воздухом, не замаранным раздражающими благовониями. Лидия за моей спиной третировала привратника, допытываясь у него, когда он последний раз видел Ивонну, как относился к Изабелле, кто, по его мнению, отец ребенка Лиены. Я отстранился от разговора, мне вдруг стало все равно, я мечтал поскорей отправиться домой и хотя бы на сегодня забыть кошмарные подробности дела. Наконец Лидия отстала от привратника, доведя пожилого человека до нервного тика, подошла ко мне и взяла под руку. Мне было настолько безразлично, что я даже не стал ее отталкивать.

— Господин инквизитор, — ее голос опять был мягок и вкрадчив.

— Не начинайте, — устало попросил я и прикрыл глаза, ожидая, когда подадут экипаж. Она прошлась пальчиками по пуговицам моей рубашки, я чувствовал, как ее выбившиеся локоны щекочут мою шею.

— Тем не менее, нам придется посетить это прелестное заведение еще раз. — Я по ее голосу слышал, что она улыбается, довольно улыбается. Я молчал.

— Скорее всего, убийца кто-то из клиентов. Сомнение вызывает еще муж хозяйки, но не думаю... Надо будет непременно сходить на "Прекрасную Лорелей". Я узнала у хозяйки, представление будет послезавтра. С новой актрисой, заметьте. В девять, как обычно. Должен быть аншлаг, но я уже предусмотрительно выторговала нам пригласительные...

— Не нам, госпожа Хризштайн, — наконец прервал я ее. — А себе. Потому что я с вами никуда больше не поеду.

Подали экипаж, и к моему возмущению, я увидел, что несчастная Пиона в одной тонкой рубашке, дрожа от ночной свежести, плетется позади него.

Лидия кивнула на нее:

— Пойдете, господин инквизитор, никуда вы не денетесь.

Я молчал, решив, что возмущаться или спорить с безумицей все равно бесполезно.

— Иначе... — Лидия секунду помолчала. — Иначе я отправлюсь сама. Но не одна, как вы понимаете. Как думаете, кто мне составит лучшую компанию: новый кардинал или же стоит пригласить вояга?

— Кого хотите, — равнодушно ответил я. — Давайте уже поедем, Пиона замерзла.

Лидия раздраженно отрезала:

— Не мы поедем, господин инквизитор, а я поеду. Сама, как вы и сказали. А вам придется добираться пешком. В такое время экипаж вы едва ли найдете. Но вы можете заночевать у госпожи Розмари. Если денег хватит...

Что за ребячество? Она прошла мимо, раздраженно подхватила цепь Пионы, запихнула несчастную девушку в экипаж и велела извозчику трогать. Я смотрел им вслед, чувствуя, как соленый морской бриз играет прядями несобранных волос и пробирает до костей.

Глава 5. Хризостола

Я откинулась на мягкое сиденье, устало прикрыв глаза и дуря от злости. Сопляк! Сколько можно возиться с ним и уговаривать! Ничего, пусть подумает над своим поведением, глядишь, пока добирается пешком домой, может дурь из головы и выветрится. Мерное покачивание экипажа усыпляло, но тревожные мысли со скрипом неслись по порочному кругу, словно сломанная ярмарочная карусель, что сорвалась и летит в толпу. Дикая ярость при виде мечтательного личика Пионы, потом вспышка гнева на неосмотрительное замечание инквизитора про корсет, соперничество с хозяйкой борделя — я ощущала, что во мне что-то необратимо изменилось. Заглянув вместе с грибной колдуньей в бездну, я оставила в себе часть ее безумия, и теперь та мерзкая старуха тянет ко мне руки, чтобы прорасти зловонными спорами. Мне всегда было плевать на собственную внешность ровно до тех пор, пока не надо было ею пользоваться, а теперь... Я вцепилась в волосы, отчаянно сжимая кулаки, пока боль в стянутых висках не отрезвила разум. Подняв взгляд, я тяжело уставилась на бледную Пиону. Интересно, почему я так взбесилась от ее появления? Красавчик ли тому виной со своим дурацким заступничеством или влияние новообретенного демона? Непрошено всплыло воспоминание так и не состоявшегося поцелуя, больно кольнувшее самолюбие. Инквизитору уже второй раз удалось соскользнуть с крючка, как такое возможно? Я теряю навыки, старею? Ужас пробрал меня до костей, я встряхнула головой.

— Г-госпожа, — девчонка отчаянно дрожала, то ли от холода, то ли от страха. — Я больна?

На секунду представив эксперимент с внушением этой несчастной симптомов звездной сыпи, я с усилием отогнала эту мысль и сказала, продолжая ее рассматривать:

— Не знаю. Вероятность заболеть существует всегда.

Она попыталась обхватить себя руками, чтобы согреться, но ей мешали тяжелые браслеты на запястьях.

— Зачем я вам нужна, госпожа? Если я больна, то зачем?

Карусель в голове вдруг дрогнула и замерла, оглушительная тишина и равнодушие приняли меня в свои объятия. Я спокойно отцепила браслеты и разомкнула ошейник, небрежно бросив их на сиденье. Провела пальцами по ее щеке, девчонка дернулась и попыталась отстраниться, а я размышляла почти трезво. Пиона очень красива, той особенной привлекательностью юности и невинности, хотя... Она словно налитое соком спелое яблоко с едва заметной червоточиной, которая гнездится в ее глазах, полных страха и недоверия. Совсем юная, можно сказать почти ребенок, холеный ребенок, она явно не из крестьянской и даже не из ремесленной среды. Что она там несла про гарем и книжки? Образованная? Как попала в рабство и как давно? Я отвернула край ее рубашки, провела по шее, шикнула на нее, когда она попыталась воспротивиться, отвернула рукава. На запястьях ожидаемо обнаружили синяки, почти сошедшие.

— Давно тебя продали?

Пиона вырвалась наконец и забилась в дальний угол экипажа.

— Три недели назад.

— Дай угадаю. Ты сбежала с возлюбленным, чтобы тайно с ним обвенчаться против

воли родителей, а он возьми и продай тебя, да? — я насмешливо смотрела на нее.

— Нет, — выдавила она.

— Неужели? А кто же тогда тебя продал? Или ты из опальной Мирстены?

— Нет, — опять покачала головой.

— Не заставляй меня гадать, милочка, — я пересела на ее сторону, притянув ее к себе и крепко сжав плечо.

— Отчим, — пискнула Пиона. — Пустите, пожалуйста.

— А мать что же? Не возражала?

— Она... — девчонка сморщила носик, ее глаза подозрительно заблестели. — Не знаю, при смерти маменька была...

Я еще раз взгляделась в свое приобретение, раздумывая над перспективой. Девчонка наивна до безобразия, хотя образованна, возможно, даже из благородных. Наверняка, еще и восемнадцати нет, раз отчим продал.

— Лет сколько тебе? — спросила я, беря ее за руку и разглядывая пальцы, пухленькие и нежные, к тяжелой работе явно не приспособленные. Вздохнула и покачала головой, ох и придется с ней повозиться.

— Восемнадцать.

— Неужели? Когда исполнилось?

— Вчера, — и Пиона наконец не выдержала и горько разрыдалась.

— Ушлый у тебя папаша попался.

— Он мне не отец! — выкрикнула она, глотая слезы, глаза яростно сверкнули.

— О как, и сколько же он за тебя выручил? Или ты уже не девицей то была на момент продажи? Да хорош слезы глотать! — прикрикнула я на нее, впрочем, и так зная ответ. Девчонка заголосила еще больше, уткнув голову в колени. — Наверняка нет. За девственницу бы дали дорого, тем более такую хорошенькую. Сам небось то и попользовался, да?

Новый взрыв рыданий был ответом.

— Клиентов то много было уже? Ну хватит сопли развозить! Лицо опухнет. — Я похлопала ее по спине, ненавижу утешать, но у нее похоже начиналась истерика. Пусть выплачется, отдохну пока. Я сомкнула глаза и мгновенно провалилась в тяжелую полудрему. Мне привиделся огромный механический паук на тонкой проволочной паутине, я шла к нему по дрожащим нитям и все время оступалась, балансируя на призрачной грани между бездной и зыбкой реальностью. Паук шевелил лапами, отчего паутина колыхалась, а я отчаянно пыталась поймать ритм, который все время ускользал, складываясь в ненавистную мелодию колыбельной...

Было уже далеко за полночь, в доме все спали. Все, кроме Антона. Он испуганно вглядывался в темноту, но завидев меня, вздохнул с облегчением.

— Хриз, почему так долго? Все нормально? — он бросился ко мне, но осекся, заметив бледную тень Пионы. — Кого ты еще притащила?

Я устало кивнула ему и сказала:

— Ну ты же просил не безобразничать, так что пришлось довольствоваться скромной добычей.

— Ты... ее украли? — мальчик испуганно вгляделся в мои глаза.

— Нет, я ее честно добыла, — я улыбнулась и добавила, вспомнив про йодированную настойку. — Почти честно.

— Ко мне в комнату, — бросила я Пионе и отправилась наверх.

В комнате я прикрикнула на девчонку, что столбом застыла на пороге.

— Пошевеливайся, расшнуруй корсет.

Эта неумеха провозилась дольше обычного, но через полчаса все-таки справилась, а я смогла наконец вздохнуть полной грудью. Пока я ковырялась в шкафу, раздумывая, чтобы такое найти ей на первое время, она довольно неплохо держалась, лишь изредка тихо всхлипывая. Вытащив старое платье, с сомнением прикинула его на пышную фигуру Пионы. Надо будет расшить в груди и бедрах, но потом все равно придется заказывать для нее новые платья.

— Раздевайся, — скомандовала я. Девчонка замерла, испуганно глядя на меня.

— Г-госпожа, вам же не нравятся женщины?.. — ее вопрос повис в воздухе робким облачком страха.

— Не зли меня, раздевайся быстрее, — и кинула в нее платьем. Она деревянными пальцами подобрала его и стала стягивать с себя тонкую рубашку, обнажая молочно-розовое тело. Но я не дала ей натянуть на себя обновку, подойдя к ней и разведя в сторону ее руки, потом заставив обернуться ко мне спиной. Внешних повреждений было мало, незначительные, уже зажившие синяки на внутренней стороне бедер, длинный заживший рубец от хлыста надсмотрщика на спине, ссадины на поясице.

— Одевайся. И садись, — кивнула я ей на кресло перед зеркалом. Пиона торопливо натянула темно-зеленое платье, которое морщило ей в подмышках и неприлично обтягивало грудь, и уселась, украдкой поглядывая на себя в новом облачении. Я подобрала густые с медным отливом волосы в высокую прическу, покрутила перед зеркалом ее голову. Высокая прическа ей определено шла, но тогда на шее открывалось невольничье клеймо. Высокий воротник или пустить хвост книзу?

— Что умеешь, сколько было клиентов? — спросила я, выбрав компромисс в виде полураспущенных волос, подобранных вверх лишь у висков.

Губы у девчонки задрожали, и я резко окрикнула:

— Не вздумай опять рыдать, иначе мигом вернешься обратно, к госпоже Розмари. — Я наклонилась к ней и с силой вцепилась в плечи. — Я дико устала и не собираюсь с тобой возиться, слышишь?

— Я... ничего... после того, как продали... надсмотрщик сказал, что должен проверить качество товара, — ее голос дрожал, Пиона закусил губы, сдерживая всхлипы. — Я должна было что-то сделать, но не смогла!.. А потом меня купил муж госпожи Розмари, он тоже... Было так отвратительно и грязно... Я не хочу туда возвращаться, пожалуйста!

— Ты веруешь в Единого? — спросила я рассеянно, вспоминая незлым тихим словом матушку Гён.

— Да, конечно, — Пиона кажется отвлекалась от своих переживаний. Я присела на корточки, развернула ее к себе и взглянула ей в глаза.

— Послушай, что тебе скажу. Я не буду с тобой больше нянчиться, и поэтому сейчас это в первый и последний раз. Во-первых, выкинь из головы все глупости про грех и прощение, что вещает тебе церковь. Ты не грязная и не грешная, твоей вины в случившемся нет и быть не может. Во-вторых, ты не обязана прощать своим обидчикам. Нет, ты конечно можешь это сделать, если хочешь. Надеюсь, что не станешь. И в-третьих, твое тело, — я провела рукой по ее волосам, линии подбородка, плеч, коснулась груди. — Не храм и не что-то особенное,

слышишь? Это просто тело. Да, с тобой сотворили насилие, это страшно, но это не катастрофа, от этого не умирают, слышишь? Выкинь глупости про самоубийство и о том, что твоя жизнь закончена. Поверь, есть много худшие ситуации.

Я поднялась и теперь смотрела на Пиону снизу вверх.

— Я дам тебе шанс на свободу. Но за него придется побороться. Так что привыкай к мысли, что за себя нужно сражаться. И не жди, что кто-то придет и спасет тебя, так бывает только в твоих книжках. Образованная, кстати?

Пиона кивнула, теперь уже смотря на меня расширенными глазами.

— Вот и отлично, вытри сопли и слушай внимательно. Я тебя купила не просто так, а для вполне определенного человека. За него ты должна будешь выйти замуж. А свободу получишь в качестве свадебного подарка.

— Но... я не понимаю, — Пиона растерянно смотрела на меня. — Зачем? И кто он? Почему он не может найти себе достойную жену?

В дверь постучал Антон и принес мне травяную успокоительную настойку на меду.

— Пей, я подожду, — сурово сказал он и замер у двери.

— Я выпью, спасибо, — мягко сказала я, выпроваживая его. — Пиона принесет тебе стакан, заодно покажешь ей комнату, отведи боковую, там еще не обустроено, но сойдет.

Мальчик заколебался, потом кивнул Пионе:

— Проследите, чтобы она выпила, пожалуйста.

Я неохотно взяла теплый стакан с ароматной смесью, сделала глоток.

— Достойную, говоришь? А ты значит не достойная?

— Но я же... — она запнулась, подбирая слово. — Я...

— Грязная шлюха? — насмешливо протянула я, словно провозглашая тост. — Ты так о себе думаешь?

Пиона понурилась, а я чувствовала, как меня опять несет. Я отставила стакан, подошла к ней, задрала ее подбородок и прошипела:

— Запомни, еще раз услышу от тебя, что ты недостойная, грязная или же порочная, отлуплю розгами, слышишь? Так, что на задницу сесть не сможешь недели две! Будешь думать про себя плохо, точно так же будут о тебе думать окружающие, поняла? Задрала голову, кому сказала! Так и держи!

Я застыла, потом рывком подняла Пиону, провела рукой линию от ее макушки, осознав, что девчонка почти на голову ниже меня, а Ивонна и вовсе меньшего роста была. Я опять усадила Пиону в кресло, положила руки на ее шею, уставившись застывшим взглядом на зеркало, но видя перед собой стену комнаты в борделе, расцвеченную щедрыми брызгами крови. Пиона испуганно схватила меня за руки:

— Не надо, я не буду больше, госпожа... пожалуйста, я все поняла.

— Заткнись, — я переместила руку к ее животу, ткнув указательным пальцем в правое подреберье. — Ничего не понимаю... — пробормотала я, прикрыв глаза и мысленно восстанавливая вид раны. Я думала, что рана была нанесена снизу вверх, что естественно для удара ножом или кинжалом, но рисунок брызг терял в силе именно от верхней точки. — Демон, ведь неудобно же!

Если предположить, что жертва сидела в кресле перед зеркалом, слегка повернутом к стене, и удар был нанесен ей в таком положении, то как убийца должен был изогнуть руку, чтобы не вспороть, а именно рассечь кожу? Я изогнулась, теоретически возможно, но все равно неудобно. А если жертва все-таки не сидела? Я за шкуру подняла Пиону с кресла и

скомандовала:

— На колени! Быстро, — и не дожидаясь, подсекла ее под коленями, пригвоздив к полу. Впрочем, девчонка уже не сопротивлялась, она поняла, что ее не собираются убивать, просто у хозяйки странные причуды. Нет, на коленях жертва определенно не стояла, брызги располагались бы несколько ниже. Я застыла в отчаянии, чувствуя, что мысли, словно навечно связанные фигурки карусели, со скрипом понеслись по второму кругу.

— Госпожа, я могу встать? — робко спросила Пиона, выведя меня из ступора.

Ее милое личико скривилось в страдальческой гримасе в зеркальном отражении, и я отстраненно подумала, что оно слишком невинное. Прическа ей шла, но открытый лоб вкупе с большими темными глазами делали ее похожей на святую заступницу, так, как их любят изображать на церковных росписях.

— Нет, — сказала я, отпуская ее плечи, поискала глазами ножницы, не найдя, вытащила кинжал из сапога. Прежде, чем девчонка успела испугаться, отсекала спереди толстую прядь ее волос и разровняла челку, склонив голову набок и любуясь на результат.

— Госпожа! — Пиона вскрикнула и схватилась руками за волосы. — Зачем?

— Так тебе определенно лучше, вставай, — теперь облик Пионы уже не казался таким простым и невинным, появилась легкая пикантность и загадочность. — А знаешь, плохо, что у тебя было так мало клиентов, сложно тебе придется...

— Почему?

Я сделала глоток остывшей настойки, но не ответила девчонке, задержала жидкость во рту, потом прыснула ею на стену, наблюдая за потеками. Кровь гуще, конечно...

— Потому что не умеешь ничего. А своего будущего мужа тебе придется добиваться и соблазнять.

— Но я не понимаю, я думала, что это он хочет... Нет?

— Нет. Он ничего не знает и знать не должен. Он — страшный человек, знаешь ли. Безумец, живущий в собственно причудливом мире. Куда никого не пускает. И тебя не пустит. Но ты же умная девочка, сможешь? — я устало улыбнулась. — Впрочем, тебе деваться некуда. Если не добьешь предложения руки и сердца за два месяца, отправишься обратно в бордель. Так что лучше тебе уж расстараться и угодить одному мужчине, чем потом всю жизнь ублажать многих, верно?

Я без сил опустила на кровать, чувствуя, что нет сил даже раздеться.

— Кстати, — вспомнила я, не удержавшись от возможности поиздеваться. — Ты обязательно должна понравиться его отцу. А это будет пожалуй сложнее, потому что он еще больший сумасшедший. Ты знаешь, что его тихо ненавидят все женщины в этой части города? То, что он делает с их волей, заставляет их сходить с ума. Каждая клянется, что никогда больше ногой сюда не ступит, не поддастся больше соблазну, что вчера это было в последний раз, когда она позволила себе это изумительное наслаждение... Но приходит новый день, и все они возвращаются... — я широко улыбнулась. — Чтобы еще раз вкусить запретное... Ступай спать.

Пиона нерешительно застыла у двери.

— Госпожа?...

— Что еще? — раздраженно буркнула я, откидывая голову на подушку и закрывая глаза.

— Разве я не должна помочь вам раздеться?

— Я сама, иди уже...

— Но у вас такой уставший вид... А настойка? Тот паренек сказал, чтобы я

проследила...

Она, что, вздумала мне указывать? Я схватила стакан и запустила им в Пиону:

— Пошла вон!

Она спряталась за дверь, но потом упрямо выглянула и спросила:

— Скажите хотя бы, как его зовут?

Не было сил даже пальцем пошевелить, что уж тут говорить о том, чтобы встать и оттаскать ее за волосы, поэтому я просто ответила:

— Мартен. Его зовут Мартен. Завтра ты с ним познакомишься. И если сейчас же не исчезнешь, клянусь, встану и придушу.

Перед тем, как провалиться в недолгий сон, отвоеванный у оставшейся ночи, у меня перед глазами промелькнуло чудное виденье Пионы в аккуратном чепчике и корсете с торчащей пышной грудью, крепкими ручками замешивающей тесто и радушно принимающей покупателей в пекарне...

Сквозь сомкнутые веки я ощущала теплые солнечные лучи, что ползли ленивой янтарной мухой по моему лицу. Просыпаться не хотелось, но я подхватила на кровати, осознав, что сдобой не пахнет. Глубоко втянув воздух, который пах легким ароматом лавандового масла и совсем чуть, на грани обоняния — выпечкой, я наткнулась взглядом на цветущую мордашку Пионы, что сидела напротив меня с импровизированным опахалом из тонкой промасленной бумаги.

— Что ты тут делаешь?

— Выспались, госпожа? — она до отвращения жизнерадостно улыбнулась и встала. — Я приготовила вам воду для умывания...

Я с удивлением поняла, что действительно выспалась. Впервые за последние два месяца... И чувствовала себя почти довольной жизнью, как оказывается мало надо человеку для счастья.

— Почему не пахнет сдобой? Пекарня не работает, почему? — я потеряла переносицу и потянулась на кровати.

— Работает. Я придумала, как устранить запах, что вам досаждало. Ваш брат мне рассказал, почему вы такая злая. Потому что плохо спите и питаетесь. Наша настоятельница, матушка Еванесса всегда говорила, что от этого все беды и случаются. Поэтому я...

— Да неужели? — пробормотала я, неохотно соскальзывая с кровати и бросая взгляд на настенные часы, которые — о, ужас — показывали почти половину девятого.

— ... Поэтому я развесила мешочки с кусочками древесного угля, вон, смотрите...

Я повернула голову к плотно закрытому окну, над которым действительно красовались загадочные мешочки.

— Он прекрасно поглощает любые запахи, мы так в монастыре спасались от жуткого запаха мясобои, что была у нас под боком. А еще Антон сказал, что вы любите аромат лавандового масла, я и пропитала...

Я отключилась от ее болтовни, прошла в ванну и плотно закрыла за собой дверь. Тут меня действительно ждала полная чаша для умывания, в которой плавали лепестки роз. Вот что за бред? Она этому в своих глупых книжках про гаремы с таинственными наложницами научилась? Где она розы то нашла, чтобы лепестки оборвать? Я уже открыла рот, чтобы отчитать глупую девчонку, как мой взгляд упал на зеркало. Оно было запотевшим, а на нем было нарисованы два скрещенных меча, словно на пиратском флаге. Ее рук дело? Я вылетела

из ванны, подтащила Пиону к зеркалу и ткнула в него носом.

— Что за чепуху ты нарисовала?

Она отчаянно замотала головой:

— Я не понимаю, что случилось? Что нарисовала? Или вам не понравилась вода? Недостаточно горячая? Я ее нагревала на солнце, но если хотите, то могу спуститься...

— Замолчи! — Пиона действительно не понимает или не видит... Я перехватила ее руку, поднесла к зеркалу и провела по рисунку, стирая линии. Потом с ужасом поняла, что ее ладонь после этого действия осталась абсолютно сухой.

— Зеркало чистое? — упавшим голосом спросила я, чувствуя, как стремительно портится настроение.

Пиона недоуменно взглянула на меня, потом взглянула на зеркало, потерла рукавом невидимое пятнышко в углу и ответила:

— Чистое, но если вы желаете, чтобы я...

— Не желаю, иди, — я с трудом вытолкала ее обратно за дверь, она рвалась помогать мне в омовении.

Я умылась, старательно не глядя в зеркало, которое упрямо продолжало смущать зрение фальшивым узором. Спешно разделась, окатила себя остатками воды и вдруг очень явственно почуяла крепкий запах табака и кожи. Мара атамана никогда не появлялась в зримом обличье, только голос в моей голове, запахи, а еще легкое покалывание в кончиках пальцев, как если бы он вновь учил меня мастерству карточного шулера.

— Что же ты хочешь мне сказать, атаман? — прошептала я, рассматривая остаток воды в чаше, в которой сиротливо плавали лепестки. Так и мысли мои сновали медленно и лениво в прозрачном потоке событий, но неожиданно их узор сложился радугой и мгновенно распался на миллионы цветных осколков. А я поняла, как одним взмахом решить проблемы финансирования, быстро обрести благодарность вояга, спровоцировать убийцу, а заодно досадить инквизитору. Последнее было почему-то особенно привлекательным в предстоящем мероприятии...

Я решила не мешкать с задуманным, но на выходе с ванны меня перехватила решительно настроенная Пиона.

— Госпожа, вы куда? Давайте я вам волосы уложу...

Я сообразила, что волосы у меня действительно даже не причесаны. Я поискала глазами гребень и обнаружила его в руках у девчонки, которая радостно мне улыбнулась и кивнула на зеркало.

— Садитесь, вы даже не представляете, как хорошо я умею причесывать...

— Неужели в монастырях теперь и такому обучают? — не удержалась я от ехидства.

— Нет, что вы! Это меня Агнесс научила, пока я... — девчонка опять запнулась, стиснула зубы, но нашла силы продолжить. — Вы даже не представляете, какая она мастерица! И причешет, и накрасит, и оденет, ровно куколку, и вот уже, глядишь, совсем другой человек!

Я наблюдала, как Пиона ловко расчесывает мои спутанные космы и забирает их наверх в достаточно сложную конструкцию из нескольких отдельных косичек и свободных локонов.

Похоже, что она успела расшить платье, которое сидело теперь практически свободно. Ее лицо светилось нездоровым энтузиазмом и трудолюбием, и меня это признаться несколько озадачивало. Неестественная реакция.

— Что ты можешь сказать про мужа госпожи Розмари? — рука Пионы слегка дрогнула, а я поморщилась от слишком резкого рывка гребня. — Что он за человек? Он действительно уехал неделю назад?

— Да, — кивнула девчонка, продолжая расчесывать и заплетать, но теперь ее движения стали слегка неуверенными.

— Так что ты о нем думаешь? — настойчиво повторила я свой вопрос.

— Он... плохой человек. Госпожа, я всю ночь думала над вашими словами. — Пиона решительно кивнула моему отражению. — Я буду бороться за свою свободу. У меня получится забыть...

— Забыть? — прервала я ее, вставая с кресла. — Даже не вздумай. Я буду тебе напоминать. Ты должна все помнить.

Пиона в испуге отступила от меня, прижимая к груди гребень.

— Ты должна вспоминать о нем, о своем отчине, о... кто там еще был? Вспоминать каждую деталь, ярко и подробно. Знаешь зачем?

Девчонка отрицательно помотала головой, разом потеряв весь румянец.

— Чтобы бороться. Чтобы это никогда не повторилось. Нельзя бежать от кошмара, потому что бесполезно. Потому что однажды он все равно догонит и превратится в страшную явь. Мало не покажется. Поэтому каждый вечер вспоминай. Вспоминай так, как если бы смотришь на все со стороны. Думай. Анализируй. Ищи слабости. Свои и обидчика. Свои устраняй, его — запоминай. Голову научись уже использовать, дура.

Я села обратно и кивнула ей продолжать. Руки у нее слегка дрожали.

— Бороться, говоришь готова? Тогда ответь, как бы сейчас поступила, случись все вновь.

Пиона замешкалась, потом сжала гребень так, что костяшки пальцев побелели.

— Я бы дралась, царапалась, кусалась, я бы...

— Ответ неверный, — отсекала я. — Надумаешь другие варианты — скажешь. Довольно.

— Но я... Я же не закончила, госпожа!

— Ничего, будет пикантная незавершенность образа, — ответила я, разглядывая забранные только с одной стороны волосы.

— Антон сказал, чтобы вы обязательно спустились к завтраку!... - крикнула она мне вдогонку.

Как ни странно, но завтрак я и не собиралась пропускать. Пиона семенила за мной следом, готовая вцепиться, если я вдруг попробую ускользнуть. Мало мне Антона, который словно старенький дедок ходит и ворчит на меня, так еще и эта соплячка будет следить за мной?

Почти все обитатели дома были в сборе за столом, встретив меня удивленными взглядами. Я редко завтракала, тем более в общей компании.

— Что за кислые лица? — я жизнерадостно им улыбнулась, наблюдая, как мрачнеет Антон. Его мои перепады настроения всегда беспокоили. — Что у нас сегодня на завтрак?

Мартен кивнул мне, здороваясь и бросая робкий недоуменный взгляд на Пиону:

— Д-д-доброе утро. Я п-п-приготовил б-б-блинчики с м-м-медом, — он заикался больше обычно.

— Спасибо, Мартен, — я указал на девчонку. — Познакомьтесь, это Пиона. Она...мм...

моя дальняя родственница. Вот приехала в Кльечи, думает поступать в Академию... — в глазах Мартена мгновенно зажегся интерес, стоило ему услышать про вожделенную Академию. Отлично, начало положено. — Садись, Пиона. Позавтракаешь с нами. А где Тень?

— Я тут, госпожа, — с порога ответила Тень, запыхавшись. — Простите, опоздала, но госпожа Изхази просила меня...

Я резко прервала ее, с шумом отложив столовые приборы:

— Заткнись! Ты помнишься уже отработала свою стоимость, верно?

— Не знаю, госпожа, — Тень растеряно смотрела на меня, недоумевая.

— Антон, пригласишь завтра поверенного, оформим вольную. И чтобы завтра же убралась из моего дома!

Тень застыла изваянием, потом кинулась мне в ноги.

— Госпожа, не гоните, прошу вас! Мне некуда идти, вы же знаете!

Я брезгливо отпихнула ее.

— Можешь отправляться к господину Тиффано, которому ты так любезно, за моей спиной, изволила помогать!

— Но, госпожа! Он же сказал, что вместе с вами работает! Я думала, что помогаю вам в дознании!

Я схватила ее за шиворот и притянула к себе:

— Ты — у меня- за спиной- рисовала — по его- просьбе! Даже не подумав известить меня! Я выглядела полной дурой, когда он! он швырнул мне твои! твои рисунки!

— Но, госпожа! — Тень вцепилась в меня с силой. — Вы вчера выглядели так ужасно, когда вернулись. На вас лица не было, а потом вы заснули, Антон сказал вас не беспокоить! Я не думала, что вас это так расстроит! Простите меня, пожалуйста! Не гоните, прошу вас!

К сожалению, я действительно не могу ее выгнать. Слишком ценный у нее Дар. Но хороший урок преподать стоит.

— Если я еще раз узнаю, что ты, или кто-то из вас, — я обвела всех яростным взглядом. — Общаетесь с инквизитором за моей спиной, вышвырну к кошачьему демону из дому! А ты, — я тыкнула пальцем в Тень, — наказана! Будешь сидеть дома, пока не разрешу выйти, поняла?

— Но детки из приюта, а Евочка...

— Молчать! — я стукнула ладонью по столу так, что зазвенели тарелки, поморщилась от боли. — Не нравится — можешь убираться к Евочке прямо сейчас!

Тень поникла и покорно кивнула головой. Она уж слишком привязалась к ребенку. К чужому ребенку. Так что ей пойдет на пользу домашний арест.

Я улыбнулась как ни в чем ни бывало.

— Удивительно вкусные блинчики, Мартен. Вы чудесно готовите. Кстати, Пиона...

Девушка испуганно взглянула на меня, оторвавшись от тарелки, она сидела рядом с Мартеном, вся как на иголках, стараясь лишней раз в его сторону не смотреть. Никуда не годится.

— Будешь помогать Антону по дому. Тем более, пока Тень наказана. И еще тебе будет задание. Освободишь подвал, ту половину, что не занята пекарней. Чтобы к моему возвращению там было чисто и пусто.

Пиона кивнула, а Мартен возмущенно вскинулся.

— Г-г-госпожа Хризштайн, п-п-простите, но там мои...

Я поторопилась его прервать:

— Мартен, позвольте вам напомнить, что по договору аренды вы имеете право только на половину подвала и часть первого этажа.

— Н-н-но что мне д-д-делать с...

— А меня не волнуют ваши поделки, Мартен. Пиона, можешь вынести их на помойку.

— Нет! — надо же, у него даже заикание пропало.

— Словом, мне все равно, что вы там решите с ними делать, — кивнула я им обоим, словно связывая их. — Можете выкинуть, можете переставить в другое место, но чтобы к моему возвращению там ничего не было. И кстати, мне надо будет отлучиться по делам. Если придет госпожа Розмари, — Пиона вздрогнула. — Угостите ее выпечкой, извинитесь за мое отсутствие и попросите меня подождать.

Я встала из-за стола, предвкушая отличное развлечение. Антон поймал мой взгляд и нахмурился с подозрением.

Я поднялась на чердак, где хранила свое снаряжение. Переоделась, забрала свободные локоны шпилькой-отмычкой, упаковала лишь самое необходимое. Теперь оставалось выскользнуть из дому так, чтобы не попасться на глаза Антону и не выслушивать от него очередные нотации. Выждав в коридоре, когда он поднялся к себе, я тенью метнулась к выходу.

— ... Ты видишь пустую улицу.

Привратник кивнул, его лицо ничего не выражало.

— Пустая улица, — послушно повторил он.

Сильная внушаемость привратника сыграла мне на руку, я спокойно зашла в бордель посреди белого дня, никем не замеченная. Утро в борделе тягостное и ленивое, вне зависимости от времени года и степени процветания заведения. Девицы отсыпаются, пробуждаясь обычно ближе к обеду. Бодрствовать может лишь экономка да привратник. Хозяйку же я дождалась у выхода — держу пари, она отправилась как раз ко мне.

Я спокойно, не торопясь, поднялась на второй этаж, никого не встретив. Меня интересовал кабинет хозяйки, в частности ее сейф и настоящая приходская книга, а не та фальшивка, что она так небрежно нам вчера продемонстрировала. Такого рода вещи не держат незапертыми в ящике стола. Дверной замок был несложным, с ним я справилась за пару минут. Аккуратно прикрыв за собой дверь, огляделась в кабинете. Где же может быть сейф? Кстати, он вполне может размещаться в ее спальне, а не тут. Но нет. Хозяйка не была слишком оригинальной, картина с изображением полуобнаженной девицы роскошных форм занимала половину боковой стены и стыдливо прятала добротный сейф. Вот здесь уже пришлось повозиться, но мои усилия были более чем достойно вознаграждены. Почти тысяча золотых монет, но самое главное — потрепанная приходская книга с настоящими записями о клиентах и доходах. Я задумалась — стоит ли ее унести или просто пролистать да запомнить? Записи напротив имен жертв меня заинтересовали, среди прочих действительно фигурировал помчик Прошицкий, его имя было подчеркнуто, стоял знак вопроса и пометка: "В.Н. зап.". Напротив других фамилий стояли цифры сверх обычной платы, что наводило на интересные размышления. Ох, подозреваю, наша хозяйка не так проста, шантаж клиентов? Или же?..

Я вырвала несколько страниц, а из последней страницы сложила стилизованное крыло и подписала Серым Ангелом, добавив текст: "Кара за разврат достойных мужей города падет

на ваши головы". Захлопнула сейф, наколов записку на нож для бумаги и воткнув ее в картину, прямо в срамное место девицы.

Что-то подсказывало мне, что хозяйка с такой запиской никуда обращаться не станет, иначе ей придется много объяснять по поводу вырванной страницы. Но у меня еще есть дела. Я нацепила маску на лицо, скрыла волосы под капюшон, накинула темный плащ и выскользнула из кабинета. Мне пришлось прождать какое-то время в тени коридора, пока наконец одной из девиц не приспичило по нужде, и она проследовала мимо меня в клозет. Я зажала ей рот, перехватив ее и приставив к ее горлу кинжал:

— Рыпнешься — убью, — прорычала я, старательно понижая голос, и потащила ее на второй этаж в комнату Лорелей.

Девка даже не попыталась вырваться, она оцепенела от ужаса. Я же вложила лезвие кинжала в ее руку и с силой провела, рассекая ей ладонь. Девица вскрикнула, я отпустила ее и схватила стул, с силой швырнув его в окно. Комната кстати выходила на набережную, где в утреннее время чинно прогуливались добропорядочные горожане со своими семьями. Потом врезала девице по лицу, она заорала пуще прежнего. Отлично, я схватила ее за волосы и нанесла неглубокий порез по рукам, которыми она старалась прикрыть лицо. Девка рванула к двери, и я не стала ее останавливать. Надеюсь, шум был порядочный, его услышат на набережной, вызовут стражников. Для верности сорвала маску, распустила волосы, высунулась в окно и заорала, старательно закрывая лицо: "Помогите, убивают!" На мой крик повернуло головы несколько мужчин, они показывали пальцами в мою сторону, кто-то бросился за стражниками. Пора уходить. Я скользнула в ванную комнату, тщательно закрыв за собой дверь, дождалась, когда на крик прибежали привратник, экономка и остальные девицы заведения. Девки были в основном в неглиже, поэтому сбросив дорожное платье и заткнув его в сумку, я спустила волосы на лицо и смешалась с ними. Все галдели, я старалась не попадаться на глаза экономке, уж больно непростая дамочка была. Поэтому, улучив момент, когда привратник высказал предположение, что мерзавец скрылся через окно, я отступила и уже через несколько минут выходила, как ни в чем ни бывало, из заведения, полностью одетая. Как раз вовремя, потому что мне на встречу спешили городские стражники, я переждала их за углом и спокойно проследовала дальше, унося свою добычу и множество вопросов.

Что ж, теперь останется немного подождать и потребовать у капитана Лунтико освобождения помчика на том основании, что во время покушения на очередную девицу из заведения госпожи Розмари он был под неусыпным надзором доблестной городской стражи. Сей факт, определенно, взволнует господина инквизитора и внесет сумятицу в разум настоящего убийцы. Хотя вот тут сложно прогнозировать... Я вспомнила тот краткий миг, когда красавчик рассказывал про мятежный Асад, и когда в зеркале мелькнуло отражение мальчика лет семи. Он взглянул на меня такими измученными глазами, в которых гнездились безумие, что я решила, что это и есть внутреннее отражение демона колдуна. Но что, если это последнее, что вспомнила Ивонна перед смертью? Если у нее уже был ребенок, то могла она на пороге смерти вспомнить своего сына?

Я так задумалась над возможными последствиями, что не заметила, как практически уткнулась носом в двух рослых мужиков, что перегородили мне путь. Их испытые физиономии и кривые ухмылки были достаточно выразительны, равно как и их недвусмысленное подмигивание.

— Ну что, красавица, повеселимся? — сказал тот, что повыше, вытаскивая кинжал. Второй противно поскреб пятерней лысину и ощерился неровным рядом гнилых зубов. Они окружили меня, загоня в безлюдный проулок. Впереди каменный тупик, сбоку — узкая улочка, ведущая к оживленной площади, но до нее еще надо добраться. Впрочем, зачем спешить, почему бы и не позабавиться?

— Отчего ж не повеселиться, ребятки! — я улыбнулась широко и радостно, чем нимало их озадачила. Они явно были настроены на иное поведение жертвы. Лысый схватил меня за руку и с силой пихнул в сторону тупика. Вернее, попытался. Потому что я и не думала противиться, скользнув в указанном направлении, а лысый, не ожидавший отсутствия сопротивления, покачнулся на ногах, но устоял.

— Что случилось? — участливо спросила я него. — Головка закружилась? Ну так, голубчик, пить надо меньше...

Лысый зарычал от злости, а долговязый бросился на меня с кинжалом, беспорядочно размахивая руками. Я трезво оценивала свои силы. Эти двое — типичные головорезы самого низкого пошиба, что после беспробудного пьянства способны разве что на стычки в портовом кабаке с такими же забулдыгами. Тем не менее, у них оружие и численное превосходство. Поэтому я выжидала, не позволяя сократить между собой дистанцию, прикидывая возможные действия и подстраиваясь под их манеру боя. Когда отступить было уже некуда, я поймала миг, когда долговязый замахнулся кинжалом, поднырнула ему под руку и врезала второму, не ожидавшему такой подлости, по коленной чашечке носком сапога. Противный хруст и приглушенный вопль подсказал мне, что я попала куда следует. Верзила упал на здоровое колено, ругая и проклиная мерзкую тварь, а его напарник развернулся и полетел на меня. Едва успела увернуться, но он все-таки зацепил меня кинжалом, полоснув по руке, мы сцепились и кубарем покатались по камням. Боль в руке сильно разъярила меня, и я что есть мочи вцепилась долговязому в шею зубами, чувствуя, как рот наполняется теплой кровью. Он заорал, попытался отцепить меня, я послушно отпустила, заломив ему руку за спину и выдернув из ослабших пальцев кинжал. Лысый уже успел придти в себя и теперь поднимался с колен, чтобы придти на помощь своему подельнику.

— Двинешься с места — перережу ему горло! — прорычала я, оседлав противника, отведя ему голову назад за волосы и с силой прижав кинжал к его шее. Глубоко вздохнула, выравнивая сбившееся дыхание. Стало вдруг до жути обидно, что за мной послали такое отребье, неужели моя жизнь так мало ценится? Хотя оставь они прелюдии и просто пырни жертву ножом, у меня пожалуй было бы мало шансов. Но ребятки решили вперед поразвлечься с хлипкой девицей, что сыграло с ними дурную шутку. Я переместила острие лезвия к уху долговязого, надавила и прочертила глубокую царапину.

— Кто послал? Быстро, или лишишься уха!

— Да пошла ты!.. — сдавленно выругался мерзавец, а лысый сделал шаг по направлению к сумке, что брошенной лежала на каменной мостовой. Я одним махом отсекала ухо долговязого и бросила под ноги второму.

— У тебя осталось еще одно! — прошипела я сквозь его вопль. Лысый застыл в нерешительности. — Быстро! Потом лишишься глаз!

— Ах ты сука! — лысый все-таки решил рискнуть здоровьем своего подельника, метнув в меня кинжал. Я чудом успела среагировать, прикрывшись поверженным противником. Лезвие вошло ему в горло, он захрипел в агонии. Я вскочила на ноги, сжимая кинжал.

— Что ж вы, голубчик, своего товарища так подставили, а? — верзила угрожающе дернулся в мою сторону, забыв про раздробленное колено, споткнулся и едва удержал равновесие. — Сбежать надумали? Не получится...

Я загоразивала ему выход из каменного тупика, ножа у лысого больше не было, передвигаться быстро он не мог. Спокойно вытерев лицо от чужой крови и подобрав сумку, я подошла к нему, головорез теперь пятился от меня в ужасе, перехватив мой безжалостный взгляд.

— Кто послал? Говори, и возможно, я оставлю тебе жизнь...

— Н-не знаю, честно! — верзила запинаясь и дрожал, в глазах горела ненависть, густо приправленная страхом. — Мужик какой-то в кабаке предложил, заплатил 20 золотых, назвал адрес и описал вас... Помилуйте!

— Как выглядел мужик?

— Да обычно выглядел, не помню, пьяными мы были...

Руки чесались перерезать ему горло, но мне необходимо узнать, кто его послал. Пусть живет...

— Я бы на твоём месте как можно быстрее убралась из города, — кивнула я ему, указывая на тело его подельника.

Незамеченной вернуться домой не получилось. В пекарне как обычно была уйма посетителей, а возле черного хода меня перехватил встревоженный Антон.

— Хриз, где ты была? Тебя госпожа Розмари уже час ждёт, злющая как оса. Что с рукой?

Я поморщилась, порез хоть и был неглубокий, но досаждал. Надо переодеться.

— Ничего страшного, просто кто-то неразумно оценил мою жизнь всего лишь в 20 золотых. Напомни мне, жадность входит в список смертных грехов?

Я радушно поприветствовала хмурую хозяйку борделя, что сидела у меня в гостиной перед чашкой остывшего чая и блюдом с печеньем.

— Простите меня ради бога, госпожа Розмари, — я широко улыбнулась и присела напротив. — Дела наследования отнимают просто уйму времени, сама себе не принадлежу!

— Госпожа Хризшгайн, я требую признания недействительным нашего договора и возвращения мне моей собственности! Вы меня подло обманули! — сводня решительно поджала губы, весь её вид выражал справедливое негодование.

— Я вас обманула? — поинтересовалась я, решив не церемониться и обработать рану прямо сейчас. Антон принес мне спиртовую настойку подорожника и чистую ткань.

— Помочь? — кивнул он. Я покачала головой.

— Сама справлюсь. Иди. Так в чём же я вас обманула?

Госпожа Розмари скривилась, словно проглотила ежа.

— Господин инквизитор мне всё рассказал. Про обман с серебром. Верните мне Пиону! Или я буду вынуждена обратиться в громаду!

Мелкий засранец! Когда же ты успел мне подгадить?

— Госпожа Розмари, — я поморщилась от щипавшей рану настойки. — Позвольте мне напомнить, что в договоре нигде ни слова не сказано про серебро. Так в чём же обман?

— В том, что вы заставили меня поверить в её болезнь!

— Правда? — я картинно приподняла бровь. — Я говорила, что Пиона больна?

— Вы... — сводня запнулась. — Вы ясно дали это понять!

— Это вы, госпожа Розмари, что-то себе придумали, а я вам слова про Пиону не сказала. И если будет судебное разбирательство, то тот же господин инквизитор будет вынужден это подтвердить. Я просто показала вам ее цепочку, а что вы там себе решили — Единый знает...

Я затянула наконец повязку на руке и обворожительно ей улыбнулась.

— Давайте не будем ссориться, мы же деловые люди.

— Вы лицемерная обманщица! Я этого так не оставляю, я...

Мне надоели ее словоизлияния.

— Позвольте мне напомнить вам, госпожа Розмари, что его святейшество, кардинал Блейк все еще сильно огорчен тем фактом, что...

— Я ему все расскажу! — взвизгнула сводня.

— Рассказывайте. Только вы же понимаете, — я наклонилась к ней и зашептала. — Что мне ничего не стоит отправить Пиону в портовый бордель, найти ей несчастного на последней стадии звездной сыпи и заразить бедняжку. А вы потом будете долго доказывать, что она была здорова, когда вы отправляли ее в комнаты с его святейшеством...

Лицо хозяйки побледнело, губы задрожали.

— Вы...вы!

— Да, я страшный человек, — грустно сказала я. — Помнится, господин инквизитор вас об этом честно предупредил. Поэтому со мной лучше не ссориться, а дружить.

Я снова широко улыбнулась и продолжила:

— Так что, будем дружить? Я лично улажу проблемы с кардиналом и буду добросовестно защищать ваши интересы в этом дознании. Оно, кстати, может и затянуться. И да, вам теперь совершенно необязательно терпеть участие Инквизиции в своих делах. Кстати, а я ведь могу быть очень щедрым другом, особенно если ваши девочки будут оказывать услуги особого рода...

— Какие еще услуги? — подозрительность, жадность и возмущение сейчас боролись, но жадность определенно должна победить. Нет, все-таки жадность — страшный грех!

— Скажем так, клиенты ведь часто болтают о том, о сем при девочках? Если ваши подопечные будут держать свои прелестные ушки настороже и сообщать интересующие меня детали, то я щедро отблагодарю. Кстати! — я хлопнула себя по лбу. — Совсем забыла!

— Что? — возмущение сводни медленно сходило на нет, она явно подсчитывала возможные барыши.

— Я же говорила про то, что мой портной сам изготавливает корсеты, верно? Я всерьез подумываю об открытии мастерской и могу положить вам значительную скидку. Подумайте сами, ваши девочки будут щеголять в такой роскоши, что заставит всех знатных дам этого города кусать себе локти.

— Размер скидки? — деловито поинтересовалась сводня.

— Двадцать процентов.

— Тридцать, — принялась торговаться сводня.

Я покачала головой.

— Никак не могу, иначе буду работать себе в убыток. Двадцать пять.

Госпожа Розмари колебалась, но недолго.

— По рукам. Но если вы меня обманете!

Я похлопала ее по плечу, выпроваживая.

— Я держу слово, не беспокойтесь. Наше сотрудничество будет взаимовыгодным, а потому крепким и долгим. Возьмите девочкам вкусенького из нашей пекарни, за счет заведения, разумеется.

Боже Единый, как же много еще надо успеть сделать! Я наспех перехватила пару миндальных печений — совершенно напрасно сводня от них отказалась, написала записку для вояга, послала с ней Антона и отправилась искать Пиону.

Спускаясь в подвал, я замерла на лестнице, чтобы понаблюдать очаровательную сценку. Сосредоточенная и покрасневшая Пиона помогала Мартену перетаскивать последние из его поделок на вторую половину подвала, загромождая ее до невозможности. Сейчас они на пару тащили странного вида конструкцию, чем-то похожую на ветряную мельницу. Мартен тоже покраснелся, то ли от физических усилий, то ли из-за присутствия Пионы, он вещал ей про безграничные возможности разума человека, о том, что человек сможет летать словно птица, заикание пропало, как обычно, когда он говорил про любимое дело. Слава Единому, у Пионы хватило ума молча выслушивать его бред.

— ... Вот вы посмотрите на божьих созданий, птиц или букашек. Ведь летают же! Чем же человек хуже? Моя механическая стрекоза не летает, почему, спрашиваю я вас? Потому что нету божьей искры, чтобы вдохнуть жизнь в ее крылья! А если создать движитель? Ведь когда я ее пускаю в поток воздуха, она летит, пусть недолго, но летит. Понимаете?словно сам воздух ее подхватывает, но его недостаточно, а вот если бы...

Я прервала его рассуждения.

— Вы еще не закончили?

Пиона ойкнула от страха и отпустила конструкцию. Мартен один ее не удержал, и тяжесть металла обрушилась ему на ногу. Он охнул от боли и скрючился.

— Госпожа, простите нас! Мы сейчас уже закончим!

— Некогда, — я осуждающе покачала головой. — Пиона, почему у тебя в волосах паутина?

— Где? — подхватила девушка, шаря руками по растрепанной прическе.

— Действительно... Позвольте? — Мартен протянул руку снять с ее волос оставшуюся паутину, но Пиона настолько резко отпрянула, что он покраснел и начал извиняться. Лицо девушки стало пунцовым. Ну что за ребячество!

— Пиона, немедленно приведи себя в порядок! — я довольно резко прикрикнула на нее. — И собирайся, пойдём обновлять твой гардероб, а то позоришь меня. Мартен, я надеюсь, что к нашему приходу здесь уже будет свободно. За мной, живей.

Пиона поспешила за мной и споткнулась о грудку металла, к счастью, Мартен успел ее подхватить под локоть. Она даже выдавила ему слова благодарности.

Памятуя про неудавшееся покушение, я решила перестраховаться и нанять экипаж, хотя до дома портного было всего несколько кварталов.

— Пиона, если ты так и собираешься шарахаться от Мартена, то не трать мое время. Могу тебя хоть сейчас отвезти обратно к госпоже Розмари. Тем более, она на этом настаивала.

Пиона умоляюще сложила руки.

— Прошу вас, госпожа, я исправлюсь, честное слово! Просто все так неожиданно. Я...

— Завтра тебе надо будет отправиться в доки, на склад купца Этьена. Наймешь экипаж

для того, чтобы перевезти оттуда книги домой, займешь ими подвал. И это прекрасный повод попросить Мартена о помощи. Тем более, что он едва ли откажется, услышав про книги. Надеюсь, у тебя хватит мозгов максимально использовать ситуацию в свою пользу. — Я многозначительно посмотрела на Пиону.

Девушка послушно кивнула.

— Госпожа, а почему вы сказали, что он безумец? Мне он не показался...

— Потому что безумец. Или ты всерьез считаешь, что кто-то, грезящий полетами человека аки птицы, может быть нормальным? — я покачала головой. — Его ничего не интересует, кроме своих бредовых идей и поделок. И с возрастом это будет только усугубляться.

— А его отец? Он мне показался таким милым старичком, так интересно рассказывал про свое дело...

— Ты уже пробовала его выпечку, Пиона?

Девушка кивнула.

— Просто объедение! Никогда такого чуда не ела...

— Вот именно! Мне уже пришлось выслушивать от пары клиенток, что они теперь не могут влезть в свои старые платья, и все из-за таких вот кулинарных чудес... Если поладишь с дедушкой Иволги, считай, полдела сделано. Кстати, а ты готовить умеешь?

Пиона опять кивнула.

— Я в монастыре даже хлеб пекла, мне доверяли тесто вымешивать. Только вот рецепта закваски я не знаю, в монастыре с этим строго.

— Ну вот и помогай ему на кухне, только не слишком усердно. Пекари — народ довольно ревнивый, еще решит, что ты его секреты выведать хочешь...

К сожалению, портного Изхази дома не оказалось, он отправился закупать ткани на портовый рынок. Впрочем, я всего лишь хотела заказать корсет для Пионы, но с этим можно и обождать. Остальное можно купить и в лавке готового платья, что располагалась неподалеку. Я затащила туда Пиону и с порога крикнула лавочнику.

— Милейший! Девицу видите? Подберите ей несколько платьев на выход. Открытые в плечах и декольте. Пару рубашек, потоньше да поизящней. Еще две пары домашнего платья, тоже открытые. Все хорошего качества, не скупитесь. Пусть примерит и выберет. Я отлучусь ненадолго, так что ждите.

Я кивнула ошарашенной Пионе и расплывшемуся в угодливой улыбке лавочнику и отправилась в кабак двумя кварталами ниже по улице.

— Если ты, сволочь, не в состоянии держать меня в курсе дел, — я прижала мордой в стол своего неудачливого осведомителя, мелкого воришки и шулера Поньку. — То может прихлопнуть тебя?

Он противно заскулил, глотая сопли.

— Госпожа, да что случилось-то?

Я отлепила его потертую физиономию от стола и встряхнула тщедушного прохвоста.

— Я тебе сколько плачу, а? Тридцать золотых в месяц, забыл? И почему я узнаю от двух головорезов, что кто-то оценил мою жизнь всего лишь в двадцать золотых?!? Значит так...

Я вцепилась ногтями в его уши, дернув их что есть силы. Он взвыл.

— Значит так. Если я завтра не буду знать, кто их нанял и зачем, ты, паскуда, лишишься

своих ушей, понял! И передай Отшельнику, чтоб теперь с отчетом являлся ко мне каждый день! Глаз не сводить ни с церковников, ни с членов городского совета! И еще пусть приставит человека к инквизитору! И даже если кто-нибудь из них пукнет в неположенном месте, я хочу об этом знать!

Я повернулась уходить, потом вспомнила про лысого.

— Те двое, что пытались меня убить. Один мертв, а второй, плешивый, с плохими зубами, теперь у него раздроблено колено, и он попытается удрать из города. Если из ума не выжил, конечно. Проследить и узнать, кто его будет искать.

Те платья, что Пиона отобрала, я забраковала с ходу. Слишком скромные и закрытые. После недолгих препирательств я отобрала необходимые наряды на свой вкус, хотя девчонка кривилась и лепетала, что они неприличные. Особенно удачно на ней смотрелось легкое шифоновое платье небесного оттенка со светлыми кружевными оборками, с талией под грудь, закрытыми плечами, однако довольно откровенное в декольте. Оно было одновременно и в меру целомудренным, и давало простор для мужской фантазии, подчеркивая пышную прелесть девичьей груди. Поэтому я заставила Пиону переодеться в него тут же, нам еще предстояло заехать в городскую управу, навестить капитана Лунтико.

— Госпожа?

— Ну что еще? — недовольно отвлеклась я от своих раздумий. Пиона в обновке чувствовала себя крайне неуютно и все время пыталась прикрыть слишком открытый вырез платья.

— Зачем такое открытое? Вы же сами сказали, что Мартену все равно, он и не взглянет...

— Верно, — усмехнулась я. — Если он даже паутину в твоих волосах не заметил, то куда ж ему твои прелести разглядеть. Но, кроме него, есть ведь и другие.

Пиона спросила упавшим голосом.

— Я думала, что мне... Только с Мартеном... Я не хочу... пожалуйста?..

— Да уймись ты. Никто на твою честь покушаться не собирается. Смазливое личико вкупе с пышной фигуркой будет хорошо привлекать мужскую половину посетителей пекарни. Кроме того, даже если мужчина не способен запомнить, что у тебя на голове или какого цвета платье, то будь уверена, заметишь, как на тебя смотрят другие мужчины, он в состоянии. И помолчи, сделай одолжение.

Тревожно предчувствие не отпускало, ворочаясь в животе, словно змея, готовая ужалить при любом неосторожном движении. Я ожидала противодействия со стороны Святого Престола, который пытался оспорить передачу церковных земель в юрисдикции городского совета частному лицу в особе помчицы Малко. Но стали бы церковники связываться с мелкими головорезами? В их стиле скорее обратиться в Гильдию убийц — качественно, анонимно и абсолютно надежно. Правда, дорого. Но когда на кону стоят такие деньги, глупо ведь экономить. Может, не стоит дальше искушать судьбу, пойти на мировую и отдать им земли? Но тогда мне придется довольствоваться крохами от состояния помчицы...

Безжалостное послеобеденное солнце выжгло пустую площадь перед городской управой. Одинокое прохожие стремились поскорей укрыться в скудной тени зданий да пышных кипарисов. Капитана Лунтико на месте не оказалось, и теперь я стояла на ступеньках, раздумывая, что могло его задержать. Или кто. Придется подождать, я хочу

убедиться, что помчика освободят. Я, нисколько не смущаясь, уселась на ступеньку и зажмурилась на солнце. Станным образом, но мне казалось, что даже в самый жаркий день в самом жарком месте земли мне все равно будет не хватать тепла. И поэтому я ловила щедрую солнечную ласку, не обращая внимания на изумленный взгляд Пионы, которая старалась держаться в тени.

Но что за докучливая девица! Зачем она дергает меня за рукав? Но тут Пиона шепнула:

— Там господин инквизитор...

Я лениво приоткрыла глаза. Так вот кто задержал капитана! Красный от злости и жары капитан спорил о чем-то с красавчиком, который — ну кто бы сомневался — обратно вырядился в свою нелепую черную мантию. На мгновение мелькнуло восхитительно видение того, как я прокрадываюсь под покровом ночи в его комнату... С изумительно острыми ножницами... Чтобы укоротить его прекрасные волосы больше предписанного церковными порядками... Но потом я представила кислое выражение его физиономии и решила, что оно пожалуй того не стоит.

— На каком основании вы игнорируете заявления свидетелей, капитан Лунтико?

— Я не собираюсь вам ничего объяснять, господин инквизитор, — капитан утер рукавом капли пота на лбу. — Госпожа Розмари заявила, что ничего не случилось, инцидент исчерпан!

— Добрый день, господа, — я смотрела на них без тени улыбки. — Как ваш насморк, господин Тиффано? Прошел, надеюсь?

— Спасибо, вашими молитвами, — процедил красавчик, даже не повернув в мою сторону головы.

— О, едва ли, я не имею обыкновения молиться. Предпочитаю полагаться исключительно на собственные силы. Кстати, капитан, — я сделала многозначительную паузу. — Слухи о неприятном происшествии в заведении госпожи Розмари уже дошли до меня. Что же получается? Кто-то опять пытался зарезать ее девку, но в этот раз не преуспел?

Капитан резко мотнул головой.

— Еще раз повторю, ничего не случилось. Просто девица была слишком...

Я резко его оборвала.

— Это вы будете господину инквизитору рассказывать. А я требую освободить помчика Прошицкого, несправедливо обвиненного в схожем убийстве девицы из борделя! И, капитан, — я придвинулась к нему настолько близко, что ощутила потный запах его раздражения. — Вы же понимаете? Даже если сейчас ничего, как вы выразились, не произошло, то в следующий раз вам повезет значительно меньше. Поскольку теперь это уже не просто убийство, а богопротивное колдовство, и дознание ведет Святая Инквизиция, угадайте, чья голова полетит первой? Уверяю, вояг Хмельницкий, которого я уже известила, не будет церемониться с тем, кто так опрометчиво обвинил его вельможу... А вот кстати и он...

Я кивнула на роскошный экипаж с гербовой печаткой восточного вояжества, что остановился напротив. Лицо вояга, степенно выбравшегося из экипажа, не предвещало ничего хорошего. Капитан тяжело сплотнул, глазки забежали. При всей своей ограниченности, он глупцом не был, умея отлично чують, на чью сторону стоит переметнуться, чтобы не потерять пост.

— Я на вашем месте принесла бы самые искренние извинения его светлости и тотчас бы освободила помчика, — шепнула я капитану, с удовольствием наблюдая за тяжелой

борьбой мысли на его лице. Мысль здравая победила.

Капитан поспешил к воягу, подобострастно раскланиваясь и заверяя его в полном содействии. Я обернулась к инквизитору, что бесстрастно взирал на происходящее.

— Господин Тиффано, я надеюсь, вы вчера добрались домой без приключений? — ехидно поинтересовалась я.

— Откуда вам стало известно о происшествии в борделе? — инквизитор хмурился и смотрел на меня с подозрением.

— А я щедро плачу осведомителям, в отличие от Святого Престола. И всегда в курсе всего, что происходит в городе. Меня больше удивляет, откуда вам это стало известно. Кстати, поскольку помчик теперь свободен, я умываю руки. Наслаждайтесь свободой.

Красавчик нахмурился еще больше, на его лбу сверкнули крохотные капельки пота.

— Вы опять вырядились в этот нелепый мешок? — кивнула я ему раздраженно. — Вам не жарко?

— Я на службе.

— Если вы и дальше собираетесь упорно ходить в этом убожестве, тогда верните мне ваш вчерашний костюм. Не собираюсь выбрасывать деньги на ветер!

— Уже, — его спокойствие раздражало все больше. — Я уже отослал его по вашему адресу с посыльным. Премного благодарен. Это вы посоветовали госпоже Розмари больше не оказывать содействия в дознании? Она меня на порог не пустила.

Я закипела от злости.

— А вы думали, что можно мне безнаказанно гадить? Думали, рассказав про мой обман с серебром, завоюете ее расположение? И поссорите со мной?

В голосе Кысея звучало искреннее удивление.

— При чем тут вы? Мир не вращается вокруг вас, госпожа Хризштайн, как бы вам того не хотелось. Я просто не мог позволить пребывать ей в подобном опасном для жизни ее подопечных заблуждении.

— Какая забота про здоровье несчастных, погрязших в пороке! — я сделала шаг к нему, стоя теперь почти впрытык и разглядывая его лицо. — Надеюсь, вы сможете защитить их от колдуна.

Инквизитор даже не подумал отступить, застыл каменным изваянием, лишь на пару секунд прикрыв глаза. Что за идиотская привычка!

— Мне интересно, господин инквизитор, — я провела пальцами по его лицу, убирая прилипшие влажные пряди со лба. — Когда вы вот так закрываете глаза, вы что, молитесь?

Он не отшатнулся, как я ожидала, вместо этого посмотрел мне в глаза, вдруг поднес руку к моему лицу и накрутил на палец выбившуюся прядь волос. Это было настолько неожиданно, что я невольно подалась назад.

— А мне интересно, почему у вас такая нелепая прическа, госпожа Хризштайн, — насмешка в его голосе обжигала щеки. Он сделал еще шаг ближе и шепнул на ухо:

— Я ведь быстро учусь. Так что не беспокойтесь, я смогу найти убийцу и без вас...

Каков наглец! Зеркалить меня вздумал? Решил, что знает, как меня зацепить? Красавчика от немедленной расправы спас вояг.

— Госпожа Хризштайн, благодарю вас за столь приятное известие. Я надеюсь, что подозрения с моего вельможи теперь сняты, и я...

— Это не совсем так, — мягко перебила я его, выравнивая дыхание. — К сожалению,

убийца до сих пор на свободе, поэтому едва ли можно успокаиваться. Но я абсолютно уверена, что господин инквизитор, — выразительный кивок в сторону красавчика, — позаботится об этом.

Вояг прищурил глаза и внимательно посмотрел сначала на меня, потом на Кысея.

— А вы что же? Не собираетесь ему в этом содействовать?

— К сожалению, господин Тиффано отказался от моей помощи...

— Это не так, — спокойно перебил меня красавчик. — Я не отказывался.

— Неужели? — я взяла его под руку и заглянула в глаза. — Тогда я могу рассчитывать на вашу компанию завтра вечером у "Прекрасной Лорелей"?

— К сожалению, — он аккуратно отцепил мою руку. — У меня другие планы. Но я уверен, госпожа Хризштайн, что вы справитесь самостоятельно.

— Какая жалость, — я притворно вздохнула, бросая грустный взгляд на вояга. — Я думаю, что среди завтрашних гостей заведения госпожи Розмари может оказаться убийца. Очень жаль, но видимо придется отказаться от этой идеи — это ведь неприлично, появится даме в таком месте да еще одной!

Вояг с сомнением взглянул на инквизитора.

— Неужели у вас такие срочные дела, господин инквизитор? Они не могут обождать? Ведь дознание...

— Никак нет, — отрезал Кысей. — Кроме того, у меня завтра будут результаты вскрытия Ивонны и Изабеллы. Я позволю с ними ознакомиться госпоже Хризштайн, если она пожелает. Уверен, что они дадут больше информации, чем посещение сомнительного спектакля. С вашего позволения.

Инквизитор склонил голову в прощальном поклоне и развернулся уходить, а я бросила воягу:

— Забавные совпадения, не находите, ваша светлость?

— Какие совпадения?

Красавчик замер.

— Думается мне, что кто-то копает под вас в городском совете. Иначе как объяснить, что во время убийства Ивонны на спектакле присутствовали и капитан Лунтико, и бургомистр? Напомните мне, сколько сейчас составляет жалованье капитана городской стражи? Неужели он может позволить себе такие дорогие развлечения?

Вояг озадаченно посмотрел на меня.

— То есть, вы хотите сказать?...

Я покачала головой.

— Не берите дурного в голову. Просто проследите, чтобы помчик Прошицкий был все время на людях. И его не смогли обвинить в следующем убийстве. О, а вот и он.

Я поклонилась воягу, прощаясь с ним, и развернулась к инквизитору, который разумеется никуда не ушел.

— Вас подвезти, господин Тиффано?

— Спасибо, но я уже привык добираться пешком. — Он явно колебался, но потом все-таки не выдержал и спросил. — Вы думаете, что убийца имеет политический интерес? Это же смешно, право Единый!

— Скажите, вы себе представляете финансовый оборот борделя подобного класса? — спросила я, подзывая Пиону, что пряталась в тени. — Как думаете, сколько клиентов они принимают в день, в неделю, в месяц?

— К чему вы клоните, госпожа Хризшгайн?

— Когда госпожу Розмари спросили, посещал ли помчик Прошицкий Лиену, она достала приходскую книгу и ответила на ваш вопрос довольно быстро. А ведь Лиену убили почти два с половиной месяца назад. Даже если подсчитать скромно, по десять клиентов в день, хотя уверяю вас, на самом деле значительно больше, то сколько получается в неделю, сколько? — Я щелкнула в воздухе пальцами.

— Семьдесят, — послушно подсказал инквизитор.

— А за два месяца получится пятьсот шестьдесят, верно? Вы всерьез считаете, что за несколько секунд хозяйка смогла пробежать полторы тысячи записей и найти имя помчика среди прочих записей клиентов Лиены? Она даже не потрудилась пролистать страницы!

— Вы хотите сказать, что хозяйка...

Я его прервала, кивая Пионе садится в экипаж.

— А выводы делайте сами, господин инквизитор. Всего хорошего.

Ночью мне опять приснился кошмар. В этот раз это была механическая стрекоза, та самая, что не хотела лететь без божьей искры. Она сидела у меня на ладони, сверкая металлическими фасеточными глазами и расправляя прозрачные крылья. Я пыталась стряхнуть ее, но она словно приклеилась, впиваясь в ладонь, прорастая проволочными усиками в мою плоть. Мне казалось, что вот еще чуть-чуть, и получится, я стряхну ее и вырву эту гадость, но чем больше я пыталась, тем сильнее становилась боль, тем глубже зарывались в меня ее лапки. Я чувствовала, что теряю себя, становлюсь кем-то иным, чуждым всему живому, чувствовала, как растут крылья, движимые темной силой. И когда я оторвусь от земли, то потеряю себя навсегда. Проснувшись я от собственного крика.

Утром пришел поверенный, господин Цомик, обсуждали два основных спорных момента. Церковники пытались оспорить передачу земель, но как меня уверил господин Цомик, шансов у них не было. Поверенный госпожи Малко, что составлял договор, исхитрился и втиснул формулировку «передача земель в качестве благодарности за заслуги госпожи Малко перед городом», без указания размеров ее заслуг и условий. По сути, это была дарственная. Так что основной упор церковники должны сделать на том, чтобы признать завещание Анны Малко недействительным в силу недееспособности завещателя. И тут я ничего поделать не могла. Если бы только у меня был козырь против церковников, да такой, чтобы они и думать забыли о землях!...

Поверенный ушел, а я беспокойно заметалась по дому. Наорала на Пиону и выпихнула ее чуть ли не пинком под зад за книгами, вместе с Мартеном. Заглянул Антон, грустно посмотрел на меня, покачал головой, но, слава Единому, промолчал.

Потом взяла себя в руки, села за стол и выписала по памяти список общих клиентов у всех трех жертв. Он оказался небольшим, всего пять имен. Два купца, владеющих мануфактурами, старый знакомый, городской управитель Варгес, известный уже помчик Прошицкий и помчик Овьедо, вельможа вояга Наварро. И снова, откуда средства у господина Варгеса на столь дорогое заведение? Или же они с капитаном расплачивались информацией и услугами?

К обеду появился Отшельник. Этот совершенно непримечательный во всех смыслах человек даже у меня вызывал легкую оторопь. Его лицо было удивительно незапоминающимся, самые обычные черты, не красивое и не уродливое, средний рост, а

волосы... Я до сих пор не могла с уверенностью сказать, какого именно они оттенка. Его настоящего имени тем паче никто не знал. Мне вообще невероятно повезло, что он согласился со мной работать. Исключительно благодаря рекомендациям Безумных бардов. Потому что единственной слабостью Отшельника была страсть к музыке. Он не пропускал ни одного выступления музыкантов, будь они в захудалой таверне или в дорогом ресторане, знал огромное множество песен и баллад. Но самое важное, что он мог добыть любую информацию и мгновенно распространить ложную. Был ли он безумен, и было ли это его Даром? Не знаю, как ни стыдно признаваться.

— Госпожа, вы просили сведения?.. — его голос шелестел, словно осенний лист на ветру, интонация была полувопросительная.

— Да, — кивнула я ему. — Садись, Отшельник. Я просила узнать, кто будет искать лысого, что покушался вместе со своим подельником на мою жизнь.

Отшельник безмятежно поклонился и сел, держа спину прямо. От угощения он всегда отказывался.

— Некто по имени Франц Малко, прибыл два дня назад на корабле с южных земель. Вместе с супругой остановились в таверне "Золотая стрекоза".

Я вздрогнула. Опять...

— Он родственник помчицы Малко, вернее ее мужа?

Отшельник утвердительно кивнул.

— Троюродный племянник ее мужа.

Я забарабанила пальцами по подлокотнику кресла, отбивая треклятую мелодию колыбельной и пытаясь движением упорядочить сумбурные мысли. Может ли он претендовать на наследство? Кем ему по родству приходилась Анна Малко? Господи, ведь очень дальней, невообразимо дальней родственницей! Хотя радуется, что это не церковники меня хотели убить. Или ход еще за ними? Самой неприятной особенностью Отшельника было то, что полученную информацию он никак не анализировал и не считал нужным делать выводы. Поэтому зачастую от умения ставить правильные вопросы зависело то, насколько полезным будет добытое.

— Пожалуйста, выясни, общался ли господин Малко с церковниками или представителями городского совета. Докладывать теперь будешь каждый день, хорошо? — я постаралась смягчить тон, поскольку угрозы на него не действовали. — Что с кардиналом Ветре, епископом и новым кардиналом?

Отшельник вздохнул, а я удивленно на него посмотрела. Первый раз на моей памяти он проявляет какие-то эмоции.

— Ночью что-то произошло в Академии, в хранилище, — сказал он тоном обиженного на весь свет ребенка. — Что-то пропало, но не смог выяснить, что именно. Епископ Таларион послал за отцом Валуа. Охрана церковного хранилища усилена. Подняты послушники городских церквей и окрестных монастырей. Из города никого не выпускают. Блокированы торговые обозы и корабли. Кардинал Ветре своей резиденции не покидал. Однако к нему приезжал накануне отец Бульвайс. Вместе с Косым. Побыли минут двадцать и уехали. За ним следить?

— Да, — ошеломленно пробормотала я, пытаюсь разобраться в фактах. Косой был мелким мошенником, что подвизался на карточном шулерстве. — А что инквизитор? И новый кардинал?

— Кардинал заперся у себя дома, вызвал лекаря. Господин Тиффано поехал в Академию

вчера, однако результаты вскрытия тела Изабеллы еще не были готовы. Копия отчета по вскрытию Ивонны у меня с собой. — Он вопросительно выгнул бровь, и я кивнула.

— Давай. Что он сегодня делал?

— Его, как и кардинала Блейка, тоже вызвали в Академию. В настоящий момент они оба все еще находятся там.

— Что еще интересного можешь сообщить? — это был скорее риторический вопрос, поскольку для Отшельника информация переставала быть интересной ровно в тот момент, как становилась ему известной. Его должно быть сильно задел тот факт, что есть что-то, чего он пока узнать не может. Впрочем, для него это лишь вопрос времени. Однако Отшельник смог удивить меня сегодня во второй раз.

— Госпожа Розмари обратилась за помощью к Джулиану. Просит найти Серого Ангела. — Лицо Отшельника не выражало абсолютно ничего, как обычно.

— Действительно интересно, — протянула я, раздумывая. Джулиан в данный момент был заводилой преступного мира Кльечи, перед ним отчитывалась большая часть мелких воришек, скупщиков краденого, головорезов, шарлатанов и нищих. От него едва ли можно было ожидать неприятностей, но меня больше беспокоил тот факт, что об этом упомянул Отшельник. — Узнай-ка мне про госпожу Розмари, ее мужа и их экономку. И вот еще список, собери сведения про них, меня в частности интересует их финансовое состояние.

Отшельник встал и поклонился. Что могло быть такого важного в хранилище, что поставило на уши церковников? Уже возле двери я его окликнула:

— Погоди, — вопрос крутился на языке, готовый сорваться в любой момент, и я не сдержалась. — Кто из церковников имел доступ к хранилищу?

Отшельник на мгновение задумался, словно перелистывал страницы памяти, потом перечислил:

— Епископ Талерион, инквизитор Тиффано и отец Валуа, которого прошлой ночью не было в городе. Еще послушники, что охраняют хранилище, но они дежурят попарно, ключи сборные, третья часть всегда у высокопоставленного церковника.

Отшельник ушел, оставив после себя слишком много вопросов. Связано ли покушение на меня с таинственным исчезновением непонятно чего из хранилища? Или же совпадение? Но я не верю в совпадения, категорически не верю! Я прикрыла глаза, откинув голову в кресле, пытаюсь собрать осколки фактов в единое представление сложившейся ситуации. Ничего не получается. Допустим, у церковников действительно похитили нечто важное. Что это может быть? Едва ли материальная ценность, значит, документы или архивы, которые они никак не могут позволить упустить. Как это может быть связано со мной? Могут ли эти документы иметь ко мне отношение? Я тщетно пыталась сообразить, что это может быть, но даже если допустить такой поворот, зачем же церковникам красть у себя же? Или кто-нибудь из них действует на свой страх и риск? Я подхватила на ноги и заорала:

— Антон! Где тебя носит?!?

Запыхавшийся мальчишка влетел в мою комнату через минуту.

— Что ж ты так орешь, напугала меня!

— Сядь, — я кивнула ему на кресло.

Антон мгновенно побелел, слишком хорошо он меня знал.

— Слушай внимательно. В дом никого постороннего не пускать. Пекарню закрыть на неопределенное время. Заказы пусть доставляет соседский мальчишка, те, что уже оплачены.

Из дома не выходить, особенно тебе...

Антон меня перебил.

— Во что ты опять влезла, Хриз?

— ... Позанимаешься пока с Тенью, ей все равно делать нечего, пусть научит тебя наконец писать!

— Совсем плохо дело, да? — тихо сказал Антон, и я запнулась. — Ты вспоминаешь про мое образование, только когда чувствуешь себя на грани.

Острое чувство вины захлестнуло меня. Антон успел вырасти и превратится в молодого человека, а я так и не смогла о нем позаботиться. Он все больше становился похож на свою сестру, Мари, простую необразованную крестьянскую девчонку, что показала мне пример мужества. Мари, почему? Почему ты не приходишь ко мне, хотя бы в образе мари?

— Ты прав. Я обязательно займусь твоим образованием. Пожалуй, стоит нанять тебе учителя. Да. И знаешь, я подумала, ты поступишь в Академию.

Антон покачал головой.

— Хриз, ты хотя бы иногда можешь не решать все за других? Опомнись, тебе же становится все хуже и хуже, а ты себя только все больше загоняешь...

— Прекрати, Антон. Со мной все в порядке.

— Ты почти не спишь, нормально не питаешься, бесишься по пустякам. А приступы? Они же становятся все чаще...

— Опомнись! И хватит науськивать на меня Пиону! Мало мне тебя, так еще и она вздумала за мной следить. Довольно.

Я уселась за стол и забарабанила карандашом по его поверхности.

— У меня дурное предчувствие, Антон. А ты знаешь, что я редко ошибаюсь. Но я уже не могу отступить назад. На месте церковников я бы постаралась повлиять на своего противника через близких ему людей. А такой человек у меня только один. Это ты. Поэтому, пожалуйста, сделай милость, не высовывайся никуда. Вечером меня не будет. Поеду на представление "Прекрасной Лорелей".

Антон послушно встал и обреченно кивнул головой.

— Давай я тебе хотя бы заварю трав?

— Не надо. Сегодня мне нужна ясная голова.

Уже возле двери он недовольно пробурчал.

— Можно подумать, она у тебя когда-то вообще была!..

— Антон!

— Ну что еще?

— Во-первых, я все слышала. А во-вторых, скажи... — я замялась. — Отшельник же правда существует? Он ведь не?..

Вопрос повис в воздухе, и я с замиранием сердца ждала ответа. Антон покачал головой и терпеливо ответил:

— Отшельник действительно существует. Я его видел. Я тоже существую, я не твоя мара. Еще реально существуют Пиона, Тень, Мартен и его отец, инквизитор и отец Георг. Портной...

— Довольно, спасибо.

Я взглянула в зеркало, в котором отражался магистр Солмир. Вид старца был безмятежным, он сидел в кресле и читал книгу, лишь изредка поправляя съезжающие на нос очки. Разговаривать с ним было бесполезно. Но... Я вздохнула и отправилась в подвал.

Посмотрю, наконец, что за библиотеку собрал профессор Кривоож.

К вечеру беспокойство усилилось настолько, что я с досадой отшвырнула книгу по истории Святого Престола, которую пыталась читать. Я просматривала ее в глупой надежде найти подсказку, что могло быть украдено из хранилища. Надо будет заехать к инквизитору. Он едва ли передумал, уговаривать его поехать со мной нет сил и желания, но попробовать разузнать о происшествии стоит.

Пиона уже наловчилась и зашнуровала на мне корсет за считанные минуты. Тем более, и затягивать сильно я не просила.

— Как провела время с Мартеном? — поинтересовалась я у девушки. — На первый робкий поцелуй я, конечно, и не надеюсь, но все-таки?..

Пиона покраснела.

— Нет. Мы просто говорили.

— О чем? Волосы заberi наверх, не забудь серебряную шпильку, она в шкатулке.

— Ну, он рассказывал про стрекозу... Я вам сделала больно, госпожа? Простите, я...

Гримаса боли на моем лице должно быть здорово напугала ее.

— Опять болтал про полеты? Ладно, ты главное его слушай да поддакивай. Не вздумай спорить. Задавай вопросы, по возможности не слишком глупые. И старайся как можно чаще к нему прикасаться, под любым предлогом. И не делай такое кислое лицо.

Пиона обреченно вздохнула.

— Я попытаюсь.

— Ты не попытаешься, ты сделаешь, милочка. Ты подумала над моим вопросом? Сбоку прядь оставь.

— Каким?

— Что ты бы делала, окажись опять во власти сводника? Или снова пытаешься забыть?

Надо отдать ей должное, в этот раз она держалась лучше. Даже не побледнела.

— Я бы... постаралась сбежать.

— Ответ неверный. Думай, у тебя еще одна попытка. Тень готова?

Пиона закусил губу и нахмурила бровки.

— Да, она вас уже ждет. Госпожа?

— Что?

— Я не знаю ответа. Что я должна была, по-вашему, сделать?

Я встала, разглядывая себя в зеркале. Несколько вызывающе, особенно слишком открытый вырез, но ведь не на воскресную службу собралась. Невольно усмехнулась, представив выражение лица отца Георга, заявись я в таком виде в церковь.

— Единственное, что ты могла сделать, — уступить, — сказала я, промокнув губами облатку и любуюсь нежным бальзаминовым оттенком.

— Я не понимаю... Вы же говорили, что я должна бороться.

— Говорила. Бороться, чтобы победить, а не ради самого процесса. Поэтому нестрашно иногда отступить. Ты ничего не могла сделать в той ситуации, поэтому должна была принять поражение и сберечь силы для следующей возможности. И поверь мне, — я обернулась и подмигнула оторопевшей девушке. — Если веришь в победу, то такая возможность обязательно представилась бы.

Небо уже третий день подряд хмурилось к вечеру, обещая прохладу после удушающего дневного зноя. Я мимоходом подумала, что, наверное, стоило захватить шерстяной бурнус, ненавижу мерзнуть, но возвращаться считалось дурной приметой, да и лень было.

— Слушай меня внимательно. Как приедем, походи да посмотри гостей, зарисуй мне тех, кто покажется тебе... — я щелкнула пальцами в воздухе, подбирая слово. — Скажем так, необычными. Если твое внимание привлечет кто-нибудь не из гостей, девушка или кто из служащих, тоже рисуй.

Тень послушно кивнула.

— Госпожа, а зачем вы приказали никому не выходить из дому?

— Потому что они все наказаны, — чуть помедлив, ответила я. Не стоит пугать лишний раз непосвященных. Пусть лучше боится меня. — Из-за тебя. Так что в следующий раз, прежде чем сделать что-нибудь за моей спиной, трижды подумай.

— Но ведь они ни в чем не виноваты!

Я не ответила, подумав, что возможно стоит инквизитора припугнуть тем, что по его милости Тень покарана и будет перепродана. Если он не поедет со мной...

Распахнув дверь и направляясь к привратнику, я запоздало вспомнила, что красавчик, возможно, еще не вернулся с Академии. Кивнув мужичку, спросила:

— Господин Тиффано изволил уже вернуться?

Тщедушный привратник скривился при моем виде и буркнул:

— Изволил. И что вам всем от господина надо? Ходют тут и ходют.

Я уже собралась подняться по лестнице, как краем глаза заметила в широком окне остановившийся напротив экипаж. Вышедший из него епископ вместе с церковным служкой, тем самым, которого я ранила в резиденции кардинала Ветре, заставил меня вцепиться в перила. Следом за ними появились несколько послушников, вид у них был решительный. Мысли лихорадочно заметались. Они за мной? Но почему здесь? Или же?..

Я подскочила к привратнику, схватила его за грудки:

— Кому всем? Кто еще искал инквизитора?

— Отцепитесь от меня!

— Кто искал, говори быстро. Возможно, у него неприятности.

— Да здоровяк этот, отец Бульвайс. Хамил мне. А с ним еще тип какой-то, косил на правый глаз.

Меня обожгло осознанием того, насколько самоуверенной душой я была. Кардинал Ветре, чья карьера сановника безнадежно погублена, винит в этом вовсе не меня, заносчивую девицу, впутавшуюся в дознание, а того, кто... Неужели он в такой ярости, что даже готов подставить? Хотя у красавчика просто дар наживать себе неприятелей...

— Слушай меня внимательно. Задержи тех двоих, — я кивнула привратнику на окно. — Под любым предлогом. Они пришли за твоим господином инквизитором.

Я помчалась по лестнице, чувствуя, что безнадежно опаздываю. Так бывает в кошмарном сне, когда бежишь, а ноги словно ватные, еле переступают, а ты уже из сил выбилась, и дыхания не хватает. С силой дернула дверь его комнаты, которая была заперта, выругалась, время замедлилось, как всегда бывает, когда риск плавится в крови. Вытащила из прически шпильку-отмычку, удар сердца, откинула с плеча скользнувшие волосы, второй удар, вставила ее в замок, еще один удар сердца, заметила, что на замке уже есть следы, и в следующие три удара открыла комнату. Влетела внутрь и быстро закрыла за собой дверь.

Выдохнула.

На шум из спальни вышел инквизитор, на ходу снимая с себя рубашку:

— Я же просил меня не беспокоить!.. — он освободился наконец от одежды и заметил меня. — Что вы себе позволяете, госпо...

— Заткнитесь! — рывкнула я, осматриваясь в комнате и восстанавливая в памяти обстановку, что была позавчера. — Что было украдено вчера ночью из хранилища? Быстро!

Инквизитор ошеломленно начал натягивать рубашку назад и запутался в ней.

— Я не собираюсь с вами обсуждать...

Я метнулась к книжному шкафу. Если мои предположения верны, то украдены бумаги, их можно спрятать где угодно. Но нет, книги не тронуты, порядок не нарушен.

— Там внизу епископ с послушниками. И я уверена, что они пришли за вами. И найдут украденное у вас! Быстрее, говорите, что это!

— Госпожа Хризшайн! Вы совсем с ума... Последние остатки разума потеряли? — Кысей пытался застегнуть рубашку на верхние пуговицы.

На столе был беспорядок, но очевидно созданный владельцем. В спальне? Я метнулась туда, но красавчик перехватил меня за локоть.

— Прекратите это представление! Немедленно убирайтесь отсюда!

Он потащил меня к двери, несмотря на мое отчаянное сопротивление, как тут в нее постучали.

— Господин инквизитор, откройте.

Красавчик замер, и его секундного замешательства мне хватило, что освободить руку. Взгляд упал на продавленный диванчик, левая подушка которого была сдвинута всего лишь на полпальца от подлокотника. Возможно, что... Я бросилась к дивану, крикнув в дверь:

— Минуточку, пожалуйста! Мы тут неодеты!

На ходу рванула на себе платье, приспуская его с плеч. Лицо красавчика немедленно залилось пунцовым румянцем, глаза потемнели. Он шагнул ко мне, стиснув кулаки, но я уже выудила из пространства между подушкой и подлокотником увесистый пакет, перемотанной бечевкой. Развернула его, внутри оказалась несколько очень плотных листов, испещренных буквами вперемешку с незнакомыми символами. Я вытащила содержимое и сунула под нос инквизитору:

— Это было украдено? Быстрее!

Его лицо стремительно теряло недавно обретенную краску, и ответ мне был уже не нужен.

— Завет... — прошептал он и пошатнулся. В дверь опять требовательно постучали.

— Откройте немедленно!

— Секундочку!

Я поправила подушку, завернула все обратно и рванула еще больше вырез, к счастью, шнуровка корсета действительно была несильной, поэтому мне удалось засунуть пакет под платье. Я повернулась к инквизитору и потребовала:

— Затяните шнуровку, быстро!

Он секунду помедлил, но потом вцепился в тесьму, а я уперлась в спинку диванчика и поторопила его еще раз. Кысей рывком стянул шнуровку так сильно, что у меня на мгновение перехватило дыхание и потемнело в глазах.

— Совсем сдурели! — прохрипела я, но тут же повернулась к нему и дернула на нем рубашку, безжалостно обрывая застегнутые верхние пуговицы. — Открывайте дверь. И я вас

умоляю, не сболтните лишнего!

Красавчик смотрел на меня невидящим взглядом, и я едва сдержалась, чтобы не влечь ему пощечину. Отворять дверь пришлось самой.

— Простите, но господин инквизитор переодевался...

Меня грубо оттолкнули с дороги. Епископ смерил застывшего красавчика презрительным взглядом, прошелся по его более чем выразительно расстегнутой рубашке, перевел взгляд на меня и хмыкнул.

— В то время, как все слуги Святого Престола с ног сбились в поисках... — Епископ оборвал себя и покосился на меня. — Вы тут с девицей развлекаетесь?

— Что вы себе позволяете? — взорвалась я, переходя на образ оскорбленной невинности. — Господин инквизитор изволил переодеваться, а я...

Глава 6. Инквизитор Тиффано

Изумление и ужас от обнаружения украденного Завета в моей комнате быстро прошли, осталась только злость. Я злился на Лидию, что так беспечно влезла в церковные дела, даже не понимая, по какому лезвию ходит, злился на неизвестного, что подкинул мне запрещенный манускрипт, злился на себя, потому что оплошал и позволил этому случиться.

— Что вас привело в столь поздний час, ваша святость? — я довольно резко оборвал пикировку Лидии с епископом, не в силах отвести взор от предательски тонкой ткани ее платья, скрывающей Завет под туго стянутым корсажем. Если пропажа будет обнаружена у меня, то в лучшем случае обойдется отстранением и лишением сана, а в худшем...

— Вот разрешение ордена Пяти на проведения у вас обыска, господин инквизитор, — епископ смотрел на меня со странным выражением. — Госпожа Хризштайн, покиньте помещение.

— Что за глупость? — возмущенно влезла Лидия. — Мы и так уже опаздываем. Представление начнется в девять! Какой еще обыск!

Значит, все-таки кто-то из своих. Я вздохнул, решая, что хуже: отпустить Лидию с одним из пяти запрещенных апокрифов, одно лишь знание о которых карается отлучением от лона Церкви, или позволить ей остаться, рискуя обнаружить пропажу.

— Езжайте домой, госпожа Хризштайн, — как можно мягче попросил я.

— Вот еще! — фыркнула она. — Я никак не могу пропустить представление! Вы же понимаете...

И она, к моему ужасу, довольно выразительно провела рукой по своей груди и талии, подмигнув мне. У меня перехватило дыхание — самоуверенная дура! Она не понимает, во что ввязалась! Следом пришло неумолимое осознание того, что отдохнуть этим вечером точно не получится.

— Подождите меня в экипаже, — процедил я, молясь про себя, чтобы она больше ничего не выкинула. — Я скоро буду. Уверен, недоразумение быстро разрешится.

— Приступайте, — кивнул епископ двум послушникам и Вилю, церковному служке, что недавно оправился от ранения и горел усердием.

Лидия замерла в дверях, досадливо придерживая рукой несобранные волосы.

— А что хоть ищете? Из-за чего столько шуму?

— Вас это не касается, госпожа Хризштайн, — епископ указал ей на дверь, даже не удостоив взглядом, он был занят просматриванием бумаг на моем столе. Все происходящее казалось дурным сном, мои вещи без спроса переворачивали, заглядывали в личную переписку, вытряхивали ящики стола...

— Вы так думаете? — Лидия насмешливо склонила голову набок. — Но я же занимаюсь частным сыском. Если вдруг надумаете, обращайтесь. Сделаю вам скидку...

Боже Единый, да уберись ты уже отсюда, малохольная!

— Не задерживайтесь, господин инквизитор, — наконец кивнула она мне. — Долго я вас ждать не буду.

С ее уходом я выдохнул тревогу, пытаюсь собраться с мыслями. У кого была возможность вынести Завет из хранилища? Епископ, я и отец Валуга. Но зачем кому-то из этих двоих совершать подобное? Тем более подкладывать его мне, так безрассудно

рисковать, чтобы подставить?.. Епископ не в восторге от меня, он и не скрывает своего отношения, но...

— Почему обыскивают именно мое жилье?

— Потому что вы, господин Тиффано, имели доступ к хранилищу. Вам было поручено организовать охрану апокрифа Пяти, а вы преступно пренебрегли своими обязанностями. Впрочем, не в первый раз... — Епископ многозначительно замолчал.

— И что, по-вашему, я мог украсть Завет? Вы сами в это верите?

Церковник взглянул на меня, а я пытался прочесть в его взгляде, что ему известно. Я сомневался в том, что он может быть причастен к краже, но тогда получается...

— Не верю, господин Тиффано, — наконец ответил епископ и вытер платком влажный лоб. Небо за окном угрожающе потемнело, укутав город плотным душным саваном. Я вдруг вспомнил, что не одет толком. А Лидия точно ждать не будет.

— Не верю, потому что вы молодой амбициозный дурак, и на такое едва ли способны, но обыскать обязан. Вы под подозрением, как и послушники, охранявшие в ту ночь хранилище. Если Завет не будет найден в ближайшее время, полетят головы. Орден Пяти церемонится не любит.

Я сокрушенно покачал головой.

— Что ж, ищите. А я, с вашего позволения, пойду переоденусь. Не хочу опаздывать, девица Хризштайн и так будет всю дорогу ныть.

В спальне я намеренно не закрыл дверь, чтобы иметь возможность в зеркале видеть край злополучного диванчика. Чистой рубашки не оказалось, а на той, что на мне, по милости этой сумасшедшей, были оборваны верхние пуговицы. Я задумался, колеблясь, стоит ли оставить рубашку или поискать менее грязную, и почти пропустил момент, когда к диванчику подошел служка Виль. Он засунул руку между подушкой и подлокотником, на его лице было написано злорадное предвкушение. Я сощурил глаза и затаил дыхание. Глумливое торжество сменилось удивлением, он засунул руку еще глубже, потом с раздражением отшвырнул подушку, стал лихорадочно шарить. Теперь служка уже не ухмылялся, в глазах застыло недоумение, что быстро сменилось ужасом. Он хрипло прикрикнул на послушников:

— Ищите лучше, болваны! Все здесь обыскать.

Он наткнулся на мой внимательный взгляд, его лицо еще больше перекосилось, а я спокойно накинул мантию поверх изуродованной рубашки.

— Про спальню не забудьте, — спокойно посоветовал я, выходя к непрошеным посетителям. — К сожалению, вынужден вас покинуть. Госпожа Хризштайн ждать не будет.

Епископ удивленно воззрился на меня.

— Вы, что, уходите?

— Когда закончите здесь, скажете привратнику, он запрет дверь. Мне все равно скрывать нечего. Вот если бы у меня было столовое серебро, тогда я бы не был столь спокоен. Кто ж вас знает...

Лицо епископа стало вконец багровым, от духоты и негодования. Он бросил мне в спину:

— Вы спокойно едете развлекаться с этой девкой? Вы должны землю рыть, Завет искать, искать отступника, что осмелился на такое... Вы забыли Асад?

Я отпустил дверную ручку и обернулся к церковнику.

— Я до конца своей жизни не забуду Черногерию. Однако... Позвольте напомнить, что

сейчас я занят в дознании по делу колдовского убийства и также не могу пренебрегать своими обязанностями. Или вы всерьез полагаете, что я должен стоять на таможенном посту и собственноручно обыскивать обозы или торговые судна? Предпочитаю заняться тем, в чем действительно могу принести пользу!

Служка Виль со сжатыми кулаками накинулся на послушника, браня беднягу за то, что он пропустил стопку книг на сломанном стуле. Ветхие фолианты беспомощно рассыпались на полу, а я напоследок бросил.

— И сделайте одолжение, приберите за собой.

Я рывком распахнул дверцу экипажа, уселся рядом с Лидией и отрывисто скомандовал:

— Тень, оставьте нас с госпожой. Пересядьте к извозчику на козлы.

Лидия ехидно передразнила меня:

— А с каких пор, господин инквизитор, вы позволяете себе распоряжаться чужими невольницами? Вы и так себе слишком много давеча позволили.

— Тень, выйдите, пожалуйста, — я неотрывно смотрел на Лидию, не собираясь уступать взгляд.

— Госпожа? — бедная женщина умоляюще смотрела на своенравную хозяйку.

— Ладно, иди, подышишь воздухом, — сказала Лидия, впрочем, взора от меня не отвела. — Вели извозчику трогать.

Стоило остаться наедине, как я тут же потребовал:

— Немедленно верните документы! Вы даже не представляете, во что влезли!..

— И не подумаю, — она сидела, нахально закинув ногу на ногу и скрестив руки на груди. — Их ведь украли. А я нашла. И если Святой Престол обратится...

Нервное напряжение бесконечного дня, наполненного выматывающими поисками, подозрениями, взаимными обвинениями, грубым вмешательством в мою жизнь, подозрением, наконец вырвалось из-под контроля. Я грубо схватил Лидию за плечо и попытался силой вытащить у нее Завет. Но плотно затянутый корсет не дал мне возможности нащупать даже край манускрипта. Я не боялся его порвать, если уж артефактное происхождение апокрифа Пяти сберегло ему целостность во время большого пожара в священной столице. Лидия, не ожидавшая подобной бесцеремонности, опомнилась и стала вырываться, чем разозлила меня еще больше. Я заломил ей руку за спину и повалил на сиденье экипажа лицом вниз, прижав всем телом. Свободной рукой попытался ослабить шнуровку, потом плюнул и просто дернул, оборвав завязки. Мерзавка исхитрилась резко откинуть голову, ее затылок сильно врезался мне в челюсть. Я взвыл от боли, схватил ее за шкуру, поднял с сиденья и запустил руку в приспущенный вырез платья. Мгновенный стыд от прикосновения к нежной груди кольнул меня, но трусливо капитулировал, стоило ухватить плотный край манускрипта. Я торжествующе вытащил сверток, развернул бумагу и пробежал глазами знакомые запретные символы. Удовлетворенно вздохнул, поднял суровый взгляд на Лидию, что сидела злющая, растрепанная, с размазанной помадой по щеке, и сказал:

— Запомните, вы этого документа никогда не видели! Если об этом станет известно, поверьте — церковная больница для душевнобольных покажется вам лучшим на свете местом.

Лидия яростно молчала, растирая запястье, и я насмешливо добавил, ощущая привкус крови во рту:

— И приведите себя в порядок...

Она процедила сквозь зубы:

— Я спасла вашу шкуру, а вы... вы еще пожалеете о своем поведении, господин инквизитор, — и полезла в сумочку за зеркалом.

Я отвернулся, поискал платок, вспомнил, что одевался второпях, поэтому вытер кровь с разбитой губы тыльной стороной запястья.

— Вы понятия не имеете, во что ввязались. Я не шучу. Напомнить вам Церковные изложения, пункт 13? Отлучение от Церкви за одно только упоминание апокрифов. А за их прочтение — смертная казнь. Без судебного приговора, заочно.

Лидия прищурилась и придвинулась ко мне.

— А их можно прочесть? Я не узнала некоторых символов...

— Что?!? Когда вы успели заглянуть в манускрипт?

Она презрительно вскинула подбородок:

— Вы забыли? У меня абсолютная память. И даже мельком брошенного взгляда у вас дома мне было достаточно...

Я схватился за голову. Что же делать? Моя обязанность в данном случае — немедленно арестовать ее и... Я встряхнул ее за плечи.

— Забудьте все, что видели, понятно? Если об этом станет известно, вас арестуют и без суда предадут смертной казни, слышите? Даже одного подозрения, что вы могли ознакомиться с его содержимым, будет достаточно для приговора.

— А что в таком случае будет грозить вам? — Лидия насмешливо улыбалась, в ее светлых глазах зарождалось такое знакомое безумное сосредоточие.

Я отпустил ее и отодвинулся, рукой нащупав успокоительную тяжесть бумажного свертка за пазухой.

— Допуск к апокрифам есть только у членов Ордена Пяти. В лучшем случае я лишусь сана.

— Но тот, кто подложил вам этот документ, рассчитывал на худший вариант развития событий, верно?

Я не ответил, не собираясь обсуждать внутренние дрызги Святого Престола, но Лидия это не остановило. Она опять придвинулась ко мне и игриво провела рукой по моей щеке.

— Хватит! — я перехватил ее ладонь. — Не надо пытаться...

— У вас здесь помада, господин инквизитор, — безумие в ее глазах пылало, мне сделалось по-настоящему жутко.

— Дать вам зеркало? — ее тон стал вкрадчивым. — А хотите, я расскажу, кто к вам приходил домой, когда вас не было? И кто подбросил вам Завет?

Я стал яростно растирать щеку, отказавшись от зеркала.

— Сделайте такое одолжение, госпожа Хризштайн. Только откуда вам это может быть известно?

Лидия облокотилась на мое плечо локтем, подперев голову, и мечтательно протянула:

— Вот если бы вы дали себе труд хотя бы изредка заглядывать к нам на завтрак, или на обед...

Я досадливо сбросил ее руку со своего плеча. Она не унималась.

— Мне интересно, третья часть сборного ключа от хранилища у вас, отца Валуа и епископа, да?

Откуда, демон ее раздери, она об этом знает?

— А когда отстранили кардинала Ветре, его часть ключа изъяли? У него ведь по логике тоже был ключ?

Лидия спокойно улыбнулась, глядя на мое вытянувшееся лицо, потом взяла под руку и опять прислонилась ко мне.

— Знаете, я удивлена, что ваши апокрифы сохранились до сих пор. С такими мерами безопасности им давно уже пора обретаться в какой-нибудь частной библиотеке. Но все-таки, что за язык, на котором они написаны?

Я выдернул руку, потом за плечи отсадил ее от себя подальше, нащупал сверток за пазухой, выдохнул злость. Глупо беситься, это целиком моя вина, это я не проверил и не подумал о такой возможности. Мне и в голову не пришло, что кардинал Ветре пойдет на такое. У него оставалась часть ключа, и если он подкупил или запугал одного из стражников, то вполне мог вынести Завет.

— Кто приходил ко мне домой?

— Отец Бульвайс, — Лидия задумчиво разглядывала меня, словно пыталась прочесть мысли. — А с ним мелкий мошенник по кличке Косой. А еще у вас на замке следы царапин. — Она вываливала на меня все эти факты и наблюдала за реакцией. Я глубоко втянул воздух и сказал:

— Я признателен за вашу помощь и сведения, однако впредь попрошу не вмешиваться в дела церковные. Я сам разберусь.

— Неужели? И что же вы намерены делать? Подкинуть Завет обратно в хранилище? Словно ничего не случилось? Или обвинить кардинала, который не покидал своего дома? Только ведь Завет у вас, а не в его доме. Или вы подсунете документ на какой-нибудь злосчастный торговый корабль, чтоб потом его триумфально обнаружить? Кстати, последний вариант вполне ничего...

— Не беспокойтесь, вас это не касается. Мы, кажется, приехали.

— Да, но увы, опоздали. По вашей милости, заметьте. Корсет!

— Что? — я недоуменно воззрился на нее.

— Корсет затяните, или мне выйти в таком виде?

Привратник не узнал меня в инквизиторской мантии, зато подобострастно поклонился Лидии. Она кивнула ему, а потом обратилась к Тени, протягивая ей альбом:

— Возьми, твои рисунки должны быть безупречны, ты меня поняла? И отправь извозчика домой, пусть заберет из дому мой бурнус, погода начинает портиться. Не хочу мерзнуть.

Лидия повела плечами, словно от холода, хотя одуряющая духота еще не спала.

— Проходите, милости просим, только представление уже началось... — привратник взял пригласительные и широко распахнул перед нами дверь.

Из темноты мгновенно возникла экономка, как если бы поджидала нас за дверью. Приветственно кивнув нам, она попросила следовать за ней и провела нас на второй этаж. Тяжелая смесь пряных сладких ароматов оглушила меня, начали слезиться глаза, я позорно расчихался.

— Проходите, вот ваша ложа, — экономка открыла дверь, и мы оказались на маленьком балкончике, что вмещал удобный диванчик и столик, на котором стояли фрукты и вино.

— Мило, — улыбнулась Лидия, кивая на обстановку. — Моя невольница пусть пока внизу побудет, а в перерыве поднимется.

Экономка положила ключ на стол и ушла, аккуратно прикрыв за собой дверь. Лидия беззаботно уселась на диванчик и похлопала на место рядом с собой:

— Присаживайтесь, господин инквизитор. У вас опять насморк? — в ее голосе явственно звучала непередаваемая смесь издевки и сочувствия.

Диван был настолько узок и тесен, что я оказался почти бок о бок с Лидией, тем более что она ухитрилась занять большую его половину. Между тем, на сцене полуобнаженная темноволосая девица надрывно голосила по загубленной любви, складывая ладони в молитвенной просьбе к Единому. Я поморщился — какое святотатство! Сценой оказалась та самая зала, где нам в прошлый раз предлагали девушек. Только теперь она была дивным образом изменена, открывая пространство рядом с фонтаном, искусно подсвеченное газовыми светильниками из разноцветного стекла. Их причудливые блики добавляли фееричности происходящему, что еще больше усиливалось хитроумным расположением системы зеркал, дублирующим свет и увеличивающим образы. Поэтому чудесные прелести девицы в отражении зеркал казались совсем рядом, я отвел взгляд, но наткнулся на предательски сползший вырез платья Лидии. Маленькая родинка на правой груди беззащитно выглядывала из декольте, я отвернулся.

— Приведите себя в порядок, госпожа Хризшайн, — попросил я недовольно.

— Интересно, каким образом? По вашей милости шнуровка корсета порвана, так что уж потерпите, — в ее голосе не было ни тени смущения. Зараза.

Я представил ее в таком виде на людях, и меня прошиб холодный пот. Огляделся вокруг в поисках веревки или чего-то похожего на тесьму и заметил шторки, которыми можно было закрывать ложу от любопытных взглядов извне. Шнур для них вполне подойдет. Я выдернул его и повернулся к Лидии.

— Вставайте, будем исправлять ваш наряд.

— Еще чего! Вот этим портить платье? Я не буду...

— Развернитесь да поживей! — я повернул Лидию, откинул с ее спины некстати распущенные волосы и стал освобождать ненужную больше тесьму из корсета, удивляясь про себя тому, что я вообще здесь делаю.

— Знаете, господин инквизитор, я бы вас, пожалуй, в прислугу не взяла. Вы слишком...

— Замолчите уже, — тесьма запуталась, я досадливо поморщился. — Вот чего вы добиваетесь? Зачем сюда приехали? Смотреть на эту нелепую пародию искусства? Чем это может помочь в дознании?

— Никогда не знаешь, где можно получить подсказку, — судя по голосу, она улыбалась. — Я уверена, что среди сегодняшних клиентов будет убийца. Или вы всерьез думаете, что три раза подряд выбрав себе в жертвы девку, что играла Лорелей, убийца сделал это просто так? Совпадение? Я не верю в них. Категорически. Да сколько уже можно возиться?

Порванную тесьму я наконец вынул, а вот с чего начинать шнуровать новой, категорически не представлял. В носу немилосердно свербело.

— То есть вы полагаетесь исключительно на удачу, госпожа Хризшайн? Вместо того, чтобы использовать результаты вскрытия, опрос свидетелей, сбор улик, вы просто сидите и ждете, пока придет видение и шепнет на ушко, кто убийца, так? — я уже разобрался в системе и стал затягивать шнур в петли.

— В этом вся ваша Церковь, — в голосе Лидии звучала горечь. — Что мне толку от вскрытия? "Смерть наступила предположительно от обильной кровопотери и повреждений

внутренних органов неизвестного характера. Рана была нанесена колюще-режущим оружием неизвестного происхождения". Неизвестного! Сколько раз это слово встречается в отчете, а?

Я ошеломленно опустил руки, она процитировала дословно фрагмент. Резко развернул ее к себе и заглянул в глаза:

— Откуда вы знаете, что в отчете?

— Да отцепитесь уже! — Лидия раздраженно отвела мою руку. — Мне несложно заплатить и узнать что угодно. Или вы полагаете, это такой большой секрет? Вы не зашнуровали до конца! Будьте здоровы!

Она повернулась и поторопила меня.

— Возможно, в отчете по второй жертве будет больше подробностей, — я не собирался уступать.

— Знаете, ваши хваленые ученые мужи Академии только и делают, что забивают умы людей разными глупостями. А Церковь поощряет подобные вещи. Ну вот скажите, на милость, зачем эти нелепые трактаты про вращение солнца вокруг земли? Кому они нужны, от них больше вреда, чем...

Я сокрушенно прервал ее, поражаясь.

— Не солнце, а земля вращается вокруг солнца. Мне стыдно за ваше невежество.

Она развернулась ко мне и зашипела, словно взбесившаяся кошка.

— А мне стыдно за вас! Неужели вы всерьез думаете, что крестьянину, что пашет на земле с утра до вечера, или мелкому лавочнику, что едва сводит концы с концами, есть хоть какое-то дело, что там вокруг чего вращается? Или вам, вам есть до этого дело? Вам это поможет в дознании, укажет на убийцу?

— Прекратите, — я не собирался с ней спорить. — Повернитесь. Человеческий разум вечно пребывает в поиске истины, это величайший дар Единого. Кто-то ищет убийцу, а кто-то стремится познать тайны мироздания. И не важно...

— Важно! — Лидия дернулась, но я предусмотрительно придержал ее за плечо. Шнуровка казалась бесконечной, как и терзавший меня насморк. — Церковь намеренно поощряет такие вот нелепые изыскания вместо того, чтобы... — она осеклась.

— Вместо чего? — я стянул шнуровку и завязал последний узел. В полутьме зала мне были видны другие ложи, где смутно угадывались силуэты сидящих в них гостей. На секунду представил, насколько недвусмысленно выгляжу рядом с Лидией, и поразился тому, что мне в сущности это уже безразлично.

— Вместо того, чтобы заняться познанием тайн человеческого разума! Исследовать, почему вот здесь, — она развернулась и тыкнула указательным пальцем мне в висок. — Здесь зарождается безумие, что двигает человеком, когда он преступает черту, почему творит зло.

Лидия замолчала. Девушка на сцене перестала голосить и стала карабкаться на импровизированную скалу, с которой собиралась прыгнуть в бушующие воды и покончить с собой.

— Посмотрите, господин инквизитор! — Лидия кивнула на страдальницу, выудила кинжал, взяла персик со столика и разрешила его на несколько частей. — От несчастной любви топиться собралась. Знаете, что произойдет дальше? — она протянула мне половину. Я покачал головой.

— С ума сойдет и превратится в колдунью. И где же была ваша Церковь? Почему не предупредила? Не излечила ее душу? Как допустила?

— Вы не правы, Святой Престол поощряет исследования душеведов.

— И что, есть успехи? — пробурчала Лидия, расправляясь с ароматным лакомством.

Я не успел ответить, в зале зажегся свет, объявили перерыв, и хозяйка пригласила дорогих гостей в залу размять ноги.

— Пойдемте, господин инквизитор, — Лидия вытерла руки платком, взяла меня под локоть и потащила к выходу. — Надо пообщаться с гостями.

Рядом с Лидией возникла Тень, что заговорщицки кивнула хозяйке, достала альбом и забила в угол зала. Среди гостей не было женщин, за исключением Лидии, поэтому на нее косились, некоторые откровенно глазели, кто-то украдкой бросал сальные взгляды. Неужели ее это ни капли не смущает? Похоже, что нет. Она с интересом разглядывала гостей, улыбаясь и стреляя глазками. Я притянул ее за локоть и прошептал:

— Что вы поручили рисовать своей невольнице?

— Всех, кого увидит, и кто покажется ей необычным. У Тени потрясающий дар изображать внутреннюю сущность людей.

— Неужели? Интересно. А ваш портрет она рисовать не пробовала?

Лидия недоуменно на меня посмотрела, потом в ее прозрачных глазах мелькнула тень.

— Свежая мысль, — она легко улыбнулась. — Надо будет попросить. Самой интересно.

Она отцепила мою руку и отправилась приставать к гостям. Я узнал нескольких, уважаемые горожане, один был даже членом городского совета, они нисколько не смущались тем, что их видят здесь. Не смущала ни моя официальная мантия, ни фривольные знаки внимания, которые они оказывали снующим с подносами девушкам, одетым в жалкое подобие одежды, что практически ничего не скрывала. Есть ли предел человеческой порочности? Теологические изыскания на этот счет были довольно неоднозначными, а уж про исследования душевных заболеваний говорить вообще не приходилось. К сожалению, Лидия была абсолютно права, когда возмущалась состоянием этого вопроса. Церковные больницы для душевнобольных больше напоминали тюрьмы, все лечение сводилось к попыткам изгнания внутренних демонов за счет чтения молитв, уговоров, угроз, умерщвления плоти через голодание, обливание холодной водой, телесные наказания. Но даже когда я проходил практику в столичной больнице, мне ни разу не довелось лицезреть изгнанного демона. Только в случае с колдуньей я увидел, что он из себя представляет. Некоторые прогрессивные методики, как мне известно, так и не вышли за пределы столичной Академии. Косность ли лечебной практики была тому виной или бюрократические проволочки — не знаю, только... Только я вдруг заметил, что Лидия исчезла из зала. Куда ее кошачий демон понес? Почему обязательно нужно что-то отчудить? Я огляделся по сторонам и направился к Тени.

— Вы не видели, куда делась ваша хозяйка?

Тень пожала плечами.

— Вроде туда, — она кивнула головой на дверь, что вела на кухню, если мне не изменяет память. — С одним из гостей.

— Что-о?

Я ринулся по указанному следу, едва не сбив по дороге одного из замешкавшихся гостей. Промчался по коридору, влетел на кухню, где суетился старый повар, Лидии нигде не было видно.

— Вы не видели здесь мою спутницу, госпожу Хризштайн? — в отчаянии спросил у

него.

Повар равнодушно пожал плечами, не отрываясь от сложного процесса украшения блюд листиками зелени перед подачей. Куда же она могла подеваться?

Дверь в подсобное помещение была приоткрыта, слышался неясный шум. Я заглянул исключительно для очистки совести, уже намереваясь вернуться и подождать упрямыцу, но замер на пороге.

— ... Помчик, вы такой нетерпеливый! — голос Лидии звучал игриво, она уперлась рукой в грудь седовласому плотному мужчине, что явно собирался ее поцеловать. — Я думала, вам нравятся брюнетки!

Тот и не думал отступать, беззастенчиво лапая Лидию. У меня перехватило дыхание от подобного развратного поведения.

— Что вы себе позволяете! — я схватил за плечо зарвавшегося наглеца и развернул к себе.

Он выпучил на меня глаза и уже открыл рот, чтобы осадить, но тут до него дошло, что он видит перед собой инквизитора.

— Помчик Овьедо, позвольте представить вам инквизитора Тиффано, — нисколько не смущаясь, вмешалась Лидия. — К сожалению, господин Тиффано слишком старомоден, как видите...

Помчик свысока кивнул мне, потом взглянул на Лидию, в его глазах горела ничем неприкрытая похоть и вожделение, неужели она не видит?..

— Госпожа Хризштайн, я могу рассчитывать увидеть вас у себя на приеме? Вы так очаровательны...

Лидия загадочно ему улыбнулась, подойдя ко мне и взяв под руку, но продолжая смотреть на мужчину.

— Вы не ответили, помчик. Вам нравятся брюнетки? Или все-таки блондинки?

Развратник сально засмеялся.

— Мне нравятся все. Даже рыжие.

— Жаль, — вдруг протянула Лидия, в ее голосе звучал металл. Градус температуры в комнате резко упал. — Лиена, Изабелла, Ивонна... Я не хочу стать следующей, помчик.

Она даже не оглянулась на побледневшего мужчину, вытаскивая меня в коридор.

Только в зале она наконец остановилась и развернулась ко мне.

— Какого демона вы вмешались? Кто вас просил?

— Что? — я непонимающе смотрел на Лидию, которая раздраженно схватила бокал с подноса дефилирующей мимо девицы. — Это мерзавец вас грязно домогался, я должен был...

— Ах, это он меня домогался, — с сарказмом прервала меня Лидия, поднося бокал к губам, но я успел быстрее, перехватив ее руку. Не хватало мне опять тащить ее домой в бессознательном состоянии. — Ну спасибо, что разъяснили, а я то думала, что это я его соблазнила...

— Отдайте. Вам нельзя, — я отобрал у нее бокал. — Вы мне противны. Если собираетесь искать себе богатого покровителя, то не в моем присутствии. Если же собрались опрашивать его в рамках дознания, то это можно сделать официальным путем, не пороча собственную честь!..

— Честь? — Лидия зло ухмыльнулась, я аккуратно поставил бокал прямо на пол. Она

уже открыла рот, чтобы продолжить, но я поторопился ее прервать, не желая слушать очередную гадость и пошлость.

— Да, честь. Если вам наплевать на свою женскую честь, то подумайте хотя бы о чести рода. Вы же благородного происхождения. Не надо так кривиться! Пожалейте хотя бы достоинство своих предков, что дали вам жизнь, титул. Подумайте о своем брате, он заслужил бесчестье?

Бешенство в ее глазах пугало. Раньше я бы пожалуй даже возгордился собой, тем, что смог ее уязвить, но сейчас мне почему-то было горько и противно.

— Не надо, госпожа Хризшгайн. Не утруждайте себя ответом. Делайте, что хотите. Не буду вам мешать. — Я развернулся уходить, сжимая рукой успокаивающую тяжесть свертка с Заветом.

— Стоять! — ее окрик живо напомнил мне наставника военного дела в Академии. Те же командирские интонации, развязный тон и полное наплевательство на правила приличия. — Со мной пришли, со мной и уйдете, господин инквизитор!

Лидия схватила меня за рукав, я неторопливо отцепил ее пальцы и сказал:

— Я не ваш слуга. Не надо командовать. Я...

— А теперь заткнитесь и слушайте. Рыпнетесь отсюда, и я случайно обмолвлюсь помчику Овьедо, да-да, тому самому, что меня грязно домогался, про то, что видела у вас подозрительный сверток. Уверяю вас, он сможет сложить факты воедино, а его воягу будет крайне интересно получить лишний козырь против Престола. Или может мне стоит прямо сейчас вырвать у вас Завет и представить его на всеобщее обозрение?..

Я сжал кулаки. Стерва! Желание придушить ее было настолько нестерпимым, что я даже попытался припомнить, какая кара полагается за убийство в состоянии аффекта. Она подошла ко мне, взяла меня под локоть и уже спокойным тоном сказала, даже не подозревая, насколько была близка к неминуемой расправе:

— И пусть моя честь вас больше не беспокоит, господин инквизитор. Я с ней сама как-нибудь разберусь. Не надо со мной ссориться, и злить тоже. Как говорит Антон, о чьей чести тоже не стоит тревожиться, меня просто надо терпеть. Вы же священнослужитель, и смирение — это первое, чему вас учат, а?

Ощущение, что твоя жизнь находится в руках сумасшедшей, довольно странное. Я лихорадочно раздумывал, что можно предпринять, но не находил выхода. В любом случае, после окончания спектакля, я отправлюсь прямиком к отцу Валуа и честно расскажу ему обо всех обстоятельствах. Сана я лишусь, но нельзя допускать, чтобы кардинал Ветре и его подельники вышли сухими из воды. Нельзя допустить, чтобы об этом прознали светские власти, это сугубо внутреннее дело Святого Престола. Если раньше я не собирался упоминать про Лидию, из жалости к ней, то теперь меня терзали сомнения. Я и так слишком долго попустительствовал ее выходкам, закрывая на них глаза и надеясь на... А на что я, собственно говоря, надеялся? Ведь понимал же, что ее безумие будет лишь прогрессировать. Она отвлекла меня от тяжелых раздумий, грубо толкнув локтем в бок.

— Хватит дуться! — как ни в чем не бывало, словно ничего не произошло! Я молчал, разговаривать больше не имело смысла.

— Садитесь уже, давайте смотреть, — в ее голосе опять звучала знакомая нотка злорадного предвкушения.

— Вы не потрудились заглянуть в афишу, да? Напрасно...

На сцене актриса на возвышении, должно быть имитирующим высокую неприступную скалу, завела песню, проклиная несчастную любовь и насылая бури на проплывающие мимо корабли. Голос у нее был слабенький, мелодию она грубо фальшивила, не попадая в такт. Лидия придвинулась ближе и зашептала мне на ухо.

— Сейчас она увидит в реке своего бывшего возлюбленного. Ее сердце дрогнет, и она...

Лидия замолчала, но спрашивать у нее, что будет дальше, я не стал. После минутной паузы она упрямо продолжила.

— В оригинале легенды она его потопит. А здесь же... Великая сила любви вырвет ее разум из бездны безумия, и она перестанет быть колдуньей. — В голосе теперь звучала откровенная насмешка. — Наша госпожа Розмари, вдобавок к излишней мнительности, еще и романтик. Хотя нет, я пожалуй рано на нее грешила.

Внизу появился юноша, девица наверху выпучила глаза, схватилась за волосы в преувеличенном отчаянии, начала нелепо заламывать руки. Юноша стал карабкаться по скале, и девица протянула ему руку.

Лидия взяла меня под локоть и опять зашептала на ухо.

— Какая проказница госпожа Розмари! Устроить спектакль в виде сеанса массового подглядывания за интимным моментом их любви прямо на сцене — это просто гениально! Даже в столичном борделе до такого не додумались, это же...

До меня дошел смысл сказанного, я вскочил на ноги, грубо оттолкнув от себя Лидию.

— Это отвратительно! Я не собираюсь на это смотреть!

— Сядьте, господин инквизитор! Вы никуда не пойдете. Не хотите смотреть — закройте глаза.

Юноша на сцене стал раздевать девицу, делал он это нарочито медленно, на публику. Она в притворном смущении закатывала глаза. Я дернул дверь, но она оказалась запертой.

— Немедленно откройте, — я точно помнил, что экономка положила ключ на столик, но теперь его там не было.

— И не подумаю, — Лидия на меня даже не смотрела, уставившись на сцену. У нее есть хоть капля смущения? — Вы лучше подумайте, оказывается в борделе есть мальчики, — она кивнула на юношу, что уже расправился с верхней частью платья и теперь его рука медленно задирала юбку на девице. Я отвел взгляд.

— Не заставляйте меня вновь применить силу, госпожа Хризшгайн. Отдайте ключ.

— Сказала же, что нет. Как же я сглупила, ведь тогда спросила про всех служащих мужчин, поэтому сводня и не подумала упомянуть о своем мальчике. Все его партнерши гибли, так что он может иметь отношение...

Я схватил ее за руку и попытался вырвать из ладони ключ.

— Пустите! Я сейчас закричу, и все будут думать, что вы пытаетесь меня насильничать, — прошипела Лидия.

— А мне плевать! — Я расцепил ее пальцы и выхватил ключ. Преувеличенно громкие стоны страсти со сцены пробирались в сознание тошнотворно-липкой паутиной. Я вставил ключ в замок, провернул и сделал шаг к свободе.

За спиной раздался глухой стук. Я сцепил зубы, но все же обернулся. Лидия стояла на коленях, хватаясь руками за горло, ее лицо было искажено. Как же мне надоели ее нелепые уловки!

— Колдун... он... его эмоции, они... слишком... сильны... — прохрипела она, закатывая глаза. Да уж, у нее определенно таланта больше, чем у девицы на сцене. Я покачал головой,

но тут Лидию начали бить судороги, она рухнула на пол, царапая шею, губы стремительно синели. Невозможно настолько хорошо сыграть! Или она себе внушила?

Я бросился к ней, приложил пальцы к запястью, оно было ледяным, пульс зашкаливал, холодный пот на челе. Сведенные судорогой пальцы яростно скребли по полу, она пыталась скрючиться, поджать колени.

— Мамочка... мамочка... почему он не заткнется, мамочка... — каждое слово давалось ей все с большим трудом, Лидия задыхалась.

Я видел такое состояние в столичной больнице. Острый приступ паники, обычно он не опасен, но достаточно выматывающий как для пациента, так и для окружающих. Но в случае Лидии я уже не был так уверен, слишком хорошо помнил кровь на ее руках. Она может внушить себе что угодно, даже не осознавая, насколько это опасно. В больнице были сестры, были травяные настойки, больного можно было отпоить, успокоить и привести в чувство, а здесь же...

В памяти вдруг всплыл профессор Адриани, что практиковал новую методику вывода из приграничного состояния больных, правда, для другого заболевания, но... Или она просто задохнется у меня на глазах, или скончается от сердечного приступа, или я попробую...

Я подхватил Лидию под мышки, вместе с ней уселся на пол, прижав ее к себе. Одна рука на запястье, там, где бешено пляшет пульс, вторая должна лежать на сердце. И хотя ткань платья была достаточно тонкой, нужно слышать ритм биения. К счастью, выреза платья оказалось вполне достаточно, чтобы моя ладонь легла в ложбинку ее груди. Я с силой сжал запястье, не давая ей скрючиться еще больше, закрыл глаза, прислонил лоб к ее затылку и зашептал молитву, погружаясь в пустоту медитации и пытаясь поймать убыстряющийся неровный ритм биения ее сердца. Происходящее вокруг перестало существовать, я читал молитву так быстро, что иногда проглатывал слова, но сумел подстроиться под галоп ее пульса.

Изгоняю тебя, демон нечистый,
посягатель враждебный,
именем и светом господа Единого,
что жизнь человеку подарил.
Не смеешь более, змий хитрейший,
обманывать род человеческий,
Святой Престол преследовать
и избранных Божиих отторгать
и развеивать, как пшеницу...

Начал медленно снижать темп речитатива, следом пропали все ощущения, кроме тока ее крови, что послушно стал успокаиваться, замедляясь с каждой новой строчкой молитвы. Дыхание выравнивалось, перестало было рваным и судорожным, пляска пульса прекратилась, он стал размеренным...

— Господин инквизитор, может, вы уберете от меня руки? Неудобно, знаете ли... — голос Лидии прозвучал насмешливо, выведя меня из небытия медитации.

Я встряхнул головой, возвращаться в грешный мир было всегда мучительно больно и обидно. Там в пустоте казалось, что еще чуть-чуть, и откроется заветная тайна мироздания, божий промысел станет ясным и понятным... Я расцепил руки и поднялся, помогая Лидии встать.

Она выпрямилась напротив меня и вдруг сказала:

— Спасибо.

Это прозвучало настолько искренне и просто, что я на мгновение опешил, осознав, что она никогда раньше меня не благодарила. Словно слетели все ее привычные маски, и оттуда выглянул совсем другой человек. Должно быть, это отразилось у меня на лице, потому что Лидия тут же приняла обычный самодовольный вид.

— Я ощущала эмоции колдуна, понимаете? Теперь я точно знаю, что он здесь, среди гостей! Но ничего, среди рисунков Тени я его найду...

Я покачал головой.

— У вас был приступ панического состояния, вы внушили себе, что...

— Не собираюсь с вами спорить! — Лидия махнула на меня рукой, бросая прощальный взгляд на сцену, где юноша бутафорским кинжалом закалывал свою возлюбленную из мести, потому что мерзавка погубила команду его корабля. — Кстати, а как у вас получилось так быстро вывести меня из смешанного восприятия? Я чувствовала ваши эмоции, словно, — она заколебалась. — Словно необъятный океан, соленый и безмятежный...

— Молитва, медитация и вера в Единого, госпожа Хризштайн, — ответил я. — Ничего сверхъестественного.

— Да погодите уже, — кинула мне Лидия вдогонку. — Или всерьез собираетесь пешком домой идти? Я смотрю, у вас появился вкус к ночным прогулкам...

Я спустился по лестнице, Лидия следовала за мной, ни на секунду не умолкая и рассуждая про оригинальность находки и творческий подход к привлечению клиентов госпожой Розмари. Однако возле выхода нас ждал неприятный сюрприз в лице епископа, служки и отца Валуа. Сердце встревожено участилось.

— Господин инквизитор, — кивнул мне епископ. — Пройдемте в кабинет хозяйки.

— Зачем? — рука невольно потянулась к свертку, но я сдержался.

— Да, зачем? — влезла Лидия. — Я жутко устала, хочу уже попасть домой.

— А вас никто не задерживает, госпожа Хризштайн.

— Я без господина инквизитора никуда не пойду. С ним пришла — с ним и уйду! — капризно заявила Лидия.

— Следуйте за нами, — служка Виль довольно недвусмысленно подбоченился, перекрывая проход.

Я последовал за широкой спиной епископа, на ходу пытаюсь сообразить, что произошло. Присутствие отца Валуа меня серьезно беспокоило. Хозяйка ждала нас в кабинете, мрачной тенью подпирая окно.

— Мы вынуждены вас обыскать, господин Тиффано, — епископ хмурился. — Осмотр в вашей комнате ничего не дал, но подозрения остались.

Я похолодел.

— У вас есть на это разрешение? — попытался уцепиться за последнюю соломинку.

— Да, я дал такой приказ, — кивнул отец Валуа, пристально меня разглядывая. — Вы слишком лояльны к светским властям, подозрение более чем обосновано.

Служка Виль не стал медлить, подошел ко мне, но я грубо его оттолкнул, тем не менее понимая, что всего лишь оттягиваю неизбежное.

— Ваши обвинения оскорбительны для меня!

— Не заставляйте нас применять силу.

Лидия уселась в кресло хозяйки, хотя ей никто этого не предлагал, и теперь откровенно

глазела на происходящее. Я увидел в ее глазах настолько неприкрытое злорадство, что мне стало противно. Убивало понимание того, что теперь все попытки рассказать отцу Валуа правду, будут выглядеть лишь нелепыми оправданиями, а истинный виновник уйдет от наказания.

Служка Виль особо не церемонился, он грубо ощупал меня и торжествующе выудил знакомый сверток.

— Нашел, святой отец! — он протянул находку отцу Валуа. На лице епископа было написано откровенное удивление. Отец Валуа грустно покачал головой.

— Что там? — Лидия вскочила с места и обогнула стол, чтобы заглянуть ему через плечо.

— Вас это не касается, госпожа Хризштайн! — грубый окрик, и служка оттеснил ее от отца Валуа.

Тот развернул сверток, я опустил голову, сдерживая объяснения, готовые сорваться с языка. Не хотелось унижаться при этой заразе.

— Ничего не понимаю, — удивленно пробормотал отец Валуа, я поднял голову. — Что это все значит, сын мой?

Я недоуменно уставился на него. Епископ заглянул в бумаги и присвистнул:

— Однако, господин инквизитор тот еще шалун?

— Да что же там? — Лидия ловко обошла служку и выхватила бумаги. Я оцепенел от ужаса. Ее ведь арестуют тотчас, как она в них заглянет! Только никто не стал ее останавливать. Она развернула их и мгновенно вспыхнула от ярости.

— Вы! Вы мерзкий, грязный, похотливый извращенец! — выпалила Лидия, комкая в руках лист бумаги и бросая мне в лицо. Но это же невозможно, апокрифы невозможно смять... Я поднял листок и покраснел — на нем была изображена более чем непристойная картинка обнаженной Лидии в откровенной позе. Как же так?.. Я, как дурак, застыл, разглядывая рисунок, понимая, что его могла нарисовать только Тень, но тогда получается, что...

— Вы еще имеете наглость смаковать подробности? Не насмотрелись? — Лидия влепила мне пощечину, выхватила рисунок и изорвала его, бросив обрывки на пол. В ярости прошлась по ним каблуком, словно пыталась раздавить таракана, потом подскочила к оторопевшим церковникам, выхватила у них остальное и стала неистово рвать на мелкие клочки. Я отрешенно смотрел на ее спектакль, раздумывая, в какой же момент она вытащила у меня сверток и подменила его другим. Где теперь Завет? У нее?

— Я этого так не оставлю! А вы! — теперь Лидия уже обращалась к епископу. — Куда смотрит Святой Престол? Ваш так называемый инквизитор заслуживает... Его должнь лишить сана! Он, пользуясь моим доверием, под предлогом дознания, затащил меня в это отвратительное место, чтобы... — Лидия даже ухитрилась выдавить слезу, ее губы предательски задрожали. — Я найду на вас управу! — пообещала она на прощание, направляясь к двери.

— Подождите, госпожа Хризштайн, — отец Валуа смотрел на нее тяжелым взглядом. — Боюсь, мы вынуждены также обыскать и вас.

В горле вдруг пересохло. Если Завет найдут у Лидии, будет еще хуже, чем если бы его обнаружили у меня. Глупая и самоуверенная идиотка!

— А, теперь я понимаю... — зло ответила Лидия. — Вам мало моего унижения этими гнусными картинками, вы решили еще оскорбить мою честь нелепыми обвинениями и

обыском? Вы не имеете права!

— Имеем, госпожа Хризштайн, — спокойно парировал отец Валуа. — Перед орденом Пяти склоняют голову даже князя.

Я обратился к отцу Валуа, заслоня Лидию от двинувшегося к ней служки.

— Довольно уже, ваша святость. К чему все это? Вы же знаете, что госпожа Хризштайн здесь ни при чем. Она никак не могла...

— Я не нуждаюсь в вашей защите, господин инквизитор! — Лидия истерично отпихнула меня в сторону. — Если вы собираетесь обыскивать, то я по крайней мере требую, чтобы объяснили, в чем меня подозревают! Что вы собираетесь найти?

Отец Валуа кивнул хозяйке борделя:

— Придется вам обыскать госпожу Хризштайн. Чтобы ее честь не пострадала.

Лидия побледнела, уставившись на церковников полным ненависти взглядом. Я чувствовал себя словно смертник на эшафоте, что отстраненно наблюдает за замахом топора в руке палача.

— Отлично! — Лидия вдруг развернулась и кивнула сводне. — Вперед, обыскивайте. А потом... Потом ваши извинения уже будут не нужны...

Я нервно сглотнул, не в силах отвести взгляда от неотвратимого. Сводня подошла к Лидии, деловито ее обшарила, даже задрала пышную юбку, чтобы проверить, не скрыто ли чего в подвязке чулок. Лидия стояла, высоко подняв голову, в какой-то момент наши взоры встретились, и она презрительно прищурилась. Она ни капли не боится, значит?.. Неужели спрятала Завет у несчастной невольницы? Сводня распрямилась и сказала равнодушно:

— Я ничего не нашла. Кроме того, что корсет милостивой госпожи затянут почему-то шнуром из моих портьер.

Лицо Лидии пошло красными пятнами, а мне неожиданно подумалось, что последнее замечание хозяйки взбесило ее по-настоящему.

— Вы закончили? Если да, то возможно стоит еще обыскать и мою невольницу? Ложу, где мы смотрели эту гадость, гордо именуемую искусством? Это заведение? Вдруг я спрятала... А что же я собственно спрятала, позвольте узнать?

— Я приношу свои извинения, госпожа Хризштайн, — голос отца Валуа был тих и холоден. — Но вашим советом не премину воспользоваться. Госпожа Розмари, сделайте одолжение, осмотрите невольницу. Она ведь не покидала ваше заведение?

— Нет, — покачала головой сводня, также деловито обыскав Тень, правда, в этот раз без лишних церемоний.

То, то они ничего не найдут, сомневаться не приходилось. Лидия слишком уверена в себе. Куда же она дела апокриф? Разве что вытащила его еще в экипаже, отдала Тени, а та... Куда та могла его спрятать? Самое ужасное в этой ситуации было то, что теперь я не могу рассказать все отцу Валуа, не могу вернуть Завет, да мне никто и не поверит.

— Что ж, теперь моя очередь, — очень ясно и отдельно произнесла Лидия. — Я обязательно поставлю вояга Хмельницкого в известность о том, что Святой Престол потерял нечто настолько ценное, что готов наплевать на честь благородных. И если вояг пожелает узнать, что же это такое, — она остановилась и обвела присутствующих презрительным взглядом, задержав его на мне. — То я безусловно выполню его просьбу. И будьте уверены, найду вашу пропажу раньше вас! Хотя думаю, что с подачи госпожи Розмари об этом также будет извещен вояг Наварро, правда, милочка?

Лидия развернулась на противно взвизгнувших каблуках, словно воевода на плацу, и

ушла, громко хлопнув дверью. Некстати подумалось, что опять придется добираться домой пешком. В комнате стало так тихо, что я слышал негромкое жужжание сонной мухи да мерный стук часового механизма. Епископ Таларион откашлялся.

— Господин инквизитор, мне жаль, что так получилось. Я не сомневался в вашей невинности.

Я сухо кивнул.

— Не утруждайтесь, ваше святейшество. Я уверен, что вы сможете найти... — покосился в сторону хозяйки. — Найти пропажу. С вашего позволения.

— Господин инквизитор, — отец Валуа очень внимательно меня разглядывал, по нему сложно было определить, обманул ли его спектакль оскорбленной невинности, что разыграла Лидия. — Никак не ожидал от вас подобных низменных пристрастий... — он холодно кивнул на обрывки, которыми был усеянный пол.

Я даже не разозлился, мне было абсолютно все равно, что он обо мне думает, особенно в свете его недавних рекомендаций переспать с Лидией. Пожал плечами и сказал равнодушно:

— Я живой человек, святой отец. И ничто человеческое мне не чуждо.

— Да-да, слабости есть у всех, — он снял очки и устало потер переносицу. — Надеюсь, вы приложите все усилия, чтобы снять с себя обвинения.

— Даже не подумаю, — также холодно ответил я. — Поскольку мне ясно дали понять, что я под подозрением, то мое дальнейшее участие в дознании неэтично и противоречит логике. Верю, что общие усилия Ордена Пяти и Святой Инквизиции увенчаются успехом.

Отец Валуа смотрел на меня с удивлением.

— Интересно заговорили, господин инквизитор. Вы собираетесь отдыхать в то время, как ваши собратья...

— Не отдыхать. У меня есть текущее дознание по делу колдовской смерти трех девушек. И я намерен найти убийцу.

Уже возле двери я не удержался и заметил:

— Кстати, когда отстраняли от обязанностей кардинала Ветре, его копию ключа от церковного хранилища потрудились забрать?..

На душе было паршиво. В доме все перевернули, вскрыли даже обивку злополучного дивана, книги вывалили беспорядочной кучей, как и немногочисленную одежду. Я стал наводить порядок, раздумывая над сложившейся ситуацией. Завет у Лидии, это совершенно очевидно. Каким образом она ухитрилась его у меня вытащить и куда потом дела, вопрос второй. Более всего меня интересовало, что она собирается с ним делать. К сожалению, я уже успел убедиться, что Лидия хоть и умна, но слишком самоуверенна. А учитывая ее проблемы с наследованием, она вполне может попытаться воспользоваться Заветом как козырем против Святого Престола, что пытается оспорить завещание помчицы. Или же продать информацию о нем воягу, что уже грозилась сделать.

Завтра с утра, не мешкая, надо будет отправиться к ней и попробовать отговорить от необдуманных действий. Угрожать ей в сложившейся ситуации бесполезно, Завет у нее не нашли, можно было заявить о ее участии, но после сегодняшних обвинений я отправлюсь в заключение следом за ней. А истинный преступник останется безнаказанным.

Мысли вернулись к кардиналу. После дела грибной колдуньи меня уже не удивляло причастие церковника высокого сана к подобным грязным козням. Если верить Лидии, хотя

вопрос доверия еще остается открытым, то кардинал Ветре привлек к этому отца Бульвайса и мелкого мошенника, а также службу Виля. Что кардинал выиграет, подставив меня? Кроме мести за испорченную карьеру, что еще может быть? Ему предстоит Высший Первопрестольный суд, где я выступаю главным свидетелем обвинения. Но даже если я буду дискредитирован, ему это не поможет. Или же он нашел лазейку? Его ждет извержение из сана и расстрижение в любом случае, но насколько серьезным будет полное прещение? Отлучение от Святой Церкви и передача светским властям? Анафема?

Мне никак нельзя обнаружить собственную причастность к Завету. И причастность Лидии, поскольку в этом случае ниточка все равно приведет ко мне.

Я едва дождался рассвета, прокрутившись без сна остаток ночи на продавленной кровати. Сонный привратник сквозь полудрему пробурчал мне приветствие, и я задержался подле него.

— Господин Луцкий, ко мне вчера кто-нибудь приходил, в мое отсутствие?

Маленький человечек расплылся в глупой улыбке, похоже, я навечно заслужил его любовь тем, что единственный из всего дома обращался к нему по фамилии и на вы.

— Дык, было дело. Рыжий бугай, отец Бульвайс, с ним тип подозрительный, все время наверх подняться норовил. А что? Случилось чего? Хамы они, а косою тот и вовсе, вороватый какой-то, совсем правил приличия не уважают. Девица еще эта наглая, настырная, что клещ, тоже вчера про них спрашивала.

Сравнение Лидии с клещом меня позабавило, но радости информация не прибавила. Значит, действительно, отец Бульвайс к этому приложил руку.

Утренний воздух Кльечи еще не успел пропитаться одуряющей летней жарой и пах морем. Этот соленый аромат был настолько родным и теплым, что я не замечал ни вони гниющих с вечера рыбных объедков на рыночной площади, ни запаха нечистот сточных канав. Повинуясь неожиданному импульсу, я свернул в проулок и вышел к старой церкви. Отец Георг наверняка уже бодрствует и готовится к воскресной службе.

Я преклонил колени перед алтарем и прошептал короткую молитву заступнику Тимофею. Привычное благостное умиротворение снизошло на меня, разом отогнав все горести и заботы. Сила веры способна творить чудеса, и в каждом можно найти ее крупицу. Даже в Лидии. Даже в кардинале. Иногда я думал, что и в колдунах еще теплится божья искра, стоит лишь ее разбудить, но теперь не был уверен...

— Мальчик мой! — отец Георг оторвал меня от раздумий. Он был не один, к своему неудовольствию рядом с ним я увидел отца Валуга. — Как же я рад тебя видеть!

Он подошел ко мне и благословил, осеняя священным символом. Потом обнял крепко, отстранил от себя и сказал, вглядываясь в глаза:

— Я не верю в эти глупости, даже не сомневайся. Ты никогда бы не совершил подобного.

Отец Валуга уже успел поделиться с моим наставником нелепыми подозрениями? Зачем, зачем ему беспокоить старика? Но все равно на душе стало светло от того, что есть человек, который верит в меня. Вера словно ветер, что гонит вперед корабль, раздувая паруса, без нее человек слаб и беспомощен, как подбитый фрегат в полный штиль.

Я благодарно кивнул:

— Спасибо, святой отец.

— Ваше благочестие похвально, сын мой, — отец Валуга смотрел на нас чуть

презрительно. — Однако людям свойственно меняться. И наставник безусловно верит вам, поскольку знает с младых лет. Однако учитывая влияние девицы Хризштайн на вас в последнее время, то, что вы позволили себе неосмотрительно увлечься этой девкой, ваши пошлые...

— Довольно, — резко оборвал я церковника. — Я не общался с госпожой Хризштайн иначе, как по вопросам дознания. Вы вольны мне не доверять, это ваше право, однако не стоит рассказывать обо мне гадости отцу Георгу. Это низко.

— На самом деле мне нет дела до вашей репутации, господин инквизитор. — Отец Валуа пожевал губами в раздумье. — Просто поставил в известность вашего наставника о том, что в случае неудачи, если Завет не будет найден в ближайшие сутки, я буду вынужден обратиться к главе ордена Пяти. Если он прибудет в город, то поверьте, будут приняты исключительные меры дознания, вплоть до допроса с пристрастием всех замешанных. Без суда, вплоть до "заморозки".

— Что? — я удивленно вскинул глаза. — Уже несколько сотен лет подобное варварство запрещено. Мы живем в божеправой стране, это невозможно.

— Еще как возможно. Слишком высока цена и страшны последствия. Вам напомнить уроки истории, ужасы Синеи войны? Когда прервалась связь времен, когда Святой Престол потерял власть над Мертвыми землями? А тогда в руки отступников всего лишь попал документ с упоминанием апокрифов.

Отец Георг кашлянул смущенно.

— На самом деле, нет. Думаю, Кысею следует знать правду. Тогда была полностью разграблена библиотека священной столицы, и в руки мятежников попали все шесть апокрифов.

Я удивленно уставился на наставника.

— Отец Георг, откуда вы знаете?..

Церковник грустно улыбнулся.

— Я в свое время занимал высокий сан и плотно занимался историческими изысканиями. После подавления мятежа удалось вернуть пять документов, а вот шестой, самый важный, оказался утерян. И после этого собственно все и началось...

— Что началось? — не понял я.

— Реформа Церкви. И полное изменение Инквизиции. Сейчас она стала совсем другой и мне сложно судить, хорошо это или плохо.

— Абсолютная власть Инквизиции привела к вседозволенности, ведь именно поэтому вспыхнул мятеж?

— Не только, — отец Георг устал стоять и показал рукой на скамью, предлагая нам присесть. — Это долгая история, и не самая приятная. Исключительные меры для поиска Завета оправданы, тут я поддерживаю отца Валуа. Как нистранно это звучит.

Я покачал головой, отказываясь садиться и удивляясь его словам.

— Вы оправдываете дикие методы типа заморозки? Сломать сознание возможно невиновного человека?

— Поверь, мальчик мой, иногда необходимо пойти на такое, чтобы предотвратить большее зло. Ты ведь даже не знаешь всего...

Я повернулся к отцу Валуа, который за все время беседы не проронил ни слова.

— Вы допросили кардинала Ветре?

— Кардинал Ветре не покидал своей резиденции.

— Глупо думать, что он пойдет самолично на подобное. Тем более, зная, что находится под домашним арестом. И если его поделщики...

— Довольно, господин инквизитор, — отец Валуа нахмурился и вытер лоб платком. — Это притянуто за уши. Но обыск, безусловно, будет произведен. Не покидайте город, пожалуйста.

— Я и не думал.

Духота ворвалась даже в каменное укрытие церкви, день обещал быть жарким во всех смыслах. Поклонился церковникам и вышел в палящий зной улицы. Впервые на моей памяти я уходил из божьего дома с тяжелым сердцем.

Сказанное церковниками еще больше меня встревожило, я мало знал про заморозку, однако и этого хватало для серьезных опасений. Я невольно ускорил шаг, не обращая внимания на одиноких прохожих, что рискнули выползти под обжигающие лучи воскресного утра.

К моему удивлению, пекарня на первом этаже была закрыта, не ощущалось даже сводящего с ума аромата выпечки. Дверь была плотно закрыта, и меня вдруг охватил ужас от мысли, что Лидия сбежала из города, прихватив с собой запрещенный манускрипт. Я заколотил что есть силы в дверь, требуя открыть. К счастью, на стук высунулся взъерошенный Антон, что смерил меня недовольным взглядом и спросил:

— Что стучите в такую рань, господин инквизитор?

— Мне нужно срочно видеть вашу сестру. Немедленно.

Он скривился так, словно проглотил лимон, и распахнул дверь.

— Проходите, только вам придется подождать, она сейчас занята.

В гостиной окна были плотно зашторены, не пропуская жарких лучей, и здесь царил легкий полумрак и прохлада. Я не успел присесть, как появилась невольница Тень и хлопотала вокруг меня.

— Вы ведь не завтракали, господин инквизитор? Давайте я вам на скорую руку что-нибудь приготовлю. Есть вчерашний пирог, сейчас заварю чай и сделаю яичницу?

Я невольно сглотнул, действительно, выскочил из дому, даже не успев ничего перехватить. Но слишком жива еще была в памяти последняя трапеза в этом доме, поэтому я покачал головой.

— Спасибо, не голоден. Скажите, почему не работает пекарня? Что-нибудь случилось?

Тень сразу погрузилась, присела рядом и пожаловалась:

— Нет, просто госпожа запретила пускать кого-нибудь в дом. И выпускать. Все мы под домашним арестом.

Я удивленно разглядывал женщину.

— Почему? Что за странности приходят ей в голову?

— Госпожа сказала, что я наказана. За то, что помогла вам у нее за спиной. А все остальные тоже наказаны. Вместе со мной.

Я вскочил с места, раздраженно прошелся по комнате.

— Вы помогли мне в дознании! И ей между прочим тоже! Что за нелепая жестокость?

— На самом деле... Я думаю, что госпожа чего-то боится... И поэтому велела никого постороннего не пускать...

У меня мелькнула шальная надежда.

— Тень, скажите, вчера вечером, госпожа вам поручала что-нибудь спрятать или

передать?

— Я не могу сказать... — замялась невольница.

— Послушайте, это очень важно. И опасно. Опасно для вашей госпожи. Она даже не понимает...

— Тень! — резкий окрик Антона заставил невольницу вздрогнуть. — Иди на кухню. А вы, господин инквизитор, злоупотребляете гостеприимством. Лидия занята, так что вам лучше придти после обеда.

Я попробовал убедить мальчишку.

— Антон, вы ведь не представляете, во что ввязалась ваша сестра. Она затеяла очень рискованную игру, в которой ей не выиграть.

Антон покачал головой и взглянул на меня с жалостью.

— Вы еще не поняли, что за человек моя сестра? Вы пришли ее в чем-то убедить? Бесплезное занятие. И кстати, если будете говорить про риск, то... Еще больше ее раззадорите. Она... — Мальчишка замялся, потом как-то безнадежно махнул рукой. — Вы когда-нибудь видели конченного игрока? Который готов поставить на карту все, даже собственную жизнь? Ради азарта, риска, игры. Лидия такая же. Даже еще хуже. Так что не пытайтесь, не теряйте времени.

— Как вы можете так говорить? Ведь она уже рискует не только своей жизнью, а и вашей тоже, Антон. Вы можете ее убедить, надо...

— Не могу, — мне больно резанула слух нотка отчаяния в его словах. — Думаете, не пытался? Пустое! Если хотите ее ждать, ждите.

Я прождал Лидию более часа, хорошо, что Тень все-таки принесла мне чай с пирогом. Наконец Лидия спустилась в гостиную, провожая невзрачного господина средних лет. Хотя, может и не господина. Сложно было сказать, то ли из благородных, то ли простолюдин. Лидия попрощалась с ним, даже не потрудившись представить нас друг другу. Впрочем, вежливость и такт никогда не были ее сильными сторонами.

— Зачем пожаловали, господин Тиффано? — довольно холодно спросила Лидия.

— Чтобы забрать Завет, — также холодно ответил я. — Упреждая ваши возражения, скажу сразу. Если он не будет возвращен, будут приняты исключительные меры, что означает дознание и допросы всех. Слышите, всех причастных. Вы безусловно окажетесь в их числе, поскольку благодаря вчерашней нелепой выходке, отец Валуа думает, что я увлечен вами. А значит, мог совершить кражу.

— Меня это должно испугать? — насмешливо спросила Лидия, удобно устраиваясь в кресле.

— Допросы будут проводить с применением запрещенных методов. Вы понимаете, что это значит?

— Я не боюсь боли. А вы?

Я покачал головой — она действительно не понимает.

— А боли не будет. Меры воздействия исключительно на разум. А это значит, что солгать у вас не получится. В город прибудет глава ордена Пяти, а значит, возможно применение такой забытой техники как заморозка. Знаете, что это?

Лидия покачала головой, пристально меня разглядывая.

— Когда ваше сознание погружается в заморозку, оно становится хрупким, словно лед. И в таком состоянии у человека можно узнать, что угодно, вот только после... Последствия

такого вмешательства совершенно непредсказуемы. Человек может сойти с ума, может...

— Вы забыли, что я уже? Уже безумна. Кстати, вы совершенно напрасно стараетесь, Завета у меня все равно нет. И я говорю чистую правду, — Лидия взглянула на меня кристально честными глазами, поверить которым мог бы самый требовательный театральный критик.

— Послушайте! — я с досадой понял, что Антон был абсолютно прав, Лидия только еще больше уперлась. — Если вы готовы рисковать своей жизнью, если вам наплевать на мою, бога ради, но подумайте про брата. Вы играете и его жизнью тоже. Когда начнутся допросы, шанса все исправить у вас уже не будет!

Лидия встала и подошла ко мне, я не сдержался и отодвинулся от нее.

— Вы так все славно расписали, господин инквизитор, только забыли одно, — она опять потянулась ко мне рукой, но я раздраженно отстранил ее. — У вашего господина Единого довольно своеобразное чувство юмора. Все ваши предположения, планы, замыслы, все это — всего лишь мусор под его ногами, который он раскидывает с детской жестокостью. Говорите, приедет глава ордена? А если не приедет? Если его корабль потопит высокая волна? Говорите, что он владеет страшной методикой? А если не владеет? Если это блеф? Говорите, что меня будут допрашивать? А если нет? Если на мне она не сработает? А если раньше допросят кардинала? Говорите, что меня допросят, и я непременно скажу правду? А если я сознаюсь, что понятия не имею где Завет, и это будет правдой? Вы видите, господин инквизитор, сколько этих "если"...

— А если приедет, если допросит, если заставит вас сказать, что вы держали Завет в руках? Ведь это же правда? Если вас казнят, если казнят меня, если следом казнят Антона и Тень, что тогда? Вам будет также смешно? — я сильно разозлился, понимая, что она совершенно непрошибаема в своем упрямстве. — Почему вы упорствуете? У вас не получится использовать Завет в качестве козыря, не удастся с его помощью повлиять на церковников. Верните его, пока еще не поздно.

— Нет, — покачала головой Лидия. — Не могу. Я же сказала, что не знаю, где он сейчас. Но не волнуйтесь. Как говорил печально известный атаман Безумных бардов, нет безвыходного положения, есть лишь неиспользованные возможности.

Это безнадежно. У меня даже злости на нее не осталось, одна лишь горечь разочарования. Должно быть, что-то отразилось у меня на лице, потому что Лидия все-таки ухитрилась взять меня под руку и успокаивающе сказать:

— Да не волнуйтесь вы так, верну я ваш Завет. Но не сейчас, чуть позже. Подброшу его кардиналу. Он и понесет заслуженное наказание. Так что выкиньте из головы все тревоги.

Я вырвал руку.

— Надеюсь, вы сдержите слово. И еще не будет слишком поздно! А на досуге перечитайте историю Синей войны, думаю, вам будет полезно знать, что тогда тоже были замешаны запрещенные манускрипты!

— Синей войны? — Лидия вдруг неожиданно расхохоталась, да так, что согнулась в три погибели. — Вы серьезно?

— В этом нет ничего смешного. Прощайте, — я развернулся уходить, но она неожиданно умолкла.

— Кстати, — ее слова задержали меня уже на пороге, я прикрыл глаза, пытаюсь успокоиться и не вспылить. — Для меня тут разузнали кое-что интересное. Или вы уже бросили дознание? Хозяйка борделя просила найти ей Серого Ангела. Сразу после

неудачного нападения на ее девку. Странно, не правда ли? Я вот думаю, может и не колдун это был... А еще думаю, что у госпожи Розмари украли что-то очень ценное...

Я вышел из дома Лидии, раздумывая над информацией, которую она щедро мне поведала. Про то, что хозяйка имеет богатые связи с преступным миром Кльечи, что возможно шантажирует своих клиентов, что подкармливает чиновников, что ее муж — бывший каторжанин, что злополучный помчик Овьедо и городской управитель Варгес были клиентами всех трех убитых девушек, что управитель имел серьезные карточные долги, но не так давно внезапно расплатился со всеми кредиторами... У меня сложилось впечатление, что Лидия подталкивает меня к определенному выводу, но я отказывался считать, что у колдуна могут быть политические мотивы. Я не успел отойти от дома, как меня догнала запыхавшаяся Тень.

— Обождите, господин инквизитор! Вот, прошу вас, возьмите, — она протянула мне кипу рисунков.

— Что это? — я не торопился брать, памятуя про ту мерзость, что она нарисовала для меня в прошлый раз.

— Я обещала сделать эскизы платьев для кукол. Верочка просила. То есть, Евочка. Прошу вас, госпожа запретила мне покидать дом, а девочка очень ждет и должно быть обижается. Загляните к ним, передайте Евочке рисунки, она так обрадуется.

— Я не... — попытался отказаться, но, взглянув в полные слез глаза невольницы, не смог, стало совестно, ведь из-за меня и самодурства своей хозяйки она теперь под замком. — Ладно, давайте.

Дом портного было не узнать. Запустение и бедность, что царили здесь ранее, бесследно исчезли. Из сада доносился задорный детский смех и негромкое тьяканье, им вторил строгий женский голос, увещавший плутовку и ее питомца. В дверях со мной столкнулась богатая клиентка, что уходила с довольным видом, а портного Изхазии я нашел в примерочной, он подсчитывал плату и счастливо улыбался.

— Добрый день, — я кашлянул, привлекая его внимание.

— Господин инквизитор, — мужчина искренне обрадовался мне, и я подивился разительной перемене, что с ним произошла. Куда делся тот отчаявшийся спившийся человек, что дрожал от одной мысли потерять жену? — Заказать костюм хотите?

— Нет, я по другому делу. Принес рисунки, что обещала Тень для... — я замялся. — Для Веры.

Портной взял протянутые эскизы и нахмурился.

— Я сейчас позову дочь. Только прошу вас, не называйте ее Верой, ладно?

Я покачал головой.

— Это неправильно. Вы до сих пор пытаетесь обмануть действительность?

— Господин инквизитор! Я полюбил эту девочку как родную. Вы знаете, когда госпожа Хризшайн, дай бог ей здоровья, привела ее ко мне, одетую в платье Евочки, с ее ленточкой в волосах, даже у меня с горя мелькнула шальная мысль, что вдруг... Вдруг моя доченька жива и стоит передо мной. Пусть это неправда, пусть я знаю, что это не так, но Адели, она сразу приняла девочку! И ей лучше, намного лучше. Вы... вы сами можете убедиться!

— Папа! — девчонка влетела в комнату, словно юркий зверек, следом за ней ворвался рыжий пушистый щенок, залаявший при виде меня. — Ой, простите!

— Евочка, — строго сказал портной. — Поздоровайся с господином инквизитором.

— Здравствуйте, — послушно сказала девочка, подхватывая щенка на руки. — А я вас помню. Это вы спасли меня и госпожу Лидию из того жуткого подвала, где...

— Пойди возьми, вот рисунки кукол, что тебе обещала Тень, — отец поторопился ее прервать, оберегая от тягостных воспоминаний.

Девчонка моментально забыла обо мне и щенке, схватила рисунки, стала их жадно разглядывать. В комнату зашла госпожа Изхази, и я вздрогнул. Она даже внешне изменилась, в ней появилась некая сытость, важность и уверенность, лишь только в глазах угадывался легкая отрешенность. Пожалуй, она все же нездорова.

— Евочка, не беспокой отца, ему надо работать. Пойдем, я приготовлю тебе твои любимые оладушки.

— Адели, дорогая, Евочка мне не мешает, пусть останется. Иди, иди. — Господин Изхази обеспокоенно выпроводил супругу из комнаты.

— Вы подумали, что может произойти, если ваша жена однажды осознает действительное положение вещей? А если она тогда навредит ребенку? Нельзя оставлять девочку с психически нездоровым человеком, это неправильно, — в последний раз попытался я убедить мужчину.

— Я рядом с ними, господин инквизитор. У нас все будет хорошо. Посмотрите лучше на Евочку. Вы знаете, она стала мне помогать, решила, что будет шить для своих кукол. Я набрал ей кучу тканевых обрезков, пусть учится. Будет кому дело передать. Пообщайтесь с ней, а я пока вас чаем угощу.

Девочка самозабвенно вырезала из бумаги платье, что ей нарисовала Тень, высунув язычок от усердия и не обращая внимания на происходящее. Я присел рядом с ней и спросил:

— Вера, скажи мне, тебе здесь нравится?

— Угу.

— Нравится, что тебя называют чужим именем?

— А мне все равно. Как меня только на улице ниназывали, — девочка равнодушно пожала плечами, не отрываясь от своего занятия.

— Ты будешь шить платье для куклы?

— Да, — она наконец оторвалась от вырезания и мечтательно улыбнулась. — Я хочу сделать куклу, такую же красивую, как госпожа Лидия. Хочу подарить ей, чтобы она не была такой грустной.

Я про себя удивился, что кто-то считает Лидию красивой. Девочка приложила вырезку к плотной ткани и стала аккуратно вырезать по контуру. Ее маленькие ручки ловко управлялись с большими портновскими ножницами, хотя их лезвие и соскальзывало иногда с ткани.

— А вы знаете, какой у нее любимый цвет? — девочка опять оторвалась от своего занятия.

— У кого? — не понял я, погруженный в невеселые мысли. Во всей этой ситуации была какая-то неправильность. Да, ребенок определенно доволен, как счастливы и его названные родители, но благополучие это искусственное и хрупкое, и может разрушиться в единый миг. Как рушится спокойствие безумного разума, случайно выведенного из равновесия.

— У госпожи Лидии! Почему вы такой непонятливый! — раздраженно протянула девочка, и я содрогнулся от осознания того, что она копирует безумицу даже в интонациях.

— Не знаю, — пожал я плечами, но меня спас господин Изхази, который вернулся с чашкой ароматного крепкого чая.

— Не досаждай гостю, Евочка. Госпожа Хризштайн обычно заказывает платья серого или синего, иногда голубого цветов. Если ты возьмешь вот тот синий атлас, я думаю, ей понравится.

— Ну вот, — надулась девчонка, откладывая искромсанный кусок алой ткани. — А я хотела красный.

Я застыл, разглядывая ткань. Мысли завертелись в безумной пляске, возможно ли это?.. Я словно зачарованный отобрал у девочки ножницы, взял первый попавшийся отрез и стал разрезать его вдоль, чувствуя как земля уходит из-под ног. Боже, какой же я был слепец!

— Что вы делаете! — взвизгнула девочка, пытаюсь отобрать у меня ткань. — Это же госпоже Лидии на подарок! Отдайте!

Она со злости пнула меня по ноге, но боли я не почувствовал, ножницы выскользнули из переставшей повиноваться руки.

— Евочка, что ты творишь? — засуетился портной, в недоумении разглядывая мою застывшую фигуру. — Господин инквизитор, зачем вы...

— Это портновские ножницы? — безжизненно спросил я. — Они отличаются от обычных?

— Да, портновские, для закройки. А что? Куда же вы? А чай?

Я вылетел из дому словно безумец и помчался в бордель.

— Господин инквизитор, что вы себе позволяете? — возмущенно спросила сводня, перекрывая мне проход. Привратника я просто отодвинул в сторону, а когда он попытался воспротивиться, пригрозил ему клинком. — Я вызову городских стражников! Это самоуправство!

— Замолчите, госпожа Розмари! — я был очень зол и не менее раздосадован. — Если вы сейчас же не проводите меня в комнату вашей модистки, я отправлю вас за решетку за препятствие дознанию. Сядете рядом с капитаном и городским управителем, которых вы так беззастенчиво подкупали взятками.

— Откуда вы?.. — она прикусила язык. — Это неправда!

— А дознание выяснит, правда или нет. Заодно выяснит, чем вы шантажируете клиентов и при чем тут Серый Ангел. Пойдете как соучастница его дерзких грабежей.

— Это не так! Это я пострадавшая сторона! Госпожа Хризштайн обещала...

Сводня семенила следом, причитая и жалуясь на то, что бессовестный злодей похитил всю ее выручку, что ей теперь нечем кормить бедных девочек, что она ни слухом ни духом, знать не знала и слышать не слышала про него ранее...

— Открывайте! — я остановился перед запертой дверью. — Живей, кому сказал!

Хозяйка перекосилась от возмущения, но послушно открыла комнату портнихи Агнесс. Вот они, три пары, аккуратно висят в кожаных карманчиках на стене. Я подошел ближе и стал вытаскивать их по очереди.

— Где сейчас ваша модистка?

— Агнесс уехала почтить могилу брата. Она еще вчера просилась, но я не отпустила, представление пришлось готовить в срочном порядке.

Вторая пара ножниц оказалась заляпана плохо оттертой и уже засохшей кровью. Я заглянул в карман, где висели ножницы, потеки крови ожидаемо обнаружили и там.

— А что случилось? — сводня обеспокоенно топталась у меня за спиной.

— У кого есть ключ от ее комнаты? — ножницами мог воспользоваться любой, но я был уверен, что это Агнесс.

— У меня, экономки, у мужа. Все. Да что случилось то?

— Где говорите похоронен ее брат? — спросил я, оглядываясь в комнате. Вывернул на пол кипу рукоделия, заглянул в ящики комода.

— За городом, кладбище при монастыре заступника Тимофея. Да что же вы творите? Чем Агнесс провинилась?

— Где ее вышивка? Ту, что она делала для будущего младенца Лиены?

Госпожа Розмари уставилась на меня как на сумасшедшего.

— Да откуда ж мне знать? Может в лавку на продажу отнесла, может кому подарила...

— Вы арестованы, госпожа Розмари. По подозрению в соучастии колдовству. Пройдемте.

Я подхватил возмущающуюся сводню под локоть и потащил прочь из заведения.

Дорога в монастырь заняла у меня более двух часов, туда и обратно по дикой жаре, но я пожалел лишь об одном. Что так опрометчиво отказался от щедрого подарка Лидии, в мантии хорошо было выступать в суде, но никак не скакать на взмыленном жеребце, глотая дорожную пыль. Сводня сидела за решеткой, капитан Лунтико был недоволен, но возражать не посмел, стоило лишь упомянуть вояга Хмельницкого. Я чувствовал, что все больше становлюсь похожим в своем поведении на Лидию, но сейчас меня это уже не пугало. Незнакомый доселе азарт преследования колдуна будоражил кровь, несмотря на все мерзкие подробности, что я узнал у отца настоятеля про историю семьи Иптискайте. Каюсь, не смог удержаться от мелкого тщеславия, поэтому послал записку в дом Лидии с просьбой присутствовать при аресте колдуна.

Зной и не думал спадатьк вечеру, я разглядывал вычурное здание борделя в жарком мареве заходящего солнца и гадал, явится Лидия или проигнорирует мою просьбу. Мне многое удалось сегодня сделать. Я заставил капитана Лунтико выделить двух стражников, впрочем, он сам тоже изъявил желание присутствовать при аресте. Несколькими часами ранее успел заехать в Академию, завезти окровавленные ножницы с просьбой сличить характер ранений, получить положительное заключение и разрешение епископа. Мне никто даже не попытался воспрепятствовать, настолько все были заняты поисками Завета.

— Господин инквизитор, а чего мы ждем? — капитан Лунтико плавился от жары, тщетно пытаясь укрыться в тени экипажа.

— Мы ждем госпожу Хризшгайн, — ответил я, начиная уже всерьез опасаться, что она может просто не явиться. — Она мне не простит, если... Слава Единому, вот и она.

Лидия недовольно выбралась из остановившегося неподалеку экипажа, важно неся себя вперед. Мне вдруг представился вместо ее синего платья тот самый алый атлас, из которого хотела пошить ей Верочка, и я невольно хмыкнул. Она поймала мою усмешку и подозрительно сощурилась.

— Надеюсь, вы позвали меня по вескому поводу, господин инквизитор! — Лидия откинула с плеч полураспущенные золотые локоны, что в свете заката приобрели зловещий кровавый оттенок.

— Конечно, — я церемонно поклонился и предложил ей руку, чем вызвал у нее немалое

удивление.

— Надо же! Что-то вы подозрительно вежливы и выглядите довольным... Чего, впрочем, не скажешь про ваш внешний вид. Вы где успели так пообтрепаться?

Я пропустил мимо ушей ее шпильку.

— Пойдемте, — я кивнул привратнику и пропустил Лидию вперед.

Агнесс стояла растерянная посреди комнаты, в маленькое пространство которой едва поместились все заинтересованные лица.

— Агнесс Иптискайте, вы арестованы по подозрению в колдовском убийстве Лиены, Изабеллы и Ивонны.

Лидия демонстративно хмыкнула и выразительно покрутила пальцем у виска, глядя на меня.

— Я ничего не сделала! — крикнула модистка, хватаясь за грудь. — Я любила девочек, как родных! Как вы можете!..

Два стражника двинулись к Агнесс, но я кивнул им обождать немного.

— Это ваши ножницы? — я протянул их лезвием вперед. — Узнаете?

— Мои... — едва шевеля губами, проговорила женщина. Лидия подалась вперед и перехватила ножницы, внимательно разглядывая их.

— Да, госпожа Хризштайн, именно ножницами, портновскими ножницами для закройки были нанесены ранения. Кожу не вспарывали, ее разрезали или скорее разрывали. Как видите, левое лезвие с едва заметной зазубриной, что оставила характерные повреждения на внутренней стороне раны. Госпожа Иптискайте, вы можете объяснить, откуда на ваших ножницах засохшая кровь?

— Не знаю! — в отчаянии воскликнула портниха, без сил опускаясь на узкую кровать и заливаясь слезами. — Кто угодно мог их взять, я не знаю!

Лидия покачала головой.

— Действительно, рана возможно была нанесена ножницами. Но согласитесь, господин инквизитор, этого мало, чтобы обвинить человека.

— Вы никогда не ошибаетесь, госпожа Хризштайн? — едко спросил я. — Вы помните, что заявили, что колдун — непременно мужчина?

— Я и сейчас так думаю, — Лидия не собиралась сдаваться, просто удивительное упрямство и самонадеянность. Она подошла к плачущей модистке, подняла ее подбородок и заглянула в глаза. — Я не вижу ни малейших признаков безумия в Агнесс, так что, боюсь, здесь вы ошиблись...

— Нет, — покачал головой я, мне вдруг сделалось противно от того, что должно будет произойти дальше. — Агнесс, куда вы дели свою вышивку для нерожденного младенца Лиены?

Портниха удивленно подняла голову.

— Я не помню, тут наверное, где-нибудь...

— Правда? Вы такая аккуратная, у вас все разложено по местам, нитки, иголки, но вы не помните, где ваша вышивка? Как такое возможно?..

Лидия нахмурилась.

— Думаю, что госпожа Хризштайн, в отличии от вас, не отличается большой аккуратностью, иначе ей бы показалось странным это еще тогда...

— Что именно? — Лидия нетерпеливо меня перебила.

— То, что катушка ниток для вышивки, которую делали два месяца назад, валяется рядом, вместе с иглой. За столько времени не потрудиться убрать ее на место! Так что думаю, вышивка эта была на самом деле для несуществующего младенца Ивонны, и делали вы ее совсем недавно, незадолго до убийства, верно?

— Мы арестовывать будем или болтать? — раздраженно вмешался капитан Лунтико. — У меня служба закончилась, чего...

— Помолчите, капитан! — не менее раздраженно прервала его Лидия. Она выглядела уже не столь уверенной. — Даже если Агнесс и вышивала для каждой девушки, все равно это не доказательство. Она не колдунья! Говорю вам, колдун — мужчина!

Капитан медленно наливался румянцем от злости, поэтому я поторопился наконец закончить.

— Самое обидное, госпожа Хризштайн, что вы правы, — грустно сказал я, подошел к Агнесс и рывком дернул на ней лиф платья.

Она вскрикнула и прикрыла ладонями грудь, но я силой развел ей руки, демонстрируя накладной бюст.

— Мне интересно, господин Иптискайте, волосы у вас настоящие или парик? — следующим движением я дернул его за прическу, он противно заскулил от боли, а в моей руке оказался довольно искусный парик.

— Я не... Что вы творите, как можно! — Иптискайте зарыдал, закрывая руками лицо.

Лидия подошла к нему и успокаивающе похлопала его по плечу. Этот извращенец уткнулся лицом ей в юбку и зарыдал пуще прежнего.

— Ну-ну, не волнуйтесь, — Лидия смотрела на меня с довольно странным выражением, я тщетно пытался его разгадать. — Браво, господин инквизитор. Что же вас привело к такому выводу?

— Агнесс Иптискайте никогда не существовала. Зато был мальчик Николас, что убил свою беременную мать портновскими ножницами.

Новый взрыв рыданий был мне ответом.

— Его признали сумасшедшим и отправили лечиться. Но, к сожалению, так и не вылечили.

— Сколько ему тогда было? — спросила Лидия с отстраненным интересом.

— Восемь лет.

Она взерошила волосы этому мерзавцу и произнесла:

— Не волнуйтесь, Агнесс. Все будет хорошо.

Мне надоел этот нелепый фарс, поэтому я повторил обвинение, на сей раз в правильной формулировке.

— Николас Иптискайте, вы арестованы по подозрению в колдовском убийстве Лиены, Изабеллы и Ивонны. Уведите его.

— Вы так очаровательны в своем заблуждении, господин инквизитор, — сказала Лидия, ничуть не смутившись. Она подошла ко мне и взяла под руку, вытаскивая в коридор, следом за парой стражников, уводивших рыдающего колдуна. — Как думаете, кого ждала мать Николаса? Девочку или мальчика, а?

— Какая разница! — я попытался вырвать руку, но она крепко вцепилась в меня.

— Держу пари, что девочку. И даже имя заранее придумала. Сказать какое? Агнесс ведь чудесное имя для дочечки, не находите?

— К чему вы ведете? — я остановился, но Лидия упрямо продолжала тащить меня

вперед, следом за стражниками.

— К тому, что вы едва что-либо докажете. У него двоедушие. И поверьте мне, Агнесс действительно ни в чем не виновата. Эта душа понятия не имеет о том, что творил Николас. Возможно, у вас получится спровоцировать его появление, но... Вы ведь понятия не имеете об истинных мотивах, верно?

Мы оказались на улице, где стражники уже запихнули слабо упирающегося Николаса в экипаж.

— Я не думаю, что для душеведов из Академии это будет сложно, госпожа Хризшгайн! — Я вырвал наконец руку. — Просто имейте смелость признать наконец свою ошибку.

Лидия усмехнулась и снисходительно потрепала меня по плечу:

— Вы не поверите, господин инквизитор, но я буду рада узнать, что ошибалась. А если вдруг в который раз окажусь права, и у вас возникнут сложности с поддержанием обвинения, то вы знаете, куда обратиться за помощью, верно? Расценки на мои услуги вам также известны. Прощайте.

Она все-таки ухитрилась оставить за собой последнее слово и посеять сомнение в душе! Капитан Лунтико проводил ее недовольным взглядом, зло сплюнул на пол и сказал:

— Вот ведь заносчивая дрянь! Нос задирает, аж смотреть противно!

Впервые в жизни я был с ним согласен как никогда.

— Ничего, завтра с утра будет вскрыта могила матери Николаса. Я уверен, что мы обнаружим там подхороненные останки девушек. А это более чем убедительное доказательство!

Экипаж Лидии притормозил возле нас, она высунулась из окна и отпустила последнюю шпильку:

— Мне все покоя не дает, почему колдун стал убивать девушек только сейчас? Странно, не правда ли?

Я отпустил капитана вместе с арестованным. Мне необходимо было побыть наедине со своими мыслями, слишком суматошным был день. Солнце уже закатилось за горизонт, и легкий ветерок с моря приятно охлаждал разгоряченную кожу. Прохожих на набережной почти не было, и я позволил себе спуститься вниз по ступенькам, к воде. Снял пропыленную и заскорузлую от пота мантию, положил ее рядом, стянул сапоги, давая отдых усталым ногам. Сел на последнюю ступеньку и спустил ноги в воду, чувствуя себя мальчишкой. Слабые волны окатывали мои ступни, подбираясь к штанам, я подвернул их по колено, облокотился поудобнее и закрыл глаза, погружаясь в тихий ритм моря. Молитва привычно очистила разум, но тяжелые мысли никуда не делись. Завтра предстоит присутствовать при вскрытии могилы, и последние слова Лидии заставили меня предположить, что вероятно будут обнаружены останки не трех, а большего количества девушек. Возможно ли, что Николас действительно не помнит, что творил? Что у него двоедушие? Что он не притворился женщиной, а действительно воплощал в себе ее душу? Отец настоятель поведал историю семьи Иптискайте с поразительным равнодушием. Это произошло давно, более сорока лет назад. Николаса застали окровавленного над растерзанным телом собственной матери, на руках он качал мертворожденного младенца. Окровавленные ножницы валялись рядом. Мальчик причитал и плакал, кричал, что пытался спасти младенца. Его признали помешанным и поместили в церковную больницу. Я невольно задумался. Проверяя архивы, я

выбирал дела за последние пять лет, надо будет вернуться и уточнить подробности. Как получилось, что безумец оказался на свободе? Почему никто не забил тревогу, когда он поменял личность на женскую? Ведь фамилию оставил. Я не поинтересовался у церковника, какого пола был мертвый младенец, но точно помнил, что его останки были захоронены вместе с убитой матерью. Думается, Лидия в очередной раз окажется права в том, что это была девочка. Но все-таки она пропустила убийцу, который был прямо у нее под носом!

Я вспомнил, что завтра обещано прибытие в город главы ордена Пяти, и настроение стало еще хуже. Что он сделает в первую очередь? Кого начнет допрашивать? Как скоро дойдет до Лидии? В который раз пожалел, что связался с ней. Ведь понимал же, что не доведет до добра потакание ее выходкам. Да что уж теперь, поздно сокрушаться. Я поднялся и побрел домой, подавляя глупое желание раздеться и искупаться в море. Вид мокрого инквизитора на ночных улицах Кльечи явно не поспособствует и без того подмоченной репутации Святого Престола.

В доме я мимоходом подивился, что привратника нет на месте, он обычно сидел до последнего жильца, тщательно запирая дверь на ночь. Поднялся по лестнице, вставил ключ в замок и неожиданно понял, что моя дверь не закрыта, хотя я точно помнил, что запираю за собой... Услышав тихий шорох за спиной, успел схватиться за эфес клинка, но тяжелый удар по голове накрыл мое сознание холодной тьмой...

Глава 7. Хризостола

Я так и не смогла уснуть этой ночью. Дурное предчувствие душило меня, я бродила мрачной тенью по дому, слушала ночные шорохи, дыхание мерно спящих домочадцев и думала, думала, думала...

Красавчик едва ли блефовал, когда грозил приездом в город главы ордена Пяти. Впрочем, чего-то подобного стоило ожидать, но я и помыслить не могла о такой быстрой реакции. Вся трудность была в том, что Завета у меня действительно не было. Да, я сглупила, на тот момент это казалось единственным разумным решением, но не могла же я обнаружить собственную ошибку перед инквизитором. Поэтому после ухода красавчика я отправилась догонять Отшельника, чтобы просить его сообщать, если в городе появится церковник высокого сана, но заметила, что за мной по пятам, даже не таясь, следуют двое послушников. Интересно, отец Валуа приставил их только ко мне? Пришлось на ходу менять планы, я зашла в лавку готового платья и попросила мальчишку- посыльного отнести записку для Отшельника.

А теперь еще этот глупый арест колдуна. Нет, надо отдать должное красавчику, он догадался про орудие убийства и даже попал в точку с личностью убийцы, но он даже не понимает, просто не видит всей картины. А самое печальное, что даже не пытается взглянуть, хотя я дала ему всю информацию. Почти всю.

Утро застало меня в гостиной, где я сидела на полу, сосредоточенно кромсая ножницами стяннутую со стола скатерть. Пиона, что завела моду подниматься ни свет ни заря, увидела меня и всплеснула руками.

— Госпожа, что же вы делаете? Пойдемте умываться.

Она уже стала привыкать к моим причудам, поэтому просто забрала у меня ножницы и потащила в ванну.

В девять пришел Отшельник. Спокойно глядя на мое побелевшее лицо, он сказал:

— Вы просили сообщать обо всех церковниках.

— Глава ордена прибыл в город? — упавшим голосом спросила я.

— Нет, насколько мне известно. Я про инквизитора.

— Что с ним?

— Мой человек сопровождал его до дома, но с утра обнаружилось, что его там нет. Дверь открыта настежь, привратник ничего не помнит, вещи собраны, как если бы хозяин собирался в спешке. Соглядатаю пришлось уйти, поскольку на место прибыл отец Валуа и несколько послушников.

— Какого демона! — я вскочила с кресла и заметалась по кабинету. — Он точно не мог уехать! Инквизитор как раз произвел арест и наверняка бы не бросил дело. Что остальные церковники?

— Кардинал резиденции не покидал, но отец Бульвайс приходил к нему с обыском.

Мне было совсем не смешно, но я зло хохотнула.

— А сегодня с утра отец Бульвайс отправился в заброшенные доки. Вместе с мелким церковным служкой.

Я похолодела. Отшельник никогда не делал самостоятельных выводов, но факты

сообщал очень последовательно.

— Инквизитор у них?

— Думаю, да.

— Мне надо знать точно! — прикрикнула я на него и тут же пожалела. — Прости меня, слишком многое на кону.

Отшельник кивнул, принимая извинения.

— Я узнаю. Будут ли распоряжения?..

— Да, — демон, красавчик, ну почему же ты притягиваешь неприятности, словно дерьмо мух? — Если инквизитор обнаружится там, то поставь двух, нет, лучше четырех головорезов, пусть наблюдают, но не вмешиваются. Но если...

Я на секунду заколебалась, слишком дорогая цена получается, стоит ли его красивая мордашка таких жертв?

— Но если вдруг его жизни будет грозить опасность, пусть вмешаются. Под благовидным предлогом, претензии на территорию или... сам придумаешь.

— Понял. Еще Франц Малко нанял новых головорезов.

— Сколько? — упрямый мерзавец, я его предупредила, но видно нет предела человеческой жадности и глупости.

— Тридцать золотых.

— Положи вдвое больше, и пусть они решат вопрос с ним раз и навсегда.

Отшельник невозмутимо кивнул.

— Сделаем. Скупщик Крамец болтает на счет камней, похожих на те, что были украдены из дома бургомистра.

Я задумалась, сдается мне, что Отшельник уже понял, кто прячется за кличкой Серого Ангела. Преданность — такая эфемерная вещь, которую очень сложно заслужить, поэтому обычно я ее покупала. Однако сейчас сомневалась. В Отшельнике была еще одна особенность, которая мне импонировала — он редко лгал заказчику, обычно просто умалчивая о неудобных вещах. Но на прямой вопрос отвечал правду.

— Отшельник, тебе кто-нибудь платит больше меня?

— Нет, — покачал он головой. — Не волнуйтесь, госпожа, если кто-нибудь предложит мне больше, я вам сообщу.

— С чего вдруг?

— С вами интересно работать. Много нового узнаешь. Что-нибудь еще?

Сомнительный комплимент, но едва ли он лжет.

— Больше не появляйся здесь. Два послушника так и торчат возле дома?

Отшельник позволил себе слабую улыбку.

— Обижаете, госпожа. Кто ж меня запомнит.

— Все равно, не рискуй.

Отшельник ушел, оставив после себя еще больше вопросов.

Совершенно очевидно, что кардинал также испугался приезда главы ордена Пяти и решил пойти ва-банк. Он-то точно знал, что Завет у инквизитора, вот и решил сымитировать его побег, как явное признание вины, чтобы беспрепятственно похитить и узнать, куда он дел апокриф. Потом очевидно, тело инквизитора обнаружат в какой-нибудь канаве, а за пазухой у него найдется злосчастный манускрипт. Я вздохнула. В плане кардинала было всего одно слабое место — инквизитор не знает, где Завет. Что будет делать кардинал? Пытать его? Расколется ли красавчик, укажет на меня? Такую возможность тоже исключать

нельзя.

— Хриз? — я вздрогнула, Антон зашел бесшумно в кабинет, принес молоко. — Выпей. Что опять случилось? На тебе лица нет.

— Инквизитора похитили, — я горько усмехнулась.

— Это из-за того документа? — Антон поставил стакан и присел напротив. — Просто верни его, не лезь еще больше в петлю.

— Я не могу, Антон! Правда, не могу.

Мальчик горестно покачал головой.

— Ну правда, у меня его нет!

Он тяжело вздохнул.

— Ты подумай, Хриз. Если твоего инквизитора убьют, что тогда будешь делать? Опять будешь спрашивать, реальна ли его мара? Сколько их уже у тебя? Три или четыре?

Я содрогнулась от мысли, что мара инквизитора будет приходиться ко мне, вещать проповеди о благочестии, занудствовать о грехах и ныть о прощении. И при этом еще наверняка принимать соблазнительные позы и строить глазки, слишком хорошо я знала подлые выверты своего разума! Только не это!

— Его не убьют, — успокоила я скорей себя, чем брата, отпивая глоток противно теплого молока с медом.

— Тебя ждет внизу отец Георг. Думаю, как раз по сему поводу.

Отец Георг аккуратно прикрыл за собой дверь кабинета и тяжело опустился на предложенное кресло. Он вызывал у меня смешанные чувства. Определенно не безумен, но было в нем что-то лицемерное. Если патетика благочестия инквизитора казалась естественной в силу его наивности и молодости, то когда убеленный сединами старец начинает вещать подобные глупости, всегда берет злость. Однако, помня про слишком теплые чувства красавчика к своему наставнику, я постаралась нацепить на лицо вежливую маску.

— Что вас привело, святой отец?

— Сегодня с утра обнаружилось исчезновение инквизитора. Отец Валуа думает, что он сбежал из города, прихватив с собой... мм... кое-что ценное.

— И что же он мог украсть?

Отец Георг взглянул на меня пронзительными синими глазами, ясность которых поразительно контрастировала с его немощным видом.

— Я верю своему ученику. Он никак не мог сбежать, а тем более пойти на воровство. Я боюсь, с Кысеем что-то случилось. Поэтому прошу вас, найдите его.

— Вот как? — протянула я, раздумывая над сложившейся ситуацией. Отец Георг нравился мне все меньше и меньше. Трогательная забота об ученике и полное доверие к нему похвальны, но почему же я так злюсь?.. — Что ж, вы пришли по адресу. Это ведь как раз то, чем я занимаюсь. Двести золотых — и я найду вам господина Тиффано.

Старик нахмурился и покачал головой.

— У меня нет таких денег.

— Тогда извините, задаром я не работаю, — я встала, показывая, что разговор окончен.

— Но вы же работали вместе с ним! — церковник не собирался сдаваться. — Он спас вас тогда в подвале колдуньи!! Вы так просто бросите его в беде? Кысей же нравится вам, неужели вы равнодушно останетесь в стороне?

Проницательный какой, демон его раздери. Я покачала головой.

— К сожалению, Кысей отверг меня. Отец Георг, вы же знаете, что нет худшего оскорбления для женщины...

Старик торопливо прервал меня.

— Он ни в коем случае не хотел вас обидеть. Просто его жизнь принадлежит Единому, и никогда не сможет принадлежать ни одной из женщин, вы должны понять.

— Так вот пусть Единый и позаботится о своем верном слуге! — зло ответила я, чувствуя, как привычно закипает разум от всех этих церковных бредней. — А я не собираюсь тратить на это время. Всего хорошего, отец Георг. У меня дела.

Священник выпрямился в полный рост, тяжело опираясь на палку.

— Единый видит, я не хотел к этому прибегать, но видно придется. Если с Кысеем что-нибудь случится, я сообщу. Сообщу о вашем психическом нездоровье, госпожа Хризштайн.

Я изумленно уставилась на старика. Даже церковник из хваленого ордена Пяти не заметил моего безумия, а простой старикашка из провинциального захолустного городка узрел помешательство? Мы и не общались практически, так откуда?

— Мальчик пожалел вас, не стал сообщать о вашем сумасшествии, но теперь...

— То есть вы просите помешанную вроде меня спасти вашего мальчика? — я чувствовала, что еще немного, и вцеплюсь ему в лицо. — Почему же вы не обратились за помощью к отцу Валуа, епископу? Как вы там любите говорить? Вся мощь Святого Престола за вашей спиной?

— Церковники такие же люди, как и все. Они могут ошибаться, а их заблуждения могут стоить жизни Кысею. Я пойду, госпожа Хризштайн. Надеюсь на ваше благоразумие, как бы странно это не звучало.

Отец Георг развернулся и заковылял к выходу, а я, повинувшись мимолетной догадке, окликнула его и бросила ему яблоко со стола. Реакция священника была удивительно быстрой, он поймал спелый фрукт, но ничего не сказал, просто сокрушенно покачал головой и ушел. Мерзкий лицемер, зачем же изображаешь свою немощь, если совсем еще не растерял сноровки? Чтобы вызвать у меня жалость?

Я спустилась вниз, едва сдерживая готовую сорваться по любому поводу злость. Почему все, что я бы не задумала, идет наперекосяк? Как говорил в таких случаях атаман, если что-то может пойти не так, то оно не просто пойдет, а еще прихватит с собой друзей. Так и сейчас, глупое вмешательство в церковные дела оборачивалось целым ворохом неприятностей, одна другой краше. Самое обидное было то, что именно сейчас, когда Святой Престол стоял на ушах из-за исчезновения Завета, можно было назначить судебное заседание по делу наследования и не опасаться вмешательства церковников!

Антон упросил меня вновь открыть пекарню для посетителей, и теперь Мартен с отцом, пусть с опозданием, но раскладывали сладкий товар, привечая одиноких посетителей. Пиона помогала им, вынося готовую выпечку из подвала. Сейчас она шла, сосредоточенно глядя в пол и держа на вытянутых руках поднос с нежными сдобными булочками. За прошедшие дни эта дура так и не сблизилась с Марتنем, еще одна проблема на мою голову. И ведь понимала же я, что ничего путного из этой затеи не выйдет, но все равно уперлась! Она даже глаз на Мартен не поднимет, помощи не попросит, глазками не стрельнет! Идиотка! Я со злости двинулась ей навстречу и, проходя мимо, поставила подножку. Пиона запнулась и полетела прямо на Мартена, что вытирал прилавок. Булочки разлетелись, собирая румяными

боками пыль с пола, а Пиона оказалась в объятиях юноши. Я не дала ей опомниться и тут же заорала на нее:

— Корова неуклюжая! Ты посмотри, что ты наделала! Ты хоть что-нибудь можешь сделать нормально!

Пиона ошарашено смотрела на меня, даже не замечая своей близости к Мартену.

— Госпожа Лидия, зачем вы так? Я же случайно, я...

— У тебя все случайно! Мартен, простите мою глупую племянницу.

Юноша был не менее ошеломлен, поэтому выговорил:

— Н-н-ничего страшного, я в-в-все уберу...

— Ну уже нет, Пиона! — девушка вздрогнула от моего окрика и отодвинулась от Мартена. — Живо поднялась и все убрала! Куда такой идиотке в Академию поступать, только деньги на ветер! Завтра обратно в свою глухомань отправишься.

Я выразительно посмотрела на Пиону, которая мгновенно побледнела, у нее задрожали губы, глаза наполнились слезами. Ну наконец-то, пусть утешает. Я развернулась и отправилась проветриться.

В лавке готового платья меня уже ждала записка от Отшельника, гласившая, что рулон себярского шелка доставлен на склад, как и просили. Меня позабавило сравнение инквизитора с нежным шелком, оказывается, Отшельник не лишен чувства юмора. Стало легче, потому что теперь я представляла планы противника, хотя совершенно не представляла, как выкрутиться из данной ситуации. Купила пару тонких рубашек для Антона, чтобы оправдать свой визит в лавку. Бледные лица послушников, маячившие в глубине помещения, выглядели растерянными, бедняги явно не знали, как себя вести. И хотя я понимала, что они всего лишь следуют приказу, все равно не смогла удержаться. Подошла к ним и доверительным шепотом спросила:

— За мной к поверенному пойдете или сразу возле дома подождете?

Поверенный сообщил, что судебное заседание назначено на завтра, раньше никак не получилось. Завтра же и Завет окажется в нужном месте, но как потянуть время? По дороге домой я не прекращала искать решение, ломая голову, как отвлечь отца Бульвайса и иже с ним. Как связать концы всех нитей в один узор. Как сделать так, чтобы у самого пристального наблюдателя не возникло сомнения в правдивости истории. Решение, как всегда, пришло неожиданно, такое элегантное в своей простоте и не менее очевидное. Я улыбнулась и ускорила шаг, с умилением наблюдая в стеклянном отражении скобяной лавки унылых послушников, бредущих за мной.

Мартен перехватил меня сразу на лестнице, стоило лишь подняться к себе в кабинет. Я торопилась быстрее написать послание и отправить по адресу, поэтому досадливо отмахнулась от него.

— Мартен, давайте позже, я сейчас занята!

— Г-г-госпожа Лидия! П-п-прошу вас, не гневайтесь на П-п-пиону!

Я кивнула ему зайти в кабинет, в уме составляя строчки письма. Это должно озадачить отца Бульвайса в достаточной мере, чтобы он на какое-то время оставил в покое инквизитора.

— Мартен, разве я вмешиваюсь в ваши семейные дела?

Парень удивленно застыл.

— Н-н-нет, но...

— Надеюсь, вы также не станете указывать мне, как вести себя с моей племянницей.

Эта глупая уродина ни на что не способна. Пусть возвращается в свою деревню...

— Она не такая! — Мартен даже не заикался, надо же...

— Не такая? Она не глупая? Или она не уродина? — я взяла перо и придвинула себе чистый лист бумаги.

Мартен теперь очевидно смутился, но сдаваться не собирался.

— Да она же н-н-настоящая красавица! П-п-пиона помогала...

Нет, невозможно сосредоточиться, когда он стоит над душой и раздражает своим заиканием!

— Мне приятно, что вы считаете мою племянницу красавицей, Мартен. Как говорится, на вкус и цвет... Однако для учебы в Академии смазливой мордашки маловато, не считаете? — я махнула рукой, пресекая дальнейшие возражения. — Довольно. Она завтра же отправится домой. Идите.

— Она же грам-м-моте обучена! П-п-почему вы считаете ее...

— Мартен, — я устало вздохнула. — Простым трюкам и собаку можно обучить, но разве сможет она учиться и диплом получить. Пиона ни на что не способна, кроме как задницей крутить...

Демон, на самом деле она даже на это не способна!

— Поэтому... — я сделала вид, что задумалась. — Пожалуй, стоит ее выдать замуж. Да. Хотя кто ж такую дуру то возьмет?..

Мартен сглотнул тяжело и неуверенно переспросил:

— Замуж? Н-н-но ведь...

— Кажется, мясник недавно овдовел? Как думаете, если приличное приданое за ней положить, возьмет?

— Да он же с-с-старик! — заволновался парень. — А П-п-пиона...

Кошачий демон, как же с ним сложно говорить! Как выматывает его заикание!

— И что? Когда и кому это мешало? Идите, Мартен! — я практически силком выпроводила его из кабинета и вернулась к сочинительству.

С посланием я отправила Тень, строго наказав вручить лично в руки отцу Бульвайсу. В обтекаемых формулировках сообщалось, что мне известно местонахождение утерянной церковной собственности, и что я готова совершить взаимовыгодную сделку, обменяв информацию на господина инквизитора, живого и невредимого. Во втором послании я уведомляла вояга Хмельницкого про досадный инцидент с произволом церковников относительно благородной и пространными размышлениями на тему, кому выгодно такое внезапное исчезновение инквизитора, которому он благоволил. Последнее, третье послание было адресовано капитану Лунтико, где просто и незатейливо сообщалось, что завтра в старых доках будет схвачен настоящий убийца, и что я позволю капитану и инквизитору в виде особой милости присутствовать при этом. Наживки приготовлены и заброшены, осталось ждать. Разобравшись с делами, я пришла почти в хорошее расположение духа и соизволила позвать Пиону.

Лицо девушки было опухшим, она явно плакала. Я недовольно покачала головой, она снова вырядилась в мое старое платье, отвратно сидевшее на ней, несмотря на все

ухищрения. Это при том, что для нее было куплено несколько новых.

— Почему опять вырядилась в тряпье? — спросила я Пиону, подзывая к себе повелительным жестом.

— Какая разница, в каком виде возвращаться в бордель, — дерзко ответила девушка.

— Смотри, как заговорила. А что я, по-твоему, должна предпринять? Какой мне от тебя толк? Ты даже в служанки не годишься. Неуклюжая, нерасторопная, глупая...

— Госпожа, но вы же намеренно поставили мне подножку! — возмущенно воскликнула Пиона.

— И что с того? Это тебя оправдывает? Кажется, я тебя купила для вполне определенной цели, а ты ни на шаг к ней не приблизилась.

Девушка закусил губу и упрямо вскинула подбородок.

— Я не могу выйти замуж за Мартена!

— Конечно, не можешь. Он даже в твою сторону лишний раз не глянет, куда уж тут...

— Я не могу его обманывать! — это еще что за новости? — Он добрый и милый, а я...

— Розги захотела получить? — прищурилась я, едва сдерживая желание оттащить ее за волосы.

— А я... Чтобы вы не говорили, госпожа, но я уже не девица. Это будет нечестно по отношению к нему, он заслуживает честную и невинную девушку в жены, а не рабыню вроде меня...

Я уставилась на Пиону, размышляя, откуда у нее подобные глупости в голове, что виной тому, монастырское ли влияние, нелепые романы про вечную любовь или...

— Я очень надеюсь, Пиона, что ты не влюбилась в Мартена.

Пиона залилась румянцем, а я прислонила пылающий лоб к зеркалу и стала мерно стучаться об него. Дура, дура, дура! А чего я в сущности ожидала, заперев безвылазно в доме молодую глупую девчонку, чья голова забита романтическими бреднями из книжек, вместе с единственным подходящим ей по возрасту молодым человеком, пусть и не самым красивым.

— Ты просто идиотка! — и я не лучше. — Ты выйдешь за него замуж или...

Вся ирония ситуации заключалась в том, что сейчас мне даже пригрозить ей нечем. Если она втемяшила себе в голову, что недостойна своего возлюбленного, то любую кару примет как героиня любовного романа, жертвующая собой и непременно страдающая во имя настоящей любви.

— Какая ему разница, девица ты или нет! Это все предрассудки! — я попыталась зайти с другой стороны и воззвать к ее логике.

— Девушка должна подарить своему мужу невинность в день свадьбы, так всегда говорила матушка Еванесса, — тихо ответила Пиона, опустив голову. — Разве смею я посмотреть ему в глаза? Умру со стыда.

— Тебя только это смущает? Это дело поправимо.

— Да что вы такое говорите? — Пиона недоуменно посмотрела на меня, в ее глазах опять стояли слезы.

— Девственность твоя поправима. Кстати, очень сомневаюсь, что Мартен в силу своей неопытности способен заметить ее наличие или отсутствие. Но если уж хочешь быть уверенной, то можно ее восстановить.

Пиона смотрела на меня расширившимися от страха глазами.

— Госпожа, вы... Вам нехорошо? Антон предупреждал, что у вас иногда случается помрачение рассудка...

Я обошла ее кругом и взяла за плечи, зашептав на ухо.

— Со мной все в порядке. Видишь ли, в любом уважающем себя столичном борделе есть дежурная девственница. Сама понимаешь, за такой редкий товар клиент зачастую готов платить вдвое, а то и втрое дороже. Только вот где столько невинных девиц взять? Вот и выкручиваются, как могут. Помнится мне, в "Храме наслаждений" практиковалась такая хитрость. Девка проходила сложную процедуру: полное воздержание в течение некоторого времени, ну с этим у тебя сложностей не будет. Потом ее... мм... лоно обрабатывалось специальным стягивающим кремом из... Дай бог памяти, да, из белого вазелина, розового экстракта и лосьона хинной настойки. Заказать хинную настойку не составит сложностей, сама понимаешь. После этого принимаешь уксусную ванну, и через несколько дней у тебя снова появляется девственная плева!

Лицо Пионы исказилось от отвращения.

— Это мерзко!

— Ну милочка, на что не пойдешь ради любви, верно? — я похлопала ее по плечу, но она скинула мою руку и выпалила:

— Это гнусно, я не буду обманывать Мартена! Все тайное рано или поздно станет явным, и эта ложь тоже. Он не заслуживает такого!

— Не заслуживает? — я задумалась над открывающимися возможностями.

— Нет!

— Жаль. Поскольку его пекарня вся в долгах, сам он заниматься делом не хочет, а старик Иволги сильно сдал в последнее время, видно придется отказать им в аренде и потребовать назад плату. Даже затрудняюсь решить, чего больше не заслуживает Мартен: порченной ли девицы в жены или долговой ямы? Отправитесь оба в бордель. Хотя нет, не возьмут его в бордель, лицом не вышел, в охранники тоже, значит, на рудники ему дорога.

Пиона смотрела на меня расширившимися от ужаса глазами, на ее лице отражалась мучительная работа мысли, а я в этот миг остро пожалела, что не прочитала хотя бы десятка другого любовных романов, чтобы знать, как положено вести себя их героине в подобные моменты.

— Ступай и подумай над моими словами. Мне убытки не нужны. Ни от тебя, ни от Мартена.

— А как поможет пекарне мое замужество за Мартеном? — наконец сделала правильный логический вывод Пиона. Молодец, начинает думать головой.

— Милочка, ты же сама мне тут пищала, какая ты замечательная хозяйка. Готовить умеешь? С пекарней справиться сможешь? А самое главное, выбить из головы Мартена всю эту дурь про полеты во сне и наяву!

— Я могу помогать в пекарне и так, без замужества.

Я покачала головой, потом прижала ладонь в своему горящему лбу и мимолетом подумала, что это уже не смешно.

— Меня не устраивают полумеры, Пиона. Разговор окончен, ступай к себе.

Надо предупредить Антона, чтобы не сболтнул лишнего.

— Хриз, я не понимаю, зачем тебе весь этот спектакль? — мальчик смотрел на меня с подозрением. — Что ты опять задумала?

— Антон, я собираюсь выдать Пиону замуж за Мартена, поэтому...

— Что? — он перебил меня удивленно. — Я думал, ты просто ей помогаешь...

— Я никогда ничего не делаю просто так, — отрезала я недовольно. — Поэтому...

— А ты их спросила? Они хотят пожениться?

Я раздраженно фыркнула.

— Кто их будет спрашивать. Ты должен...

— Хриз! Ну нельзя же так! Ты не можешь решать за других. Ты забыла? Ты больше не вояжна, а они не твои подданные, чьими жизнями ты можешь распоряжаться.

— Могу и буду! И хватить меня перебивать. Я собираюсь...

Антон упрямо встряхнул головой.

— За меня ты тоже все решила? Что делать, на ком жениться?

Демон, я только сейчас внезапно осознала, что Антон уже не тот маленький мальчик с полными ужасами глазами из подвала колдуна, что он не просто вырос, а мне действительно скоро придется искать ему жену... С трудом проглотила некстати образовавшийся ком в горле и сказала:

— Ты прав, прости. Я обещала Мари позаботиться о тебе, а даже грамоте не смогла обучить.

— Мне не нужна грамота! От чтения голова болит.

— Но тебе надо будет... Тебе придется самостоятельно о себе заботиться, когда меня не станет. Поэтому нужно обучиться ремеслу, лавку открыть или мастерскую. Я подумала, Кльечи не такой уж плохой город, поэтому останешься здесь. Как получу наследство, так сразу и уеду, но прежде, ты прав, надо будет тебя еще и женить...

— Все решила, да? — Антон смотрел на меня исподлобья.

— Но я позволю тебе самому выбрать ремесло, честно. И жену, — уже несколько неуверенно протянула я, раздумывая над вариантами.

Мальчик сел в кресло, взгляд его синих глаз стал безжизненным.

— Я совсем не помню сестру. Помню подвал, помню колдуна, а ее не помню, совсем. Какая она была?

— Мари... ее сложно описать. Она никогда не сдавалась, словно вообще не знала отчаяния. У тебя такие же чудесные синие глаза, как у нее. — Я помедлила, потом сказала. — Я помню ее так хорошо, что иногда не понимаю, почему в марах она никогда ко мне не приходит. А знаешь, я попрошу Тень, и она нарисует ее портрет, хочешь?

— Нет, не хочу. — Антон поднялся и добавил. — Теперь ты моя сестра, поэтому куда бы ты не отправилась, я поеду с тобой. И прошу тебя, не решай за меня, ладно?

Утро принесло сразу две новости, плохую и хорошую. Отшельник предупреждал в записке, что инквизитор очень плох. А соглядатай сообщил, что почта доставлена адресату. И невероятное везение, отец Бульвайс самолично ее получил по пути в доки и даже не удосужился распечатать, так спешил. Поэтому и мне стоит поторопиться, чтобы не спугнуть удачу. И неплохо бы захватить грибного эликсира, на всякий случай. Не хочу потерять красавчика. По дороге к епископу я имела удовольствие наблюдать за своей тайной свитой из все тех же послушников, к которым добавились еще три головореза, очевидно посланные отцом Бульвайсом. То-то будет их удивление, когда я вместе с епископом заявлюсь в доки...

Я ворвалась к епископу в кабинет и сразу с порога, не давая ему очнуться, начала атаку:

— Ваше святейшество, умоляю, только вы можете помочь! Инквизитор только вам и доверяет. С ним случилась беда, скорее, прошу вас! От вас зависит будущее Святого

Престола!

Я подхватила растерявшегося церковника под руку и потащила к выходу, не переставая говорить и не давая ему вставить ни слова, однако подстраивая свое дыхание под его учатившееся.

— Инквизитор мне так и сказал, если что случится, беги к его святейшеству, он поможет. Это все происки кардинала!

Епископ очнулся только, когда я его подтащила к экипажу. Он вырвал руку и спросил, нервно теребя в руках платок:

— Да что же случилось? Вы можете объяснить?..

— Объясню, все объясню, по дороге, умоляю вас! Садитесь же скорей! — я сорвала алую шаль с плеч, призванную удержать его внимание, и начала также нервно комкать ее в руках, зеркаля его поведение. Взгляд епископа слегка дернулся, затуманился, и я поймала наконец момент. Взяла его за правую руку и зашептала:

— Мы поедem спасти инквизитора. Отец Бульвайс удерживает его по приказу кардинала Ветре. Вы готовы?

— Да, — глаза епископа были стеклянные. Отлично, главное не выпустить его из транса.

Глава 8. Инквизитор Тиффано

Я очнулся от холодной морской воды, бесцеремонно выплеснутой мне в лицо. Ныли крепко связанные в запястьях руки, во рту был горький привкус крови. Я находился в корабельном доке, очевидно заброшенном, на грани слышимости ощущался рокот волн, лениво бьющихся в крест-канале. Меня грубо схватили за волосы, задрали голову, в лицо дохнуло отвратительным перегаром.

— Очнулся, ублюдок? — помятая рожа ухмыльнулась и сплюнула на пол окурков.

— Кто вы такие? — язык еле ворочался, немилосердно ныл затылок. — Что вам надо?

Вместо ответа я получил сильный удар в подреберье, от которого перехватило дыхание.

— Узнаешь скоро, — головорез уселся на ящик и закурил новую сигарету. Его подельники резались в карты.

Я потерял чувство времени, но солнечные лучи, робко пробивающиеся сквозь балочные перекрытия высоко над головой, подсказали, что наступил рассвет. Понятно, что головорезы делают, что им приказано, и не имеет особого смысла пытаться у них что-либо узнать. Надо ждать, когда явится заказчик. Неужели кардинал опустил настолько, чтобы связаться с таким отребьем? Попытался шевельнуть пальцами, они онемели и плохо слушались. Веревка, стягивающая запястья, была перекинута через верхнюю балку и закреплена внизу на металлическом кольце для корабельных канатов. Доки затоплены и давно не используются, металл проржавел, краска с досок облупилась, значит, нет надежды, что сюда кто-нибудь забредет, разве что случайно. Я попробовал дернуть веревку, испытывая ее на прочность, но громила мгновенно ощерился.

— Сиди тихо, сучонок! — сильный удар в лицо, и меня снова накрыла тьма.

— ...Пришел в себя? — знакомый голос. Отец Бульвайс участливо заглянул мне в глаза. — Не затягивайте, господин инквизитор. Скажете, где Завет, и обещаю, что больно не будет.

— Ваше усердие... похвально, — говорить было трудно, мешала разбитая губа. — Но не думаю, что будет оценено.

— Геройствовать вздумали? — отец Бульвайс кивнул, и громила подошел ко мне, играя кинжалом. — Думаете, вас искать будут? Время тянете? Не стоит, право, не стоит.

Громила вонзил нож мне в плечо, странное дело, боли не было, но потом он провернул лезвие, и я сцепил зубы, чтобы не застонать.

— Вас не будут искать, господин инквизитор. Для всех вы сбежали из города из-за страха быть пойманным, вместе с Заветом. Понимаете?

— Даже если бы знал, не сказал бы, — руку я перестал чувствовать.

— Он был у тебя в комнате, ты не можешь не знать, — прорычал церковник, брызгая мне в лицо слюной. — Говори, и умрешь быстро. Иначе будешь подыхать долго и мучительно.

— Пока будете искать Завет, орден Пяти доберется до вас, так или иначе, — на мои слова громила дернул за веревку, и меня потащило вверх, немилосердно выворачивая руки в суставах.

— Развлекайтесь с ним, пока не скажет, где документ. Загляну после обеда, не скучайте.

Громила закрепил канат в новом положении, небрежно оттер лезвие кинжала о мою рубашку, сплюнул еще один окурок, неторопливо закурил новую сигарету и приступил.

Я снова очнулся от ядовито-соленой морской воды, которой меня окатил громила. Она безжалостно разьедала многочисленные порезы, которыми были исполосованы руки и грудь. Подо мной уже образовалась кровавая лужа, медленно расширяясь от кровотечений из новых ран. Головорез иногда делал перерывы, закуривая новую сигарету, старую либо сплевывал на пол, либо тушил об меня. Он не забывал задать дежурный вопрос про Завет, и каждый раз ответом ему было молчание. Сознание туманилось, кровавая пелена застилала глаза, казалось, прошла целая вечность. Я ждал момента, понимая, что попытка у меня будет всего лишь одна. В случае неудачи останусь здесь навсегда. Искать меня действительно никто не будет, все с легкостью поверят в удобную версию. Все, кроме Лидии, подумать только, какая ирония. Что она предпримет? Да и будет ли вообще действовать? Не факт, что ей известно о моем исчезновении. Так что стоит рассчитывать только на себя.

Громила вспотел и подустал кромсать меня кинжалом, хотя поначалу я видел в его глазах искреннее удовольствие от причиняемой другому боли. Таким типам нравилось чувствовать страдание и страх в глазах жертвы, но у меня бандит не вызывал ничего, кроме отвращения и жалости. Страх не было, страх смерти ушел давно, еще в Асаде. Сейчас осталось лишь острое сожаление о том, что все закончится так глупо, а виновные останутся не наказаны. А еще опасения о дальнейшей судьбе Завета и возможных последствиях, если Лидия надумает воспользоваться им в корыстных целях.

Сознание опасно туманилось, меня начал донимать озноб, видно слишком много крови потерял. К счастью, громила решил сделать перерыв, он приспустил веревку, и я рухнул на каменный пол. Пока он накачивался дешевым виски, я скрючился и попытался подтянуть ноги, чтобы ослабить на них веревку.

Время замерло.

Он делает шаг в мою сторону и отшвыривает пустую бутылку, ее позвякивание разносится гулким эхо, чтобы утонуть в темной воде канала. Кинжал в правой руке опасен, и я дожидаюсь, когда он приблизится ко мне достаточно, чтобы одним резким движением подхватиться на ноги и протаранить его в живот, сминая и вдавливая не ожидавшего нападения громилу в стену. Он рычит от ярости и пытается ударить ножом, но связанными руками я выбиваю у него оружие, оно падает на пол. Бросаюсь за ним, группируюсь и защищаясь от ударов озверевшего противника. Успеваю зажать в онемевших пальцах рукоять кинжала и нанести удар по его ноге, подрезав сухожилие. Громила вопит от боли и злости, но я понимаю, что проиграл, потому что веревка натягивается, я теряю равновесие, беспомощно повиснув на ней. Подельники громилы подпевают вовремя, затянув канат и выведя меня из боя. Головорез хватает выпавший кинжал и начинает озверело кромсать меня, один из его ударов попадает в живот. Острая боль в правом боку пронзает меня, словно обжигающе горячая вода наполняет тело, я малодушно закрываю глаза, проваливаясь в темноту. Один из бандитов что-то вопит.

Время закончилось.

— Живым он нужен, придурок! — сквозь пелену боли пробивался голос отца Бульвайса. — Приведи его в чувство.

Не хочу открывать глаза. Не буду. Но меня заставили, опять облив водой и встряхнув

оплеухой.

— Господин инквизитор, даю вам последний шанс.

— Идите... к демону в задницу... — я еле ворочал языком.

Он встряхнул у меня перед лицом письмом.

— В таком случае придется взяться за вашу подружку. Девицу Хризштайн.

Тревога пробилась сквозь оцепенение боли. Если они доберутся до Лидии, будет плохо, очень плохо.

— Вам это... не поможет. Она...под покровительством... вояга.

— А мне плевать. Или ты говоришь, где Завет, или я посылаю за ней своих ребят.

— Я... не знаю, где он, — выдохнул я, безнадежно понимая, что не смогу его остановить.

— Господин, давайте я его... — громила смотрел на меня с такой ненавистью, что я понял, что до утра не доживу.

— Он мне нужен живым. Эта стерва готова обменять его на Завет. Если она конечно вообще знает, где документ. Она знает, господин инквизитор?

Только не это! Лидия ведь не собирается в самом деле отдать его? Громила тыкнул в меня пальцем:

— До завтра может подохнуть...

Я скосил глаза вниз и увидел, что рана на правом боку глубокая, в ней хлюпала мерными толчками темная кровь.

— Ну так перевяжи его, не хочу рисковать!

Один из подельников оторвал от валяющейся на полу мантии кусок ткани, свернул его и грубо заткнул рану, унимая кровотечение. Кажется, задета печень.

Под утро у меня начался бред. Явь и кошмар воспоминаний сплелись в единое целое, и я снова увидел себя в Асаде. Видел горящие ненавистью глаза мятежников, их безумные измученные болезнью лица, чувствовал смрад горящих живой плотью костров и слышал леденящие душу крики и плач... Силуэт отца Бульвайса в моем сознании обрел лицо лидера мятежников, что стоял напротив меня в казематах захваченной тюрьмы. Он требовал, чтобы я отрекся от веры, чтобы признал преступления Святого Престола. В его перекошенном от ярости лице не было ни капли милосердия, но ему важно было заставить меня уступить. Жалкий безумец, он обвинял Святой Престол в гибели своей семьи во время эпидемии, в бездействии церковников, проклинал их и рыдал. Моя жалость к нему ярила его больше любого сопротивления, и я начал шептать молитву покаяния и прощения несчастной души, потерянной во мраке безумия.

— Прекрати! — заорал он. Зыбь кошмара дрогнула и расступилась, являя лицо отца Бульвайса...

— Говори, что задумала твоя полубовница! Зачем она все рассказала воягу?!?

— Увы, я не его полубовница, святой отец, — раздался насмешливый голос Лидии. Почему она преследует меня даже в предсмертном бреду, отчего не оставит в покое? Знакомый цветочный аромат ее духов перебил вонь горящей плоти, а ее слова звучали громче криков пытаемых, она неумолимо вытесняла кошмар, заменяя его на более страшную явь. Зачем она подставляется так глупо? Я застонал, однако следом услышал возмущенный вопль епископа:

— Да что же происходит? Объяснитесь, отец Бульвайс!

Я приоткрыл глаза и увидел смутные фигуры Лидии, епископа, городских стражников, что вязали головорезов, капитана Лунтико, угрожающе двинувшегося в сторону отца Бульвайса. Горько усмехнулся, понимая, что для меня уже все равно поздно, но по крайней мере преступники не уйдут от ответа. Лидия уставилась на меня, ее взгляд вдруг стал жестким и злым, она заорала:

— Он ранен! Скорей, помогите мне!

Попытался сказать ей, что она опоздала, но не смог выговорить ее дурацкую фамилию. Облик Лидии поплыл в мареве, я ощутил, как дрогнула перерезанная веревка. Лишившись опоры, рухнул беспомощно в ее объятия, и меня накрыла милосердная темнота.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Солнечный свет пробивался даже сквозь плотно сомкнутые веки. Кто-то бесцеремонно щелкнул меня по носу.

— Глаза открывайте, хватит уже изображать из себя спящего красавца! — этот голос будет преследовать меня даже после смерти. За что я так провинился, Единый? Почему ее пустили в больницу? Почему я не могу умереть спокойно?

Нехотя разлепил глаза, и разом пришло страшное осознание того, что я не в больнице и полностью раздет, а Лидия сидит на постели и разглядывает меня, склонив голову. Попытался подняться, но ее прохладная ладонь легла мне на лоб и легко удержала голову на подушке.

— Да лежите уже!

— Почему я не в больнице? Какого демона, почему раздет? Где Завет? — говорить было сложно, в горле пересохло, а страшная слабость не давала даже возможности подняться.

— Столько вопросов, господин инквизитор...

Она похоже и не думала мне отвечать, подтянула к себе поднос с остро пахнущей спиртовой настойкой, смочила в ней чистую тряпицу и принялась обрабатывать мои раны на лице. Всего лишь тонкая ткань накрывающей меня простыни отделяла мою наготу от Лидии, но ее это несколько не смущало.

— Вы, господин инквизитор, невероятный болван. Я тоже хотела бы задать вам пару вопросов. Почему вы позволили себя схватить? Я ведь вас предупреждала насчет отца Бульвайса и кардинала. Зачем полезли геройствовать? Возись теперь с вами.

Я отвернул голову к стене, понимая, что ответов не получу, но Лидия недовольно придержала меня.

— Раздеты, потому что то искромсанное тряпье, что было на вас, годится только на помойку. Хотя знаете? — она улыбнулась. — В вашем похищении есть приятная малость. Эта дурацкая мантия так изгваздана, что ее даже на помойку выкинуть стыдно. Надеюсь, вы не скоро закажете себе новую...

Она бесцеремонно откинула простынь с моей груди.

— Прекратите!

— Что прекратить? — удивленно спросила Лидия, взяв новую тряпицу и смачивая ее в спирту.

— Это все бесполезно. Зачем вы меня мучаете? У меня задета печень, я все равно умру. Оставьте в покое и позовите отца Георга, мне надо его видеть, — я попытался натянуть ткань обратно, но она равнодушно отвела мою руку.

— А лекарь, что осматривал, думает, что у вас всего лишь пара порезов, неглубокое

ранение по касательной мышц живота и большая кровопотеря. Он наложил швы. Но завтра вы сами будете иметь удовольствие оспорить его диагноз и выразить свое категорическое несогласие жить. А пока он предписал обработку ран и перевязку, мнительный вы мой!

Спиртовая настойка немилосердно жгла порезы, но Лидия даже глазом не повела. Поразительное равнодушие к чужой боли!

— Почему тогда я не в больнице? Где Завет? Что вы с ним сделали?

— Вообще-то, я вам жизнь спасла, господин инквизитор. И будьте уверены, потребую должок обратно, — она провела пальцем у меня по груди, повторяя контур священной татуировки, и я мгновенно покраснел, понимая, что полностью во власти безумицы. — О, у вас не всю кровь выпустили, раз еще можете краснеть?

Лидия взяла ножницы и откинула ткань еще ниже, живот неприятно охладил поток воздуха.

— Остановитесь! Вы не можете... Пусть перевязку сделает кто-нибудь другой, слышите?

Она на секунду замерла, потом покачала головой и начала разрезать старую повязку.

— Вы всерьез считаете, что я не видела голых мужчин ранее? Или думаете, что могу увидеть у вас что-то новое? — насмешка в ее голосе обжигала щеки.

Я закусил губу и отвернулся к стене, понимая, что спорить с ней бесполезно и унижительно. Я у нее в плену, и моя свобода ограничена не четырьмя стенами, а немощью собственного тела. Почему церковники так просто позволили ей забрать меня? Ведь если я под подозрением, и Завет все еще не найден, то отцу Валуа выгодно держать меня в больнице под присмотром. Или же?.. Лидия уже сняла старую повязку и теперь накладывала новую с пахнущей календулой мазью. Она фиксировала повязку, обматывая ее вокруг туловища с поразительным хладнокровием, словно делала это каждый день. Ее распущенные волосы щекотали мне кожу, близость Лидии вызывала странные ощущения. Я злился на нее, мечтая оказаться где угодно, лишь бы подальше отсюда, да хоть бы опять вернуться в доки, но тело предательски реагировало на ее прикосновения, словно пытаюсь компенсировать смертельный ужас пережитого. В комнате было невероятно душно, мои щеки пылали, а разум отказывался трезво мыслить.

Она закончила делать перевязку, небрежно накинула на меня простыню и встала, собираясь уйти. Я высвободил руку и успел перехватить ее запястье, останавливая. Моя хватка была настолько слаба, что просто дерни она рукой, и пальцы бы соскользнули с ее гладкой кожи, но она не сделала этого.

— Вам так нравится издеваться? Где Завет? — я смотрел ей в глаза. Она легко улыбнулась, взглянула вниз, на мою руку, удерживающую ее, и вдруг сомкнула наши ладони, переплетая пальцы. От неожиданности попытался убрать руку, но она удержала захват, неуловимым движением оказалась вновь на кровати и зашептала мне на ухо:

— Это так мило, держаться за руки, верно? Но боюсь, вы еще слишком слабы, чтобы быть способным на более решительные действия, — она прислонилась еще ближе и поцеловала меня в щеку, прежде чем я успел отстраниться. Слова возмущения застряли в горле, потому что Лидия досадливо поморщилась, бесцеремонно взяла меня за подбородок, покрутила мою голову и заявила:

— Это никуда не годится, вы совершенно постыдно заросли щетиной. Скажу Антону, чтобы побрил вас.

Она вышла из комнаты, а я пытался унять гнев и бешено колотящееся сердце.

Через какое-то время действительно пришел Антон с совершенно невозмутимым видом, принес с собой помазок, мыло и острую бритву. Я не горел желанием бриться, поэтому попробовал отказаться.

— Антон, я не хочу, чтобы вы...

— Боюсь, господин инквизитор, вас никто спрашивать не будет. Лидии не нравится небритые мужчины, этим все сказано.

— Какое мне дело, что ей не нравится, — возмутился я.

— Лучше вам не дергаться.

Он ловко принялся за дело, а я попробовал прояснить у него сложившуюся ситуацию.

— Антон, как получилось, что я оказался здесь, а не в больнице? Разве церковники не возражали?

— Хриз такой скандал закатила, что им всем места мало было. Да там еще вояг Хмельницкий заявился. Ведь какой позор, что церковники уже друг друга похищают и пытаются.

Я закусил губу. Да уж, Лидия постаралась.

— А что с отцом Бульвайсом, знаете? Его арестовали?

Антон кивнул, продолжая свое занятие.

— Арестовали, сразу же там и арестовали. А уж когда похищенный документ у него нашли, так вообще всем не до вас стало.

— Что? Зав... — я вовремя прикусил язык. — Его нашли?

— Угу, — пробурчал недовольный Антон, потому что я дернулся и заработал порез. — Не говорите больше.

Теперь я молчал, судорожно раздумывая, когда Лидия ухитрилась подкинуть Завет отцу Бульвайсу. Слава Единому, она хотя бы сдержала слово и вернула его. Невероятное облегчение от тревог заставило отступить на второй план даже мое унижительное положение. Но все-таки...

— Антон, я могу попросить вас найти мне какую-нибудь одежду?

Антон вытер остатки мыльной пены с моего лица, потом задумчиво оглядел меня, заглянул под простыню без малейшего смущения и ответил:

— Думаю, мои брюки подойдут, а вот с рубашкой вряд ли получится, мала вам в плечах будет.

Бесцеремонность у них, очевидно, семейная черта.

— Буду признателен даже за брюки.

Антон застыл уже возле двери, хлопнул себя по лбу и сказал:

— Совсем забыл. Вот, держите. Лидия велела передать, что вам тоже будет полезно обновить свои знания в истории.

Он протянул мне книгу, а я оцепенел. Дрожащей рукой принял старый роскошный переплет, не веря своим глазам. Это же "Исторические изыскания времен Синей войны" Акватоса Квирского. Редкое оригинальное издание, которому больше полутора сотен лет. Зачарованно провел пальцами по старой коже, открыл фолиант, так и есть. Оригинал, вовсе не подделка. Такое издание стоит больше, чем весь этот дом. Но его ценность настолько велика, что не исчерпывается только материальным эквивалентом, потому что на титульной странице была подлинная роспись автора. Эта книга заслуживает быть в столичной Академии, а не пылиться в доме этой безбожницы!.. Откуда она у нее вообще появилась? Но

глаза уже зацепились за первые строчки текста, и меня неумолимо увлекло в привычный мир фактов, свидетельств и гипотез.

Я проспал почти до обеда, когда меня разбудил Антон, который принес немного бульона и жареную печень. Мне даже удалось сесть на кровати, правда, не без его помощи, но самое главное, что он нашел для меня брюки и белье. Как-то сразу появляется уверенность в себе, когда на тебе хоть что-нибудь надето! И хотя меня удивило отсутствие Лидии, которая, как мне казалось, не упустила бы шанса лишний раз поиздеваться над моей слабостью, я был несказанно рад, что мы одни. Антон выглядел подавленным и мрачным. Я подивился тому, насколько они не похожи с сестрой.

— Антон, у вас что-то случилось? — спросил я, отодвигая от себя тарелку.

Юноша взглянул на меня исподлобья и мрачно ответил:

— У нас постоянно что-нибудь случается, господин инквизитор. Вы наверное плохо знаете Хриз.

— Почему вы зовете сестру не по имени?

Антон смешался, потом с вызовом заявил:

— Потому что ее это бесит. Но кстати, не вздумайте повторять фокус, если дорожите собственной шкурой. И еще. Не злите ее, пожалуйста, вообще никак. Не спорьте, просто терпите, это проще всего. Потому что вы уйдете, а нам здесь оставаться.

Юноша замолчал, потом, опустив голову, сказал:

— Там пришел отец Георг, он еще вчера пытался увидеть вас, но Лидия никого к вам не пустила.

Я вскинул голову, удивленный его просьбой и обрадованный визитом наставника.

— Я не могу вам обещать, но попробую ее не тревожить. Позовите, пожалуйста, отца Георга.

— Надо спросить Лидию.

— Что за!.. Я же не в тюрьме, какое право она имеет решать, кого пускать!

Антон тяжело вздохнул и покачал головой.

— Имеет. Она вообще запретила кому-нибудь покидать дом. А, вы же не знаете.

— Что не знаю?

— Кардинал, который вас хотел подставить, он до сих пор на свободе. Лучше поосторожничать.

Отец Георг осторожно обнял меня, боязливо оглядывая многочисленные порезы на груди.

— Мальчик мой, слава Единому, что ты жив! Ты не представляешь, как я за тебя испугался.

Мне стало совестно перед стариком, что ему пришлось волноваться по моей вине.

— Отец Георг, я могу вас попросить принести мне свежую рубашку из дому? Глупо себя чувствую...

— Конечно! — церковник сокрушенно покачал головой. — Старый дурак, мог бы догадаться и сам.

— Расскажите, что произошло, пока я тут провалялся. Кстати, какой сегодня день?

— Среда. Вчера утром тебя нашли, ты разве не помнишь? Какой же мерзавец этот Бульвайс! Ведь все знали, что он гнилой тип, но почему его никто не заподозрил? Почему

всех собак на тебя повесили?

— Завет нашли? — спросил я осторожно.

— Да, у него, когда арестовали. Представляешь, этот негодяй хотел тебя подставить, но перепутал твой адрес, отправляя тебе письмо с Заветом! Есть высшая справедливость Единого, что письмо вернулось к отправителю как раз тогда, когда вас нашли. Страшно подумать, что он мог с тобой сделать...

Отец Георг продолжал сокрушаться по поводу Бульвайса, а я вдруг понял, как Лидия все провернула. Получается, она действительно не лгала, когда говорила про то, что у нее нет Завета! Она вытащила его у меня еще в экипаже и поручила Тени отправить письмо вместе с извозчиком, указав адрес Бульвайса в качестве отправителя и намеренно исказив мой. Да уж, хитро! Только увы, никакой божьей справедливости, всего лишь коварный расчет безумицы.

— А что с кардиналом? — перебил я старика.

— А! — махнул рукой церковник. — Он сбежал. Видно, кто-то ему сообщил о том, что тебя нашли. Послушники уже признались, что они отлучались из хранилища по его просьбе. Сейчас мне кажется, что это все дурной сон, кардинал ведь был лучшим, его отмечал и хвалил в своей ежегодной речи Папа...

Отец Георг ушел, пообещав прислать мои вещи с посыльным. Я пробовал встать и походить, но голова предательски кружилась. Держась за стену, смог самостоятельно доковылять до зеркала. Вцепившись в спинку кресла, взглянул на свое отражение. Мне казалось, или порезов было значительно больше? Прижал руку к месту ранения, закрыл глаза, пытаюсь вспомнить. По ощущениям, действительно нож попал сюда, но... Я точно помнил, что ранение было глубокое, темной венозной крови не будет, если всего лишь задеты мышцы. Или я уже тогда бредил от кровопотери? Странно это все, но действительно ведь не чувствую себя умирающим. А раз так, как только доставят одежду, нужно немедленно уходить отсюда, от греха подальше. Лучше лишний раз не провоцировать Лидию.

Стоило ее вспомнить!.. Она ворвалась в комнату совершенно бесцеремонно, даже не постучав.

— Я смотрю, вы уже встали. Быстро одевайтесь, хорошо, что не успела отдать старьевщику ваше платье.

Лидия швырнула на кровать те самые вызывающе яркие вещи, что заставила меня надеть при первом визите в бордель. Я покачал головой, хотя понимал, что лучше уж желтая рубашка, чем ее отсутствие.

— Я надену рубашку.

— Да уж, сделайте такую милость! — ее голос звучал раздраженно и зло. Она скрестила руки на груди и прислонилась к подоконнику, взгляд был опущен вниз. — Поторопитесь, у меня есть другие дела!

Я проковылял обратно к кровати, сел, понимая, что не удержусь на ногах, надел рубашку, но вот застегнуть пуговицы было сложно.

— Да сколько можно возиться! — Лидия рывком поставила меня на ноги и стала застегивать рубашку. Ее взгляд был направлен куда-то в сторону, словно она избегала смотреть на меня. Или?..

— У вас опять видения, госпожа Хризштайн? — проверил я догадку. Она вздрогнула, скривилась и проигнорировала мой вопрос.

— Вас там ждут внизу. Отец Валуа и епископ. Требуют немедленно явить им живого и невредимого инквизитора. Так что поторапливайтесь.

Она развернулась, но я перехватил ее за плечо.

— Ну уж извольте тогда сопроводить меня. Уверяю вас, как только отец Георг придет мои вещи, я не стану вас обременять своим присутствием.

Лидия застыла на мгновение, я видел в отражении зеркала ее перекошенное лицо. Отчего она злится? Я угадал с видениями?

— Вам следует обратиться к хорошему душеведу, госпожа Хризшгайн, — тихо сказал я. — Вам ведь лучше не становится? Что вы увидели в углу? Опять несуществующие девочки мерещатся?

Она развернулась ко мне и зло спросила:

— Почему же несуществующие? Разве ваша вера в Единого не есть самое большое массовое помешательство? Кто его видел? Но вы же верите в его существование? Так почему же я не могу верить в свои видения? Кто дает вам право считать их помешательством и при этом навязывать собственное безумие другим?

Я оторопел от ее искаженной логики.

— Единый существует вне зависимости от вашей веры в него или его отрицания. Это ересь — сравнивать Единого с вашими видениями, как вообще можно было до такого додуматься!

— Будет ли существовать Единый, если у него не останется ни одного верующего, а? Кто будет о нем помнить, если вдруг род человеческий погибнет?

— Если вы хотите пуститься в богословский диспут, пожалуйста. Приходите в церковь на проповедь или на исповедь к отцу Георгу, еще можно посетить открытые лекции известных богословов в Академии. Но не стоит, прошу вас, пытаться оправдать реальность вашего помешательства! Это болезнь, и ее надо лечить.

— Вы ведь даже не знаете, правда?.. — Лидия придвинулась совсем близко, взгляд стал совершенно безумным. — Впрочем, пусть! Никуда вы отсюда не уйдете, пока кардинал на свободе. Не собираюсь в очередной раз спасать вашу задницу! Вас ждут, пойдете.

Мне все-таки пришлось опереться на нее и ощущать соблазнительную хрупкость ее плеча всю дорогу вниз.

В гостиной нас ждали раздраженные и усталые от жары церковники. Тень принесла им чай с угощением, от которого на тарелке осталась всего лишь пара сиротливых плюшек.

— Ваша святейшество, отец Валуа, — я поклонился им, слегка поморщившись, и сел на диван. Лидию даже не пришлось просить уйти, она мгновенно исчезла, словно в самом деле у нее были неотложные дела.

— Господин инквизитор, я очень рад, что с вами все в порядке, — епископ улыбнулся мне совершенно искренне.

— И тем не менее, мы вынуждены задать вам несколько вопросов, — отец Валуа не разделял радости епископа. — Зачем отцу Бульвайсу понадобилось вас похищать? Что он от вас хотел?

— Отец Бульвайс был почему-то уверен, что Завет у меня. И пытался заставить сказать, где он. — Я осторожно подбирал слова.

— И вы не знаете, почему он так думал?

Я помедлил, собираясь с мыслями, потом пожал плечами.

— Понятия не имею. Он все повторял, что Завет должен был быть у меня, потому что больше ему негде быть.

Епископ не выдержал.

— Этот мерзавец хотел вас подставить, послал вам его с почтой, но представляете, перепутал ваш адрес!

Отец Валуа кивнул, не сводя с меня взгляда.

— Действительно, при нем было обнаружено нераспечатанное послание с Заветом. Только вот он клянется, что ничего не посылал.

— Было бы странно, если бы он признался, нет? — кажется, я все больше преуспеваю в искусстве лжи.

— Странно то, что он признался, что действительно хотел вас подставить, но уверяет, что не посылал Завет по почте, что его должны были подкинуть в вашу комнату. Кроме того, почерк на конверте не похож на почерк отца Бульвайса.

— Не знаю, что вам и сказать. Возможно, его поделельники что-то перепутали.

— Возможно, — отец Валуа поморщился, наблюдая, как епископ украдкой тянется за последней плюшкой на тарелке. — Будьте уверены, я проясню все детали этого дела. Но меня больше тревожит роль девицы Хризштайн во всем этом. Как получилось, что она узнала, где вас держат, господин инквизитор?

Я опять пожал плечами, но вмешался епископ.

— Так она написала отцу Бульвайсу. Предложила обменять его на Завет, и он...

— Я не видел этого письма, епископ, — холодно ответил церковник. — Она знает про Завет? Вы ей сообщили, господин инквизитор?

— Нет, я ничего ей про Завет не говорил. Но она и так знала, по вашей милости, что Святой Престол оплошал, потеряв нечто важное. А сложить два и два для нее не составило большого труда, уверяю вас. — Струйка холодного пота неприятно охладила спину. — А если вас интересуют подробности, то вам лучше поинтересоваться у госпожи Хризштайн лично.

— К сожалению, эта девка позаботилась об этом и привлекла слишком много внимания, в том числе со стороны вояги Хмельницкого. Он опять посмел угрожать Святому Престолу, в который раз! От вас одни неприятности, господин инквизитор!

Я разозлился не на шутку.

— От меня? Это я украл Завет? Это я опустил до найма головорезов, чтобы похитить и пытать священнослужителя? Это я поставил под угрозу сохранность апокрифа, отправив его простым письмом? Или может это я имел грязные делишки с колдуньей, что погубила сотни детей? Наживаясь при этом без зазрения совести? Это я...

— Довольно, — оборвал меня отец Валуа. — Ваша вина в том, что вы позволили влезть в это своей подружке...

— Она мне не подружка! — взорвался я, сжимая кулаки.

— Поэтому вы сейчас в ее доме? — насмешливо поинтересовался отец Валуа. — Поэтому вы тайком разглядывали пошлые картинки с ее изображением?

Епископ смущенно закашлялся.

— Простите, святой отец, но инквизитора не в чем обвинить. Госпожа Хризштайн выяснила, что на самом деле эти гнусные рисунки он отобрал у помчика Наварро, который специально заказал их у ее невольницы. И бедная госпожа Хризштайн всю дорогу так сокрушалась, что несправедливо обвинила господина Тиффано, а он всего лишь пытался

защитить ее честь.

— Интересно, — отец Валуа прищурился, глядя на меня. Я судорожно пытался сориентироваться в новой информации. Сначала облила грязью прилюдно, а теперь значит сокрушается? — Это правда, господин инквизитор?

— Мне все равно, что вы думаете, — неожиданно для себя ответил я. — Мне не в чем себя упрекнуть перед ликом Единого. Если у вас все, то не смею больше задерживать.

Они ушли, а я все еще сидел в гостиной, не было сил подняться и вернуться в комнату.

— Господин инквизитор, давайте я вам помогу? — Тень подошла ко мне, участливо положила руку на плечо. — Будете ужинать с нами?

Я отрицательно покачал головой.

— Не хочу встречаться с вашей хозяйкой.

— Госпожа редко выходит к столу, — улыбнулась невольница. — Тем более, у нее опять дурное настроение, поэтому не только вы, но никто в этом доме не хочет лишний раз попадаться ей на глаза. Пойдемте.

Она помогла мне встать и провела в столовую, где уже собрались домочадцы Лидии. Стол был накрыт, аппетитные ароматы дразнили обоняние. Я невольно сглотнул и понял, что успел проголодаться.

С удивлением воззрился на сидящую за столом Пиону. В ней что-то неуловимо поменялось, я пытался понять, что именно. Она покраснела при моем виде и жутко смутилась.

— Здравствуйтесь, господин инквизитор, — кивнула она и опустила голову. Я нахмурился. Зачем она Лидии? Какую очередную гадость та замыслила?

— Госпожа Лидия, вы будете ужинать? — удивленно-настороженный голос Тени вывел меня из задумчивости. Лидия смотрела на меня со странным выражением. Я наверное никогда не пойму, что творится в ее голове.

— Буду, — процедила Лидия и уселась за стол. — Вы уже познакомились с моей племянницей, господин инквизитор?

Племянницей? Она так представила домашним Пиону? Зачем?

— Да, — осторожно ответил я, ощущая себя словно в клетке с шипящей змеей, готовой ужалить от любого неосторожного движения

— Я смотрю, вы с нее глаз не сводите? Нравится? — она вдруг больно пнула меня под столом носком сапога.

Я поморщился.

— Я не знал, что у вас есть племянница, госпожа Хризштайн. Она приехала вас навестить? — решил я прояснить ситуацию.

— Пиона вздумала поступать в Академию, — Лидия вертела в руках столовый нож, не прикоснувшись к еде на тарелке. — Только куда ж такой дуре поступать?

Я промолчал, почитая за благо не вмешиваться.

— Вот думаю, может замуж ее выдать, а? Господин инквизитор, как считаете?

— Вам виднее, — дипломатично ответил я, занятый едой.

— Г-г-госпожа Лидия, мясник с-с-совсем стар, и г-г-говорят, почти на мели, — вдруг невпопад сказал Мартен. Его бледное узкое лицо пошло красными пятнами.

— На мели говоришь? — задумчиво протянула Лидия, не сводя с меня глаз. Я чувствовал себя до крайности неудобно и торопился быстрее закончить с едой. — А что,

господин инквизитор, вы бы взяли в жены Пиону?

Я поперхнулся рыбой и закашлялся, успев заметить, как густо покраснела Пиона и почему-то сильно заволновался Мартен. У меня появилось стойкое ощущение, что я в театре абсурда.

— Вы забыли, госпожа Хризштайн, что я священнослужитель? У нас целибат, если вам вообще известно это слово.

— Правда? Жаль. — Лидия наколола на вилку ломтик помидора и сейчас сосредоточенно его разглядывала. — Видишь, Пиона, никто тебя в жены брать не хочет. Так что придется тебе...

Пиона вскочила и с громкими всхлипами выбежала из-за стола.

Чего добивается Лидия? Зачем третирует девочку? Я с недоумением наблюдал, как Лидия отправила ломтик в рот и невозмутимо потянулась за следующим, не сводя с меня глаз. Внезапно чудовищная догадка озарила меня. Неужели она... ревнует? Это же глупо! Лучше мне убраться из этого дома, как можно скорее. Я отложил вилку и сказал:

— Спасибо за ужин, но мне...

— Думаю, что вам лучше покинуть мой дом, господин инквизитор. Вы кажется вполне оправились, раз заглядываетесь на мою племянницу.

Я удивленно смотрел на Лидию, ее лицо было бледным и злым. Надо же, думал, что придется спорить с ней.

— Г-г-госпожа Лидия! — Мартен казалось был в отчаянии. — Я м-м-могу жениться на...

Лидия оборвала его довольно резко.

— Мартен, напомнить вам сумму долга по арендной плате?

— А что, Пиона хорошая хозяйка. — Внезапно вмешался старик, удивительно похожий на Мартена, должно быть его отец. — Сколько вы готовы положить за ее приданое, госпожа Хризштайн?

— Ни копейки, — отрезала Лидия, не сводя с меня глаз.

Я поднялся и поклонился, намереваясь уйти сразу же, хотя меня и пошатывало.

— Г-г-госпожа Лидия! — Мартен глотал слова. — Нельзя же ее отдать з-з-з-з-за...

Он так и не смог выговорить, казалось, еще чуть-чуть и разрыдается.

— Мартен, вы всерьез полагаете, что я отдам племянницу за человека, который бредит глупыми поделками из металла, вместо того чтобы... Но теперь у вас новая блажь, верно? Теперь вы торчите в подвале, перебирая эти глупые книги! Выкину завтра же!

— Какие книги? — не смог удержаться я, поворачиваясь к Мартену.

— Т-т-там целая б-б-библиотека, — ужасно заикаясь и нервничая, выговорил юноша. — П-п-потрясающие издания по р-р-разным... Я оттуда б-б-брал р-р-рисунки по естествознанию, с-с-стрекозы, что использовал...

— Хватит! — Лидия стукнула ладонью по столу так, что посуда жалобно звякнула. — Чтобы я больше не слышала про стрекоз и прочих летающих тварей. Ни-ког-да!

— Это оттуда книга, что вы мне дали? "Исторические изыскания времен Синей войны" Акватоса Квирского? — спросил я Лидию с замиранием сердца.

— Господин инквизитор, вы кажется спешили нас покинуть, — на меня она уже не смотрела, досадливо растирая ладонь. Ее взгляд обратился на несчастного Мартена. — Чтобы завтра же снесли все в книжную лавку!

— Н-н-нельзя!

— Нельзя! — мы с Мартеном воскликнули практически одновременно, но я поторопился продолжить. — Вы хоть представляете себе истинную ценность книги, подписанной самим Акватосом?

— Истинная ценность любой вещи, — Лидия подчеркнула последние слова. — Любой вещи, в том числе и рабов, определяется исключительно ее владельцем. И если владелец сочтет вещь бесполезной, то что следует сделать с такой вещью, как не избавиться от нее?

Я сел обратно за стол.

— Я пожалуй останусь, дождусь десерта, — проговорил спокойно, обдумывая тактику. — Книга Акватоса стоит больше, чем этот дом, госпожа Хризшайн. Откуда она у вас?

— Вас это не касается, господин инквизитор. Доедайте свой десерт и убирайтесь отсюда к демону.

— Негоже при священнослужителе сквернословить, — все также спокойно пожурил я ее, игнорируя отчаянные жесты, что мне делал Антон. — Думаю, что городской совет выделит средства, чтобы купить у вас эту книгу для Академии, Хриз. Могу я вас так называть? Или слишком фамильярно?

Я ступал по очень тонкому льду, прекрасно понимая, что она не в себе, но позволить погубить ценный раритет просто не мог. Лидия вцепилась в салфетку, яростно скомкав ее в пальцах. Лицо у Антона сделалось совершенно несчастное.

— Также мне бы хотелось взглянуть на библиотеку, с вашего позволения, — я спокойно расправлялся с вкуснейшим яблочным пирогом.

Она встала со своего места и подошла ко мне, в ее руке был зажат столовый нож. Я тоже встал и теперь смотрел в ее пылающие безумием и яростью глаза, прекрасно понимая, что она собой не владеет. Но любой безумец очень чувствителен к страху окружающих. Да, я опасался ее, но нисколько не боялся. Так что страха в моих глазах она точно не увидит.

— Кроме того, поскольку кардинал Ветре все еще на свободе, думаю, для вашей же безопасности будет лучше, если я останусь здесь, — добавил я еще один аргумент, впрочем, нисколько не надеясь достучаться до ее разума. Однако произошло неожиданное.

— Что? Для моей безопасности? — Лидия вдруг расхохоталась. — Это забавно, однако! Она вцепилась рукой в отворот моей рубашки, притянула к себе и прошипела:

— Ладно, оставайтесь. Только на ночь дверь закройте, защитник, а то знаете, могу ведь и должок придти требовать!

Потом провела рукой по моим волосам и добавила:

— У вас красивые волосы, господин инквизитор. Вы ведь ими дорожите?

Лидия воткнула нож в стол с такой силой, что он ушел в дерево на целый палец, развернулась и ушла. За столом повисло тяжелое гнетущее молчание.

Понурый Мартен согласился сопроводить меня в подвал. Одну его половину занимала большая печь, обеспечивающая пекарню, а вторая была полностью занята книгами. У меня дух перехватило от их обилия. Ощущение, словно попал в изморозную сказку, где добрый заступник Тимофей выполняет все твои желания. Но хранить их в подвале, рядом с печью, чтобы от сырости и перепада температур они пропадали? Это святотатство!

— Г-г-господин инквизитор? — робко спросил меня Мартен. Я листал роскошное издание богослова Изры из Мирстены, датированное, страшно сказать, двумя веками назад. — Как думаете, я м-м-могу просить руки П-п-п-п-пионы?

Я рассеянно кивнул, с восхищением глядя тяжелый кожаный переплет следующего сокровища — "Истории ордена когниматов". Это просто невероятно! Как эти книги попали к Лидии?

— А если г-г-госпожа Лидия мне откажет?

Надо будет составить библиографию всех книг, нельзя, ни в коем случае нельзя допустить, чтобы она отдала их в книжную лавку. Они должны принадлежать Академии!

— Что м-м-мне делать, если она откажет?

Я недоуменно поднял голову.

— Кому откажет?

— М-м-мне! — Мартен был в отчаянии. — Она с-с-собирается выдать П-п-п-пиону з-з-заму...

— Мартен, вот когда откажет, тогда и будете думать, ладно? Идите, я хочу здесь осмотреться.

Разочарованный юноша ушел, оставив меня наконец наедине с книгами. Я поискал место, чтобы сесть, ноги еле держали, нашел укромный уголок, очевидно, Мартена, где были письменные принадлежности и целая кипа его рисунков. В основном, это были птицы и насекомые, детально прорисованные крылья с кучей пометок. Я невольно улыбнулся его страсти.

— Почему вы не ушли? — я вздрогнул от неожиданности, поставив кляксу на список книг, что непременно надо будет заполучить для Академии. Антон стоял над моей душой. — Да еще и намеренно ее разозлили? Вы хоть понимаете, насколько это опасно?

— Я не мог позволить ей...

— Вы сдурели? Вы думаете, что это шутки? Она вас могла запросто убить, вы понимаете?

Я поежился от неприятного холодка его слов, но право, "Вопросы веры" Акватоса Квирского, что сейчас бережно держал в руках, того стоили.

— Где она раздобыла эти сокровища, Антон?

Юноша безнадежно махнул рукой.

— По вашей милости мне теперь придется.... Смотрите, не пожалейте о том, что не ушли, когда могли. И не смейте ее больше называть Хриз!

Я пожал плечами, переключаясь на новое сокровище.

— Господин инквизитор? — теперь меня решила отвлекать Пиона. Девушка робко заглянула мне через плечо. — Я хотела вас спросить...

— Да? — вежливо откликнулся я, перелистывая "Классификация божьих существ" богослова и ученого-натуралиста Эгиса Волновича. Не самая редкая и дорогая книга, но все равно не заслуживает оказаться в лавке старьевщика!

— Вы ведь знаете мою историю? — запинаясь, проговорила Пиона. — Я рабыня, я ведь не могу выйти замуж, верно?

— По законам почти всех княжеств, где рабство разрешено, раб не может заключить церковный брак, — ответил я, перелистывая следующую книгу. Очевидно, богословских трудов больше не будет, дальше пошли натуралистические исследования, классификации и справочники.

— Я не про это! Даже если госпожа даст мне вольную, могу ли я выйти замуж? Ведь не

осмелюсь сказать будущему мужу, что была в...

Пиона всхлипнула. Я покачал головой, не понимая, что она хочет от меня услышать.

— А если не скажу, получается, солгу перед ликом Единого. И мужу солгу. Это ведь грех, господин инквизитор? Но если я солгу, чтобы спасти его от...

А по этому анатомическому атласу нас учили в Академии, только это раннее издание, не сокращенное, с качественными рисунками и пометками. Невероятно! Мое внимание привлекла дарственная надпись от автора... профессору Кривожу! Я застыл, пораженный неприятной догадкой. Вот зараза!

— Господин инквизитор, вы меня слушаете? — Пиона робко коснулась книги, что я держал.

— Что? Простите, что вы спросили?

Она всхлипнула и повторила:

— Ложь во благо — это грех или нет?

— Ложь — это всегда пло... — привычно начал я, потом осекся. Сколько раз за сегодня я солгал? — Почти всегда плохо. А кому и зачем вы собрались лгать, Пиона?

Она покачала головой.

— Не важно. Правду говорила матушка Еванесса, что не бывает лжи во благо. Простите, что побеспокоила.

Пиону понурила плечи, тяжело вздохнула и ушла, наконец оставив меня в покое.

Я стал лихорадочно перерывать книги, заглядывая на первые страницы. На семи обнаружились подобные дарственные надписи — сомневаться не приходилось. Эта пройдоха ухитрилась не только заполучить состояние несчастной Анны Малко, но еще и завладеть богатейшей библиотекой профессора.

— Господин инквизитор? — да почему же они не оставят меня в покое? Хотя бы на несколько часов! Это была Тень. — Я принесла вам молоко, на ночь. Чтобы хорошо спалось.

— Спасибо, — я взял молоко и выжидающе уставился на невольницу. — Что-нибудь еще?

— Я... — женщина смутилась, потом кивнула. — Еще спросить хотела.

Я устало вздохнул. В этом доме словно все помешанные, может, безумие заразно?

— Если желаешь кому-нибудь смерти, сильно желаешь, это ведь грех?

— Кому вы желаете смерти, Тень? Вашей хозяйке? Она настолько вас замучила?

— Нет, что вы! Госпожа конечно кажется жестокой, но нет. Вы не видели по-настоящему жестоких хозяев, но даже тогда я не желала им смерти. Нет, я не о себе.

— О ком же тогда? — я внимательно смотрел на невольницу.

— Не важно, просто скажите, это грех?

— Все мы иногда желаем смерти своим недругам, в порыве злости или отчаяния. Это плохо, но не грех. Главное, чтобы дальше желания дело не зашло.

— А если... — невольница закусила губу. — Если... А, неважно. Спасибо, господин инквизитор. Не сидите здесь допоздна, вам надо отдыхать.

Тень ушла, а я сидел еще несколько часов, копаясь в книгах. Но мне все равно не давал покоя ее вопрос. О ком она говорила? О Лидии? Кому та может желать смерти? Почему это так тревожит Тень? Когда глаза стали болеть от неустойчивого света газового светильника, я взял пару книг по богословию почитать перед сном и отправился к себе. Станным образом, чувствовал себя намного лучше, даже самостоятельно одолел лестницу. Неужели я действительно спутал резаное ранение с проникающим колющим? Похоже на то, ведь

анатомия никогда не была моим любимым предметом.

Я уже взялся за дверную ручку комнаты, как мое внимание привлек женский приглушенный вскрик, потом грохот и шум борьбы. Я вскинулся, рука привычно потянулась за клинком, но нащупала лишь пустое место, оружия не было. Демон, я и забыл! Если Лидия права в своих опасениях на счет кардинала, то тогда... Не мешкая, бросился в дальнюю комнату, где теперь уже слышалась неясная возня. Рывком распахнул дверь и застыл на пороге. Дикая в своей неправдоподобности картина предстала передо мной. Антон пытался связать руки Лидии, которая металась на кровати и всхлипывала, а рядом сидела совершенно отстраненная Тень, что спокойно рисовала. У меня бред?

— Что здесь происходит?

Антон отвлекся, повернув ко мне голову, и пропустил удар. Лидия заехала ему локтем в лицо и вдруг завывала. Теперь при тусклом свете я заметил, что ее лицо искажено, глаза закатились, а в уголке рта пузырилась пена. Сведенные судорогой руки схватили подушку и в единый миг разодрали ее пополам. У нее же приступ!

— Помогите мне, скорей! — промычал Антон, пытаясь поймать сестру за руку. Я скинул оцепенение и бросился ему помогать. Во время приступа безумец невероятно силен, в чем мне пришлось убедиться на собственном опыте. На боль она не реагировала, когда я попытался за волосы усмирить ее, казалось, Лидия этого даже не заметила. Она начала очень быстро бормотать что-то на неизвестном языке, и мне показалось, что я узнал пару знакомых слов. Но слышать их от нее невозможно!..

— Держите ее! — прорычал Антон, вытягиваясь за веревкой, чьи оборванные концы свидетельствовали, что прочность оказалась недостаточной, чтобы выдержать буйную пленницу.

Я придавил Лидию к кровати, но мне казалось, что она вот-вот скинет меня, и все придется начинать заново, но к счастью, Антон успел обмотать ее запястья толстым шнуром, перекинуть хитрый скользящий узел и ловко развести концы веревки, зафиксировав их на краях кованого изголовья кровати. Я отпрянул, а Лидия теперь оказалась пришпилена к ложу, словно диковинная бабочка в коллекции. Но она все равно продолжала вырываться, орать и плевать, тяжелая дубовая кровать ходила под ней ходуном, смотреть на это было действительно страшно. Я только сейчас заметил, что на Лидии всего лишь тонкая ночная рубашка, что опасно съехала с плеча, поэтому отвел глаза.

— Уходите, господин инквизитор, — устало сказал Антон, вытирая кровь с разбитой губы.

— Часто у нее такие приступы? — ошеломленно спросил я, мой взгляд, как зачарованный, возвращался к бьющейся в припадке женщине.

— Часто, — мрачно ответил юноша и добавил. — Просил же вас не злить ее!

Новый вскрик, и вдруг Лидия опала на кровати и застыла совершенно неподвижно, словно из нее разом ушла вся жизнь. Антон тяжело вздохнул и повторил.

— Уходите. И не дай вам Единый ляпнуть, что видели ее в таком состоянии.

Тень очнулась от своего транса и удивленно посмотрела на нас.

— Все? Закончилось?

— Да, идите спать, Тень. Я с ней посижу.

Невольница встала, разминая затекшие ноги, и протянула Антону кипу рисунков.

— Можно взглянуть? — я не мог просто так уйти, меня терзало любопытство,

смешанное с острым чувством вины. Теперь были понятны тревоги Антона и его просьбы не волновать сестру.

— Нельзя, — неожиданно твердо отрезал юноша, забирая рисунки и пряча их у себя за пазухой. — Идите уже, кому сказал.

Он нетвердой походкой обошел кровать, проверил прочность узлов и уселся в кресло, устало откинув голову.

— Вы не пойдете спать, Антон? Вы выглядите утомленным.

— Я не могу ее оставить, — безжизненно ответил юноша.

Я осторожно присел напротив него на кровать, взгляделся в его лицо.

— Я могу с ней посидеть, если хотите. Чувствую себя виноватым, поэтому...

— Нет. Вам нельзя здесь быть. Особенно, когда она придет в себя. Если придет...

— Что вы имеете в виду?

Он долго молчал, прежде чем ответить, казалось, прислушивается к почти неслышному дыханию сестры.

— Коснитесь ее лба, — велел он.

— Зачем? — недоуменно спросил я, но поскольку он опять замолчал, то послушно дотронулся до лба Лидии и ужаснулся ледящему холоду ее кожи. Приложил пальцы к шее, пульс едва прощупывался, дыхания не было слышно. Очень похоже на летаргический сон, но насколько помнил, температура тела все равно не могла быть такой низкой. Черты лица безумицы заострились, она выглядела восковым изваянием.

— Каждый раз я боюсь. Боюсь, что она не проснется. Что так и останется лежать бесчувственной куклой, ни живой, ни мертвой. Однажды она проспала так двое суток. Чуть сам не сошел с ума.

Антон говорил невыразительно и как-то обыденно, но сердце больно ранило отчаяние в его глазах, когда он смотрел на сестру.

— Думал, смогу привыкнуть. Не смог.

— Антон, послушайте, почему вы не обратитесь за помощью? В больницу? Ведь лучше ей не становится?

Он взглянул на меня со злостью.

— Вы предлагаете мне сдать ее в больницу? Единственного родного мне человека? Чтобы ее там наверняка угробили?

— Хорошо, не хотите в больницу, но можно обратиться к частному душеведу. Вы же можете себе позволить хорошего специалиста!

— Она отказывается. Да и не поможет ей никто. Идите спать, господин инквизитор.

Юноша перевел взгляд на сестру и застыл с выражением отчаянной решимости на лице. Я видел разные выражения на лицах родственников безнадежных безумцев во время практики в церковной больнице. Кто-то стеснялся постыдного родства, кто-то прятал глаза со стыдливым облегчением, что переложил ответственность на больницу, кто-то цинично отгораживался, закрывая дверь палаты, чтобы никогда не вернуться, кто-то искренне верил в излечение, чтобы потом угаснуть и перестать навещать, но никто не вел себя, как Антон. Он с отчаянием смертника продолжал бороться за сестру, пытаясь отвоевать для нее действительность.

Я положил ему руку на плечо.

— Антон, это вы пойдете спать. Я смогу за ней присмотреть, не беспокойтесь. Если вдруг что, я позову вас. Вставайте.

Я заставил его подняться, но уже возле двери он остановился и сказал мне:

— Когда она придет в себя, немедленно позовите меня. Не вздумайте ее развязать, слышите?

Закрыв за ним дверь, я вернулся к Лидии, смахнул на пол остатки перьев из разодранной подушки и сел рядом. Положил ладонь на ее лоб, в который раз содрогнувшись цепенящему холоду кожи, и задумался. Возможна ли такая низкая температура тела? В памяти крутилось что-то похожее, я либо читал, либо слышал от кого-то. Попробовать помочь ей, хотя бы облегчить симптомы? Подойдет методика профессора Адриани с дыханием? Ведь помогла тогда купировать приступ паники. Запястья Лидии были настолько сильно стянуты, что не подходили для прощупывания пульса. Оставалась шея. Я поймал угасающий ритм сердца, зашептал молитву и погрузился в медитацию.

Мне снилось богослужение в соборе заступницы Софии, в сердце священной столицы. Хоралы возносили хвалу Единому, поднимая с колен даже самую заблудшую душу. Душа наполнялась покоем и миром, плаваясь в огне миллионов зажженных в Его славу свечей. Я шептал молитву вместе с неисчислимым количеством верующих, сливаясь в едином порыве, чтобы раствориться в вечности. Чей-то всхлип досадным диссонансом вмешался в гармонию священной церемонии, я огляделся вокруг, пытаюсь увидеть несчастного, что отбилась от паствы. Звук становился все громче и настойчивей, и я неожиданно понял, что это тонкое собачье тьяканье, тревожное и раздражающее. В следующую секунду осознал, что слышу его наяву и вижу темный силуэт, склонившийся над Лидией. Он пытается ее удушить! Пружиной вылетел из кресла, перемахнул через кровать, сцепился с тенью и вместе с ней полетел на пол. В руке нападающего сверкнул нож, я заорал, надеясь, что меня услышит Антон или кто-нибудь из домочадцев, вцепился ладонью в лезвие, не чувствуя боли, и ударил противника головой в лицо. Противный хруст подсказал, что я сломал ему нос. Противник заскулил, выронил нож, и мне удалось провести второй мощный удар, отрубив его.

С подоспевшим Антоном мы связали ночного гостя. Лидия так и не проснулась, но, слава Единому, была жива. Конечно, если ее состояние можно было назвать жизнью.

— Антон, бегите в громаду, пусть присылают стражников.

Юноша нерешительно посмотрел в сторону сестры.

— А если они захотят увидеть Хриз?

— Скажем, что слегла от нервного потрясения. Не волнуйтесь, я с ними разберусь.

— Я не могу... Сестра может быть против...

— Мне оставить его до ее пробуждения? — раздраженно поинтересовался, кивая на бесчувственное тело. — А если он повторит попытку?

Антон нерешительно топтался. До моего слуха донеслось негромкий скулеж и царапание.

— Кстати, у вас в доме собака?

— Да, только не проговоритесь. Лидия велела от щенка избавиться, только его ведь никто не возьмет с такой лапой... У себя в комнате прячу. Было слышно, да?

— Это он меня разбудил. Идите уже.

Антон ушел, оставив меня наедине с пленником. Руку я перемотал подвернувшимся в ванной комнате полотенцем, мимоходом подивившись завешенному зеркалу. Там же взял

кувшин с водой и вернулся к гостю. Выпил на него воду, в которой почему-то оказались лепестки цветов, и встряхнул, приводя в сознание.

— Кто тебя послал? Говори!

Наемник смотрел на меня мутными от боли глазами и молчал. Кровь с разбитого носа успела застыть неопрятными сосульками в его куцей козлиной бороде.

— Позволь тебе объяснить, что произойдет дальше. Сейчас придут стражники. Я могу заявить, что ты всего лишь пытался ограбить дом госпожи Хризштайн. Думаю, ты знаешь, что тебе грозит. А могу сказать, что ты пытался по заказу кардинала Ветре убить меня. Что с ним в сговоре. Мне достаточно упомянуть, что ты помогал ему с Заветом, и все. Твоя жизнь не будет стоить и медного гроша. Только от тебя зависит, что я скажу.

— Что ты хочешь? — пробормотал наемник, прикрывая глаза.

— Где кардинал? Укажешь, где он скрывается, и умолчу о твоём нападении.

Я не торопил его, спокойно разглядывая неудавшегося убийцу. Зачем кардинал послал его убить Лидию? Из мести? Или целью был я?

— Что с ней? — головорез кивнул головой на Лидию. — Она даже не шевельнулась, когда...

Я выдержал многозначительную паузу, чтобы прозвучало убедительней.

— Твое счастье, что госпожа пьяна настолько, что... Что не прирезала тебя самолично. Она бы точно не стала с тобой церемониться. Или кардинал тебя не предупредил?

— Я не знаю, где кардинал, — выдавил наконец наемник.

— Зачем он послал тебя?

— Убить ее.

— Зачем?

— Он не объяснил. Просто велел убить.

— Где вы встречались?

— В трактире "Пьяный гусак".

— Это где?

— Рядом с Академией. зуб даю, ничего больше не знаю! — в его голосе звучала мольба.

Кардинал вот так запросто разгуливает по городу? Или же прячется где-то поблизости? Минуточку, ведь в документах помчицы Малко была указана земля рядом с Академией, часть из которой должна была отойти ему. Я вскочил на ноги. Конечно, Лидия наследовала и эту землю тоже, а вместе с ней уплывала добыча кардинала. Но на что он надеялся, если его ищет Святой Престол?

Передав наемника хмурым стражникам, я вернулся к Лидии. Антон рвался меня заменить, но сон все равно уже прошел, поэтому я отправил юношу досыпать. Дыхание Лидии было все такое же редкое и неровное, я подтянул одеяло на ней до самого подбородка, осознавая, что веду себя глупо, невозможно им согреть, можно только не дать остыть еще больше. Сжал безвольную ледяную ладонь в своей руке, стремясь согреть хоть немного. Мне казалось, что замедленное сердцебиение напрямую связано с температурой тела. Может, положить грелку? Или попробовать утром опустить ее в теплую ванну, чтобы не допустить остановки сердца? Надо будет поинтересоваться у Антона, помнит ли она себя во время приступов, осознает ли действительность во время такого сна.

Потом мысли поменяли направление. С утра отправлюсь прямиком к епископу и поделюсь своими предположениями относительно местонахождения кардинала. Или

поехать прямо сейчас? Если кардиналу станет известно, что его план провалился, он может попытаться уехать из города. Часы показывали половину четвертого утра, но в комнате было настолько серо и тускло, что глаза сами собой закрывались. Успокаивая себя, что прикрою их всего лишь на пару минут, я не заметил, как провалился в крепкий сон без сновидений.

Из него меня выдернул болезненный пинок по колену.

— Развяжите немедленно! — Лидия исхитрилась сползти с кровати ровно настолько, чтобы достать до меня ногой. — Быстро!

Слава Единому, она проснулась! Голова спросонья плохо соображала, но я расправил одеревеневшее от неудобного кресла тело, отцепил один узел веревки с кровати, потянулся за другим. Лидия освободившейся рукой меня опередила, мигом стянув с себя все веревки. В единый момент схватила меня за руку и накинула на запястье узел, затянув его. Я слишком поздно понял, что она задумала, потому что через секунду и вторая рука оказалась стянута в захвате веревки, а следом она толкнула меня, опрокидывая на кровать. Окончательно проснувшись, я рванул путы, но узлы на изголовье кровати увязли еще больше, больно пережав запястья.

— Какого демона вы творите!

Лидия ничего не ответила, прижав меня к постели собственным весом, склонилась к моему лицу и зло зашептала:

— А какого демона вы делаете у меня в комнате, а? Вам что было велено... Кысей? Я ведь могу вас так называть? Или слишком фамильярно? — Лидия откровенно издевалась, я чувствовал ее горячее дыхание у себя на коже.

— У вас был приступ, я всего лишь...

Я дернулся, потому что она впиалась поцелуем в шею и прижалась ко мне всем телом. Как же глупо попался!

— Какие к демону церемонии в нашем положении, верно? — ее лицо оказалось напротив моего, глаза пугали величиной зрачка.

— Прекратите немедленно! Я требую...

— Что же мне с вами сделать? — с ужасом почувствовал, как Лидия начала неспешно расстегивать пуговицы моей рубашки. — На что покуситься? На вашу драгоценную честь? А может, вот на эту роскошь, а?

Она запустила пальцы в мои волосы и хрипло рассмеялась, что взбудоражило рассудок, против воли возвращая забытые желания.

— Не смейте, — голос позорно дрогнул, ее ладонь уже легла на мою обнаженную грудь и провела по контуру священной татуировки.

— А почему бы не получить все? Но начну я пожалуй с...

Ее рука скользнула к поясу брюк, и я отчаянно забился, пытаюсь скинуть с себя Лидию. Несмотря на почти болезненную худобу, она казалась невероятно тяжелой, вцепившись в меня мертвой хваткой. Больно ныли растревоженные раны.

— Не торопитесь, господин инквизитор, вам же некуда спешить... — ее губы продолжали ласкать мой живот, неумолимо спускаясь все ниже. Тело предательски откликалось на ее обжигающие поцелуи, но не менее жгучим был и стыд.

— Послушайте! — дыхания не хватало, казалось, вся кровь прилила к вздыбленной неисполнимым желанием плоти. — Это насилие, слышите! Прекратите немедленно! Или мне надо звать на помощь? Вы хотите, чтобы вас увидел брат?

Она на секунду оторвалась, чтобы томительным в своей небрежности движением распустить волосы.

— Он нас не увидит, не волнуйтесь. Вы же захлопнули дверь, верно? Пока найдет ключ, пока вернется, столько всего можно успеть... Да и не побежит он вас спасать...

Прохладное золото ее волос растеклось по моей коже, вырвав из груди стон позорной слабости. Я отвернул голову, не в силах смотреть вниз, на творимый помимо воли блуд, и отчаянно пытаюсь придумать. Придумать хоть что-нибудь, но остановить ее. Я должен остановить, пока не поздно. Пока она не зашла слишком. Не зашла слишком далеко. Пока она...

— Пока вам холодно, — судорожный вздох. — Пока нет дыхания. Пока нет сознания. Эти симптомы... Я их знаю.

Она замерла, и я смог перевести дух. Боже Единый, как же я не хочу, чтобы она останавливалась!

— А еще вы чувствуете, что... чего-то не хватает... воспоминаний... Верно? Вы не все помните... Да. Именно так.

Я едва не взвыл, она вцепилась в меня ногтями с такой силой, что оцарапала бедро до крови. Казалось, боль должна была отрезвить, но вместо этого еще больше распалила желание.

— Немедленно развяжите... меня, и я скажу... что с вами... Вы же не знаете...

Неуловимым кошачьим движением Лидия перебралась выше и нависла у меня над лицом.

— Вы не в том положении, чтобы торговаться! Говорите!

— Нет! — у меня едва нашлись силы покачать головой. Ее пьянящая близость лишала последних остатков воли, я малодушно зажмурился. — Вы не все... помните, и вас это... тревожит. Если не отпустите немедленно, я... никогда больше... никогда не узнаете...

— Но вы же хотите этого не меньше меня, господин инквизитор, — ее вкрадчивый шепот обжигал мне губы. — Я чувствую ваше желание. Кого вы пытаетесь обмануть? Скажите мне все, и я...

— Нет! Единым клянусь, нет. Не скажу. Вам будет... все хуже...

Ее руки сомкнулись у меня на шее, отбирая последнее дыхание.

— Угрожать вздумал! Придушу! — прорычала Лидия. Я тщетно пытался вдохнуть хотя бы немного воздуха. Легкие раздирала невыносимая боль, в глазах потемнело, но неожиданно ее хватка пропала, а следом ослабли путы на запястьях. Я закашлялся.

— Говорите, — она все так же сидела на мне верхом, упираясь ладонями в грудь. Мои руки были свободны, я мог... Да, я мог столкнуть ее, отшвырнуть и уйти, но вместо этого поддался безумному желанию и подмял под себя, перехватив руки в запястьях. Навис над ней, не в силах отвести взгляда от полных податливых губ, забыть нежность кожи, не в состоянии противиться дурманящему аромату ее тела...

— Чего ждете? Хотели сами вести?.. Так бы сразу и сказали...

Лидия потянулась ко мне в поцелуе, но откровенный цинизм ее слов странным образом вдруг остановил меня. Нет, не отрезвил, не избавил от жгучего желания, не унял похоть, но остановил. Я отпустил ее и поднялся с кровати, понимая, что от соблазна поддаться зову плоти меня отделяет всего лишь зыбкая грань собственной воли. Мучительной болью пульсировал низ живота. Стараясь не смотреть на Лидию, двинулся к двери, но она тут же вскочила и перегородила путь.

— Куда собрались? Говорите, что вам известно про симптомы!

Я нашел мужество взглянуть в ее светлые глаза и ответить.

— А я вас обманул, госпожа Хризшайн. Понятия о них не имею. Обратитесь к душеведу.

Ее лицо застыло на мгновение безжизненной маской, потом она дикой кошкой вцепилась мне в лицо. Вернее, попыталась. Я был готов. Думал, что готов. Теперь я знаю, что взбешенная женщина стократ опасней троих вооруженных громил. Она все же ухитрилась меня поцарапать, прежде чем я скрутил ее и крикнул Антона. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем он прибежал.

— Забирайте свою сестру, — я толкнул к нему извивающуюся Лидию.

— Что произошло? — юноша испуганно смотрел на меня, и я сообразил, что рубашка на мне расстегнута, а штаны...

— Пусти! — Лидия вырвалась из объятий брата и подошла ко мне. Вплотную. Лицо без единой кровинки, лишь на щеке несколько алых капель из оцарапанной руки. — Убирайтесь. Еще раз попадетесь на моей дороге — раздавлю. Слышите? Как гниду раздавлю.

Я отчетливо слышал, как она скрипнула зубами, и почел за благо ретироваться. Но споткнулся об рыжего щенка, что радостно тявкал и вилял хвостом, стоя на пороге комнаты. Тревожно оглянулся на Лидию и не ошибся. Ее лицо потемнело, она сжала кулаки и двинулась к щенку с однозначным намерением. Не долго раздумывая, выхватил рыжего у нее из-под носа и кивнул Антону.

— Так и быть, заберу себе.

Спускаясь по лестнице, я услышал, как об стену разбили что-то массивное. Мне подумалось, что это кресло, впрочем, оно все равно было неудобным. Так и неудобные греховные мысли еще долго будут разбивать в осколки ночь, заставляя молиться и каяться, но теперь мое одиночество будет с кем разделить. Щенок лизнул мне палец и уткнулся холодным носом в ладонь.

Глава 9. Хризостола

— Ты зачем его пустил? Как посмел бросить меня? — заорала я на Антона, едва за мерзавцем захлопнулась дверь. Бешенство клокотало в груди, я со злости вцепилась в спинку кресла.

— Он предложил помочь. Я...

— А ты и рад согласишься! Что он со мной сделал? — кресло со всего размаха полетело в стену. — Что сделал, пока была не в себе, я тебя спрашиваю?!?

Антон спокойно смотрел на меня, ему было не привыкать к моим истерикам.

— Не думаю, что твоя честь могла пострадать, Хриз. Мне показалось, как раз наоборот...

— При чем тут к демону в задницу моя честь! — я схватилась за волосы у висков и с силой дернула. — Он что-то сделал! Все не так! Все совсем не так!..

— Ты о чем? — Антон наконец забеспокоился.

Я схватила его руку и приложила к своему лбу.

— Видишь? Нет озноба. Не болит сердце. Не чувствую... А, неважно!

— Ну прости. Я две ночи не спал. Сначала из-за него, потом из-за тебя... А он предложил посидеть с тобой. Но я не думаю, что он...

Антон понурил голову, я глубоко вздохнула, подошла к нему и положила руку на плечо.

— Прости и ты тоже. Я...

Взгляд упал на ковер, где была разлита вода вперемешку с лепестками, и виднелись кровавые потеки.

— Что здесь произошло? Откуда кровь? Это я?..

— Ты же не дала ему ничего объяснить, да? Он тебе жизнь спас, между прочим. Ночью тебя пытались убить. Он вовремя проснулся и схватил убийцу.

— И где? Где убийца?

— Стражникам сдали...

Я подавила желание вlepить Антону хорошую затрецину. Болван!

— Тебе кто разрешил вмешивать в это стражников?

— А инквизитор меня не спрашивал! — вскинулся мальчишка.

— А он такой же болван!

Я пнула ногой некстати подвернувшийся пустой кувшин.

— Ладно, ладно... Позови Пиону, пусть уберет здесь все.

Антон помолчал немного, потом спросил нерешительно.

— Ты завтракать будешь?

Привычный после приступов голод мгновенно дал о себе знать, заурчав зверем в пустом желудке. Я кивнула.

Меня душила злоба. Такое оскорбление не прощают. Убью. Задушю, или нет, отравлю. И буду смотреть, как он корчится в муках. Мерзавец посмел не только меня отвергнуть, но и обвести вокруг пальца! Даже не знаю, что больше приводило меня в исступление. Я умылась, пытаясь хоть немного остудить огонь неутоленной страсти в напряженном теле. На секунду прикрыла глаза, вспоминая его лицо, склоненное надо мной. Как же мне хотелось

его прикосновения! Но я отдавала себе отчет, что ни смазливое личико, ни красивое тело, ни даже соблазнительная неопытность красавчика не привлекают меня больше, чем его эмоции. Настолько сильные и яркие, что я чувствовала их как собственные, даже в нормальном состоянии. Самое обидное, что он тоже желал меня. Его влечение было обжигающе горячим и не менее мощным, чем мое, но почему тогда он остановился? А еще я впервые в жизни узнала, что значит ощущать стыд.

Мне никогда не было стыдно ни за свои поступки, ни за мысли. Нет, я могла легко распознать это чувство в других, я знала, что если обманула, украла, соблазнила или убила, положено испытывать стыд. Я могла его искусно разыграть, могла заставить покраснеть щеки, могла расплакаться, но ничего при этом не чувствовала. Антон пытался объяснить мне, что именно ощущает человек, но моральные терзания, стыд, вина и прочие глупости оставались за гранью моего понимания. Просто глупые традиции, которым должен следовать человек, чтобы выжить в обществе себе подобных. А сегодня... Я улыбнулась. Это было необычное ощущение, не слишком приятное, но такое яркое. Что ж, пожалуй, ты слишком интересен, красавчик, поэтому я не убью тебя. Просто выжму досуха, выпью все соки, и в следующий раз ты меня уже не остановишь. А за сегодняшнюю выходку дорого заплатишь.

Пиона робко постучала в дверь ванной, выдергивая меня из сладостных раздумий.

— Вам помочь?

Я тяжело вздохнула и вышла к ней.

— Да, собери волосы в высокую прическу. Возьми шпильки в шкатулке.

Пиона ловко расчесывала мои спутанные космы, а я недовольно разглядывала свое лицо в отражении зеркала. Некстати подумалось, что теперь придется узнавать про ночного убийцу. Впрочем, не сомневаюсь, что его послал кардинал. Решение суда по наследству в мою пользу едва ли обрадовало церковника, потому что его вложения в землю рядом с Академией уплывали в мои руки. Я хищно улыбнулась, вспоминая, как ловко все устроила. Пока церковники стояли на ушах из-за обнаружения Завета у отца Бульвайса, поверенный вовремя успел подсуетиться и повернуть дело. Откуда ж им было знать, что претендент на наследство Франц Малко по досадному стечению обстоятельств был заколот во время трактирной драки пьяными головорезами и не смог явиться в суд. Теми самыми головорезами, которых нанимал для меня. Улыбка стала еще шире. Наверное, я должна испытывать стыд?

— Госпожа? — Пиона почти закончила, закрепляя последнюю прядь. — Я подумала и приняла решение.

Она задрала подбородок вверх. Верный признак упрямства.

— Господин инквизитор правильно сказал, что ложь — это всегда плохо. Нельзя лгать, не бывает лжи во спасение. Поэтому я все расскажу Мартену про себя. И если он...

Моя улыбка превратилась в звериный оскал. Стервец и здесь успел мне подгадить?!? Надо было придушить, когда была возможность!

— И если он захочет после такого взять меня в жены, то я...

— Господин инквизитор — еще тот лжец и лицемер, Пиона, — нарочито спокойно сказала я, вытягивая руку и поправляя шпильку. Рукав ночной рубашки задрался, намеренно обнажая неприглядные синяки на запястье.

— Что у вас с руками, госпожа? — испуганно спросила девушка, указывая на багровые следы на коже.

— Это? Ах, так, мелочь. Просто господин инквизитор любит развлекаться... не совсем обычным способом. Иногда и хуже бывает... К сожалению, ему не откажешь...

— Это он вас?.. Не может быть! — воскликнула Пиона, прижимая гребень к сердцу. — Он казался таким... И он же священнослужитель! Они ведь должны соблюдать...

— Помолится, покается и отпустит все грехи. Пустяки. И убери следы наших... развлечений.

Я кивнула на пол. Пиона побледнела, уставилась расширившимися глазами на кровавые потеки, потом перевела взгляд на кровать, на изголовье которой еще висела веревка, судорожно сглотнула. Я не стала добавлять подробностей, справедливо полагая, что ее воображение и так дорисует все необходимое.

— Кстати, ты ему кажется приглянулась. Так что когда расскажешь Мартену про себя, я тебя с удовольствием продам инквизитору. Он готов неплохо заплатить, а фантазия у него богатая. На тебя тоже хватит.

Пиона негромко охнула у меня за спиной, но я уже выходила из комнаты, мгновенно про нее позабыв и сосредоточившись на неумемном желании сожрать все съедобное в доме.

Отшельник сидел напротив меня с безучастным видом. Портовый кабак дрянного пошиба, и зачем назначил встречу здесь?

— Получилось?

— Да, — кивнул он мне, протягивая записку с адресом.

— Отлично! — еще одна ниточка в мой узор.

— Госпожа больше ничего не закажет? — бесстрастно поинтересовался мой визави, но я уже наловчилась чувствовать мельчайшие оттенки его настроения.

— Не расстраивайся, — я улыбнулась. — У меня впереди еще будет для тебя множество интересных поручений.

Внезапно стих привычный гул кабака с разговорами, пьяными ссорами, стуком кружек, жадным чавканьем, отрыжкой и ойканьями подавальщиц, щипаемых за задницу. Я должна была догадаться. В кабаке сегодня событие — в его стены занесло бродячего барда, тощий оборванец с потрепанной лютней устраивался, чтобы порадовать посетителей своей музыкой. Глаза Отшельника загорелись предвкушением, а я покачала головой, удивляясь его страсти.

— Еще есть новости?

— Есть, — кивнул Отшельник, не отводя взгляда от барда. Облизнул пересохшие губы. — Сегодня арестовали кардинала.

— Вот как? — я удивленно подняла брови. Не ожидала от церковников такой прыти, скорей всего, им просто повезло. — Неужели Святой Престол решил потратиться на фамилиаров?

— Нет, — Отшельник вытянул шею, ловя каждый звук, извлекаемый из лютни, хотя бард всего лишь настраивал инструмент. — Его арестовал инквизитор. Похоже, ему кто-то подсказал, где искать кардинала.

А я кажется знаю, откуда красавчик получил эту подсказку! Сцепила руки на кружке с пивом. То самое чувство, когда тебя обыграли по твоим же правилам, ярило гордость. Раздумывая над дальнейшими действиями, не заметила, как бард затянул заунывное героическое сказание. Вздрогнула от первых строчек...

"И взмыли в небо стрекозы,

Чтоб славу Единому вознести
На крыльях золотых..."

И едва не глотнула сдуру пиво, вовремя остановившись, когда острый хмельной запах ударил в нос. Это такая насмешка Единого? Опять стрекозы? Или у меня уже навязчивый бред? Аккуратно взглянула на Отшельника, он слушал балладу, но уже без огонька.

— Бездарность! Глупая бездарность! — поддела я его, кивая в сторону барда.

— Да, — грустно согласился он. — Исполнитель ужасен. Я рассчитывал на большее. Но баллада о проклятии Мертвых земель неплоха.

— Вот эта? — фыркнула я. — Пафосная, скучная, без рифмы и дурацкая, к тому же! Не могут механические стрекозы летать!

— Так легенда же, — Отшельник теперь смотрел на меня внимательно. — Вы разве ее не слышали?

Я скривилась.

— Не люблю подобные глупости ни слушать, ни тем более повторять.

— Надеюсь, я когда-нибудь услышу ваш голос. Алекс писал, что он у вас просто чудесен.

Отшельник поклонился и ушел, оставив меня сидеть, кипя от злости. Я едва удерживалась от нестерпимого желания вот этой самой кружкой разбить голову грошовому комедианту, что надрывался про падающих с неба стрекоз.

Настроение было испорчено окончательно и бесповоротно, поэтому я решила не откладывать возникшее дело и немедленно отправиться в дорогу. Антон опять будет отчитывать, что не предупредила его, куда еду. Путь был неблизкий, поэтому я выкупила все билеты на дилижанс и единолично заняла его, собираясь отдохнуть в дороге.

Деревушка западного вояжества носила вкусное название Вишневка и утопала в садах, однако на деле оказалась убогой до безобразия. Покосившиеся хмурые дома, зияющие своей бедностью напоказ, отвратительная дорога, размытая вчерашним дождем, любопытно-испуганные глаза детворы, выглядывающей из-за оцетинившихся заборов. И конечно же церковь, ну куда ж без нее! Она горделиво возвышалась над деревней, сияя в лучах закатного солнца. Я не без труда нашла нужный дом, где жила Матильда Эрих, свидетельница, чье имя упоминалось в архивных документах по делу убийства Елены Иптискайте, матери Николаса. К счастью, Матильда была дома.

Я смотрела на эту старую женщину, на ее выбеленные временем волосы, забранные под чепец, смотрела на изрезанное морщинами доброе лицо с ясными темными глазами и ямочками на щеках, смотрела на огрубевшие от тяжелой работы руки и на некогда пышную, а теперь обвисшую тяжелую грудь, а видела перед собой кормилицу Хенрику. Внешнее сходство было незначительным, но тот же взгляд, то же выражение лица, этой всеобъемлющей любви ко всему человечеству, такой глупой и нелепой.

Мне пять лет. Для меня не существует запретов, я донимаю челядь своими выходками и жестокими забавами, иногда бываю за это бита бабушкой. Мне скучно, ничто не может надолго удержать мой интерес. На день рождения мне дарят большую фарфоровую куклу, но я быстро к ней остываю и ломаю ее. Бабушка, строгая воягиня Тельма Ланстикун пытается пристыдить меня:

— Молодая вояжна должна держаться с достоинством, а не вести себя как холопка.

Но мне совсем не стыдно, я искренне не понимаю, что это такое. Бабушка оставляет меня без праздничного ужина и наказывает сидеть в своей комнате. Но мне скучно, поэтому я решаю прокрасться к отцу. Его комната вечно заперта, но иногда я вижу его за общим столом, меня притягивает тот странный пустой взгляд, который я тщетно пытаюсь обратить на себя, дурачась пуще обычного за едой. Матери для меня не существует, я слишком быстро поняла, что пугаю ее. Иногда этот страх развлекает меня ненадолго, я начинаю ее преследовать и просить, чтобы она поцеловала свою дочь на ночь. Разумеется, этого никогда не случается. Жалкая идиотка отшатывается от меня и убегает чуть ли не плача. Но такое развлечение быстро приедается.

Я знаю, что буду наказана больше обычного за вторжение в комнату отца, но про такую мелочь даже не думаю. Азарт и опасность становятся новой интересной игрой. Отец сидит в кресле, его взгляд направлен в никуда. Я пытаюсь поговорить с ним, но он не отвечает. Замечаю, как с уголка его рта стекает слюна. Мне впервые в жизни становится страшно. Я никогда не плакала, но теперь начинаю реветь. У меня случается истерика, я задыхаюсь, сворачиваясь клубком в ногах безучастного отца.

Меня находит Хенрика. Гладит по голове и пытается успокоить. Ее прикосновения злят меня пуще обычного. И эта добрая корова тоже злит, слишком скучна и настойчива со своей лаской. Она берет меня на руки и прижимает к себе, баюкая. Неожиданно становится легче, а может, я просто замерзла. Кормилица начинает напевать знакомую колыбельную...

Я оцепенела от воспоминаний мелодии и текста колыбельной. Как же я могла ее не узнать? Та самая, про сыночка или дочечку! Старуха напротив тщетно спрашивала меня, но я будто оглохла. Я вспомнила, что кормилицу взяли в замок сразу же после того, как она сама родила ребенка, даже не показав ей новорожденного. Хенрика не знала, кто у нее родился, тосковала и изливала свою печаль в песнях. Ее забота была навязчивой, но сейчас, оглянувшись в прошлое, я поняла, что она была единственным человеком во всем замке, кто любил меня и просто дарил нежность.

— Простите, госпожа, вам нехорошо? — участливо переспросила Матильда, заставив больно сжаться сердце от тех самых заботливо-тревожных интонаций кормилицы, которыми она утешала за исполосованную розгами попу и разбитые коленки.

— Вы Матильда Эрих? — я взяла себя в руки, откладывая на потом все переживания.

— Да. Вы верно из города?

Я молча кивнула, оглядываясь в чистой, но пронзительно бедной комнате. Выдраенные добела полы, белоснежное, хотя и штопанное белье на единственной кровати, на столе ни пятнышка, на окне вывешены скудные травы для просушивания. Убранство комнаты кричало о том, что здесь едва сводят концы с концами. Старая женщина заметила мой взгляд и, стыдливо оправдываясь, пояснила:

— Простите, не смогу вас толком угостить. Есть только вчерашний узвар, будете?

— Буду, — улыбнулась я приветливо, прикидывая, что если заартачится, ее можно будет легко купить. — Я к вам по делу.

Пока Матильда хлопотала по хозяйству, я не без опаски оглядела хлипкий стул и решила присесть на кровать. Приняв чашку с теплым узваром из яблок, приступила к делу.

— Вы знали Елену Иптискайте?

Старуха вздрогнула и посмотрела на меня с испугом.

— А что случилось?

— Расскажите мне про то дело. Про Николаса.

— Николас — хороший мальчик! — горячо сказала Матильда. — Он ни в чем не виноват! Я говорила тогда! Мне никто не поверил, и его бедняжку...

— Я вам верю, — пресекла я ее излияния. — Расскажите, как все было.

— Он не убивал свою мать. Несчастный ребенок... Бедняжка Елена. Она потеряла мужа в плаванье. Ждала его возвращения уже при надежде... Ну куда ей было деваться с маленьким сыном да еще и с дитем под сердцем? А шила Елена всегда хорошо, себя обшивала да подруг. Николас всегда ходил в обновках, на зависть прочим. Вот и подалась в... В срамной дом. Там, где девки бесстыжие любовь свою продают, ну вы понимаете, о чем я?

Я кивнула ей, подбадривая.

— Как я ее отговаривала, умоляла, ведь чувствовала, что до добра не доведет. Но чтоб так! Нет, поначалу Елена довольна была, деньги хорошие платили. Но там ведь такие страсти происходили. Поганый помчик в тот день напился и гонялся с ножом за одной из девок, а та возьми и спрячься у Елены. А он пьяный в смерть, глаза вылупил от злости, трясло его всего, он Елену за волосы схватил и давай тягать. А она молчит. Он сдуру и саданул ей ножом в бок. Николас все видел, спрятался вместе с той девкой. Она ему рот зажала, чтоб он их не выдал.

Старая женщина тяжело вздохнула и замолчала, в ее глазах стояли слезы. Мне пришлось ее поторопить.

— Дальше что было?

— Помчик ногой Елену пнул да ушел. А она жива была. Девка та сразу убегла...

— Убежала, — поправила я рассеянно.

— Убежала, — послушно повторила Матильда и еще более горько вздохнула. — А Николас там остался. У Елены воды отошли, дитя живое под сердцем, на свет просится. Вот она и...

— Что? — мое раздражение было готово выплеснуться через край.

— Она... Сына просить стала, чтоб он дите спас. Ножницы сказала ей подать, живот пыталась сама себе разрезать, а не смогла. Вот он и... Сам ревет от страха, а она его успокаивает. Как Елена сама-то от боли еще говорить могла! Он рассказывал, что она колыбельную ему пела, чтоб успокоить.

Старуха замолчала. Я отстраненно раздумывала над тем, каким разным бывает материнский инстинкт. Может, к лучшему, что у меня больше не может быть детей?

— Только девочка мертвой уже была. То ли Николас ее ножницами задел, то ли помчик ножом достал... Когда я их нашла, он сестричку на руках качал, колыбельную ей пел, а Елена уже без сознания была. Она ненадолго в себя пришла, и я солгала ей, что доченька ее жива. Бедняжка хотя бы умерла спокойной...

Я встала, прикидывая, успею ли до темноты вернуться в город.

— Как звали помчика?

— Что? — старая женщина оттерла слезы и недоуменно на меня уставилась, потом пожала плечами. — Какая теперь уже разница? Ему все с рук сошло. Уж сколько я в громаду не бегала, сколько не рассказывала, не поверили мне. Девка та шалупная тоже как воды в рот набрала. Мне рассказала, как было, а в громаду наотрез отказалась идти. Единый ее покарал потом, говорят, от звездной сыпи умерла. А Николаса в божевольню отправили,

сумасшедшим признали. Он действительно после ужаса этого совсем того... Поседел весь. Я когда его в лечебнице навещала, смотреть страшно, ребенок, а седой весь...

— Как звали помчика? — требовательно повторила я. — В архивных документах нет его имени, хотя ваши свидетельства имеются.

— Да я говорила, капитан слушать не захотел. Даже не записал. Ничего помчику за это не было. Говорят, как девок калечил, так и продолжал бить да...

Старуха понурила голову и тихо сказала:

— Я иногда думаю, что Единый совсем про нас забыл... Почему такие люди живут дальше, а бедного сироту в божевольне заперли? Я забрать его хотела, усыновить, хотя у самой тогда... После того свидетельства капитан громады шибко осерчал на меня, из города выжил, лавка моя разорилась на поборах. А Николаса мне так и не отдали, а ему в той лечебнице хуже сделалось.

— Почему же? Разве его в конце концов не выпустили?

Матильда покачала головой.

— Выпустили, только он... Сестрой своей стал называться, в платье женское рядиться, шить начал, как мать. Страшно мне бывало на него глядеть, словно малютка Агнесс и впрямь в нем поселилась...

Надо же, простолюдинка, а проницательней оказалась, чем хваленые душеведы.

— Вы так и не назвали имени помчика.

Старуха молчала, видно, история с капитаном научила ее уму-разуму.

— Не волнуйтесь о последствиях, Матильда. Если Единый позабыл о нас, то уверяю, я смогу напомнить ему про долги.

— Якоб Жаунеску, — тихо прошептала она.

— Вот и спасибо, — я встала и положила ей на стол десять золотых. — Прощайте.

Матильда недоуменно посмотрела на деньги, потом попыталась мне их вернуть.

— Госпожа, заберите, пожалуйста! Мне не надо!

— Не надо? — я удивленно приподняла бровь. Никогда не смогу понять таких глупцов. — Ну как хотите.

Возле двери она меня окликнула, маленькая, жалкая, глупая, мягкосердечная.

— Госпожа, вы же не причините вреда Николасу? Он так настрадался... Прошу вас!

— Боюсь, Николасу уже никто не сможет помочь, Матильда.

Она схватила меня за руку.

— Разве сделал он что дурное? Ну ходит в платье женском, так мало ли какая блажь. Иные и вовсе... Прошу вас, он единственный, кто у меня остался, единственный, кто навещает. Всех война в проклятой Черногории забрала...

Я аккуратно высвободила свою руку из ее хватки.

— Матильда, мальчик Николас, которого вы так любите, умер.

— Что вы такое говорите?

— Он умер сорок лет назад, вместе со своей матерью. А тот, кого вы знаете сейчас как Николаса или Агнесс, — всего лишь маска. Для колдуна. Который жестоко убивает девушек. Не по своей воле он таким стал, да, действительно, но его надо остановить. Но могу вам обещать, — я спокойно смотрела на побледневшее лицо старой женщины. — Что в отличие от Единого, я заставлю заплатить по счетам всех.

А у Отшельника уже завтра появится новое интересное задание. Уже возле двери мне внезапно пришла в голову еще одна идея.

— Матильда, вы кажется сказали, что он вас навещал? Он ничего с собой не привозил?..

Домой мне удалось добраться лишь под утро. Злой и встревоженный Антон устроил мне головной убор прямо с порога. Особенно умилила Пиона с красными заплаканными глазами и распухшим носом, но зато трогательно обнимаемая и успокаиваемая Мартеном.

— Ты где была? Мы чуть с ума не сошли, волнуясь за тебя! Сколько раз просил!..

— Прости, дела. Замоталась, забыла. Не смогла. Каюсь, нет мне прощения. Больше не буду. Честно, — привычной скороговоркой отбарабанила я. — Где мой завтрак?

Антон несколько мне не поверил, слишком хорошо он меня знал. Просто давнишний ритуал и соблюдение условностей. Раз виновата, значит надо раскаиваться и просить прощения.

— Пиона, Мартен. Я смотрю, вы так сблизились... Когда свадьбу играть будем?

Интересно, она хоть знает, как привлекательно смотрится с таким пышным румянцем на всю щеку? Мартен тут же вскочил на ноги и заволновался.

— Г-г-госпожа Лидия, я м-м-могу...

— Только приданое я за нее не дам, ни копейки, учтите. Обсудите с отцом, Мартен.

— Может хватит уже сваху из себя изображать? — недовольный Антон протянул мне записку. — Еще вчера вечером принес стражник, очень тебя требовали в громаду. Но ты же как обычно где-то шляешься!..

Я развернула бумагу, прочла, нахмурилась. Да, похоже, рано я обрадовалась удаче, впрочем, мне не привыкать.

— Куда? Ты же собиралась позавтракать! — окликнул меня Антон, но я уже неслась в управу.

— Вы изволили придти, госпожа Хризштайн? — кардинал Ветре даже в камере ухитрился выглядеть высокомерно и благочестиво, однако он заметно осунулся и теперь вовсе выглядел тощим.

— Женское любопытство, ваша святость.

— Вчера меня допрашивал господин инквизитор. Удивительно быстро он оправился, не находите?

Я пожала плечами под его испытующим внимательным взглядом. Мое лицо не выражало ничего, кроме вежливого интереса. Мастерство карточного шулера, которому меня в свое время обучал атаман, предполагает умение держать лицо в любой ситуации. Я продолжала молчать. Если хочешь заставить противника открыть карты, иногда просто следует подождать, ничего не предпринимая.

— Он и сегодня должен придти, — кардинал тоже решил поиграть.

Мы молчали, а я в это время спокойно размышляла над возможными исходами дела. Первым сдался церковник.

— Я могу намекнуть господину инквизитору, что его ранения были более чем серьезны. На самом деле, они были смертельны, как сообщил мой человек. Как думаете, когда он начнет выяснять подробности, что обнаружится?

— Что ваш человек ошибся? — вежливо подсказала я.

— А это будет зависеть от вас, госпожа Хризштайн. Полагаю, вы непосредственно приложили руку к чудесному излечению инквизитора. Или правильней будет сказать, колдовскому?

Он приблизился вплотную к прутьям клетки и уставился на меня ненавидящим

взглядом.

— Я слишком хорошо знаком с действием грибного эликсира, чтобы не связать концы с концами.

Мое лицо превратилось в бесстрастную маску, но внутри поднималось дикое бешенство. Если бы нас не разделяла решетка, я бы убила его на месте, не озираясь на последствия.

— Так вы знали про то, чем занимается помчица Малко? Неужели довелось испробовать его действие на себе? — я позволила себе легкое любопытство.

— Этот эликсир спасал жизни! Жизни достойных праведников! — кардинал вцепился руками в прутья клетки, костяшки побелели.

В голове сделалось пусто и холодно.

— Жизнь праведника стоит детской? — невыразительно спросила я.

— Да хоть дюжины! Мир погряз в грехе и похоти!..

— А вы его, конечно, собирались спасти, — в моем голосе не было иронии, просто констатация факта.

— Да! — выплюнул он мне в лицо. — В том числе от таких, как ты, грязная шлюха!

— И что же вы хотите от такой грязной шлюхи, ваша святость? — я уже знала, что он умрет. Мне плевать на праведный суд, наказание и отмщение для пострадавших. И на Единого тоже плевать. И на красавчика с его принципами. Таких праведников, с молчаливого согласия и равнодушного одобрения которых творится колдовство, нужно сжигать вместе с колдунами. Жаль, что от костра придется отказаться.

— Ты отпишешь мне всю землю, что получила, слышишь! И вытащишь меня отсюда. Хитрая изворотливая змеюка, уж постарайся. А иначе инквизитор, на которого ты смотришь словно течная сука на кобеля, узнает про тебя все. И кто знает, может выяснится, что ты и есть тот самый Серый Ангел! А если инквизитор уже под твоими чарами, то сводня из борделя тебя уж точно в покое не оставит! — он уже практически орал, не обращая внимания, что его может услышать охранник.

Придется поторопиться, сегодня вечером. Яд? Отравить пищу в тюрьме несложно, но не надежно. Я хочу быть уверенной, что эта гнида сдохнет. Остается холодная сталь. Перерезать ему горло и согреть руки в его крови. Совсем как любил делать колдун. Я кивнула и улыбнулась кардиналу, представляя цвет его крови.

— Хорошо, ваша святость. Я попробую вас вытащить. Не волнуйтесь так. А то сердце не выдержит...

— Дрянь! У тебя времени до утра. Завтра я заговорю. И не вздумай обдурить. Учти твою тайну знаю не только я!

Я улыбнулась еще шире, доведя церковника до иступления своим спокойствием. Он уже выдал своего сообщника, неосторожно сболтнув лишнего. Совпадений ведь не бывает, почти совсем.

— Ну что ж, тогда до завтра, ваша святость, — поклонилась я ему, но уже возле двери оглянулась и лукаво попросила. — У меня уже есть идея, как вас вытащить. Поэтому не откажите в любезности, упомяните в разговоре с инквизитором Серого Ангела и попробуйте убедить, что тот вас подставил.

Я поднялась по лестнице из казематов, печатая шаг и чувствуя, как рвется наружу ярость, пересекла просторное помещение управы, бесцеремонно отталкивая с дороги

попадающихся стражников, писарей и чинуш, не забывая, тем не менее, присматриваться к обстановке и намечать план сегодняшней ночной вылазки. Будет сложно и очень, очень рискованно, но меня это никогда не останавливало. Задержалась напротив дежурного писаря, небрежно поинтересовалась:

— Любезнейший, мне надо будет вернуться повидать кардинала Ветре еще раз. Непременно сегодня. До которого часа я могу рассчитывать?

— Посещения заключенного запрещены, — не поднимая головы от бумаг, ответил писарь.

— Мне очень нужно, — я подсунула золотой под его писанину.

Привычным движением он ловко смахнул монету в ящик стола, улыбнулся мне уже приветливо и сказал:

— До девяти. Потом громада запирается, и в казематы вас никто не пустит.

— Не успею до девяти, никак, — нахмурилась я. — К десяти, а может и позже. Что же делать?

— Приходите завтра.

— Но мне надо непременно сегодня его увидеть!

— Кого вы собираетесь увидеть, госпожа Хризштайн? — раздался голос отца Валуа за моей спиной.

План резко поменялся. Я мгновенно успокоилась и обернулась к церковнику, нацепив на лицо маску холодной отстраненности.

— Вас это касается? — довольно грубо поинтересовалась у отца Валуа. К своей досаде, рядом с ним заметила красавчика. Наверняка, пришли к кардиналу. Кысей уже где-то успел раздобыть новую мантию, что меня позабавило.

— Чтобы даже духа вашего здесь не было. Убирайтесь и не смейте больше лезть в церковные дела, — отец Валуа был явно раздражен.

Я прищурилась, испепеляя его взглядом, и решила отыграться.

— Я намерена дождаться официальных извинений Святого Престола за оскорбление необоснованным подозрением. Вы ведь, кажется, нашли свою пропажу, верно?

— Святой Престол никогда не извинялся и не собирается...

— Неужели? — прервала его и угрожающе сделала шаг навстречу, сокращая расстояние. — Какая жалость! Придется просить вояга Хмельницкого о заступничестве!

Одно упоминание вояга вызвало в церковнике желчную злость. Он тоже сделал шаг навстречу, но тут между нами вклинился инквизитор. Он за плечи отстранил меня и сказал:

— Если вас устроит, я могу принести официальные извинения, госпожа Хризштайн. Не надо устраивать здесь скандал, прошу вас!

Я опустила взгляд вниз, упрямо закусив губу. Близость красавчика туманила разум, его руки на плечах обжигали. Мне отчаянно хотелось совершить глупую выходку, например, прямо здесь, на глазах у оторопевших святош, повиснуть у него на шее и впиться поцелуем в губы или еще что похуже. Я глубоко вздохнула, раздраженно сбросила с плеч его руки, отодвинула небрежным жестом в сторону и сказала, глядя в глаза отцу Валуа:

— Меня не устроят извинения ваших псов! Поверьте, я заставлю вас лично принести их! Теперь уже не получится списать внутренний церковный конфликт на удобную фигуру вроде Серого Ангела! Думаю, это очень пошатнет убеждения верующих, правда?

Лицо церковника побелело от злости, но он нашел в себе силы улыбнуться.

— Кто знает, госпожа Хризштайн. А если Серый Ангел действительно приложил в

этому руку?

Я фыркнула раздраженно, внутри ликуя, что он так просто заглотнул наживку.

— Это смешно! Я не дам... Вояг Хмельницкий не даст вам все списать на этого воришку! Если понадобится, то...

— Довольно! — оборвал меня отец Валуа. — Нам пора. Пойдемте.

Он кивнул инквизитору следовать за ним. Красавчик колебался и не отводил от меня пристального взгляда, словно ожидал подвоха. Правильно ожидал.

— Если бы я была на месте этого несчастного воришки, — начала я. — То сильно бы разозлилась, узнав, в чем меня незаслуженно обвиняют. Напомнить, чем в прошлый раз закончилась для вас попытка приписать ему кражу и поджог?

Отец Валуа застыл, развернулся ко мне и холодно спросил:

— Откуда у вас такие сведения, госпожа Хризштайн?

— А у меня везде есть глаза и уши. Ваши послушники и стражники, они ведь в сущности просто люди, их всегда можно купить. Иногда ведь так сложно устоять перед соблазном, правда, господин инквизитор?

Я подмигнула красавчику, на что он мгновенно опустил взгляд и покраснел.

— Так что могу дать бесплатный совет, святой отец. Поберегите свою невероятно секретную реликвию, чтобы не дай боже Единый, опять ее не лишиться!

Оставив за собой последнее слово, я покинула управу, чувствуя глубокое моральное, но никак не физическое, удовлетворение.

— Хриз, инквизитор прислал записку. Это по поводу книг, — Антон недовольно смотрел, как я раздраженно расправляюсь со счетами.

— Выкинь.

— Но...

— Выкинь, сказала. Хотя нет, попроси Тень, пусть напишет в ответе, что указанные книги были отправлены в камин.

Брат покачал головой.

— Вот чего ты опять злишься? Тебе после приступа обычно всегда становилось лучше...

Я закончила подсчитывать доходы и расходы и пришла к неутешительному выводу, что опять придется где-то искать деньги. А еще для плана придется пожертвовать частью денег, украденных у сводни.

— Ты же обещала профессору отдать книги в Академию. А еще инквизитор сказал, что та книга по истории Синеи войны дорого стоит. Может тогда?..

— Меня достал Мартен, что целыми днями торчит в подвале и читает эти книги, вместо того, чтобы... Что по всему дому валяются его рисунки этих клятых стрекоз! Они словно преследуют меня! Даже в кабаке!

— Что в кабаке? — не понял Антон. — Там тоже Мартен? И кстати, я забыл отдать тебе рисунки Тени...

Накопившееся раздражение наконец выплеснулось, я зло выхватила у брата смятые листки и уже открыла рот, чтобы отчитать его, но замерла. Рисунков было немного, но на всех были стрекозы. Самые разные, от громадных, чья тень угрожающей тьмой ложилась на город, изображенный с высоты птичьего полета, до крохотных, которые облепили искаженное мукой лицо роженицы, стоящей на коленях. На самом большом рисунке была нарисована молодая женщина с дитем на руках, такой светлый и чистый образ, который

искажался от искусного фона с легко угадываемыми ножницами, чьи лезвия были похожи на крылья. Крылья стрекозы.

Я судорожно скомкала рисунки и швырнула их на пол.

— Опять они! Сначала бездарная баллада про золотых стрекоз, что взлетают в небо! А теперь это! Почему они меня преследуют? У меня опять навязчивый бред, а? Но балладу со мной слушал Отшельник! А еще мне снилась клятая стрекоза, она зарывалась в ладонь...

— погоди, Хриз! — Антон очень разволновался. — Ты же уже спрашивала про стрекоз! Ты не помнишь?

— Что ты имеешь в виду? — я уставилась на брата, холодея от дурного предчувствия.

— Ты упомянула про сон, а я рассказал тебе эту балладу. Там такое же... Она по легенде о проклятии Мертвых земель. Ты забыла? Ты же никогда ничего не забываешь!..

Я видела в его глазах испуг, даже не испуг, а ужас.

— Ты врешь, — но я знала, что он не может врать. Антон — мой единственный якорь в этой реальности, без него я перестану различать, где мары и видения, а где действительность. Даже если он скажет, что у меня клыки и чешуя, я безоговорочно ему поверю. — Расскажи легенду еще раз.

Я лихорадочно пыталась понять, новый ли это симптом или просто последствия?.. Я помнила абсолютно все, что со мной происходило, от рождения до сего момента. Но две недели в монастырских подвалах после потери ребенка напрочь стерлись из моей памяти.

— Может, ты прочтешь ее в книге? — Антон был сильно подавлен. Он всегда сильнее переживал за мое состояние, чем я сама.

— Мне некогда продираться через романтические бредни. Они ведь там есть?

— Да, — кивнул мальчик. — Ты же помнишь, что ранее Мертвые земли были в составе Синежного княжества со столицей в Неже?

— Ты меня истории собрался учить? — поморщилась я.

— Так вот, легенда гласит, что в Неже во время празднования вознесения Единого, на главной площади перед собором должны были подняться в небо миллионы золотых стрекоз. Говорят, что это происходило каждые двести лет, и на это зрелище приезжали смотреть все жители из окрестных городов и деревень. Только в тот день родительское проклятие обрушилось на головы влюбленных, княжны и простого воина. Они сбежали и тайно обвенчались в соборе как раз накануне вознесения. Влюбленные вместе со всеми стояли на площади и ждали. Стрекозы поднялись в небо, их было так много, что они затмили собой свет, но темно не было. Жужжание их металлических крыльев заглушало все остальные звуки, но вдруг, вместо того, чтобы сложить в небе священный символ, они стали падать. Из-за проклятия. Прямо на людей. Юная вояжна протянула руку, и ей на ладонь упала крохотная золотая стрекоза. А потом насекомое начало вращаться в ее плоть, и девушка закричала от ужаса. Остальные люди на площади тоже стали кричать... Безумие охватило всех, кто был на площади. Следом сходить с ума начали и остальные жители Синежного княжества. Никто не знал, почему так, но любой, кто бы ни заходил на их земли, уже не возвращался обратно. А потом началась Синежная или просто Синяя война...

— Гениально! — ехидно заметила я, скрывая внутреннюю дрожь. — Если все умерли, то кто же поведал тогда историю?

— Тот юноша. Он не сошел с ума, а его любимая обезумела у него на глазах. Он пытался ее спасти, но не смог, поэтому бежал, сочинил балладу и стал бродячим музыкантом. Его проклятие в том, что он не может умереть или сойти с ума, вынужден скитаться по свету и

тосковать по своей возлюбленной.

— Полная чепуха! — решительно сказала я, вставая. — Совершенно бессмысленная и...

— Но ведь Мертвые земли до сих пор... Люди до сих пор там не живут! А те, кто решает туда наведываться, потом сходят с ума или что похуже...

— Ничуть не удивлюсь, если это все окажется выдумкой церковников. Им выгодно устрашать верующих, чтоб те видели в них свою защиту от безумцев и колдунов, но на деле... Они палец о палец не ударят, а уж если им выгодно, то и вовсе используют колдовство без зазрения совести!

Я сидела и слушала, как стихают звуки в здании громады, как пустеют комнаты и коридоры, как ночная прохлада проникает в изморенный дневной жарой камень. Я заявила сюда незадолго до закрытия, мне ничего не стоило внушить охраннику казематов, что госпожи Хризштайн здесь вовсе не было. После пришлось ждать в узком закутке возле архива, закутанной в привычное облачение Серого Ангела, когда уйдет последний заработавшийся допоздна писарь, когда охранники в тюрьме поужинают похлебкой с сонной настойкой, чтобы уснуть и не мешаться у меня под ногами. Ожидание — самое худшее испытание, слишком много мыслей лезет в голову. Меня не на шутку встревожило то, что я не помню недавних событий. Придется опять вести дневник? Вспомнились слова инквизитора про то, что ему известны мои симптомы. Когда же именно он солгал? Если он действительно что-то знает, почему не сказал? И откуда ему к демону известно про то, что я не все помню? Из-за колыбельной? Или я ляпнула что-то, а теперь не помню? Если так, то это сильно осложнит мне планы.

Кажется, уже почти полночь, пора. Привычное бурление риска в крови и сладостный охотничий азарт охватили меня. В такие моменты чувства обостряются до невозможности, а время замедляется, словно попадаешь в густой сироп. По коридору прошел человек, я слышала его слегка шаркающую походку в тишине полупустого здания. Стражник? Или писарь? Обождав еще минут двадцать, выскользнула и отправилась вниз, в казематы. Оба охранника мерно храпели на своем посту, я вытянула у них из-за пазухи ключи, двигаясь бесшумно, чтобы не разбудить остальных заключенных, и направилась к камере кардинала. Отворила дверь, положила руку на рукоять кинжала, чувствуя, как ускорился ток крови, затаила дыхание. Он спал, отвернувшись к стене и укрывшись одеялом с головой. Я сделала к нему шаг, еще один, потом замерла. Обоняние уловило тончайший, едва заметный запах, сладко-теплый и до боли знакомый. Он не дышал, теперь я это видела. Продолжая сжимать кинжал, протянула руку и откинула одеяло. Мне нужно убедиться. Горло кардинала было перерезано, глаза остекленели. Свежая, еще теплая кровь пропитала одеяло и начала просачиваться вниз. Значит, его убили совсем недавно. На мгновение меня охватил ужас, что это я его зарезала, а потом забыла. Вытащила кинжал, осмотрела, но лезвие было девственно чистым. Получается, тот человек в коридоре?..

Пора убираться. Думать буду позже. Я выскользнула из камеры, но закрыть ее не успела. По лестнице спускались, я услышала знакомый голос инквизитора, что пререкался с дежурным стражником.

— Говорю вам, мне надо удостовериться... — он замер, заметив меня. — Охрана! Стоять на месте!

Я закусила губу от досады — это ж надо было так глупо попасться. Единственный выход из казематов был по лестнице, проход к которой загоразживал красавчик. Стражник бросился

будить охранников, а инквизитор тут же выхватил клинок и приблизился ко мне, держа его наизготове.

— Снимай маску! Живо! — я застыла, потом начала пятиться, пока не уперлась спиной в стену. — Кому говорю!

Острое лезвие клинка приблизилось ко мне вплотную, опасно застыв у подбородка. Справлюсь ли я с красавчиком? Он выше и сильнее, кроме того, должен хорошо владеть мечом. Это не портовые забулдыги, что выдохнутся на первых минутах боя. Кысей поддел кончиком клинка маску, пытаюсь сорвать ее, но я отклонила голову в сторону.

— Снимай! — ему надоело, и он немного отвел клинок в сторону, свободной рукой потянувшись ко мне, чтобы освободить лицо от маски. Я ждала этого, поднырнув ему под руку и с силой ударив локтем по шее сзади. Удар достиг цели, только Кысей среагировал быстрее, он стремительно развернулся и успел схватить меня за плащ. Я дернула завязки, избавляясь от ненужной обузы, но клинок в развороте достал меня и ожег спину злобным укусом. Позади меня причитал стражник, заметивший мертвого кардинала, инквизитор приказывал сдать, но мне уже было не до них, я достигла лестницы и помчалась наверх.

Острое понимание того, что я в ловушке, только добавляло азарта. С казарм уже подтянулись сонные стражники, перекрыв выход, но я не собиралась бросаться к ним в объятия. Моей целью была крыша. Я помнила, что здание громады примыкает почти вплотную к жилому дому с одной стороны и к мебельной мануфактуре с другой. На лестнице за мной оставались кровавые следы, расстояние между мной и инквизитором стремительно сокращалось, я уже слышала его шаги.

— Стоять! — крикнул он, и я еще больше припустила по лестнице, перескакивая по нескольким ступенек. Добралась до третьего этажа, обнаружила, что выход на крышу заперт на тяжелый замок, времени на его взлом не было. Красавчик уже достиг второго этажа, между нами оставался всего один лестничный пролет. — Сдавайся, тебе все равно не уйти!

Бросила взгляд в окно, крыша соседнего дома казалась такой обманчиво близкой и желанной. Деваться некуда. Я отступила на пару шагов для разбега, прикрыла глаза, чтобы защитить их от осколков, бросилась в окно...

... и приземлилась на выступающем желобе в виде каменной химеры, в опасной близости от края. Расшатанная конструкция опасно задрожала под моим весом, но выдержала, лишь несколько осколков полетели вниз. Я легко перескочила на покатую кровлю, торжествуя улыбнулась своей удаче и обернулась к красавчику. Меня прекрасно было видно в свете полной луны, поэтому я нахально помахала рукой его темному силуэту с бледным перекошенным лицом. Победила!

А теперь надо поторопиться и выбраться отсюда, скинуть одежду, переждать где-нибудь, пока стихнет тревога. У меня за спиной послышался грохот и сдавленное ругательство. Этот идиот прыгнул вслед за мной, и ему почти удалось. Только вот старая химера его веса уже не выдержала и обвалилась. Я бросилась к пропасти. Так и есть, Кысей, без мантии, в одной белеющей в темноте рубашке, висел, уцепившись за выступающие острые края черепицы, которая в любую секунду грозила улететь вниз. Пальцы в кровь и вот-вот соскользнут. Он отвел взгляд от каменной мостовой, где беспорядочной кучей лежали каменные осколки химеры, посмотрел наверх. Наши взоры на мгновение встретились, и мне пришлось тут же отвести глаза, но я успела заметить на его лице упрямую обреченность фанатика. На крыше громады уже стали появляться стражники, некоторые были вооружены

арбалетами. Столь ясной ночью на крыше я представляла собой идеально четкую мишень. Проклиная Единого, вытащила из-за пояса кинжал, лезвие которого хищно блеснуло в лунном свете...

Глава 10. Инквизитор Тиффано

Когда противник вытащил кинжал и поиграл его лезвием, я подавил малодушное желание закрыть глаза. Я понимал, что упаду, но все равно пытался ногами нащупать хоть какую-нибудь опору. Руки совсем онемели, изрезанные острыми краями черепицы. Но мерзавец решил добить меня наверняка. Он замахнулся кинжалом, но вместо того, чтобы полоснуть меня по пальцам, неожиданно вогнал его со всей силы в крышу. Следом ухватился одной рукой за него для опоры и перегнулся ко мне. Острые цепкие пальцы противника впились в мою руку выше локтя, и я почувствовал, как он тянет меня вверх. Что он делает? Это не похоже на подвох, ведь я могу... Я отцепил пальцы, ухватившись за протянутую мне руку. Противник оказался на удивление тощим и жилистым и определенно весил меньше меня. Ему не вытащить мой вес, если я не нащупаю опоры. И тогда мы вместе рухнем на мостовую... Носок соскользнул с казавшегося вполне надежным уступа, и я снова просел вниз, утягивая за собой вора. В ясном свете луны я видел только маску да белеющую узкую полоску глаз, противник отвернул голову, отчаянно пыхтя. Мне на лицо капнула теплая капля, а пальцы стали скользить по пропитанному кровью рукаву его куртки. Демон, я ведь успел ранить убийцу, и моя хватка наверняка доставляет ему мучений...

За спиной, с крыши громады слышались крики стражников. Пока они доберутся до этого здания, я уже... Вдруг противник отпустил кинжал и перехватил свободной рукой меня за шиворот, рванув на себя единым движением. Я слышал, как затрещала рубашка, от этого звука волосы стали дыбом. Мне удалось подтянуться ровно настолько, что край кровли оказался у меня на уровне груди, а ноги нащупали выступ. Оттолкнувшись от него, я уперся локтем на крышу, смог подтянуться и наконец забраться на крышу. Моя рука все еще крепко держала ночного гостя за мокрый от крови рукав, и я не собирался его отпускать. Дернул его к себе, намереваясь заломить руку и обездвижить, но тут получил такой сильный удар в пах, что в глазах потемнело. Казалось, мир на секунду перестал существовать, сузившись до одной красной точки, что пылала болью. Через пару секунд мне удалось вздохнуть, зрение прояснилось для того, чтобы увидеть, как мой спаситель выбивает локтем стекло в слуховом окне и ныряет в темноту. Несколько арбалетных болтов прошили воздух и хищно впились в козырек окна. Я заорал, чтобы не стреляли, и бросился следом...

Серого Ангела мы так и не поймали. Ему удалось скрыться, хотя здание тут же окружили стражники и проверили каждый закуток. Мне пришлось всю ночь торчать в управе, отвечая на вопросы отца Валуа и капитана, которых вытащили из постели.

— Вы уже второй раз даете этому прохвосту уйти, господин инквизитор, — отец Валуа нервно расхаживал по кабинету. Хозяин комнаты, капитан Лунтико тут же вылез и ехидно поправил.

— На самом деле, в третий. Он позволил обокрасть церковь отца Георга и избить себя! Я глубоко вздохнул и прикрыл глаза, вспоминая молитву заступнику Тимофею.

— Заткнитесь, капитан! — прикрикнул отец Валуа. — У вас, между прочим, убиты заключенные! Это ваши охранники дрыхли на своем посту! Это мимо них проскользнул мерзавец и безжалостно перерезал глотки кардиналу и отцу Булвайсу!

— Простите, святой отец, но не думаю, что их убил Серый Ангел, — не выдержал я.

— Что? — отец Валуа посмотрел на меня с удивлением. — Вы еще кого-то застали на месте преступления?

— Не застал. Но уверен, что Серый Ангел не может быть убийцей. Во-первых, его кинжал, что нашли на крыше. Его лезвие было чистым от крови, а вы знаете, что невозможно его полностью оттереть. Во-вторых...

— Это смешно! У него мог быть второй кинжал! — перебил меня церковник.

— Возможно, хотя согласитесь, это странно. Во-вторых, на преступнике не было крови, а перерезать горло и не испачкаться довольно затруднительно.

— Убийца оставил за собой кровавый след! О чем вы говорите?

— Это его собственная кровь, я ранил его. И последнее, зачем убийце, что хладнокровно прирезал двоих, останавливаться и спасать жизнь третьему, рискуя своей? Он не дал мне упасть и вытащил на крышу, хотя спокойно мог уйти, не подставляясь под арбалетный болт.

Церковник прищурился, внимательно разглядывая меня. За окном занимался багровый рассвет, день обещал быть жарким и ветреным. Меня до сих пор подташнивало от воспоминаний о мертвых телах с жестоко перерезанным горлом, запах крови преследовал и чудился даже здесь, в кабинете. Я встал и распахнул окно, пытаюсь поймать ускользающую ночную прохладу.

— Возможно, дело не в убийце, а в вас, господин инквизитор, — наконец вымолвил отец Валуа. — Мне это тоже кажется странным. Какую версию вы можете предложить?

— Вы заявили о причастности Серого Ангела к краже церковной собственности и моему похищению, хотя я был против. Но ведь такая удобная версия, верно? Списывать все внутренние дрязги на абстрактную фигуру! Я думаю, что Серый Ангел вполне ожидаемо наведалься выяснить детали того, в чем его обвиняют. Застал мертвое тело. Испугался. Решил бежать. Не захотел брать грех на душу, поэтому бросился спасать меня. Он просто вор, дерзкий, ловкий, хитрый. Вор, но не убийца.

— Тогда кто же убийца, демон вас раздери? Кто оставил на телах нарисованный кровью крылатый символ?

— Думаю, тот, кто хотел его подставить. Тот, кому это выгодно... — я прикусил язык, понимая, что слишком прозрачно намекаю. — Но будьте уверены, я обязательно узнаю!

Несмотря на мои протесты, отец Валуа не отказался от идеи выставить Серого Ангела виноватым, в том числе и в зверских убийствах церковников. Капитан тут же распорядился устроить облаву в городе и досматривать всех подозрительных лиц на предмет схожих ран на спине. Я не верил, что меры принесут хоть какую-нибудь пользу, разве еще больше раззадорят вора.

Я вернулся домой, чтобы покормить щенка. Меня даже радовало, что сегодняшней ночью не довелось поспать. После того, как покинул дом Лидии, я всячески старался уйти с головой в работу, чтобы не оставалось ни минуты свободного времени, чтобы даже не вспоминать про эту сумасшедшую. Рыжий радостно завилал мне хвостом и требовательно тьякнул. Я налил ему молоко в миску и высыпал требуху, что купил по дороге на рынке. Попытался сосредоточиться.

Идея обвинить Серого Ангела, безусловно, исходила от Лидии. Я ни на секунду не поверил в ее оговорку, слишком хорошо успел изучить. Она намеренно натолкнула отца Валуа на удобную версию. Вот только зачем? Я с досадой встряхнул головой, отгоняя

непрощенные воспоминания. Если она хотела именно такого развития событий, а именно, спровоцировать вора на активные действия и досадить церковникам, то безусловно у нее получилось. Демон, надо выкинуть ее из головы!

От раздумий меня отвлек отец Георг. Он постучал в приоткрытую дверь, потом робко заглянул ко мне в комнату и зашел.

— Мальчик мой, я волновался о тебе. Что случилось в тюрьме? Это правда, что кардинал был убит? — я поднялся с корточек, и церковник побледнел. — Боже, ты же весь в крови!

Покачал головой, досадуя про себя, что не успел переодеться и заставил старика волноваться.

— Не тревожьтесь, отец Георг, это не моя кровь. Я сейчас.

Скинул рубашку и обнаружил, что сменить ее, собственно говоря, не на что. Чтобы выставить похищение как побег, головорезы забрали все мои вещи и... Я понятия не имел, куда они их дели. Оставалась только эта щеголеватая ядовито-желтая рубашка, в которой я ушел из дому Лидии. Заскрипел зубами, да почему же она везде, словно мало ей было!..

— Пойдемте прогуляемся, отец Георг. Здесь душно и тесно.

Я предложил старику свою руку, приноравливаясь к его неспешному шагу. Мне хотелось на набережную, к соленым брызгам и прохладному бризу с моря. Еще невероятно хотелось искупаться, хотя морская вода и будет раздражать незажившие раны. По дороге я рассказал отцу Георгу о случившемся, поделился своими сомнениями относительно Серого Ангела. Про Лидию умолчал, не стоила она упоминания.

— Кысей, я уверен, ты найдешь того, кто это сделал. Серый Ангел или кто-нибудь еще. Но что заставило тебя наведаться в тюрьму в столь позднее время?

Я заколебался на мгновение.

— Отец Валуа надумал выставить Серого Ангела виновным в краже Завета и даже причастным к моему похищению. В прошлый раз попытка свалить все на этого вора закончилась пожаром, если помните. Он однозначно дал понять, что не потерпит ложных обвинений. И поэтому на душе было неспокойно. До Завета вор едва ли смог бы добраться, а вот придти разузнать у арестованных, что к чему, тем более, что благодаря Лидии... — я прикусил язык, выругавшись с досады.

Отец Георг искоса взглянул на меня и грустно улыбнулся.

— Ты сам не свой, Кысей. Что тебя тревожит?

Я покраснел и покачал головой. Днем я работал до изнеможения, не оставляя не единой секунды на досужие размышления, чтобы придти домой, упасть в кровать и уснуть мертвым сном. Но по утрам, когда власть разума слабела, порочные сновидения одолевали меня, заставляя просыпаться с напряженной плотью и колотящимся сердцем. Лидия проникла в мои сны, словно заразив меня своим безумием.

— Я справлюсь, святой отец. Но как только завершу дела, доведу обвинение колдуна Николаса до суда, как разберусь с убийством кардинала и отца Бульвайса, я буду настаивать на переводе.

— Мальчик мой, но я так радовался, что ты получил назначение сюда, а теперь... Неужели ты уедешь? Почему?

— Потому что... Не стоит испытывать судьбу, ведь если постоянно находиться рядом с соблазном, то когда-нибудь можно и не выдержать.

— Ты про Лидию?

Я кивнул, и хотя мне не хотелось говорить на эту тему, все же пояснил:

— Про нее. И дело даже не в плотском влечении, святой отец. С этим я справлюсь. Дело в ее манере действовать и думать, понимаете? Она отравляет меня, я стал замечать за собой, что... Что лгу и не краснею. Что в ночном убийстве подозреваю всех, в том числе и своих братьев по вере. Что становлюсь бессердечным, как она...

Отец Георг отечески похлопал меня по плечу, успокаивая.

— Это не так, Кысей. Ты просто взрослеешь, столкнувшись с суровой действительностью, приходит осознание того, что далеко не все люди благочестивы, что иногда приходится добиваться чего-то, переступая некоторые моральные принципы. Но поверь, если ты солгал или совершил дурной проступок, это еще не делает тебя плохим.

— Но это опасный путь, отец Георг. Оправдывая себя, можно зайти очень далеко. Не думаю, что Лидия считает себя плохой. Она тоже наверняка находит оправдание собственным неблагоприятным поступкам.

— А вот тут ты не прав, мальчик мой, — отец Георг лукаво усмехнулся. — Я слишком долго живу на этом свете и многое повидал. И могу с уверенностью сказать, что госпожа Хризшгайн вообще не ищет оправданий. Такие мелочи ее не терзают, в отличие от тебя. Именно в этом и заключается разница между хорошим и плохим человеком. Равно как и то, что ее добрые поступки не делают из нее достойного человека.

Я задумался, но потом с сожалением покачал головой.

— Что же тогда получается? Чтобы быть хорошим, достаточно просто знать, что поступаешь плохо, но искать себе оправдания? Раскаиваться, молить о прощении, а потом опять грешить? А Лидия? Если она совершает добрый поступок, например, удержав от падения несчастного портного, что потерял дочь, помогая обрести семью приютской девочке, но при этом преследуя свои корыстные интересы, Лидия все равно остается плохой?

— Ты утрируешь, Кысей, — старик нахмурился. — Я вижу, что эта женщина действительно слишком сильно на тебя влияет. Я...

— При чем тут она? — отмахнулся я раздраженно. — Я считаю, что праведность или греховность человека определяется исключительно его деяниями! Если я совершаю дурное, даже из самых лучших побуждений, это все равно останется грехом. И смысл раскаяния не в том, чтобы простить себя и идти грешить дальше, а в том, чтобы больше такого не совершать и искупить содеянное.

Я вытер пот со лба, мы уже достигли конца испепеленной солнцем набережной. Дальше начиналась дикая прибрежная полоса, только вдалеке виднелись крыши одиноких пансионатов у моря, куда приезжали отдохнуть богатеи и вельможи. Отец Георг устало присел на валун, похлопал рядом.

— Оставь вещи и сходи искупайся, Кысей. А я пока отдохну.

Я застыл в нерешительности — окунуться очень хотелось, но повязка...

— Иди, иди, тебя здесь никто не увидит. Я же помню, как ты мальчишкой тосковал по морю. Ведь я специально поднял старые связи, чтобы ты получил назначение именно в портовый город, а заодно и поближе ко мне.

Я отбросил последние сомнения, скинул рубашку и сапоги. Прикрыл глаза, наслаждаясь легким дуновением морского воздуха, ощущением горячего песка под босыми ногами, даже резкие крики чаек и солено-гниловатый аромат выброшенных на берег водорослей доставляли удовольствие. А потом разбежался и бросился в волнующую синеву, поднимая

брызги и шумно фыркая. Понимал, что веду себя как ребенок, но не смог удержаться. С момента приезда я так ни разу не удосужился искупаться, всегда находились дела важнее. Море приняло меня в свои холодные объятия, смывая разом все заботы и сомнения, даже пощипывание в ране не доставляло беспокойства. Хотелось рассекать морскую гладь, пока не выбьешься из сил, а потом просто лежать на спине и смотреть в бесконечное небо, сплетая собственное дыхание с мерным покачиванием волн.

Но на берегу под палящим солнцем меня ждал отец Георг. Я с неохотой выбрался на берег, отжал воду с волос и брюк, присел рядом, не торопясь натягивать дурацкую рубашку. Старик приоткрыл глаза и кивнул на мою намокшую повязку.

— А ведь ты нарушил предписание лекаря, Кысей. Как же ты себя после этого чувствуешь?

Я широко улыбнулся.

— Чувствую себя просто отлично. Пойдемте, отец Георг, я провожу вас до церкви. Сегодня еще столько дел.

К полудню я вернулся в громаду. Устроил допрос стражникам, что охраняли прошлой ночью кардинала и отца Бульвайса. Их сонливость показалась мне странной, но проверить свою догадку не представлялось возможным. Остатки трапезы давно были выброшены. Однако я все равно склонялся к мысли, что им подлили сонной настойки. Выяснил, кто приходил в тот день к заключенным. Оказалось, что первой посетительницей была Лидия. Ну кто бы сомневался, как же без нее! После нее кардинала допрашивали отец Валуа и я. Кардинал грозил обнародовать всю подноготную, если устроят открытый суд, помнится, он тоже упомянул Серого Ангела. После его навестила сестра. Надо же, я и не знал, что у кардинала есть родственница в городе. Надо будет выяснить, кто она. И больше никого из посетителей. Да я и не думал, что Серый Ангел заявился сюда в открытую. Но он неплохо знал планировку громады, без колебаний рванул на лестницу, ни разу не заплутав. Мне не давала покоя мысль, что я упускаю что-то существенное. Поведение вора было странным, он даже не попытался воспользоваться кинжалом, сразу бросившись убежать, но остановился, чтобы вытащить меня. Я прикрыл глаза, вспоминая происшествие на крыше. Чудилось что-то неуловимо знакомое, крутилось где-то на грани сознания. Я встречал преступника раньше? Да, конечно, я видел его в резиденции кардинала, но все же... Было что-то неправильное, то ли в его фигуре, то ли в поведении, то ли в движениях.

Единственное, в чем я был уверен, — что ему помогал кто-то из стражников. Невозможно проникнуть в громаду незамеченным, а проход на крышу был заперт. Пройти мимо дежурных стражников с главного входа тоже невозможно, они никого не видели. Или же боятся признаться, что впустили постороннего?

С позволения капитана Лунтико я собрал всех стражников и решил выяснить, кто мог помогать Серому Ангелу. Или убийце. Объявил десятку стражников, нервно топтавшихся в тесном кабинете капитана, что знаю, кто подкуплен, и внимательно взгляделся в их лица. Трюк дешевый, но сработал. На лице безусого белобрысого стражника мелькнул откровенный ужас, который тут же сменился виноватым видом. Он опустил глаза вниз и стиснул зубы так, что заходили желваки.

— Можете быть свободны, — кивнул я остальным, подходя к белобрысому. — Как зовут?

— Януш Немович, ваша святость.

Его лицо медленно заливал пунцовый румянец, покраснели даже уши.

— Кто тебе заплатил? — я остановился напротив него, не сводя внимательного взгляда.

Парень тяжело сглотнул и повесил голову, но молчал. — Говори, иначе отправишься за решетку. Пока мы здесь вдвоем, еще можно решить дело без ареста. Потом будет поздно.

Он вскинул на меня светлые глаза, в них было отчаяние.

— Я правда не хотел, но... Мама больна, мне так были нужны деньги... Я ведь не сделал ничего дурного, правда! Просто...

— Кто? — прервал я его сбивчивые оправдания. — Кто тебе платил?

— Госпожа Хризшгайн, — тихо прошептал белобрысый.

— Что? — я оторопел. — Ты... Не может быть! За что она тебе заплатила?

— За информацию. Я докладывал все, что касалось расследования.

— Ты подлил сонной настойки в еду охранникам?

Парень яростно замотал головой.

— Нет! Что вы, нет! Да и зачем мне? Я только сообщал, если что происходило, а ее человек платил мне за каждое донесение... Прошу вас, умоляю, не говорите капитану, мне очень нужна эта служба! — он бросился на колени и стал хватать меня за руки.

Я в растерянности глядел на парня. Впрочем, Лидия даже не скрывала, она в открытую заявила, что может подкупить кого угодно и получить любую информацию. Откровенный цинизм и ни капли совести!

— Януш, я даю вам возможность самостоятельно подать рапорт и уволиться из рядов громадской стражи. Не заставляйте меня...

— Нет, прошу вас! — его лицо вдруг исказилось, и он зарыдал, словно мальчишка. — Прошу, не надо! Мне семью на-а-а-адо кормить! Ку-у-у-да я подамся!

Я вздернул его на ноги и заглянул в лицо.

— А думать надо было, прежде чем продаваться! И хватить сопли развозить, найдете себе работу!

Но глядя на его несчастное зареванное лицо, мне вдруг стало стыдно. Он поступил плохо, но имел ли я право его судить? Ему не место среди стражников, уж коли он продался один раз, то... Но с другой стороны, я нисколько не сомневался, что на его месте появится другой, подкупленный Лидией. Неожиданно мне пришло в голову, что можно ведь поступить иначе.

Опрос остальных стражников ничего не дал. Я съездил в Академию, где обещали к вечеру результаты вскрытия, но все напрасно, ничего нового мне не сообщили. Убийца воспользовался самым обычным кинжалом, был правшой, равно мог быть как мужчиной, так и женщиной. Кардинал и отец Бульвайс были зарезаны во сне, следов сопротивления обнаружено не было. Единственной подробностью, заслуживающей внимания, было то, что убийца, по всей видимости, был достаточно опытный, поскольку жертвы истекли кровью за несколько секунд из-за перерезанной сонной артерии.

А на следующий день меня ждал неприятный сюрприз. Капитан Лунтико арестовал помчика Прошицкого и с позволения отца Валуа отпустил Николаса.

Я влетел в кабинет капитана, хлопнув за собой дверью.

— Вы что творите, капитан? — я повысил голос, уже не заботясь о приличиях. — Вы отпустили на свободу колдуна! А если он опять убьет? На каком основании?!?

— Присядьте, господин инквизитор, — мерзко улыбаясь, сказал капитан. — И успокойтесь. Водички выпейте, жарко сегодня.

Привычная молитва заступнику уже не успокаивала, поэтому я стиснул кулаки и процедил:

— Извольте объясниться.

— А нечего объяснять. Вчера вечером помчик Прошицкий явился в бордель, у него из кармана выпал платок с пятнами крови, девка подняла крик, его скрутили. Как думаете, что за платок?

Я ошеломленно сел на предложенный стул.

— Госпожа Розмари опознала. Помните, вы спрашивали того извращенца Николаса, где вышивка? Так вот, нашлась ваша вышивка. Видно, в нее помчик завернул и ножницы, когда шел к девке, и потом потроха ее, когда выносил и прятал. И никакого колдовства, все это ваши фантазии! Ваши и этой выскочки!

Капитан довольно откинулся в кресле и потянулся за трубкой.

— Я могу взглянуть на платок? И поговорить с помчиком? На каком основании вы отпустили Николаса?

— Помилуй Единый, а за что мне его держать? За то, что в бабье платье нарядился? Ну так это ему к душеведу, а тут держать и кормить его за счет громады я не буду.

— У него двоедушие!

— Тем более, пусть в божевольню отправляется, — капитан был непреклонен, нагло выпустив мне в лицо облако дыма.

— Где платок? — я демонстративно встал и отворил окно, впуская свежий воздух в комнату.

— Держите, — неохотно ответил капитан, доставая из ящика тонкую ткань в кровавых пятнах и протягивая ее мне.

Я аккуратно взял, развернул и вздрогнул — сомнений не было, та самая, что видел у Николаса. Обождите, но...

— Капитан, вы ошиблись. Это та самая вышивка, которую я видел у Николаса, когда приходил... Когда после убийства Ивонны вел дознание в борделе. Я видел ее, и она была чистой. Кто-то подложил ее помчику, предварительно испачкав в крови!

— Не знаю, что вы там видели. Только госпожа Розмари ее опознала, а значит, помчик заходил в комнату ее модистки, взял оттуда ножницы, потом вернул их.

— Он не мог это сделать! Говорю же вам, ткань была чистой!

— Ну значит, вы другую вышивку видели. Господин инквизитор, не морочьте мне голову! У меня есть показания госпожи Розмари. Она заметила помчика, когда он с окровавленными ножницами выходил из комнаты первой жертвы, как же звали эту девку?..

Капитан полез в свои бумаги, я не выдержал и подсказал.

— Лиеной ее звали.

— Точно! Заметила, но побоялась признаться. Опасалась этого вояга. А теперь решилась. Ух, он сейчас лютовать начнет. Но ничего, его помчику уже не уйти от ответа.

— Я хочу увидеть помчика.

Капитан покачал головой.

— Нельзя. Только с разрешения городского совета. Политический вопрос, вы же понимаете, господин инквизитор. Ничего личного.

И опять мерзко улыбнулся, только картину подпортило то, что он подавился дымом и

закашлялся. Я не стал тратить на него время и, не мешкая, отправился к отцу Валуа.

Как же я был не прав, когда не желал прислушиваться к подозрениям Лидии относительно того, что все так просто не закончится. Что она там говорила? Помчик Овьедо и управитель Варгес. Оба были постоянными клиентами всех трех девушек. Если предположить политическую подоплеку этого дела... Но нет! Я абсолютно уверен, что их убил Николас. Так же, как и свою мать. Немыслимо поверить в такое совпадение. Но что, если кто-то пытается использовать эти убийства, чтобы подставить помчика Прошицкого и тем самым досадить его воягу? Если предположить, что сводня тоже в этом участвует, то многое становится понятным. Госпожа Розмари понимает, что кто-то убивает ее девушек, допускаю, она действительно могла не знать, что это Николас. Но очень удобно для нее выглядит версия, что это помчик Прошицкий. Сводня находит того, кому выгодно обвинить именно его. Сообщает об этом, заручается поддержкой и?.. И ждет. Ждет следующего убийства. Предварительно пригласив капитана. Чтобы помчика застали на месте преступления. И у них получается. На секунду я позволил закрасться сомнениям, а может это действительно помчик?.. Ведь едва ли колдун стал бы действовать по чужому плану. А может и не было никакого колдовства? Но как тогда объяснить свидетельства того, что мертвые девушки танцевали и пели?

Отец Валуа даже слушать меня не захотел.

— Господин инквизитор, займитесь подготовкой к суду. Необходимо провести его как можно быстрее, пока вояг Хмельницкий не опомнился и не предпринял ответных действий.

— Святой отец, послушайте, — я попытался воззвать к голосу разума и логике. — Я понимаю, что вам политически выгодно обвинить помчика Прошицкого. Но ведь настоящий колдун на свободе! Если он снова убьет в то время, как помчик будет сидеть, то вояг Хмельницкий получит такие козыри против Святого Престола, что...

— Довольно! — оборвал меня отец Валуа. Он встал со своего места, пересек кабинет и вплотную подошел ко мне. — Послушай меня внимательно, Кысей. Не будет никаких убийств. Ты самостоятельно можешь об этом позаботиться, если так хочешь быть уверенным. Достаточно просто упрятать этого полудурка в лечебницу.

— Вы хотите осудить невиновного человека? — я был даже не удивлен, скорее разочарован.

— Интересы Святого Престола превыше всего. И не бывает абсолютно невиновных людей. Каждый получит по заслугам, когда предстанет перед ликом Единого. Вояг Хмельницкий — не просто зарвавшийся властолюбец, он представляет прямую угрозу... Да что там!

Церковник сел на место и неожиданно понурил плечи. Его голос звучал глухо и устало.

— Ты просто многого не знаешь, Кысей. Поверь, мне это не доставляет ни малейшего удовольствия. Ты верно думаешь, что я и остальные члены ордена Пяти боремся за власть, и поэтому готовы идти по головам? Это не так. Ты знаешь, что только за последние десять лет количество безумцев выросло втрое? И продолжает расти. Это только в пределах княжества. Все больше людей становятся на порочный путь безверия и отрицания божественного начала. Просто перестают верить, понимаешь? Территория Мертвых земель уже расширилась, частично захватив Черногерию. Господи, ну ты же сам был в Асаде!

Он поднял на меня подслеповатые, красные от усталости глаза.

— Я прошу тебя, Кысей. Просто прими мои слова на веру и действуй, как велено.

Судебное заседание я назначу на следующую неделю. Подготовься, сделай упор на показаниях госпожи Розмари. Улика с платком довольно слабая, но ее тоже используй. Защитник наверняка будет апеллировать к сходству способа убийства с тем, как была убита мать Николаса. Надо будет доказать, что помчик знал подробности того дела и намеренно пытался подставить Николаса. Заодно будет хорошее объяснение, почему он взял ножницы и платок из его комнаты.

Все происходящее казалось страшным сном. Я отказывался верить своим ушам.

— Вы всерьез собираетесь настаивать на этой нелепости? Вы забыли, что уже было нападение Николаса на девушку, когда помчик сидел в тюрьме?

— Чепуха. Госпожа Розмари нашла преступника. Оказалось, что ее экономка решила пожить за счет хозяйки и под шумок ограбила кабинет, выдав себя за преступника.

— И ее экономка даст показания в суде?

— Ее экономка прихватила деньги и сбежала из города.

— Как удобно! — я не смог сдержать горькую насмешку. — Есть только одна загвоздка, святой отец.

— Какая же?

— Все тайное рано или поздно становится явным. Вы думаете, что сможете все спрятать, подкупить всех свидетелей, истолковать все улики в свою пользу, но рано или поздно...

— Прошу тебя, Кысей, не начинай. Ты занимаешься обвинением, это прямой приказ. Если хочешь соблюдения формальностей, я оформлю его письменно. И передай все материалы по убийству кардинала и отца Бульвайса. Дальше этим делом будет заниматься орден Пяти.

— Что? — я не смог сдержать негодования. — Почему? Почему вы не желаете, чтобы я докопался до истины? Или вам есть чего опасаться?

— Следи за словами! — прикрикнул на меня отец Валуа. — Ты отстранен, и это не обсуждается.

Я покачал головой.

— Я не собираюсь в этом участвовать. Можете...

— Не хочешь? Тебе же хуже. Это будет громкий процесс, и у тебя появились бы хорошие возможности для продвижения. Но неволить тебя не буду. Желающие и так в очередь выстроятся. Будешь помогать кардиналу Блейку с обвинением. Формально он еще не вступил в сан, поскольку не было извержения из сана кардинала Ветре, но теперь... Он будет представлять обвинение. Ступай.

Я остался стоять, судорожно размышляя, что можно предпринять. Возлагая большие надежды на вскрытие могилы матери Николаса и обнаружения там останков девушек, я ошибся. Ничего не было обнаружено, кроме крохотного детского скелетика. Это была девочка, а Лидия в который раз оказалась права. При мысли об этой заразе меня охватило отчаяние.

— Я прошу вас дать мне хотя бы возможность привлечь душеведов Академии для лечения Николаса.

— Ты надеешься, что они смогут достучаться до его мужской личности, и ты получишь признание?

Я закусил губу с досады, что так легко понятен мой замысел.

— Впрочем, я не против, попробайся. Кстати, если у них получится, я буду сильно

удивлен, — церковник улыбнулся и покачал головой. — Но заниматься этим можешь только в свое свободное время. Если услышу от кардинала жалобу, что ты отлыниваешь от обязанностей, мигом отправишься в такое захолустье, куда почта приходит раз в году! И кстати, предупреди свою подружку. Пусть даже не думает соваться в это дело.

— Она мне не...

— Мне плевать, кто она тебе. Просто учти, если девица Хризштайн сунется в это дело, я ее сгною в тюрьме. Например, за подкуп стражника и воровство улики по делу помчицы Малко. И заступничество вояга ее не спасет. Иди.

Угрозы отца Валуа меня ничуть не испугали, гораздо больше страшило осознание того, что могут обвинить невиновного, а колдун останется на свободе. Нет, конечно, в лечебнице условия содержания больных были приближены к тюремным, но... Никто не будет его держать там пожизненно, поскольку в своем женском обличье он демонстрирует вполне нормальное поведение. Я не строил иллюзий по поводу компетентности местных душеведов. Если у них до сих пор даже не получилось вывести обвиняемого из неменяемого состояния, то что уж там рассчитывать на большее. Николас под арестом почти все время пребывал в истерике, его разум напрочь отказывался принимать страшную действительность того, что он — мужчина. Лишь когда ему позволили надеть женскую одежду и парик, только тогда добились внятных ответов. Однако я получил разрешение на привлечение душеведов Академии, не уточняя при этом, какой именно Академии. Сегодня же напишу профессору Адриани в столицу и попрошу помочь. Отец Валуа торопится с судом, значит, необходимо сделать все, чтобы его отложить.

Еще тревожило неожиданно образовавшееся осложнение с Лидией. При мысли о том, что опять придется терпеть ее насмешки и домогательства, мне сразу стало тошно, и противно заныл бок с почти зажившим ранением. Странно, что она еще не отреагировала на происходящее. Зная ее паскудный характер, был уверен, что Лидия не упустит возможности поиздеваться над моим провалом. Кроме того, арест помчика наверняка не в ее интересах, ведь она рассчитывает на покровительство вояга. И она совершенно точно не останется в стороне, а отец Валуа слов на ветер не бросает. Я вспомнил кошмар, в который превратилось прошлое судебное разбирательство, и у меня потемнело в глазах. Резко остановился посреди улицы, вызывая недоуменные взгляды прохожих, развернулся и отправился в другую часть города, где находился дом Лидии.

У входа я столкнулся с Мартеном, он, по всей видимости, возвращался с рынка, таща тяжелые корзины, доверху наполненные фруктами. Увидел меня и почему-то покраснел.

— Г-г-господин инквизитор, — кивнул мне и отер пот со лба рукавом рубашки. — В-в-вы к госпоже?

— Да, давайте помогу, — я подхватил одну из корзин и распахнул перед ним дверь, пропуская его вперед. — Проходите.

Рассеянно наблюдая за тем, как парень ловко выкладывает и сортирует истекающие медом яблоки и груши, нежные гроздья винограда и сладкие персики, я поинтересовался:

— Мартен, зачем вам столько?

— П-п-пиона задумала к-к-конфитюр сделать, а п-п-потом булочки с н-н-начинкой...

— Зачем вы пришли, господин инквизитор? — прервал его Антон, заставив меня вздрогнуть. Я не заметил, как он вошел.

— Мне нужно видеть Лидию.

— Зачем? — юноша сурово сдвинул брови и смотрел на меня, как на врага. Я понимал его настрой, ему должно быть пришлось нелегко, когда он терпел истерику сестры и ее злобные выходки.

— По делу. Антон, будьте так любезны, просто позовите Лидию.

— Нет. Она себя плохо чувствует после... После вашего последнего визита.

Мартен закашлялся и, запинаясь, пробормотал, что забыл купить слив и скоро вернется. Мы с Антоном остались одни.

— Я настаиваю, — я ни на секунду не поверил в эту отговорку. Так плохо себя чувствует, что додумалась угрожать отцу Валуа, как же!

— Сказал же, нет! Уходите.

— Антон, не заставляйте меня...

— Хватит, пожалуйста! Хватит ее донимать. Вы хоть понимаете, что провоцируете ее? Или вы нарочно это делаете?

— Ах, это я ее провоцирую, надо же! Какая неожиданность! Позовите сестру, или я сам поднимусь и, если понадобится, вытащу болезную из постели!

Антон поджал губы, потоптался немного на месте, но, видя мой решительный настрой, поплелся вверх, даже не пригласив в гостиную. Я остался в пекарне один, чувствуя, как начинает урчать голодный желудок, и стараясь не обращать внимания на пленительные ароматы медовых фруктов и свежей выпечки. Звякнул колокольчик на двери, в пекарню зашел важный пузатый господин, оглядываясь в поисках хозяина.

— Эй, милейший, мне нужно полдюжины булочек... Ох, простите, — он сконфузился, увидев длину волос и поняв, что перед ним священнослужитель. — А где хозяин?

Я пожал плечами, но тут по лестнице спорхнула Пиона в довольно открытом платье и накрахмаленном фартучке. Она приветливо улыбнулась посетителю, но, увидев меня, покраснела и нахмурилась. Что же они все краснеют от моего вида? Что-то не так с одеждой?

— Что желаете? — Пиона очаровательно улыбнулась покупателю, демонстративно не замечая меня.

Дородный господин расплылся в ответной улыбке и купил целую дюжину булочек, не сводя голодного взгляда с открытого выреза платья Пионы. После его ухода девушка какое-то время продолжала делать вид, что меня здесь нет, сосредоточенно управляясь с выручкой, но потом не выдержала.

— Зачем вы пришли, господин инквизитор?

Я вздохнул. И почему у Лидии столько любопытных домочадцев?

— Увидеть вашу госпожу.

Пиона вскинула на меня гневные глаза и сжала кулачки.

— И вам не стыдно?

Я опешил.

— С чего мне должно быть стыдно?

— Госпоже нездоровится! — с вызовом заявила девушка. — Не догадываетесь, почему? Какой же вы лицемер!

— Пиона, почему вы так себя ведете? Мои дела с Лидией вас никоим образом не должны касаться...

— Не смейте ее больше мучить, слышите! Ну как же вам не стыдно! Если вы хотите

любовных утех, ну так идите в бордель! Зачем вы ее преследуете, пользуясь своим положением!

— Что? Что вы несете? — с какого перепугу она решила, что я...

— У нее до сих пор следы на запястьях от ваших... ваших забав! Вы же слуга божий, еще говорили про целибат... — Пиона вдруг всхлипнула. — Ну пожалуйста, оставьте ее в покое.

До меня наконец дошло, какую чудовищную гадость Лидия наговорила девушке про меня. Есть ли вообще предел ее подлости? Я от возмущения потерял дар речи и просто смотрел на красную от праведного негодования Пиону.

— А сегодня ей совсем худо, она даже из комнаты не вышла! — девушка нервно комкала край фартука. — Неужели у вас совсем нет ни капли милосердия?

Я уже открыл рот, чтобы попытаться объяснить девушке, какую лицемерную стерву она сейчас так отчаянно защищает, только услышал, как по лестнице спускаются.

— Спасибо вам, Матильда, — Лидия благодарила седую дородную женщину, что тяжело ступала по ступенькам. Ее под руку вела Тень, помогая той спуститься.

— Госпожа Хризшгайн, — я заметил, что старая женщина недавно плакала. — Я прошу вас, пожалуйста...

Лидия недовольно покосилась в мою сторону и оборвала старуху:

— Я все улажу, не беспокойтесь. И передайте господину Изхази, что я не передумала, просто немного повременим с корсетами. Тень вас проводит.

Пиона стала рядом с Лидией, словно пытаясь защитить свою хозяйку от мерзкого негодяя вроде меня. Это уже не смешно!

— Зачем вы пришли, господин инквизитор? — голос Лидии звучал ровно и глухо, ей прекрасно удавалась роль несчастной страдальицы.

— Нам надо поговорить, — процедил я, с трудом сдерживая злость. — Пиона, оставьте нас, пожалуйста.

— И не подумаю! — девушка упрямо мотнула головой и вцепилась в Лидию. Та бесстрастно смотрела на меня, даже не делая попытки отослать девушку.

Мне вдруг стало все равно, что и кто обо мне подумает. Я слишком устал от выходов этой полоумной, поэтому подошел к ней, схватил ее за руку и заявил:

— Боюсь, госпожа Хризшгайн не может мне отказать. Пойдемте! — и потащил Лидию наверх в кабинет. Пиона увязалась следом, так что мне пришлось добавить. — Пиона, вы же не хотите, чтобы Мартен узнал, что у вашей госпожи никогда не было племянницы?

Пиона побледнела и в отчаянии посмотрела на Лидию. Та едва заметно скривилась, потом кивнула девушке.

— Иди, Пиона. Видишь, господин инквизитор не любит, когда ему перечат...

— Не любит, — подтвердил я с самым свирепым видом.

— Госпожа, вы если что... — девушка окинула меня испепеляющим взглядом. — Вы зовите. Я буду внизу.

Я захлопнул дверь кабинета и обернулся к Лидии. Она упала в кресло, продолжая изображать из себя умирающего лебедя.

— Можете не стараться, разыгрывая из себя жертву! Благодарных зрителей нет!

— Что вам нужно, господин инквизитор? — ее голос был тихим и усталым, а лицо бледным и изможденным. Невероятный актерский талант!

— Зачем эта гнусная ложь? Зачем вы оговорили меня перед Пионой? Впрочем, не надо,

не хочу знать! — я угрожающе завис над Лидией и заглянул в глаза. — У меня к вам и так много вопросов, госпожа Хризштайн!

— Так задавайте, а после убирайтесь. У меня дела.

— Дела? Правда? Я думал, вам нездоровится, — я хотел приложить ладонь к ее лбу в показной заботе, но Лидия отвела голову.

— Пусть мое здоровье вас не беспокоит.

Я на мгновение застыл, силясь поймать ускользающую мысль, мелькнувшую в голове, но тщетно.

— Вы ведь намеренно натолкнули отца Валуа на идею свалить все на Серого Ангела? Чего вы добивались?

— Чего добивалась? — повторила она без малейшего выражения. — Мне показалось это забавным, разве не чудно получилось?

— Чудно? — я с трудом сдерживался от желания встряхнуть Лидию хорошенько и сбить с нее раздражающую невозмутимость. — Кардинал и отец Бульвайс мертвы! Забавно, правда? И обвиняют Серого Ангела! По вашей милости!

Лидия никак не отреагировала, продолжая сидеть в застывшей позе, словно восковая кукла. Ей действительно нездоровится? Нет, я не позволю обмануть себя во второй раз.

— Вы же наверняка уже в курсе, что арестовали помчика Прошицкого и выпустили Николаса, да?

Лидия кивнула и опустила взгляд на зажатый в руке листок бумаги. И продолжила молчать, что меня снова озадачило. Нетипичное для нее поведение, упустить возможность лишней раз поиздеваться.

— Что молчите?

— А что вы хотите от меня услышать, господин инквизитор?

— Хочу знать, что вы намерены предпринять. Колдун на свободе, а вельможа вояга Хмельницкого, на чье покровительство вы так рассчитывали, за решеткой. Вы знаете, что против него есть показания госпожи Розмари?

Лидия опять молча кивнула, расправляя скомканный листок. Я успел заметить, что это памятный рисунок с изображением молодой женщины в старомодном платье.

— Вояг просил вас заняться этим делом?

И опять молчаливый кивок. Да что же такое? Когда не надо, ее не заткнешь, а теперь словно воды в рот набрала.

— Я прошу вас, — начал я, понимая, что мои уговоры все равно тщетны. — Оставьте это дело. Я сам разберусь. Вы додумались угрожать отцу Валуа. В его власти не просто доставить вам неприятностей, а упечь за решетку, понимаете?

— Какая трогательная забота, господин инквизитор, — проговорила Лидия. Она встала с кресла и нетвердой походкой подошла ко мне. — Вы хотели знать, что я собираюсь предпринять. Извольте. Я собираюсь сделать этот процесс самым громким за последние сто лет. Я уничтожу колдуна, уничтожу...

— Послушайте, я хочу того же, только...

— Не смейте меня перебивать, — прошипела Лидия и вцепилась мне в плечо так, что я пошатнулся. — Я не только уничтожу колдуна, я сотру в порошок продажных церковников, заставлю каждого заплатить по счетам. В том числе и вас, господин инквизитор. Или вы думали, что можно безнаказанно меня оскорбить? Нет. Вы такой из себя праведный, добродетельный, да? Святоша клятый. Я отберу у вас все. Но знаете, с чего начну? С вашей

веры. Я уничтожу Святой Престол. В этом городе не останется ни единого следа проклятых церковников! После этого процесса вы такой грязью умоетесь, все до единого, что...

— Довольно! — оборвал я сумасшедшую, отцепляя ее руки от себя. — Вы не представляете, насколько жалко выглядите в своей злобе!

Ее лицо стало прозрачным от бледности. Лидия молча стояла, слегка пошатываясь.

— У человека невозможно отобрать веру, госпожа Хризштайн. Вы можете облить грязью церковь, разоблачить ее продажных служителей, очернить их, вам нет в этом равных, но они всего лишь люди. Вера не питается от церкви или ее слуг, она идет от сердца, но вам этого наверное никогда не понять. У вас его просто нет.

Лидия скривилась в жалком подобии улыбки.

— Вы правы. У меня его нет. И у вас не будет...

Я сокрушенно покачал головой.

— Мне вас жаль. Прощайте. И предупреждаю в последний раз, не лезьте в это дело. Для вашей собственной безопасности.

Пиона поджидала меня внизу. Увидев мое перекошенное лицо, она охнула и помчалась наверх. Не сдержавшись, я громко хлопнул входной дверью и отправился к отцу Георгу. Мне так было нужно услышать его ободрение и совет.

Профессор Адриани потрудился не просто ответить, но и отправить письмо голубиной почтой. Он согласился незамедлительно приехать, поскольку его крайне заинтересовал уникальный случай двоедушия Николаса, который он намеревался включить в свой капитальный труд по исследованию душевных заболеваний. Оставалось только добиться переноса судебного заседания. Вояг Хмельницкий наотрез отказался просить отсрочки, будучи настроенным очень решительно. Он заявил, что госпожа Хризштайн обо всем позаботится, а мне, как представителю обвинения и Святого Престола, доверия нет. Поэтому я затягивал как мог, постоянно мешая кардиналу Блейку, чье общество было просто невыносимо. Невольно вспоминая сцену с ним и Пионией, а потом гневный обвиняющий взгляд девушки, которая считала меня таким же лицемером и подлецом, я закипал от негодования. При этом сам кардинал относился ко мне благосклонно, ошибочно полагая, что я спас его от заражения дурной болезнью и могу разделить с ним порочные забавы. Особенно тяжело приходилось, когда он начинал рассуждать о женских прелестях, скабрезно подмигивать или травить пошлые шуточки. Но когда он предложил после работы отправиться в новый, недавно открывшийся бордель в порту, причмокивая от нетерпения, я не выдержал и послал его к демону, высказав все накипевшее. Поэтому просить его содействовать в переносе заседания можно было даже не пытаться. Впрочем, готовя обвинение, в поисках слабых мест, я неожиданно для себя нашел решение. Только для того, чтобы оно сработало, необходимо было любой ценой не пустить Лидию в зал суда.

Уже завтра заседание, а я до сих пор не представлял, как избавиться от Лидии. Глаза слипались от недосыпа, поэтому наверное придется опять ночевать в управе. К счастью, привратник обычно не возражал и в мое отсутствие охотно кормил рыжего, который большую часть проводил на улице, радостно облаивая прохожих. Искалеченная задняя лапа ему ничуть не мешала, он приноровился шустро бегать, лишь слегка ее приволакивая. Я хотел отдать его жить при сиротском приюте у отца Георга, но оказалось, что меня уже опередили. Там уже был такой же рыжий щенок из помета. Мне до сих пор казалось

странным, что Лидия... Хотя нет, это скорее не она, а Антон подобрал где-то щенков. Она в принципе не способна на жалость и сострадание.

— Кысей! — в кабинет ввалился кардинал Блейк, его маленькие глазки осоловело смотрели на меня, а комнату неумолимо заполнял запах дешевого вина. — Ты еще работаешь? Давай выпьем, а?

Толстяк помахал в воздухе полупустой бутылкой, потом нетвердым шагом добрался до стула и тяжело плюхнулся.

— Ну ты подумай, какая жара в этом городишке! Вино холодное, из погреба. Хочешь?

Я отрицательно покачал головой, на всякий случай убирая бумаги подальше от поставленной на стол бутылки.

— Хватит на меня дуться! — вдруг обиженно засопел кардинал, пытаюсь открыть бутылку. — Ты меня совсем не уважаешь, да?

— Ваша святость, — процедил я, разглядывая, как он дрожащей рукой наливает темную жидкость в мой стакан. — Вам не стоит пить в такую жару.

— А что мне еще остается пить, тьфу, делать в этом клятом городе? Бабы да вино, что еще нужно для счастья бедному церковнику.

Он опрокинул в себя целый стакан, крякнул и полез наливать следующий.

— Это ты сейчас такой правильный... Поживешь с мое — поймешь... Кому нужен твой обет, тьфу! — кардинал сплюнул на пол, я всерьез опасался, что его может стошнить. — Никому мы не нужны, слышишь! Ни-ко-му!

Кардинал попытался вылить остаток вина в стакан, но руки дрожали настолько, что он все расплескал на стол. Выругался, выцедил последние капли прямо из горла, потом швырнул бутылку об стену и уставился на меня.

— Послушай, что скажу. Ты гуляй, пока молодой, пока здоровье есть. Это потом уже будешь каяться, поститься да блюсти добродетель. Когда будет что вспомнить. А то я ведь тоже... Таким же дураком был... Все думал про грехи да...

Его повело в сторону, я подхватился с места, но не успел, толстяк успел упасть со стула и растянуться на полу. С трудом подавляя брезгливое отвращение, я оттащил бесстыдно храпящего церковника на диван. Придется забрать бумаги домой и работать там, принесла же его нелегкая. Собирая материалы дела, я застыл. Демон, а ведь он прав! Пусть для этого и придется согрешить... В тот момент я был готов расцеловать пьяного кардинала за подсказку.

Заседание было назначено на вечер, чтобы жара в здании муниципалитета успела спасть. Нервно вышагивая в зале, я раздумывал над тем, что Лидия слишком хитра и может заподозрить неладное. Я не могу оплошать и допустить, чтобы она превратила судебное заседание в дешевый спектакль, как в прошлый раз. А значит, придется быть очень убедительным и осторожным.

Вояг пригласил поверенного Цомика для защиты помчика. Светский защитник на процессе по обвинению в колдовстве и убийствах не был чем-то необычным, но вся неприятность заключалась в том, что он был волен самостоятельно выбирать себе официального помощника, и выбрал он Лидию. А сообщив об этом лишь накануне заседания, поверенный лишил отца Валуа какой-либо возможности предпринять ответные меры. Впрочем, если мой план сработает, то это уже будет неважно.

Страдающий от жестокого похмелья кардинал Блейк мрачно кивнул мне в приветствии

и поманил за собой в зал. Я отрицательно покачал головой. Где же Лидия? Почему ее до сих пор нет? Если она опоздает, то...

Я выдохнул с облегчением, заметив ее вместе с Антоном и Пионой, но в следующее мгновение недоуменно нахмурился. Что у нее за очередная блажь? Лидия вырядилась в старомодное белое платье с талией под грудь, довольно целомудренное и не характерное для нее. Она опять будет разыгрывать оскорбленную невинность? Кого она пытается обмануть этими нелепыми оборками, трогательным наивным рисунком из розочек на платье и детской прической? Ее можно было назвать почти привлекательной, приняв за юную застенчивую пансионерку. Я еще больше нахмурился, силясь вспомнить. Ну конечно, я же видел этот образ! На том рисунке, что держала Лидия. Она кого-то копирует?

Лидия гордо прошествовала мимо, и мне пришлось ее догонять.

— Подождите, госпожа Хризшгайн, — я удержал ее за руку. — Мне надо с вами поговорить.

— Нам есть о чем? — довольно холодно спросила она. Пиона насупилась, зато Антон сразу же ретировался, буркнув, что будет ждать в зале суда.

— Есть. Я прошу уделить мне всего лишь пять минут. Сделайте такое одолжение.

— Иди, Пиона. Я скоро буду, — отослала Лидия девушку и повернулась ко мне. — Я вас слушаю, господин инквизитор.

— Здесь слишком шумно, давайте пройдем в мой кабинет. Я бы не хотел, чтобы нас кто-нибудь услышал.

— Вы собираетесь поведать мне тайну? — насмешливо спросила Лидия.

— Возможно то, что я скажу, заставит вас передумать, госпожа Хризшгайн, — я в ответ тоже улыбнулся, вышло вполне естественно, но в душе молил Единого, чтобы она ничего не заподозрила. Моя ставка на ее неумное любопытство оказалась правильной, Лидия подозрительно прищурилась, в раздумьях теребя сумочку. — Но вы можете узнать это и на суде. Так что, как хотите, — я развернулся уходить, внутри замерев от ожидания.

— Ладно, уговорили, пойдете.

Я открыл перед ней дверь, пропуская вперед. Когда Лидия зашла, аккуратно закрыл дверь на ключ и повернулся к ней. Она наблюдала за моими манипуляциями со снисходительным видом.

— Вы хотите меня закрыть, чтобы я не попала на заседание?

— Нет, — ответил я вполне честно. — Я хочу вас предупредить. И в последний раз попросить не лезть в это дело.

— Я это уже слышала, господин инквизитор, — раздраженно протянула Лидия, не сводя с меня глаз. — Вы тратите мое время.

Я тяжело сглотнул. План казался таким простым, но сейчас я колебался. Сделал шаг ближе и провел пальцем по ее щеке, словно смахивая невидимую соринку.

— Вы сейчас пытаетесь меня соблазнить? — Лидия расхохоталась, заставив меня отдернуть руку. — И на что же вы готовы пойти, господин инквизитор?

— На многое, — ответил я внезапно севшим голосом.

Она подошла ко мне настолько близко, что я чувствовал ее дыхание у себя на шее. Лидия привстала на цыпочках и прошептала мне на ухо.

— Я бы с удовольствием развлеклась, но только после заседания!

Она грубо оттолкнула меня с дороги и направилась к двери.

— Вы сами откроете, или мне закричать, чтобы сбежались любопытные?

Надо решиться! Я приблизился к ней сзади, взял за плечи, чувствуя знакомый теплый аромат, притянул к себе, не позволив обернуться, а потом прильнул губами к нежной коже на шее. Ощутил, как напряглись ее хрупкие плечи, как предательски забилося в ответ мое сердце, разнося ядовитую отраву страсти по всему телу. И не было никакой возможности оторваться от сладкого соблазна, равно как и отвести взгляд от скромного выреза платья. И хотя я нашел в себе силы прикрыть глаза, все равно подлое воображение продолжало нашептывать про нежную полноту ее груди и рисовать маленькую родинку, что я успел увидеть еще тогда...

— Если хотите соблазнить, — дрогнувшим голосом сказала Лидия, освобождая меня от наваждения. — То надо быть смелее. А целовать лучше за ушком. Там кожа чувствительней...

Она бесцеремонно перехватила меня за запястье и положила мою руку к себе на грудь, чуть наклонив голову и откинув волосы с шеи. Я открыл глаза, стряхивая с себя последние сомнения, и цинично подумал, что если бы Лидия умела вовремя промолчать, то давно бы уже добилась своего.

— Правда? — шепнул я, послушно целуя ее за ухом. Я должен, должен...

Моя рука, позорно слабеющая под соблазнительной тяжестью ее груди, поднялась выше, легла на тонкую шею, потом еще выше, к точеному подбородку.

— Мне жаль... — прошептал я, чтобы уже в следующее мгновение задрать ей голову и нажать пальцами на щеки, удерживая открытым рот, а после влить туда содержимое припасенной заранее фляги. Лидия забилась в моих объятиях, ее ногти начали больно царапать мне руку, потом она всхлипнула, давясь монастырским вином, закашлялась, но я держал так крепко, словно от этого зависела жизнь, поэтому через несколько секунд ее тело безвольно обмякло у меня на руках.

Наверное еще с минуту я просто стоял, сжимая ее в объятиях и силясь унять предательскую дрожь в коленях. Потом подхватил Лидию на руки и оглядел кабинет в поисках, где ее устроить. Не оставлять же на полу. Отнес на диван, на котором еще вчера храпел кардинал. Склонился над ней, убеждая себя, что всего лишь проверю пульс и вытру подбородка и шеи винные потеки. На ее бледном лице немым укором алели следы моих пальцев, и я провел по ним ладонью, размышляя о том, что она почти красивая, когда молчит. Этот чувственный рот со слегка припухшими губами, если бы он хоть иногда закрывался, вместо того, чтобы выдавать очередную циничную пошлость, от которой хотелось взвыть... Повинуясь мимолетной прихоти, склонился еще ниже, желая поцеловать ее хотя бы сейчас, когда она просто спит... Но тут Лидия самым безобразным образом всхрапнула, причмокнула, пробормотала под нос что-то неразборчивое и повернулась на бок.

Я застыл, с горечью разглядывая ее, потом встряхнул головой. Довольно, надо взять себя в руки. Острое чувство вины не отпускало меня. Поднялся, еще раз окинул ее взглядом и подумал, что стоит укрыть спящую. В кабинете не нашлось ничего подходящего, поэтому я просто скинул с себя мантию, надеясь, что все разрешится быстро, и она мне не понадобится. Накинул импровизированное покрывало на Лидию и тут заметил плотную повязку, выглядывающую из-под сползшего на плече платья. Провел пальцем, недоумевая, неужели она утягивает грудь? Это на нее не похоже. Да какая мне к демону разница! Хватит уже вести себя, как похотливый глупец. Я натянул край мантии, укутав ей плечи, и собрался

уходить. Однако дернув дверную ручку, вспомнил, что запер кабинет на ключ, чтобы мне случайно не помешали Антон или Пиона. Но в кармане ничего не обнаружилось. Что за бред? Я же помню, что положил его туда. Или он в мантии? Оглянувшись на мерно сопящую Лидию и выругался. Вот зараза! И когда только успела?

Мне ее теперь обыскивать? Да что ж за человек такой! Откуда у нее замашки рыночной воровки? Ведь она же явно благородного происхождения. Я вернулся к ней обратно и уже без всяких колебаний рывком сдернул мантию, разглядывая и пытаюсь понять, куда она могла деть ключ. Обшарил ее бесчувственное тело, заглянул в сумочку. Куда же она его дела? Неужели засунула в декольте? Хотя... Догадка оказалась правильной. Я наклонился, всматриваясь в темные пятна разлитого на полу вина, и обнаружил выпавший ключ. Набросил мантию обратно на Лидию, уже нимало не заботясь, укрыты ли голые плечи, и наконец выбрался на свободу. Оглядываясь вокруг во избежание ненужных свидетелей, я закрыл дверь кабинета и позволил себе выдохнуть с облегчением. Пожалуй, так я скоро стану заправским интриганом.

Глава 11. Хризосола

— ...Злыдень пысюкатый! Да чтоб у тебя, падла, сраку заклало! Вышкребок патлатый! Я ж тебе!..

Я судорожно забила, пытаюсь вдохнуть хоть немного воздуха. Ледяная вода заливала нос, обжигала горло, разъедала глаза, я стала вырываться, пытаюсь освободиться от безжалостной хватки Антона. Он держал мою голову под водой в глубоком тазу для умывания и безбожно ругался. Наконец рывком, за волосы вздернул меня, и я закашлялась.

— Прекрати!.. — прохрипела я.

— Очухалась? — спросил Антон. Его искаженное гневом лицо покраснело, верный признак сильного волнения.

— Да, — я откашлялась пустой водой, пытаюсь собрать воедино разбегающиеся как тараканы мысли. Было очень холодно. — Не ругайся так, веди себя как подобает высокородному...

— Ах, прости! Я так огорчен и разочарован недостойным поведением господина инквизитора, что... Что самолично прибью эту дупу пысюкату!

Я поморщилась. Растерла лицо, пытаюсь восстановить кровообращение. Немилосердно клонило в сон, мысли путались, язык еле ворочался.

— Что с судом? Который уже час?

— Суд давно начался. Не смей засыпать!

— Я только чуть-чуть... Немного подремлю и пойду, честно... — я добралась до дивана и попыталась укрыться. Мантией. Его мантией? Что она здесь делает?

— Не смей, сказал! — Антон встряхнул меня и стал шлепать по щекам. — Не спи! Тебе нельзя! У тебя суд! Слышишь?

— Прекрати! — я попыталась разозлиться, но получалось плохо. Все воспринималось как в тумане, но я уже вспомнила, что сделал красавчик. Встала на ноги, пошатываясь от слабости в ногах. — Пошли. Пошли надерем ему задницу... Как ты там его назвал? Напомни мне потом, чтобы я заказала этому злыдню патлатому проносное.

Возле зала судебных заседаний я замерла, отжала волосы, постаралась оправить платье. Ох, и напрасно я не воспользовалась грибным эликсиром. Рана на спине не была опасной, но доставляла мучений. Но после единожды использованного эликсира демон грибной колдуньи, казалось, прочно поселился в моей душе, и я опасалась всерьез, что когда-нибудь...

— Антон, как только я начну допрашивать помчика, возьмешь Пиону, покинешь с ней зал суда и не вернешься, пока... Пока все не закончится. Понял?

Мальчишка неуверенно кивнул.

— Хриз, ты задумала что-то опасное?

— Не волнуйся, будет весело, — улыбнулась я, раздумывая над тем, что вид у меня должно быть ужасный. Тем лучше. Скоро бледный вид будет и у остальных. Толкнула дверь и вошла в зал с гордо задранной головой, невольно копируя Пиону в ее глупом упрямстве.

Мое появление произвело фурор, можно было даже не сомневаться. Председательствующий в суде отец Валуа замер на полуслове и уставился на меня с

недоумением. Громко всхлипнула Пиона, глядя на меня коровьими глазами. Я уже сто раз пожалела, что наговорила ей гадостей про красавчика. Поначалу меня забавляла ее жалость к несчастной хозяйке, преследуемой похотливым инквизитором-садистом, но потом чрезмерная забота и причитания стали не на шутку раздражать. Я прокашлялась, горло все еще раздирало от холодной воды и винного привкуса, и заявила с самым невозмутимым видом:

— Простите за опоздание, ваша честь. Появился неожиданный свидетель по делу, и мне пришлось...

— Вы можете пройти, госпожа Хризшгайн, — торопливо перебил меня судья. — Но ваше место уже занято.

И он кивнул в сторону защиты, где рядом с поверенным Цомиком сидел красавчик. Какого демона? Как он там оказался? Мерзавец взглянул на меня удивленно, потом поджал губы и виновато отвел глаза в сторону, пытаюсь игнорировать. Ну уж нет.

— Ничего, ваша честь. Я думаю, мне хватит места.

Я спокойно прошествовала к скамье защиты и плюхнулась прямо между поверенным и застывшим каменным изваянием инквизитором, плечом к плечу. Кысей тут же вскочил, как ошпаренный, и заявил:

— Ваша честь, я не думаю, что госпожа Хризшгайн в том состоянии, чтобы продолжать заседание. Мне кажется, она пьяна. Думаю, стоит перенести...

Я тоже встала, положила ему руку на плечо и силком усадила на место.

— Меня трогает забота господина инквизитора, однако, смею уверить, со мной все в порядке.

Отец Валуа снял очки и посмотрел на меня внимательным взглядом.

— Вы странно выглядите, госпожа Хризшгайн. Вы уверены, что в состоянии?..

— Уверена. Не обращайтесь внимания на мой вид, просто жарко, вот решила освежиться, — и я как ни в чем не бывало откинула с плеч мокрые волосы, брызги с которых полетели прямо на бумаги красавчика. Он досадливо поморщился, отодвинулся от меня и убрал подальше свои документы.

Я склонилась к законнику и раздраженно поинтересовалась.

— Господин Цомик, что делает инквизитор на стороне защиты?

Старичок смущенно хмыкнул, потом пояснил:

— Когда вы не появились в зале суда, господин Тиффано с уверенностью заявил, что вас можно не ждать. Заявил о том, что не поддерживает обвинение. И вспомнил параграф церковных изложений, забавный прецедент, должен вам сказать, право, он достоин упоминания в моих...

— Перейдите к делу, пожалуйста! — перебила я его.

— Так а я о чем? — обиженно надулся законник. — В церковных процессах, где обвинением выступает Святая Инквизиция, она имеет право назначить своего представителя на сторону защиты. Принудительно. Старая норма, давно уже никто не пользуется. Но, увы, действует до сих пор, я не смог опротестовать. Думаю, что...

— Моего свидетеля вы заявили?

— Нет еще.

— Вот и отлично. Вызывайте сейчас.

Я откинулась на спинку скамьи, разглядывая, как обвинение в лице толстяка кардинала с гневной патетикой вопрошает у текущего свидетеля, бордельной девки, как она могла

терпеть нездоровые, богопротивные пристрастия обвиняемого. Все пошло коту под хвост! Весь мой план, тщательно выверенный узор интриги оказался грубо разорванным этим гаденышем, и теперь только и остается наспех сшивать концы с концами, сметывая все грубой ниткой. Я бросила взгляд на карандаш, который держал Кысей, нервно постукивая им о стол, и некстати вспомнила горячую руку у себя на груди, робкое прикосновение губ... Да чтоб тебя разорвало и бросило! Я тебе устрою веселье, обхохочешься. Нагло развалилась на скамье, заставив Кысея еще больше потесниться и едва сдерживая желание грубо спихнуть его со скамьи. Госпожу Розмари уже вызывали, поэтому я не смогу допросить и вскрыть ее неприглядные делишки с воягом Наварро, которому она продавала информацию, а значит вояг Хмельницкий лишился еще одного козыря против своих врагов. Не смогу вызвать Пиону для допроса, чтобы очернить обвинение и поиграть на нервах у инквизитора. Капитан Лунтико уже дал показания, поэтому я не смогу поинтересоваться, откуда у скромного капитана городской стражи появились деньги на посещение дорогого борделя, и почему он так удобно оказался там в момент убийства. Но самое главное, я не смогу повесить убийства Серого Ангела на скромную экономку борделя. А вот это очень плохо.

Я должна была сразу заподозрить, слишком разительным было фамильное сходство этой сухой чопорной дамочки и высокомерного кардинала. Они даже губы поджимали с одинаковым выражением лица. Интересно, кардинал действительно думал, что я не пойму, кто его источник информации в борделе? Подкинуть часть ворованных денег и пару страниц из приходской книги в комнату экономки, а потом сообщить о своих подозрениях сводне, было таким пустяком, что стыдно сказать. Интересно, что она с ней сделала? Хотя думаю, что экономки уже давно нет среди живых. Но вряд ли это она убила своего брата. Походка того человека, что прошел мимо меня, определенно была мужской. Но упустить такой шанс свалить все на нее — не прощу! Я так задумалась, что пропустила, как законник вызвал свидетельствовать Матильду.

Господин Цомик кивнул мне, и я встала со своего места, не удержавшись от маленькой подлости — обходя инквизитора наступить ему на ногу.

— Как вас зовут?

— Матильда Эрих, — тихо сказала старая женщина, испуганно глядя на меня.

Я ободряюще ей улыбнулась и попросила.

— Говорите, пожалуйста, громче, Матильда. Вам нечего бояться.

Она послушно кивнула, робко улыбнувшись в ответ, и кинула жалостливый взгляд на Николаса.

— Вы знаете Николаса Иптискайте?

— Да, я знала его еще ребенком, его и Елену.

— Расскажите, что случилось сорок лет назад, когда была убита его мать.

— Возражаю, ваша честь! Как это может быть интересно суду? — взвился кардинал Блейк.

Я проигнорировала вопрос. Вместо меня поверенный Цомик тяжело поднялся со своего места и парировал:

— Ваша честь, защита считает необходимым выяснить подробности смерти Елены Иптискайте, что слишком похоже на рассматриваемые убийства.

Отец Валуга скривился, но все же кивнул.

— Продолжайте.

— Что тогда случилось, Матильда?

— Елена на сносях была. Жила с сыном во флигеле при борделе, там же и обшивала девок этих гулящих. В тот день одна из них к ней прибежала, спрятаться от пьяного клиента. Только он следом пришел, стал Елену допытывать, где девка. А она молчит. Он ее, бедолашную, ножом в живот ударил. Ушел, а Николас все видел, под кроватью прятался. Елена еще живая, и дите живое, наружу просится...

Старуха замолчала, давясь слезами, и я подала ей стакан воды.

— Продолжайте, Матильда.

— Девка убежала, а мальчик остался. Елена сына просить стала, чтобы помог ей. Ножницы подал. Дите ведь еще спасти можно было. Сама она умирала уже, а дочку спасти хотела...

Лицо инквизитора стало белее мела, он вцепился в карандаш так, что побелели костяшки пальцев. Слушая Матильду, я подошла к столу защиты и не без усилия отобрала у него карандаш. Он удостоил меня лишь невидящим взглядом, явно находясь под впечатлением тихих слов старухи, звучавших оглушительно громко в притихшем зале.

— ... Так я и застала их, Елену в луже крови и Николаса, качающего на руках малышку. Но девочка уже мертва была. А у Николаса... Ни единого темного волоска на голове, весь поседел...

— То есть вы утверждаете, что Николас не убивал свою мать?

— Не убивал, — твердо ответила старуха. — Это все тот помчик окаянный. А Николас всего лишь помог матери разрешиться от бремени. Пусть и таким страшным образом!

— Вы упоминали в нашем разговоре, что Елена еще потом в себя пришла?

— Да, совсем ненадолго. Она сквозь забытие напевать стала, ту колыбельную, что постоянно пела, пока с дитем ходила. Все спрашивала, сынок или дочечка? Ну как я могла ей правду сказать? Я и соврала, что девочка жива...

Она крепко сжала стакан трясущимися руками. В зале стояла такая мертвая тишина, что было слышно, как ее зубы стучат о стакан, она расплескала половину. Я покрутила в пальцах карандаш, постучала им о свидетельскую стойку, привлекая ее внимание.

— Вы можете продолжать?

Матильда горько всхлипнула и подняла на меня полные боли глаза.

— Могу, — прошептала она.

— Как называлась та колыбельная, вы помните?

Старуха кивнула и очень тихо произнесла:

— Колыбельная Мертвых земель.

— Спасибо. У меня нет вопросов.

Кардинал Блейк потоптался в нерешительности, но тоже промямлил, что не имеет вопросов. Люди в зале перешептывались, особо чувствительные дамы даже всхлипывали. Матильду отпустили на место, а я вернулась на свое, задержавшись подле красавчика. Наклонилась к нему и шепнула на ухо:

— Весело, правда? То ли еще будет...

Какие у него прекрасно очерченные скулы, когда он злится. Кысей скинул мою руку с плеча и прошипел:

— Оставьте меня в покое!

К сожалению, я не чувствовала теперь его эмоций. Клятый алкоголь притупил начисто все ощущения, а еще меня продолжало клонить в сон. Это может вызвать непредвиденные

осложнения со следующим свидетелем.

Поверенный Цомик с моей подачи заявил о повторном вызове Николаса Иптискайте, в связи с открывшимися обстоятельствами. Отец Валуа задумчиво поглядывал в нашу сторону, явно в недоумении от действий защиты.

Николаса провели за стойку, он был одет в мужской костюм, парик ему тоже не разрешили надеть, поэтому он затравленно оглядывался по сторонам, грозя в любую секунду соскользнуть в истерику. В таком состоянии я едва ли смогу достучаться до его внимания. Поэтому я взяла у Антона заранее приготовленный парик и женский бурнус.

— Накиньте, Агнесс, и можете надеть парик.

— Я протестую! Зачем защита устраивает цирк из судебного заседания, заставляя свидетеля переодеваться в женское?

Только Николас уже не слышал, он схватил парик и плащ, и через минуту его лицо разгладилось, ушло напряжение, осталась лишь легкая неуверенность.

— А его никто не заставляет, ваша святость, — парировала я. — Вы позволите продолжить?

Отец Валуа кивнул чуть насмешливо. Он явно даже не подозревает, какую ловушку я приготовила. Для всех. Если раньше я просила вояга настоять на закрытом заседании, чтобы избежать лишней опасности, то теперь мне было абсолютно все равно, что может произойти.

— Агнесс, вы помните свою мать?

На лице несчастного отразилось сомнение. Он покачал головой.

— Не знаю, она умерла, когда я родилась...

— Простите, — с деланным сочувствием потупилась я. — Но Матильду вы помните?

Я кивнула в сторону старой женщины, она робко улыбнулась своему воспитаннику.

— Да, тетущку Матильду помню, я всегда ее навещаю, когда выдается свободное время...

— Она рассказывала вам про маму? Какая она была? Вам разве не было интересно?

Николас пожал плечами и промолчал.

— Вы знаете, что ваша мама очень любила шить? У нее хорошо получалось...

Он кивнул и улыбнулся, глаза слегка затуманились.

— Да, я тоже шью. Тетущка говорит, что это у меня от мамы.

— Как здорово, — протянула я, вновь подходя к столу защиты и вытаскивая заранее припасенную подушку. Красавчик проводил меня недоуменным взглядом.

— Ваша мама пела вам колыбельные?

Николас покачал головой.

— Я не помню, я же сказала...

— Напомнить одну? Ваша мама пела ее, пока ждала свою дочечку, — ничуть не смущаясь, я задрала подол платья, благо оно было свободно от груди, и засунула подушку, придерживая фальшивый живот. — Вот так, да? Она напевала ее, пока работала, пока кроила ткань, — следом выдернула из сумки кроваво-алый атлас, вытащила ножницы, облокотилась на свидетельскую стойку, начала медленно резать ткань. — Помните? Она напевала вот так...

— Расти, расти, деточка,

Зелёная веточка,

Весенняя почечка -

Сынок или дочечка...

— Прекратите этот балаган! — заорал кардинал, вскакивая с места, но уже было поздно. Поднялся шум, недоуменные перешептывания и отдельные громкие выкрики. Отец Валуа пытался призвать к порядку, стуча судейским молотком по трибуне, но его никто не слушал. Но всех перекрыл Николас. Его лицо поплыло, он схватился за голову и стал монотонно раскачиваться, громко повторяя:

— Сынок или дочечка? Сынок или дочечка? Сынок или дочечка?..

Я отложила ножницы в сторону, взяла его за подбородок и заставила сфокусировать на себе взгляд:

— Николас, вы меня слышите? Вы помните свою мать? Вы помните колыбельную? Или мне повторить? — и я переспросила еще жестче. — Повторить?

— Нет, — всхлипнул Николас, его голос стал тонким и детским. — Не надо, тетенька, пожалуйста, не надо.

Я погладила его по голове, успокаивая.

— Не плачь, Николас. Расскажи мне про того дядю, который тебя обидел.

Николас шмыгнул носом, вытер его рукавом плаща, опустил голову совсем низко.

— Он ругался. Плохо ругался. Схватил маму за волосы, я хотел вылезти, а она не пустила.

— Знакомая мамы?

— Да. Дядька злой. Он нож со стола взял, страшно было, я глаза зажмурил...

Николас схватился за волосы в отчаянии и дернул что есть силы, сорвав с себя парик. Застыл, недоуменно разглядывая его в своих руках. Редеющие седые волосы смешно растрепались у него на голове и торчали дыбом. Но я уже видела дрожащий маревом силуэт маленького испуганного мальчика за его спиной. Пока только я. Но я заставлю и других увидеть его.

— Почему мама не встает? Она должна встать! Мамочка! Проснись! — он закрыл уши руками, словно спасаясь от страшного шума. — Я не хочу, мама! Не могу... Мне страшно, не надо...

Его лицо застыло в страшном искаженном мгновении прошлого, глаза стали пустыми.

— У меня больше нет вопросов к свидетелю, ваша честь, — я поклонилась отцу Валуа, не удержавшись от нотки торжества в голосе. Слегка кивнула сидящему в зале Отшельнику, которому не смогла отказать в удовольствии дать услышать мой голос. Он церемонно наклонил голову и бесшумно зааплодировал.

Я прошла на свое место, словив настороженный взгляд законника. Старый плут наконец понял, с кем имеет дело. Ну что же, это к лучшему, не будет лишнего искушения обмануть меня.

— Обвинение? — спросил севшим голосом судья, обращаясь к кардиналу. Тот покачал головой. — Я не понимаю линию защиты, госпожа Хризшгайн, но если вы закончили, то...

— Нет, — вдруг вылез с возражением инквизитор, поднимаясь со своего места. — У Святой Инквизиции в моем лице есть вопросы, ваша честь.

Я перехватила его за запястье и больно сжала, потянув вниз.

— А ну сядьте на место!

Красавчик легко скинул мою хватку, даже не обратив внимания. Не дождавшись согласия судьи, он прошел к свидетельской стойке и склонился над застывшим Николасом. Какого демона он влез? Ведь опять все испортит, мерзавец!

— Вы — опасная женщина, госпожа Хризштайн, — прошептал мне поверенный.

— Только для врагов, господин Цомик, — сквозь зубы ответила я, наблюдая, как инквизитор прожигает взглядом Николаса. — А моим союзникам опасаться нечего. Вы ведь на моей стороне, не так ли?

— Не сомневайтесь, госпожа, — законник едва заметно усмехнулся.

— Николас, это вы убили девушек госпожи Розмари? — спросил инквизитор, не отрывая от него взора. — Лиену, Изабеллу, Ивонну. Это вы сделали?

Лицо Николаса не дрогнуло, он никак не реагировал на слова красавчика. Зато я успокоилась и откинулась на скамье, чуть прикрыв глаза. Демон, только бы не уснуть, пока инквизитор будет терзать бесполезными вопросами Николаса.

— Вы их помните, Николас? Вы жили с ними под одной крышей, в борделе, шили для них, как шила ваша мать! Вы меня слышите?

Находясь в точке невозврата, в том мгновении, когда он переступил границу дозволенного и потерял свою душу, Николас-мальчишка просто не в состоянии осознать текущую действительность, как бы не старался инквизитор. Словно сон, который ты видишь сквозь явь, не в силах проснуться и прогнать... Господи, как же хочется спать...

— Господин инквизитор, довольно, — прервал наконец красавчика судья. — Вы же видите, что свидетель не в себе. Зачем его мучить вопросами.

— Как вы заставили их двигаться после смерти? Это же вы сделали! Как? Отвечайте! — Кысей не выдержал и схватил Николаса за плечи, стал трясти в попытках поймать ускользающий пустой взгляд двоедушца.

— Довольно, я сказал! — стукнул судейским молотком отец Валуа, и я открыла глаза, сбрасывая липкие оковы пьяной дремы. — Допрос свидетеля окончен, проводите его на место.

Он кивнул приставленному к Николасу душеведу из Академии, который тут же, особо не церемонясь, подхватил за шкуру несчастного и провел к скамье. Николас еле передвигался, поэтому, к счастью для меня, душевед усадил его в передний ряд скамей. Вот и отлично, не придется далеко обращаться.

— Если у стороны защиты больше нет свидетелей, то я...

Я больно ткнула законника локтем в бок, тот встрепнулся, зашуршал бумагами.

— Есть, ваша честь. Мы вызываем для дачи показаний нашего подзащитного, помчика Прошицкого, — поверенный покосился в мою сторону с сомнением, потому что его свидетельства мы заранее не обсуждали. — Опрос проведет госпожа Хризштайн.

Кысей сцепил зубы так, что его скулы побелели, провожая взглядом помчика, что важно прошествовал за свидетельскую стойку. Как же ему к лицу, когда он злится. Тогда его смуглая кожа немного бледнеет, лишь на щеках появляется гневный румянец, глаза становятся совсем бездонными, оттененными ресницами, такими длинными и пушистыми, что невольно начинаешь завидовать... Демон, я чуть не полезла его потрогать! Впрочем... Почему и нет? Придвинулась ближе и прошептала на ухо:

— Это просто преступление, с такой внешностью — идти в инквизиторы и давать

глупые обеты. Держу пари, что на поприще душеведа вы бы стали местным любимцем у всех дамочек этого городка, они бы сами бегали за вами...

Его дыхание заметно участилось, но он продолжал меня игнорировать. Поэтому я совсем уже неприлично близко склонилась, мои губы почти касались его уха.

— Когда вас исключат из сана, приходите ко мне. Возьму на содержание. И могу замолвить за вас словечко перед...

— Из сана невозможно исключить...

— Госпожа Хризштайн! — резкий окрик судьи. — Вы собираетесь допрашивать подсудимого...

— Потому что из сана извергают, госпожа Хризштайн.

— ...Или будете продолжать неприлично шептаться с господином инквизитором?

— Хотя ваше невежество меня уже не удивляет. Как и ваша пошлость. Отодвиньтесь, от вас несет спиртным, — закончил Кысей.

Я снисходительно похлопала его по плечу и поднялась.

— Простите, ваша честь, просто надо было обсудить с господином инквизитором... мм... дальнейшие действия, — пьяно улыбнулась, вкладывая в свои слова побольше пошлых намеков, понятных лишь красавчику.

— Назовите свое имя и титул.

— Помчик Прошицкий. Штефан Прошицкий.

Помчик держался очень уверенно, с присущей знатному вельможе надменностью. Я улыбнулась, но тут отец Валуа перегнулся через судейскую трибуну, окинул мой фальшивый живот непонимающим взглядом и спросил:

— Госпожа Хризштайн, вы не хотите прекратить балаган с беременностью?

— Нет, не хочу, — отрезала я, демонстративно поправляя чуть съехавший живот, и вернулась к помчику. — Вы знаете, в чем вас обвиняют?

— Да.

— Вы убивали девушек?

— Нет, — очень твердо и почти искренне. Пусть.

— Вы слышали историю Николаса Иптискайте?

— Впервые узнал на этом процессе, — мотнул головой мужчина.

— Как вы думаете, Николас сказал правду?

Помчик нахмурился, мой вопрос поставил его в тупик.

— Не знаю, — наконец решил сказать правду.

— Как вы думаете, женщина, которая получила удар ножом в живот, истекающая кровью, она в состоянии сама себе вспороть живот, чтобы разрешиться от бремени?

Он поморщился от неприкрытой жестокости моего вопроса, но опять пожал плечами.

— Понятия не имею.

— А после того, как разрешилась, как думаете, она в состоянии не только придти в себя, но еще и напевать колыбельную?

В зале зашептались. Отец Валуа нахмурился, а инквизитор наконец поднял голову и удостоил меня внимания.

— Я не знаю.

— Маленький мальчик, на глазах у которого только что жестоко убили мать, как думаете, он мог сойти с ума?

— Я протестую, ваша честь. Госпожа Хризштайн вынуждает свидетеля делать предположения.

— Возражения приняты. Сторона защиты, сформулируйте вопрос иначе. Или перейдите к следующему.

Я послушно кивнула.

— Тогда я сама сделаю предположение, ваша честь. Женщина, каким бы сильным ни был материнский инстинкт, едва ли бы пришла в себя после рассечения брюшной полости и матки, с массивной кровопотерей. Вот заключение профессора Гиршем из Академии по результатам вскрытия из старых архивных материалов убийства Елены Иптискайте. А уж тем более она не была бы в состоянии говорить или петь. И мальчик Николас едва ли бы смог сохранить душевное равновесие после увиденного и сделанного. Он сошел с ума, я утверждаю это совершенно точно. Более того, я намерена доказать, что именно тогда он превратился в колдуна. Мальчик настолько сильно хотел, чтобы его мама ожила, что заставил мертвое тело ожить ненадолго и спеть то последнее, что он слышал — колыбельную Мертвых земель.

Я помолчала немного, ожидая возражений со стороны обвинения или самого судьи, но их не было. Отец Валуа прекрасно понимал, что пока у меня ничего нет, кроме голословных предположений. Но в моем рукаве еще есть козыри.

— Помчик Прошицкий, вы знали, что Лиена была беременной?

Он замялся ненадолго, но потом кивнул.

— Да, знал.

— Вас это беспокоило?

— Я не понимаю, к чему вы клоните...

— Живот уже был заметен, верно? Доставлял некоторые неудобства, правда?

— Ах, это. Ну на самом деле, не особо, просто...

— Просто вас раздражало, как она себя вела? Стала на что-то намекать или требовать?

— Нет! Ничего подобного! — у него хорошо получалось лгать. Отец Валуа ловил каждое слово, очевидно недоумевая, зачем мне топить вельможу вояга.

— Что случилось в тот день? Вы пришли развлечься, усталый, злой, а она... Что она сделала? Стала опять ныть, верно? Капризничать? Отвернулась от вас, надулась, а потом и вовсе перестала замечать, да? Наверняка стала гладить свой округлившийся животик и напевать, верно? Вы не помните, что она пела?

Лицо помчика побелело от ужаса.

— Откуда вы?.. Ничего этого не было! — заорал он исступленно. — Я отказываюсь отвечать на ваши вопросы!

— Она пела колыбельную Мертвых земель, готова поспорить, — улыбнулась я, ничуть не смущенная его гневом, и начала гладить свой фальшивый живот. — Что вы сделали? Схватили нож? Ударили? И она наконец заткнулась, верно?

— Прекрати, сука! — помчик уже не помнил себя от ярости, он полез на меня с кулаками, я отступила в притворном страхе, поближе к Николасу, обернулась к нему.

— Сынок, ты не смотри, ладно? — прошептала ему, уворачиваясь от озверевшего помчика. Стражник наконец проснулся и заломил руки распоясавшемуся вельможе, вернул его обратно за стойку, сковав его запястья тяжелыми металлическими браслетами. Помчик меня больше не интересовал, я смотрела только на Николаса. Теперь мне надо сойти с ума вместе с ним еще раз.

— Я утверждаю, что помчик Прошицкий пырнул ножом девку Лиену. Но не он творил богопротивное колдовство. Николас Иптискайте стал случайным свидетелем и покорным участником кровавой трагедии в прошлом...

Мысли притупились, остались только чувства. Я смотрела на Николаса-мальчика немигающим взглядом, заново вспоминая весь ужас пережитого. Я не теряла мать, у меня ее не было с рождения, но зато теряла собственное дитя, поэтому я смогу.

— ... Он сошел с ума, погубил свою душу в отчаянном желании оживить свою мать. Однако после смог подавить демона в себе...

Я вымученно улыбнулась призрачному силуэту испуганного мальчика с бездонными глазами. Он наконец обратил на меня внимание.

— ... Смог подавить, как казалось, навсегда. Но в тот страшный день Николас стал свидетелем новой трагедии, так разительно похожей на его собственную. Думаю, Агнесс в его теле настолько сильно привязалась к Лиене, так сопереживала ее беременности и ждала дитя, что убийство девушки, которое, уверена, она видела своими глазами, стало толчком для возвращения демона...

Невыразимая пустота под сердцем, неразрешимое бремя, что разрывает пополам, смертная тоска по нерожденному ребенку — все это я щедро швырнула в демона-мальчика, ощущая, как он питается моим безумием, становится все более плотным и осязаемым.

— ... Демон стал просыпаться. Теперь в его искаженном сознании помчик ассоциировался с тем пьяным мерзавцем, что убил его мать. Каждый раз, когда Николас становился свидетелем сцен жестокости, например, финальной сцены "Прекрасной Лорелей", его демон подымал голову и требовал, требовал повторить единожды сотворенное...

Дыхания не хватало, я уже говорила с трудом, боясь, что в какой-то момент рухну вслед за демоном в такую манящую бездну. Там ничего нет. Нет боли, страданий, отчаяния и тоски. Я взяла со стола ножницы, те самые, запятнанные кровью жертв, протянула Николасу, а на самом деле смотрела на демона.

— ... И тогда он брал ножницы. Вот эти. Возможно, те самые, которые были у его матери. Николас-мальчик так отчаянно хотел спасти девиц от страшной участи потерять нерожденное дитя, что вспарывал им живот и оживлял их, заставляя напевать эту страшную колыбельную...

Строгое требование отца Валуа повернуться к нему лицом, прекратить досужие домыслы, угроза наказания за неуважение к суду, неотрывный взгляд инквизитора, который напрягся, почувствовав в отличие от остальных опасность, досадно белеющие лица Антона и Пионы, которым я строго приказала покинуть зал, а они все равно остались, идиоты... Все было как в тумане. Демон схватил ножницы вместо Николаса и вдруг швырнул их в меня. Я ухватилась за фальшивый живот, чувствуя, как рвется ткань платья, а следом вспарывается подушка, и отчаянно зашептала, упав на колени:

— Сынок, не надо. Накажи того дядю, это он сделал мне больно, слышишь? Это он заставил тебя плакать. Он, слышишь, он убил твою сестричку, твою бедную Агнесс...

Демон взвыл от ярости, нестройно охнули присутствующие, заметившие наконец его призрачный образ, что ринулся к помчику. Тот как раз выскочил из-за свидетельской стойки, чтобы увидеть происходящее. Я не видела, не в силах пошевелиться и оторвать взгляда от полных безумия глаз Николаса, в которых меня неумолимо затягивала бездна. Не видела, я только слышала, слышала, как ножницы впились в плоть помчика с противным

хлюпающим звуком, как он страшно закричал, когда они стали кроить ему живот, женские вскрики в зале, глухой стук чьего-то обморока, потом острый терпкий запах свежей крови, густо приправленный вонью дерьма и мочи от рассеченных внутренних органов. Я силилась улыбнуться клятому торжеству справедливости, но ничего не выходило. Пропали все ощущения, время замедлилось настолько, что я слышала, как ужасающе медленно, с невообразимым грохотом осыпаются песчинки в старинных песчаных часах. Начала шептать молитву, но демон уже обратился ко мне, заставляя вместо нее напевать проклятую колыбельную, что вязла на зубах и отдавала горечью во рту. Видела, как тягуче плавно начал подниматься с места инквизитор, как медленно расширились его зрачки от осознания присутствия демона, как словно в густом сиропе он огибает стол защиты, как неторопливо тянется его рука к эфесу клинка, как воеет обнажаемая сталь... Но он все равно не успеет, демон испил крови и не остановится, подгоняемый уже моим безумием. Он начнет убивать, ведомый ненавистью и злобой, которые не сдерживает затуманенный алкоголем разум, соскользнувший в бездну. Демон зарычал и обернулся к инквизитору... Мне надо остановить его. Любой ценой. Изуродованный моим восприятием, донесся растянутый во времени крик-стон Матильды, причудливо меняющий тембр и тон.

Я вцепилась в прутья высокого кованного ограждения монастыря, отделяющего меня от привычной вольной жизни. Ненавижу всех! Пустым взглядом проводила ни разу не оглянувшуюся бабу и ненавистную мачеху. Чтоб они сдохли! Медленно и мучительно! Я стояла так, пока не окоченели на осеннем холоде пальцы, намертво примерзшие к прутьям. И тут напротив меня возникла Хенрика. Еще одна мерзкая предательница, что бросила меня! Ненавижу ее! Она застыла, потом всхлипнула:

— Девочка моя! Ты же меня помнишь? Я так рада, что ты здесь. Я смогу тебя видеть, хотя бы изредка...

— Пошла прочь, холопка! Ненавижу!

В ее глазах стояли слезы, она улыбнулась мне ненавистной жалкой улыбкой.

— Ты прости меня. Отослали меня сразу после твоего дня рождения. Даже проститься с тобой не смогла тогда... Прости меня, дочечка...

Ненавижу, когда меня жалеют. Я сцепила зубы, сдерживаясь от желания вцепиться ей в лицо. Она вдруг протянула руку через прутья и робко погладила меня по встрепанным волосам, потом коснулась теплой ладонью ледяных пальцев, согрела их дыханием.

— Ты прости, слышишь? Прости, что крохой так мало тебя обнимала, больно мне было тебя видеть, ведь мой... Прости меня, что ты уже такая взрослая...

Ее неловкая ласка вдруг расколола каменный панцирь моей души, он пошел трещинами, из которых стало сочиться кровью и болью. Глаза защипало, соленая дорожка обожгла щеку, странно защипало в носу, облик Хенрики поплыл...

Демон-мальчишка застыл с занесенными ножницами перед инквизитором, заскулил от боли, не в силах справиться с брошенным в него болезненным воспоминанием, потом захныкал тонким детским голоском, размазывая кровавые слезы по щекам. Я вздохнула так глубоко, что закружилась голова, кровь из носа закапала на безобразное белое платье, оставляя на нем причудливый узор алых лепестков. Сознание погасло.

Глава 12. Инквизитор Тиффано

Неясное ощущение беды поселилось во мне еще с момента появления Лидии в зале суда. Наверняка, Антон постарался. Она вела себя совершенно невыносимо, цинично и пошло, впрочем, как обычно, но что меня пугало больше всего, я никак не мог понять, чего она добивается. После того, как она бесстыдно задрала платье и подложила фальшивый живот, чтобы вызвать воспоминания Николаса о матери, я было решил, что смогу добиться от него признания, но он застыл в прострации, никак не реагируя на происходящее. А после помчика Прошицкого, которого Лидия, вопреки всякой логике и лояльности к воягу, обвинила в убийстве, я не отводил от нее взгляда, пытаюсь предугадать и предупредить несчастье. Но все равно не успел. Когда ее взгляд, обращенный к Николасу, стал таким же пустым и безжизненным, каким я его уже видел в подвале колдуньи, уже тогда мне стоило потребовать прекращения процесса, стоило силой увести ее из зала суда, или убрать Николаса подальше от нее. Но я медлил и опоздал, слова застряли в горле, когда я увидел бледную тень маленького мальчика с перекошенным лицом, быстро отделившуюся от Николаса и всаживающую ножницы в живот Лидии. Вскочил со своего места, но все равно не успел, беспомощно наблюдая, как демон уже несется к помчику и единым взмахом рассекает ему живот. Я бросился к нему, на ходу вытаскивая клинок, но быстрым смазанным движением мальчишка меня опередил и возник напротив, сверкнули ножницы, больно обжигая щеку. А в следующее мгновение демон застыл, видимый настолько четко, что я мог различить на детской рубашке прилипший кусочек зеленого леденца. Я толкнул его клинком, но моя рука с мечом прошла насквозь, не встретив сопротивления и мгновенно онемев от холода. Бросился к Николасу и ударил его в челюсть со всей силы, его голова лишь дернулась, глаза же продолжали неотвратимо пожирать бледную как смерть Лидию, упавшую на колени в облаке перьев из разодранной подушки. Тогда я эфесом клинка стукнул его по шее наотмашь, и безумие в его глазах наконец погасло. Он медленно завалился набок. Я оглянулся назад, на Лидию, чтобы увидеть, как закатываются ее глаза, как из носа капает густая темная кровь, как она падает на каменный пол. Я бросился к ней, успев подхватить прежде, чем ее голова коснулась холодного камня.

Шум происходящего в зале, паника, в которой люди пытались выбраться наружу, подальше от призрачного колдуна, кромсающего живую плоть ножницами, возгласы стражников и бряцание оружия, дикий крик старой Матильды, что немедленно бросилась к Николасу — все это на какое-то мгновение оглушило меня настолько, что я замер с Лидией на руках. Встряхнул головой, глубоко вздохнул и направился к скамье, где оставил ее. Повернулся с дурным предчувствием к помчику и не ошибся. Он умирал, с отчаянием хватая воздух и придерживая руками рваную рану на животе, из которой... Меня затошнило, и я малодушно отвел взгляд. Если бы только был грибной эликсир, ему смогли бы спасти жизнь. Вдруг больно занял бок, и я с ошеломительной ясностью понял, что не ошибся тогда. Эти грязные намеки кардинала... Мое ранение было смертельным, только Лидия... Вот зараза! Сколько еще пузырьков для нее тогда вынес стражник из хранилища? Отец Валуа с застывшим лицом смотрел на то место, где валялись окровавленные ножницы, и я обреченно осознал, что он видел демона в первый раз. Кардинал Блейк свалился в обморок, прямо под

стол, на него никто даже не посмотрел. Лицовояга Хмельницкого было бледным, но уже покрывалось красными пятнами гнева, он бросился к своему вельможе и заорал:

— Лекаря! Скорей, найдите лекаря!

Поднялась обычная после трагедии суэта, когда никто не знает, что делать в первую очередь и куда бежать. А еще я увидел, как вояг сжал кулаки и двинулся на отца Валуа. Тот наконец оторвал взгляд от страшных кровавых потеков на полу и тоже уставился на неумолимо приближающегося вояга. Сейчас произойдет то, чего так отчаянно добивалась Лидия.словно кусочки мозаики, передо мной сложилась вся картина, все хитросплетения ее интриг. Это ведь она подложила вышивку помчику, испачкав ее в крови. Я даже догадываюсь, где Лидия ее взяла. Наверняка, у Матильды, больше негде. Намеренно устроила это представление, чтобы очернить Святой Престол, который обвинил невинного. По крайней мере, невинного в колдовстве. Спровоцировала кровавую драму, намеренно или случайно? В любом случае, вояг Хмельницкий теперь просто в ярости и имеет полное право выставить претензии Святому Престолу. И он не упустит своего, попросту выжив из города церковников. Эти мысли пронеслись в моей голове в одну секунду, а в следующую я громко и очень четко скомандовал:

— Тишина в зале! Стража, оцепить место преступления и немедленно изолировать подозреваемого! — кивнул на Николаса, мой голос без труда перекрыл весь шум, и в зале стало тихо. Видя, что стражники опасливо косятся в сторону бесчувственного мужчины, добавил. — Он не опасен, пока без сознания! Приступайте! Помчика на носилки и в соседнее помещение, послать за лекарем. Ближайшая лечебница на улице Висьен.

Следом я влез между сцепившимися в отвратительной сваре воягом и церковником, опустив между ними клинок с такой силой, что на каменном полу образовалась зазубрина.

— Прекратить! — холодная ярость клокотала в груди, заставляя говорить непривычно резко и грубо. — Вы хотите повторения трагедии? Хотите превратить этот город во второй Асад?

— Я не потерплю произвола церкви на моей земле! Я этого так не оставлю!..

— Святой Престол действовал в рамках закона! Ваш помчик виноват! Еще надо разобраться...

— Заткнитесь оба! — не выдержал я, на секунду прикрывая глаза. — Вы ведь сегодня увидели демона в зримом облике впервые в жизни, так?

Вояг тяжело сглотнул и отвел глаза, отец Валуа кивнул через силу, стараясь выглядеть бесстрастным. Оба молчали.

— А я нет. Не в первый. И даже не во второй. Тогда, в Асаде, я видел эти призрачные тени за спинами мятежников. Мне казалось, что они всего лишь мой бред, бред воспаленного лихорадкой сознания, но теперь... Демоны бесплотны, они всего лишь порождения разума, лишённого души, разума, который отринул веру, разума, который уже нельзя назвать человеческим... Остановитесь, вы сейчас готовы вцепиться друг другу в глотку ради чего? Ради политических амбиций? Гнева, ярости? Помериться силой ради чего?

Усталость накатила волной. Рука, прошедшая сквозь демона, онемела настолько, что едва удерживала клинок.

— Вояг Хмельницкий, ваша светлость, когда вы просили меня заняться этим делом, вы помните, что тогда сказали? Что не потерпите колдунов на своей земле. Что не хотите иметь с ними дело. А вы, святой отец, вы помните, что сказали мне, когда поручали обвинение?

Что все больше людей теряют веру в Единого. Что количество безумцев растет. Как бы вам ни хотелось, но Святая Инквизиция — единственная сила, способная остановить распространение безумцев и их превращения в колдунов, способная остановить тьму помешательства и потери человеческого облика. Но она будет бессильна, как сегодня, перед кровавой драмой, если ее не поддержать светской властью...

Я перевел дух и выпустил клинок, который с негромким звяканьем упал на пол.

— И вы оба виноваты в том, что произошло. И что может произойти. Вояг, ваш помчик убил девушку и тем самым спровоцировал появление колдуна. Знаете, как это классифицируется? Доведение до колдовства, параграф 25 Церковных изложений. Вы, отец Валуа, виноваты не меньше. Вместо того, чтобы дать время душеведам разобраться с Николасом, вы пошли на поводу собственных политических амбиций, допустив кровавую трагедию в зале суда. А я... Я виноват больше всех...

Они даже не представляют, насколько сильно я виноват. Ведь понимал же, что от Лидии можно ждать чего угодно, тем более, что она открыто заявила о своих намерениях.

— Только на мне лежит ответственность за произошедшее, и если вам хочется найти виноватого, то пожалуйста. Я к вашим услугам. Я принесу вам, ваша светлость, официальные извинения от имени Святого Престола за то, что допустил смерть вашего вельможи. Я покорно приму извержение из сана, святой отец, и любую епитимью, что будет назначена. Только прошу — найдите в себе силы и смирения договориться между собой. Иначе страх, уже посеянный в сердцах жителей этого города, станет их постоянным спутником.

Они оба молчали, не сводя с друг друга глаз, молчали довольно долго, прикидывая расклад сил, оценивая соперника, прокручивая в голове варианты развития событий, взвешивая выгоды, готовые торговаться, словно на базаре. Мне стало противно и тоскливо. Первым заговорил вояг.

— Я готов принять извинения Святого Престола, но не от вас, господин инквизитор.

— Вам придется довольствоваться его извинениями! Орден Пяти никогда...

— Вы хотите, чтобы я обратился к князю? Если понадобится, я вышвырну всех церковников со своих земель! А следом так поступят и остальные вояги. Вы зарвались в своей...

— Довольно! — все бесполезно, они не хотят меня услышать. Я смотрел, как Антон, пробившийся наконец через оцепление стражников, хлопчет рядом с бесчувственным телом своей сестры, как в отчаянии заламывает руки Пиона, пытаясь привести эту заразу в чувство. Неужели Лидия все же выиграет? Неожиданно я представил ее на своем месте, что бы она сделала? Смогла ли бы остановить конфликт между церковником и воягом? — Я сейчас скажу в последний раз, а дальше делайте, что хотите. Я принесу извинения, и вы, ваша светлость, их примете. Взамен Святая Инквизиция не будет выдвигать помчику Прошицкому обвинения в доведении до колдовства и проводить дополнительное дознание, которое, уверяю, вас, способно вскрыть очень много неприглядных фактов. Имя вашего вельможи не будет запятнано, и согласитесь, это дорого стоит. Вы, отец Валуа, пойдете в свою очередь на уступки, назначив вместо меня в городской совет любого представителя, выбранного воягом, однако вы, вояг, тоже должны кое-что сделать. Городской совет должен принять увеличение финансирования церковью и монастырями и допустить священнослужителей во все сферы деятельности. Совершенно необходимо увеличить их количество. А еще церковное образование должно быть обязательным. Конечно, если вы не хотите, чтобы ваши владения превратились со временем в Мертвые земли. Надеюсь, вы меня

услышите. И не устраивайте свару на глазах у публики.

Вояг сжал эфес клинка и зло прищурился, глядя на церковника. Отец Валуа был бледен, но смог взять себя в руки, он снял очки, протер их платком, его руки дрожали. Наконец тихо сказал:

— Ваша светлость, давайте обсудим все в моем кабинете. Прошу вас, следуйте за мной.

Вояг скривился, но кивнул, лишь мельком бросив взгляд на свою свиту. И последовал за церковником, к счастью, один.

Я наклонился, поднял клинок, вложил его в ножны и подошел к Лидии. Антон все еще силился привести ее в чувство, а мне хотелось сказать ей пару слов. Пару очень неласковых слов. Я схватил графин с водой со стола и выплеснул ей в лицо.

— Что вы делаете! Не смейте! — влезла Пиона. Я бесцеремонно отодвинул девушку в сторону и схватил Лидию, усадив ее на скамье. Она до сих пор не подавала признаков жизни, норовя соскользнуть и завалиться набок, поэтому я стал шлепать ее по щекам. Антон не делал попытки меня остановить, лишь равнодушно смотрел, потом сказал:

— Бесполезно. Пока не проспится, можно даже не пытаться. Лучше помогите донести ее до экипажа.

В ответ я лишь зло взглянул на мальчишку. Затряс Лидию, ее голова беспорядочно болталась из стороны в сторону, заглянул под веки, зрачок на свет не реагировал, так что она вряд ли притворяется. Ну что ж, тогда пожалуй... Я бросился к поверенному Цомику. Опытный законник, он наверняка хорошо подготовился к процессу, где так много душераздирающих подробностей.

— Господин Цомик, у вас же есть нюхательная соль?

Старый лис хитро взглянул на меня, прищурился, потом кивнул в сторону бесчувственной Лидии.

— Пытаетесь привести в чувство госпожу Хризшгайн?

Я кивнул и поторопил его.

— Дайте, пожалуйста!

Старичок склонил голову набок и лукаво прищурился.

— А вы знаете, господин инквизитор, что вы теперь герой?

Я досадливо от него отмахнулся.

— Какой из меня герой! Я должен был не допустить трагедии, а вместо этого...

— Герой, — безапелляционно заявил законник, выуживая из нагрудного кармана маленький пузырек. — Вы единственный, кто бросился сражаться с демоном. И вы его победили.

Я протянул руку за флакончиком, но поверенный ловко покрутил им у меня перед носом и спрятал в ладони.

— И вы совсем не боитесь госпожи Хризшгайн, — сказал он, внимательно глядя мне в глаза. — Я даже не знаю, то ли это уверенность настоящего героя, то ли беспросветная глупость. Потому что даже мне теперь страшно. Страшно иметь с ней дело. Держите.

Лидия шумно вдохнула воздух, очнувшись от резкого запаха соли. Ее мутный взгляд сфокусировался на мне, и она пьяно улыбнулась:

— О, красавчик! — она потянулась ко мне рукой, но я резко встряхнул ее за плечи.

— Вы понимаете, что натворили? — сейчас, когда она пришла в себя, нестерпимое

желание придушить ее стало еще сильнее. — Это ведь вы... — я покосился в сторону Антона и Пионы и наклонился к ней еще ближе. — Это вы подставили помчика, верно? Подложили ему запачканную кровью вышивку! Наверняка, еще и сводню подговорили дать показания, правда?

Лидия посмотрела мне в глаза, потом протянула руку и провела пальцем по моей щеке.

— У вас здесь царапина, господин инквизитор, — заплетающимся языком сообщила она. — Такие крохотные алые капельки...

И она бесстыдно слизнула их с пальца и потянулась вновь.

— Прекратите! — встряхнул ее вновь, но это не помогало, потому что ее холодные пальцы вновь коснулись моего лица. Тогда я резко перехватил ее за еще влажную копну волос и заставил охнуть от боли. — Вы мерзкая дрянь! Вы спровоцировали появление колдуна в зале суда! Подвергли всех в зале опасности! Вы знаете, что помчик... Его ранения смертельны! — мой голос дрожал от гнева и пережитого ужаса.

А Лидия мне улыбнулась, словно не замечая боли от стянутых волос.

— Правда? Он сдохнет? Как здорово, что правосудие наконец восторж...жуст... жаств..., а, неважно...

— Вы самая настоящая убийца, хладнокровная и подлая... — прорычал я, едва сдерживаясь, чтобы не придушить ее прямо здесь.

— Да как вы смеете! Отпустите ее! — опять влезла Пиона. — Госпожа сама едва не погибла, а вы!..

— Ваша госпожа — лицемерная стерва, у которой нет ничего святого. Она использует людей, не задумываясь. И вас, Пиона, она тоже использует и обманывает...

— Да, милочка, обманываю. Рассказать про господина инквизитора правду, а? — Лидия пьяно расхохоталась. — Знаешь, почему он тогда связал мне руки? Бедняжка боялся, что я его снасильничаю! Представляешь? Лишу его драгоценной невинности! Что же вы покраснели, а?

Я до боли сцепил зубы, чувствуя, что краснею уже не от гнева, а со стыда.

— Госпожа! — в голосе Пионы звучало возмущение и удивление. — Как же так... Зачем вы его... Боже, как же стыдно!..

— А мне не стыдно! Да отпустите наконец! — Лидия вырвалась из моего захвата и встала на ноги. — Это вам должно быть стыдно, господин инквизитор. Это вы должны были поймать колдуна! Это вы должны были не допустить, чтобы его демон вырвался на волю и начал убивать! Это на вашей совести смерть помчика!

— Заткнитесь! — я сцепил руки на ее шеи, в глазах потемнело. Антон подскочил и начал оттаскивать меня от задыхающейся Лидии. Если бы не он, видит Единый, я бы...

Злость вдруг прошла, уступив место бесконечной усталости. Я глубоко вдохнул, набирая побольше воздуха для последней попытки достучаться до ее совести.

— Зачем? Просто ответьте, вот зачем вы все это затеяли? Ведь колдун и так был под замком!

— А меня не устраивает ваше хваленое правосудие! — выплюнула Лидия мне в лицо. — Я же сказала, что у меня все получают по заслугам. Помчик, который прирезал бордельную девку, ему бы ничего за это не было, верно? Он откупился бы, как и тот, что сорок лет назад искалечил Николасу жизнь и сотворил из него колдуна! А церковники, что должны были за ним следить, что они сделали? Они выпустили Николаса из лечебницы! Выпустили колдуна на свободу! Но теперь им несладко, да? Кстати, — она вдруг вцепилась в мою рубашку,

притянув к себе с такой силой, что я едва устоял на ногах. — Вас уже лишили сана? Если нет, то наверняка завтра или послезавтра. Мое предложение...

— Замолчите! — мне даже нечем ей возразить. Вояг поверил в угрозу обвинения помчика в доведении до колдовства, хотя на самом деле этот пункт обвинения никогда на практике не использовался, слишком тяжело его доказать. — Вы не вправе вершить правосудие, не можете самовольно карать или миловать...

— Могу и буду! И будьте уверены, я до того помчика тоже доберусь! И уж не вам меня останавливать, без пяти минут господин никто!

Я брезгливо посмотрел на ее побелевшие пальцы, держащие ворот моей рубашки, но даже не сделал попытки их отцепить.

— Думаете, не смогу остановить? Мне достаточно сказать воягу, кто подложил его вельможе окровавленную вышивку. И не думайте, что я настолько глуп и не понял, что вы воспользовались колдовским эликсиром, чтобы...

Я запнулся, потому что понимал, — чтобы спасти мне жизнь, но все-таки это было колдовство.

— А вы доказать можете? — совершенно спокойно спросила Лидия и усмехнулась. — Вы со своим ущербным правосудием похожи на слепого беспомощного кутенка, который только и может, что тьявкать...

Меня покорило от ее уверенных и обидных слов, но сил доказывать, что ущербной здесь назвать можно только ее, уже не было.

— Иногда я жалею. Жалею о тех временах, когда Святая Инквизиция имела абсолютную власть, когда одного слова инквизитора было достаточно, чтобы...

— Чтобы отправить такую, как я, на костер? — ее ухмылка стала еще шире и неприятней. — Хочу вас разочаровать, господин... будущий расстрига, я бы смогла его избежать. Зато туда отправился бы любой, кто хоть как-то отличается от серости остальных. Не было бы Тени, ее бы сожгли за то, что рисует чужие мечты и кошмары, давно бы превратился в горстку пепла Мартен, как изобретатель дурацких механизмов...

— Госпожа! Мартен тут при чем? — вырвавшись из рук Антона, влезла опять Пиона. — И ничего они не дурацкие! Его стрекоза вчера полетела! Вы просто еще не видели...

— Прочь пошла, дура! — вдруг заорала Лидия, отталкивая от себя девушку. — Антон, заberi ee! И сам подожди меня в экипаже.

— Ты уверена? — Антон покосился в мою сторону с сомнением.

— Иди уже! Я скоро буду.

Я отстраненно размышлял, что так взбесило Лидию, что она повысила голос, ее аж перекосило. На моей памяти она редко орала, всего лишь один раз был, когда она... Интересно, неужели опять ревнует?

— Вы, господин пока-еще-инквизитор, скоро лишитесь сана, а ваша Церковь — влияния в этом городе, — она подошла ближе, провела ладонью по моим волосам. — Хотя мне, право, даже жаль, у вас красивые волосы, любая девушка может позавидовать...

Я не сделал ни единой попытки отстранить ее, потому что понимал, что стоит ее коснуться, и меня уже не остановит ни Антон, ни намеренно копающийся в бумагах поверенный, с любопытством косящийся в нашу сторону, ни задержавшийся стражник. Я просто ее задушу, невзирая на последствия.

— Но думаю, что короткая стрижка вам тоже пойдет, — Лидия мечтательно пропустила прядь волос между пальцев, потянулась к лицу, но я уже не выдержал и отвернул голову в

сторону. — Надеюсь, на лице не останется шрама, хотя даже с подпорченной мордашкой вы найдете себе богатую покровительницу. В моем лице.

— Идите уже, госпожа Хризштайн, — мое терпение было на исходе. Бледная и простоволосая, в разорванном и запачканном кровью платье, Лидия вызывала брезгливое отвращение и почему-то жалость, но никак не ужас и страх, хотя бояться ее действительно стоило. — Вы сумасшедшая, но только у вас не умственное помешательство, а нравственное. Вы ведь даже не понимаете, что творите зло. Мне не о чем с вами говорить.

Она замерла, словно споткнувшись. Потом развернулась и молча пошла прочь. Но я знал, что Лидия не уйдет просто так, ей обязательно нужно оставить последнее слово за собой. И я не ошибся.

— Вы ведь так до сих и не догадались, куда Николас дел потроха девиц, да? — она обернулась, стоя в проходе между скамьями, почти у двери. Я молчал. Она все равно скажет. — Ну конечно, вы же не обратили внимания на то, что сказал повар! Он готовил только для клиентов. А куда можно деть свежую требуху в жаркий летний день? Пока она свежая. Особенно, если готовишь для вечно голодных девок. Сам готовишь. На кухне. Вкуснейшую мясную похлебку.

Лидия демонстративно облизнулась, потом расхохоталась, глядя на мое побледневшее лицо, и ушла. Ее смех раздавался гулким звоном у меня в ушах, я отчаянно боролся с подкатившей к горлу тошнотой. Запах еще свежей крови помчика и вывороченных внутренностей стал острее, пропитав насквозь зал судебных заседаний. Я вцепился в скамью и зажмурился, лихорадочно пытаюсь вспомнить хотя бы какую-нибудь молитву. В голове было пусто и темно. Меня кто-то робко тронул за рукав.

— Простите меня, господин инквизитор, — тонкий дрожащий голосок Пионы. — Мне очень жаль, что я поверила про вас...

Она шмыгнула носом, и я открыл глаза, найдя в себе силы просто кивнуть девушке.

— Неужели это правда? Что госпожа вас преследовала? — Пиона покраснела, но продолжала смотреть на меня. В ее темных глазах стоял испуг и притаилось любопытство. — Тогда простите и мою госпожу тоже, ладно? Я думаю, она не со зла, просто когда влюбляешься, то делаешь глупости...

Я неожиданно понял, что теперь уже сам начинаю давиться хохотом.

— Ваша госпожа никого не любит, Пиона. Она в принципе на такое не способна! Идите, догоняйте ее.

Пиона поджала губки и нахмурилась.

— Вы не понимаете! Все равно, не держите на нее зла, пожалуйста!

— Я не держу на нее зла, Пиона. Глупо злиться на... морально ущербного человека. Так же глупо, как злиться на безногого, что у него нет конечности. Вашу госпожу можно только пожалеть, Пиона.

Я наконец остался один. Солнце почти ушло за горизонт, закончился долгий летний день. Как и закончилось мое служение Святому Престолу. Из-под стола вылез пришедший в себя кардинал. Он посмотрел на меня мутными глазами и потянулся к графину.

— Пустой? — равнодушно пробормотал он и тяжело поковылял к столу защиты. — Все, теперь мне точно конец. В лучшем случае, сошлют в такое захолустье, что этот городок столицей покажется... Пошли выпьем, а?

Заметив на рукаве кусочек прилипшего леденца, я даже не удивился, лишь равнодушно смахнул его, потом посмотрел на осоловевшего от духоты толстяка, жадно пьющего воду, и

понял, что хочу напиться до поросячьего визга, до полного отупения мыслей и чувств, лишь бы забыть сегодняшний отвратительный день. Я кивнул кардиналу.

— Пойдемте, ваша святость.

Глава 13. Хризосола

Липкий отвратительный холод пробирался даже сквозь теплое пуховое одеяло. Меня знобило, я чувствовала, как утекают и замерзают последние желания и эмоции. В кресле напротив сидел темноволосый мальчишка, беспечно болтал в воздухе босыми ногами, что не доставали до пола, и сосал мятный леденец. На меня он внимания не обращал, а я пыталась делать вид, что его не существует. Я спрятала голову под подушку, но даже сквозь нее слышала и ощущала его присутствие. Мне вдруг стало казаться, что на самом деле это меня нет. Я растворялась, как написанная другими людьми картина, с меня смывался слой за слоем, личина за личиной, выцветали краски и глохли звуки, чтобы в конце превратиться в белую и тихую пустоту. Тогда я уйду в бездну, где меня уже ждут. Ждет этот маленький мальчик, беззащитный в своем наивном желании оживить мать, ждет бедная старуха, отчаянно жаждущая молодости любой ценой, ждет запуганный подросток, что... Нет!

Я подскочила на постели и запустила подушкой в мару. Мальчишка поднял голову и улыбнулся мне. Его темные глаза притягивали и завораживали. Я бессильно отвернулась и упала обратно на постель.

— Хриз, ты как? — Антон зашел в комнату и присел рядом, поставив на прикроватный столик травяной отвар. — Выпей на ночь и попробуй уснуть, ладно?

— В кресле кто-нибудь есть? — обреченно спросила я.

Он мельком взглянул на кресло и покачал головой.

— Никого там нет. Опять? Вот скажи, зачем ты полезла к колдуну? Ты понимаешь, что могла погибнуть?

— Вот только морали мне не надо читать! — огрызнулась я.

— Да если бы я знал, что ты затеяла, да я бы сам... Сам тебе подлил! Скажи... Ты ведь на самом деле не хотела смерти помчика?

Я заглянула в потемневшие глаза Антона, что затаив дыхание ждал ответа, и задумалась. Он всегда болезненно относился к моим выходкам, искренне полагая, что даже воровать — плохо, а уж убивать... Я покачала головой и честно сказала:

— Нет, Антон, я не планировала его убивать. Смерть помчика мне не выгодна, знаешь ли... — и я почти не лгала, потому что действительно собиралась всего лишь натравить демона на этого мерзавца с целью его покалечить. Но в тот момент, в зале суда, я искренне желала ему смерти, не оглядываясь уже ни на какие политические выгоды. — И ты же помнишь, что я думаю про возмездие? Смерть — слишком милосердная кара для большинства мерзавцев.

Люди всегда верят в то, что хотят поверить, и Антон не был исключением. Он облегченно перевел дух и указал на стакан.

— Пей. Не уйду, пока не выпьешь.

Пока я давилась отваром, Антон разглядывал меня с укором, но молчал. Забрав пустой стакан, он помедлил чуть, потом решился:

— Скажи, Пиона права? Ты действительно влюбилась в инквизитора?

— А ты скажи, глупость Пионы заразна? — со злостью пробормотала я, отворачиваясь на другой бок, чтобы не видеть мару. Но босоногий мальчишка никуда не пропал. Он пересел на подоконник и начал раздражающе водить пальцем по стеклу.

— Я просто не понимаю. Если он тебе так нравится, почему ты его достаем и злишь? Разве не проще... Ты же можешь быть милой, если захочешь, — Антон запутался и замолчал.

— Милой с церковником? Не смей меня. И прекрати нести чушь.

Антон обиженно засопел и пробурчал, что придет ко мне Пиону. Я не успела запретить, потому что он быстро выскользнул за дверь.

Я чувствовала, как поднимается в душе злость и даже была ей рада. Это лучше тупого безразличия, что загоняет в пустоту. Достану красавчика, чего бы мне это ни стоило. Как только его лишат сана, он окажется на улице. Интересно, чем он станет заниматься? Чем бы ни стал, нужно подсуетиться и не дать ему улизнуть из города. Но от сладких картин мести меня отвлекла Пиона.

Она на цыпочках подошла к моей кровати и шепотом спросила:

— Госпожа, вы не спите?

Я видела ее силуэт из-под опущенных ресниц и ощущала, как накатывает раздражение. Она робко присела рядом на кровать, вдруг протянула руку и погладила меня по волосам. Ее ладонь была теплой и пахла хлебом. А жест был таким знакомым, что у меня перехватило дыхание на мгновение, а в следующее черная ярость неудержимой волной стала затапливать сознание. Как она посмела?

— Вам очень больно, да? Вы не расстраивайтесь из-за господина инквизитора, он ведь не может иначе...

— Пошла прочь! — процедила я, стряхивая ее руку. — Не смей ко мне прикасаться!

Девушка кивнула, но не ушла.

— Я вас понимаю... Так тяжело, когда твоя любовь безответна...

Я похолодела. За спиной Пионы возник мальчишка, что глумливо улыбался и игрался ножницами.

— Но такая любовь облагораживает. Вы главное примите свои чувства...

Он смотрел на меня вопросительно, выглядывая из-за пышной юбки Пионы, а ножницы застыли в опасной близости от ее живота. Я закрыла глаза, не в силах смотреть.

— Найдите в себе мужество жить дальше. Слышите? Я буду с вами, я поддержу.

Вдруг вспомнилась дурацкая привычка Кысея прикрывать глаза и шептать молитву. Я начала повторять про себя слова молитвы для изгнания демона. А потом я представила выражение лица своей так называемой безответной любви, когда он будет разглядывать искромсанное тело девушки, и застонала от злости. Эта идиотка опять протянула руку и погладила меня.

— Вы поплачьте. Вам сразу полегчает...

Красавчик побледнеет, и его наверняка стошнит. Потом он загорится праведным гневом на мерзкую убийцу, что зарезала собственную рабыню из прихоти.

— Я вас не брошу. А Мартен... Он милый и добрый, но... Я ему все честно расскажу про себя, как и советовал господин инквизитор...

Я не открывала глаза, гадая, действительно ли со мной все еще говорит Пиона, или болезненный разум подсовывает мне успокаивающую навь вместо ее растерзанного тела. Гневное лицо красавчика возникло из пустоты и сделалось таким реальным, что перехватило дыхание.

— ...И если после того, что он узнает, он все еще захочет жениться, то... Но вас я все равно не брошу!

Последняя фраза явно прозвучала как угроза. Я решила открыть глаза. Пиона, целая и

невредимая, сидела рядом, а мальчишки и след простыл. Ножницы валялись на полу.

— Ножницы подними, — просипела я.

— Что? — недоуменно воззрилась на меня девушка. — Какие ножницы?

— На полу, не видишь разве?

— Нет там ничего, — Пиона приложила губами к моему лбу. — Госпожа, у вас же жар! Боже Единый, я сейчас...

Она испуганно выскочила за дверь. Я сползла с кровати и наклонилась. Мои руки нащупали холодный металл ножниц, я подняла их и положила в ящик комода. Даже если они мой бред, это не значит, что надо их раскидывать, где попало. Взглянула на свое измученное отражение в зеркале и задумалась. Как же мне все это надоело!

Я обшарила подвал, но не нашла, потом сообразила, где она может быть, и отправилась наверх. В комнате инквизитора давно все убрали, но там все еще витал острый лекарственный запах календулы. И чего я церемонилась с красавчиком? Надо было снасильничать, пока он был в моей власти. И пикнуть бы не посмел! Искомое обнаружилось в кресле, я подобрала и отправилась в комнату Мартена.

Приличия ради постучала, но, не дождавшись ответа, толкнула дверь и вошла. Мартен меня не слышал, он увлеченно что-то мастерил за столом. Комната была настолько захламлена разными поделками и всякими инструментами, что я едва не споткнулась. Ничего, Пиона быстро наведет здесь порядок, феноменальная глупость вкупе с таким же выдающимся упрямством — страшное в своей беспрюирышности сочетание.

— Добрый вечер, Мартен.

Парень вздрогнул и повернулся ко мне. У него на лице был странный монокль, что делал его правый глаз преувеличенно большим, словно у диковинного насекомого. На столе перед ним я успела заметить крохотную стрекозу, нагло поблескивающую в свете одинокого газового светильника. На душе сразу стало ужасно тоскливо. Она мне кажется или... Пиона тоже про нее говорила, но я... Как же унижительно чувствовать себя беспомощной перед собственным паскудным воображением!

— Г-г-госпожа, вы что-то хотели? — Мартен вскочил и попытался предложить мне сесть, сметая с кресла механические игрушки прямо на пол.

— Мартен, как вы здесь вообще существуете? Здесь же повернуться негде, — спросила я, присаживаясь на край кресла.

— Я... мне н-н-негде хранить, П-п-пиона разрешила часть оставить у н-н-нее...

Я встряхнула головой и прервала его раздражающее заикание.

— Вы поговорили с отцом о свадьбе? Я хочу знать, меня беспокоит судьба племянницы.

Мартен покраснел и потупился, потом начал мямлить что-то маловразумительное.

— Понятно. Дедушка Иволги желает обеспеченную невесту для своего единственного сына, — насмешливо сказала я. — Ну что же, ладно, я дам за нее приданое. Держите.

И я протянула Мартену старую книгу. Он непонимающе уставился на меня, потом на книгу, осторожно взял ее, перелистал, потом вскинул на меня удивленные глаза.

— Г-г-госпожа! Это же та самая, про к-к-которую г-г-говарил инквизитор?..

— Она. Если ему верить, то стоит она дорого. Надеюсь, у вас хватит ума продать ее выгодно, а не подарить Академии, как тут увещевал все тот же господин инквизитор. Но у меня есть условие, вернее, просьба.

Мартен зачарованно водил пальцами по старинному переплету и обтрепанным

страницам, даже не слушая меня. Господи Единый, как же они меня все достали со своим пиететом перед книгами. Кладезь божественной мудрости, наследие предков, величайшая ценность, редкий экземпляр.

— Чтобы глупость всякую пресечь,

Надо книжки все собрать,

Да сжечь! — пробормотала я про себя любимую шутливую поговорку магистра, но Мартен меня услышал.

Он недоуменно поднял голову и переспросил:

— Что?

— Ничего. Мартен, у меня будет к вам просьба. Моя племянница, она... Как бы помягче выразиться, слишком экзальтированная молодая особа, со странными фантазиями. Начиталась всяких глупостей. Иногда воображает невесть что. Вот сейчас она вообразила, что... Стыдно сказать, вообразила, что она — падшая женщина. Поэтому прошу вас, когда она явится к вам и начнет нести чушь про себя, вы ее не слушайте, ладно? Ну это же смешно, право дело! Какая из нее порочная грешница, если она краснеет от одного неприличного словца! Просто скажите, что все знаете, что прощаете и готовы принять со всеми ее грехами.

Мартен смотрел на меня со странным выражением. Я поторопилась подкрепить свою ложь убедительными подробностями.

— Думаю, это все влияние господина инквизитора. Мне даже кажется, что она немного в него влюбилась, поэтому такие дикие фантазии про собственную порочность. Если спросит, откуда вы все знаете, то скажите... Скажите, что господин инквизитор вам рассказал, отговаривал жениться, но вы... Вы же не передумали, Мартен?

Парень застыл, потом покачал головой и протянул мне книгу обратно.

— Возьмите, г-г-госпожа Хризштайн. Я не б-б-буду лгать П-п-пионе про инквизитора.

— Ну разве это ложь? — попыталась я образумить упрянца.

Мартен как-то ссутулился и поник, потом тихо ответил:

— Я знаю п-п-правду про П-п-пиону. Что она не в-в-ваша племянница. Что в-в-вы ее спасли из... — он густо покраснел, что было заметно даже в полумраке. — В-в-вы и так сделали м-м-много... Не к-к-каждый даст с-с-свободу рабыне. Я не вправе п-п-принять к-к-книгу...

У меня в глазах потемнело от злости. И когда же Пиона успела? Она же вроде побежала готовить мне компресс или заваривать какую-нибудь гадость от жара. Неужели по дороге заглянула к Мартену и успела... Нет, это маловероятно. Тогда откуда? Инквизитор? Намеренно — вряд ли, на него не похоже, но вот по глупости мог сболтнуть.

— Откуда вы узнали, Мартен?

— В п-п-пекарню п-п-приходила г-г-госпожа Розмари, она с-с-спросила п-п-про рыжую р-р-рабыню, что вы у нее к-к-ку...

— Понятно, — оборвала я парня, который волновался больше обычного. Ну ничего, госпожа сводня, с вами я еще сочтусь, потом как-нибудь. — Мартен, если вы собираетесь выторговать лучшее приданое, то не старайтесь...

Мартен яростно замотал головой.

— Нет! Вы м-м-меня не п-п-поняли!

— Что же тут непонятного? Да, я готова заплатить, чтобы вы женились на порченой девице, но уверяю вас...

— Да нет же! — парень уже был в отчаянии, а я упорно делала вид, что не понимаю.

— Что нет? Даже щедрый дар вас не прельщает? Не хотите позора?

— Я женюсь на П-п-пионе! — завопил Мартен. — Без п-п-приданого!

— Зачем же без приданого. Я хочу быть уверенной, что в случае чего, вы не сможете ее упрекнуть хотя бы в этом...

— Я люблю П-п-пиону! Мне все р-р-равно, что...

— Мартен, я не привыкла менять свои решения. Считайте мой подарок будущим вложением в вашу пекарню, ведь Пиона вам с ней помогает? Так что не вздумайте отказаться. И не думайте, что я шутила, когда говорила про инквизитора. Вам лучше его остерегаться. Вы же не хотите, чтобы она сдуру решила вслед за ним уйти в монастырь? Эта глупышка вполне может...

Я насильно сунула книгу в руки Мартену, едва не плачущему от собственного бессилия объяснить в своих светлых и искренних чувствах.

— Свадьбу можно будет сыграть ближе к осени, думаю, к концу сентября как раз успеем. Спокойно ночи, Мартен.

Я захлопнула за собой дверь и подумала, что скоро разорюсь на поручениях Отшельнику. А ведь еще надо узнать про помчика Жаунеску...

Глава 14. Инквизитор Тиффано

Я пришпорил коня, глотая дорожную пыль и понимая, что безнадежно опоздал.

После кровавой трагедии в зале суда, на следующее утро было созвано внеочередное заседание городского совета. Я принес официальные извинения воягу Хмельницкому от имени Святого Престола за то, что допустил смерть его вельможи. Помчик Прошицкий скончался ночью от полученных ран, не приходя в сознание. Вопреки моим ожиданиям, отец Валуа не поднял вопрос о моем извержении из сана, лишь наложил суровую епитимью, а вояг Хмельницкий оставил за мной право голоса в городском совете. Если поначалу я недоумевал и просто тихо радовался, что не придется оставлять лоно Церкви, то потом осознал, что оба интригана решили оставить меня в качестве мальчика для битья. Вояг заявил, что я — единственный честный церковник, хоть и посмевавшийся нагло приказывать ему, но которому он может доверять. Отец Валуа, когда объявлял решение ордена Пяти, кривился так, словно всю ночь жевал лимон вместе с болотной ягодой. Он рекомендовал мне прекратить всяческие отношения с Лидией Хризшгайн, если в следующий раз не хочу вместе с ней оказаться за решеткой.

Крутой поворот горной дороги, и я выскочил почти на обрыв, едва успев дернуть за узду и осадить коня. Мелкие камни из-под копыт жеребца улетели в пропасть, заставив похолодеть. Где же эта клятая дорога? Узкая тропинка вилась в камнях, уходя вниз по неприметному и довольно крутому спуску. Я успокаивающе похлопал коня по загривку и направил его вниз.

Николас Иптискайте был доставлен в лечебницу при Академии, но в себя так и не пришел. Он открыл глаза, но его взгляд оставался пустым, словно душа Агнесс и демон покинули его навсегда. Его пытались поить и кормить, но особо не усердствовали. Лишь несчастная старуха Матильда приходила каждый день и справлялась о его здоровье. В свидании ей отказывали, пока однажды на жаре ей не стало плохо с сердцем. После ее не было видно, а Николас спустя два дня умер от истощения. После его смерти было вынесено решение суда, в котором его признали виновным в колдовстве. Имя помчика никак не упоминалось.

Тропинка наконец вывела меня в маленькую цветущую долину, питаемую от небольшой горной речушки. Большая ее часть была изрезана аккуратными рядами виноградных плантаций, что наполняли тяжелый летний воздух пьянящим сладким ароматом. Поместье из светлого камня в лучах закатного солнца окрасилось в винные оттенки. Тревожно забило сердце.

Еще старый поверенный неожиданно оказался прав. Я действительно стал героем, помимо своей воли. Если после приговора грибной колдунье обо мне просто иногда судачили, то после страшной трагедии в зале суда меня стали узнавать на улице. Стараниями некоторых пронырливых газетчиков, что не только разнесли весть о кровавой драме, но и

дали в газету довольно неудачный, сочащийся пафосом рисунок с моим портретом, я стал местной знаменитостью. Это раздражало и доставляло множество неудобств. Один трактирщик, исполненный раболепия перед новоявленным демоноборцем, даже затащил меня к себе и угостил бесплатным обедом. Довольно вкусным, но только после него я слег на неделю с жесточайшим расстройством желудка. Поскольку вояг Хмельницкий лишился голоса помчика Прошицкого в совете, его голос временно перешел ко мне. И поэтому такая неожиданная напасть со здоровьем все равно не избавила меня от необходимости присутствовать на заседаниях, выматывая последние нервы и силы. Слабость до сих пор еще не прошла, с меня градом катился пот, а зрение начинало туманиться.

Но все равно я видел, что поместье заполнено людьми. Это были наемные крестьяне, что деловито суетились, паковали и выносили вещи. Неужели опоздал? Отчаяние затопило душу. Я обязан был предотвратить, ведь Лидия не скрываясь объявила, что доберется до помчика. Помчика Жаунеску. Но я предпочел игнорировать это обстоятельство, с головой уйдя в решение церковных вопросов и радуясь, что она затихла. Как затихает вредный ребенок, что готовит очередную пакость. А теперь уже должно быть поздно...

Я спешил с коня и бегом бросился к дому. Уже на подходе я сразу заметил Лидию на веранде дома. Ее трудно было не узнать. Тошая фигура в темном платье с пышной белокурой копной волос бросалась в глаза, невольно напоминая диковинную птицу, что падальщиком высматривает поживу. Я ускорил шаг, наблюдая с отчаянием, как Лидия что-то скомандовал одному из наемных работников, и на лице прикованного к креслу старца появился ужас.

— Что здесь происходит? — я взлетел по ступенькам и бросился к Лидии.

Она неторопливо повернулась ко мне, смерила пустым равнодушным взглядом и спокойно ответила:

— Разбираюсь со своим имуществом. И я вас сюда не приглашала, господин инквизитор.

Я перевел взгляд на убеленного годами старика, чей взгляд застыл на Лидии, а рядом с ним сгрудились его многочисленные домочадцы со своими пожитками. Слава Единому, что помчик Жаунеску жив, потому что я уже и не чаял...

— Чего застыли? — прикрикнула Лидия на рабочих. — Приступайте!

— Но госпожа... — загорелый здоровяк почесал затылок. — Это ж вина то сколько пропадет!..

— Я вам за что плачу? Или мне нанять других, поговорчивей? — Лидия угрожающе прищурилась, и длинные тени от ресниц сделали ее глаза еще безумней.

— Госпожа, прошу вас, не надо! Сжальтесь, не трогайте плантацию! Ведь еще мой дед привез сюда первый саженец... — в глазах старца появились слезы.

— Сжечь здесь все, — отдельно и четко скомандовала Лидия.

Я хотел схватить ее за плечи и хорошенько встряхнуть, но прикасаться к этому чудовищу в женском обличье было и страшно, и противно. Вместо этого я заступил ей путь.

— Вы что творите? — теперь я вспомнил, почему имя помчика показалось мне знакомым. Так назывался особый сорт винограда "Жаунеску", что использовался в изготовлении дорогого вина, подаваемого к столу князя и идущего на продажу в другие княжества. — Вы не посмеете уничтожить...

— Посмею! — скривилась она, отстраняя меня с дороги. — Это поместье теперь мое. И я могу сделать с ним все, что пожелаю!

— Вы обманом его получили! — чуть не плача, промямлил дородный мужчина с безвольным лицом.

— Нет, — улыбнулась Лидия. — Вы сами проиграли отцовское поместье. Я всего лишь выкупила остальные векселя и закладные. И почему вы до сих пор здесь? Убирайтесь отсюда. Хотя... можете остаться посмотреть, как будет гореть ваша плантация...

Я похолодел от ужаса.

— Пойдите! — крикнул я крестьянину, что уже был готов поджечь беззащитную виноградную лозу. Он охотно опустил факел. — Госпожа Хризшгайн, так нельзя...

— Убирайтесь.

— Я понимаю, что вы хотите наказать помщика за то, что он сделал. И даже понимаю вас, хотя по прежнему считаю, что никто не в праве судить, кроме Единого...

— Заткнитесь. Чего застыл? Поджигай!

Я не выдержал и схватил ее за плечи, разворачивая к себе.

— Пожалуйста, дайте мне договорить. За что сейчас наказываете остальных? Ведь вы их выгоняете из родного дома. Его семью за что? Они в чем виноваты перед вами? А в чем виноват виноград? Ведь варварство — уничтожать то, что было выведено долгими годами трудов и больше нигде не растет!

Лидия фыркнула и оттолкнула меня, освобождаясь из захвата. Потом кивнула на безмятежную долину.

— Посмотрите туда, господин инквизитор. Правда, красиво? Смотрите внимательно, Кысей. Запомните этот чудесный пейзаж. Потому уже через несколько часов здесь ничего не будет. Останется лишь выжженная земля. Камня на камне не оставлю. Знаете, мне правда жаль, что помщик Прошицкий сдох. Я бы предпочла, чтобы он жил, покалеченный и изуродованный демоном. Но увя. Ему досталась милосердная кара в виде смерти. А вот этому мерзавцу так не повезет, уверяю вас. Я заставлю его жить, чтобы видеть, как его выпестованный виноград, его любимое детище, съезживается и исчезает в огне. Я заставлю его жить в нищете, на улице, лишённого благополучия и респектабельности, заставлю его семью бедствовать и все глубже увязать в долгах. Я искренне надеюсь, что он доживет до того момента, когда они докатятся до долговой ямы, а потом их продадут в рабство...

Я ошеломленно смотрел на ее лицо, искаженное ненавистью и безумием.

— Прекратите! Вы с ума сошли от злобы!..

— Я сошла с ума давно, господин инквизитор, — рассмеялась Лидия, и закатное солнце отразилось в ее светлых глазах багровым заревом.

— Зачем вы обрекаете на нищету и гибель его детей? Они же не отвечают за грехи отца!

— Еще как отвечают. Зажигайте уже! Сколько уже можно ждать!

Здоровяк медлил, с надеждой глядя на меня, старик в кресле вдруг всхлипнул и задышал тяжело. Маленький мальчик стиснул игрушечного зайку и уткнулся лицом в юбку матери. Девочка постарше, лет пятнадцати, сложила руки в молитвенном жесте и бросилась на колени перед Лидией. В ее огромных синих глазах стояли слезы.

— Госпожа, прошу вас, не губите!

Лидия безразлично смотрела на несчастную, словно на грязь у себя под ногами. Я не могу допустить еще одной трагедии и сломанных жизней по вине этого монстра. Я успел перехватить ее руку, когда она замахнулась на бедную девочку.

— Давайте договоримся, — выдавил я из себя сквозь зубы. — Прошу вас. Что вы

хотите?

Лидия прошипела:

— Отпустите! — и дернула рукой, но я крепко сжал ее тонкое запястье, как будто желая его и вовсе раздавить. — Какое вам дело до этих людей!

— Я уже раз допустил, что вы подставили невинного...

— Это помчик Прошицкий невинный? — Лидия опять расхохоталась, пытаюсь освободиться из моей хватки. — Не смешите! И я его не подставляла, кстати...

— Что? — от неожиданности я ослабил хватку, и она вырвалась. Я недоумевал, зачем ей сейчас врать. Хотя для нее солгать не стоило никакого труда, и делала она это мастерски, но странным образом, я не помнил, чтобы она часто лгала, по крайней мере, мне. Зачастую просто умалчивая или заставляя думать совсем другое, что подразумевалось, искажая смысл или играя словами... — Что значит не вы? А кто ему подбросил окровавленную вышивку?

Лидия с досадой растирала запястье, смотря на меня с откровенной жалостью.

— Какой же вы болван, господин инквизитор. Думать не пытались? Кому это было выгодно, у кого был свободный доступ к вышивке, у кого была возможность подсунуть помчику ее в карман прямо на месте, и почему, демон раздери, там опять так удачно оказался капитан, а?

— Сводня... — прошептал я.

— Неужели дошло наконец? Признаться честно, она мне здорово помогла в этом. Я даже пожалуй не буду сводить с ней счеты за...

— Хватит! — я оборвал ее. Мне было стыдно за то, что обвинил в этом Лидию, но одновременно стало легче, может быть, я все-таки смогу достучаться до остатков человечности в ее душе. — Найдите в себе хотя бы каплю милосердия и оставьте в покое эту семью. Я могу предъявить помчику обвинение в доведении до колдовства, и...

— Нет, — покачала головой Лидия. — Вы ничего не можете, господин инквизитор. Так что убирайтесь отсюда. Я все равно вышвырну их на улицу и сожгу здесь все дотла.

— Пожалуйста, я прошу вас... — сердце обливалось кровью, когда я смотрел на несчастную семью, сбившуюся в плотное кольцо. Господи Единый, прости меня за то, что делаю! — Думаю, что смогу предложить вам то, от чего вы не сможете отказаться.

— Неужели вы готовы отречься от сана и пойти ко мне в содержанцы? — пошло подмигнула мне Лидия. — Спасибо, но нет. Я и так могу...

— Нет, — спокойно сказал я, осознавая, как легко стало на душе, когда решение уже принято. Другое. Вы оставляете семью помчика в покое и не трогаете плантацию, а взамен...

Я оглянулся на несчастных, что ловили каждое мое слово, затаив дыхание. Подтянул к себе Лидию так близко, что почувствовал цветочных запах от ее волос.

— Отпустите! От вас воняет! — она попыталась меня отстранить, толкнув в грудь.

— ... Взамен я скажу, на каком языке написан Завет, — прошептал ей на ухо.

Она замерла, потом заглянула мне в глаза, задумчиво прищурилась, любопытство в ней боролось со злостью. А я неожиданно ужаснулся тому, что до сих пор ее близость вызывает во мне порочные мысли. Как можно желать это безобразное чудовище, что губит людей без капли сомнения, что радуется чужой боли и смерти... Тошнота подкатила к горлу, стоило лишь вспомнить заседание суда.

— Нет, — вдруг сказала Лидия. — Я вам не верю, господин инквизитор. Вы в последнее время неплохо научились врать.

На секунду я растерялся и устыдился, ведь действительно ее обманывал, но... Демон раздери, кто бы обвинял меня во вранье!

— Я клянусь Единым, — тихо сказал я, отпуская ее наконец от себя. — Эту клятву не нарушит ни один церковник.

— Вашим братьям в вере давно нет веры, уж простите за каламбур, — Лидия помолчала немного, продолжая разглядывать меня. — Но вам я, пожалуй, в этом случае могу поверить.

— Госпожа, так что? Мы закончили? — крестьянин покосился на остальных, что давно уже вынесли все ценные вещи из поместья и упаковали их в грузовой экипаж.

— Подождете! — резко ответила Лидия. Она приблизилась ко мне, протянула руку, запустила ее в мои волосы. Я дернулся, пытаюсь отстраниться, прикосновение ее холодных пальцев было неприятным. Сейчас Лидия вызывала лишь омерзение.

— Не дергайтесь, господин инквизитор, — она нахально улыбнулась. — Если хотите договориться, придется потерпеть. Ведь это такая малость, чуть-чуть потерпеть меня, верно?

Она привстала на цыпочки, и я почувствовал ее горячее дыхание у себя на шее.

— Говорите. Что за язык?

— А какие у меня гарантии, что вы сдержите обещание? — просипел я, стараясь не глядеть на нее.

— Только мое слово, господин инквизитор. Придется вам рискнуть. Я не трону плантацию и не оставлю без крова помчика и его семью. Довольны? В отличие от ваших товаров, я всегда держу слово. Кроме того...

Она не договорила, и я нахмурился.

— Кроме того что?

— Не важно. Говорите, я жду. А то ведь могу передумать. И не дай вам боже Единый меня обмануть. Кровью умоетесь.

Я тяжело сглотнул. Прости меня, господи Единый, это не ложь, просто... И она все равно никогда не узнает, что Завет...

— Вижьенер. На нем составлен Завет, — шепнул я и отстранился наконец от нее.

Она постояла чуть, потом кивнула.

— Они могут остаться в поместье. Пока я не найду на него покупателей. А потом пусть убираются отсюда. Если не ошибаюсь, у них осталась еще в собственности лесная хижина где-то высоко в горах. А что будет с плантацией... Пусть решает новый владелец.

Лидия кивком головы отпустила рабочих, потом перевела тяжелый взгляд на меня.

— Кроме того... — начала она, и у меня от дурного предчувствия заныло в желудке. — Я не смогла отказать себе в удовольствии полюбоваться выражением вашего лица, господин инквизитор...

Она снова приблизилась, взяла меня под руку, я не посмел даже вырваться, моля в душе Единого, чтобы она быстрее убралась отсюда. Отсюда и из моей жизни. Навсегда.

— Посмотрите на это милое семейство. Наслаждаетесь ролью благодетеля-спасителя? Ну так я вам немного подпорчу удовольствие, — она говорила очень тихо, зло и устало. — Как вы там сказали? Дети не в ответе за грехи родителей? Правда? Посмотрите на этого благочестивого старца, что сорок лет назад разрушил жизни Николаса и его матери. Это он породил на свет страшное чудовище, мальчика-колдуна, но думаете, он этим ограничился? Нет. Я наводила справки, только по официальным выпискам из архива соседнего городка, в нем за последние двадцать лет погибли или пропали... знаете сколько шлюх? Семьдесят

шесть девушек. И это только те, о которых заявили.

Я попытался возразить, но ее ладонь легла мне на губы. Я стиснул зубы и промолчал.

— Единожды совершив зло и оставшись безнаказанным, человек будет творить его вновь и вновь. Слишком велик соблазн. Я точно знаю, что он избивал и калечил девушек. А вот эта тихая женщина рядом с ним, его жена, ее он тоже бил. А она молчала. Молчала из страха или нежелания потерять такую привычную жизнь богатой знатной помчицы. А еще она видела, что он приходит после борделя в окровавленных рубашках, с истертыми кулаками, но ее он наверняка после своих вылазок не бил. И она продолжала молчать, радуясь, что досталось не ей. Хотя ее слово могло спасти кому-то жизнь. А знаете, что самое смешное?

Лидия зло хохотнула, и я оттолкнул ее руку от себя. Было очень душно, несмотря на то, что солнце уже почти скрылось за горами.

— Кроме сына, вон того толстяка с обвисшими щеками, что проигрался в пух и прах, что демону душу продаст, лишь бы вновь сесть за карточный стол, была еще дочь. Знаете, что с ней случилось? Что могло случиться с милой девочкой, отец которой похотливый извращенец? Местный лекарь проговорился, что девчонка умерла из-за ранних родов. Знаете, сколько ей было? Тринадцать. А ее матушка наверняка все знала, знала, зачем папочка идет каждую ночь в комнату дочурки. Поцеловать на ночь. И не только. Но опять молчала, надеясь, наверное, что все образуется само собой. А когда бедняжка отмучалась, небось вздохнула с облегчением. Сыночек оказался таким же безвольным тьюфяком, в мамочку пошел, а вот жениться его угораздило на настоящей мегере. Вон стоит. Вы знаете, что вся прислуга разбежалась, стоило мне появиться на пороге и объявить об их банкротстве? Она нещадно издевалась над всеми, садистка, что вполне достойна своего свекра, право дело...

Лидия перевела дух, и я покачал головой. Она пытается оправдать собственное зло, очерняя других?

— А та девчонка, что мне под ноги кинулась, внучка помчика. Такое невинное прелестное дитя, правда? Она вам нравится, господин инквизитор? — Лидия опять заглянула мне в глаза, пытливо дожидаясь моей реакции. Я упорно молчал, не желая ее лишней раз провоцировать. — В дедулю пошла девочка. Самое смешное, что папочка ее уже продал, за карточные долги, правда, продал дорого, как девственницу. То-то смеху будет, когда всплывет правда про то, что она спит с кем попало. Мне только интересно, дедуля совратил внучку, или внучка дедулю?

Мое терпение иссякло.

— Довольно гадостей! Или маленький мальчик тоже в чем-то виноват? Какую гнусность вы придумаете для него?

— Мальчик? — протянула задумчиво Лидия. — А знаете, у него был шанс вырасти нормальным, пусть в нищете или в рабстве, пусть небольшой, но был. А вы его лишили. Или вы правда думаете, что в такой семье он может остаться нормальным? Кто знает, возможно, злая шутка Единого когда-нибудь в будущем вас сведет, и вам придется отправить его на костер уже как колдуна, в очередной раз сокрушаясь, что не успели... Не успели предотвратить чью-то смерть. Прощайте, господин инквизитор.

Лидия потрепала меня по плечу и ушла, оставив за собой выжженную пустоту, как и обещала. Пустоту в моей душе.

Я не хотел верить в ее слова, встряхнул головой, поднялся по ступенькам террасы и подошел к несчастным.

— Вы можете остаться здесь, пока поместье не продадут. Плантацию трогать не будут.

В глазах старика отразилось бесконечное облегчение, он перевел дух, потом нахмурился и требовательно спросил:

— Почему это продадут? Это мое поместье, я не собираюсь никуда отсюда!..

— Она обманом завладела!..

— Да как она посмела, нищобродка, являться сюда и указывать нам!..

— Хамка и простолюдинка!..

Они загалдели все разом, и мне вдруг сделалось страшно. На их лицах не было раскаяния или стыда за то, что совершил их глава, лишь раздражение, высокомерие, досада. Девочка мне улыбнулась, но теперь я, отравленный циничным ядом Лидии, видел в ее улыбке лишь похотливый намек. Я отступил, поклонился и поторопился уйти от них.

Поправляя седло, я не удержался и спросил припозднившегося крестьянина, что с облегчением складывал свои нехитрые пожитки.

— Вы рады, что не пришлось?.. — и указал на плантацию, расцвеченную лучами умирающего за горной крядой солнца.

Рабочий пожал плечами, потом кивнул головой.

— Винограда жаль, да. Чудо как хорош, хотя нам и запрещено было его даже пробовать. А этих... — он пренебрежительно махнул в сторону поместья рукой. — Паскуды они. Вот за них вы зря вступились, святой отец.

— Инквизитор, — по привычке поправил я.

— Простите, — буркнул рабочий, потом хитро мне подмигнул, воровато оглянулся на опустевшую веранду. — Давайте, а?

Он полез к виноградной лозе и сорвал крупную гроздь с иссиня-черными и очень крупными ягодами. Сладкий аромат вдруг показался мне тошнотворным, желудок неприятно скрутило. Я попытался отказаться, но он взял мою ладонь и силком сунул мне несколько ягод.

— Пробуйте. Как знать, может последний в этом году. Скоро собрать должны.

Я в нерешительности поднес одну ягоду ко рту. Абсолютно круглая, с нежной кожицей, она источала пьянящий запах. Я раскусил ягоду, чувствуя, как рот наполняет терпкой сочной сладостью, что начинает обжигать нёбо и сводить скулы. Я никогда не пробовал вино "Жаунеску", хотя много слышал о нем. Солнце село за горизонт, и долина погрузилась в вечернюю прохладу. На душе было также темно и холодно. Я взглянул на руку, на раздавленные ягоды, чей сок стекал темным ручейком по пальцам, и перевел взгляд на поместье, чувствуя, как сладкая отравка разъедает не только тело, но и душу.

Конец второй книги.

Больше книг на сайте - Knigolub.net